Куповна. 5 / 382. Шк
ПЕ 31
Ол

Петра Стојадиновића
ген. директора Заставе ј.д.
у Новом Саду
5. IV. 1923.

Робїнзонѣ у одѣянїю.

D 647
БИБЛИОТЕКА
И. Бр. 53 912

ЖИВОТЪ
И
ЧРЕЗВЫЧАЙНА ПРИКЛЮЧЕНЇЯ
СЛАВНАГО АНГЛЕЗА
РОБІНЗОНА
КРУССЕ
ОТЪ
ІОРКА
СОБСТВЕННОМЪ РУКОМЪ
НѢГОВОМЪ СПИСАННА.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

ЦЕНТРАЛНА БИБЛИОТЕКА

Изъ Нѣмецкаго Н. Лазаревичемъ преведенна.

ВЪ БУДИМѢ
Печатана писмены Кралевск. Всеучилища
1799.

Полно увѣренъ, што ты благоразсудни Читашелю отвеличине Книге ове уплашитисе нећешъ; таковую до конца прочитати, кое воистинну и труда заслужава. Сви Европейски Народи и данасъ Книгу ову съ великимъ услажденіемъ читаютъ, и обще разширена похвала нѣйзина преходитъ отъ отца на сына, отъ сына на унука и тако отъ рода въ родъ.

Овде хоћешъ наћи све сами порядокъ чудесъ провидѣнія Небесногъ, кои не само штоће тебе отмѣнно увеселити, и благоразумно сердце твое рѣкомъ сладости, него іошть и самому вѣчному существу тебе ближе привести. —

Видећешъ далѣ, тко съ случаи свѣта овога управля, кое э тебе истина и досадъ познато было, али можетъ быти,

)(не

не овако ясно, како штоћешь у дивной повѣсти овой читати.

Знамъ добро, како штосе отъ благоразсудности твое и очекивати можетъ; да ты прехвалнога *Робинзона* перво: аки страдалца; второ: аки истинаго Пустиника разсмотравати будешъ. Писатели Нѣмецки нису до то доба престали, докле годъ нису прави нѣговомъ собственомъ рукомъ списани *Оригинали* у кралѣвской *Англійской* Библіотеки изнашли, и неотложнимъ трудомъ у чистоћу свога Языка довели.

Я отъ стране мое несматраюћи нато нимало, штоће преводъ Книжице ове, као што э обыкновено, общой Критики подложанъ быти; труда отнюдь щадіо нисамъ народни Языкъ мой съ сдномъ странномъ и воистинну примѣчанія достойномъ повѣсти аки криномъ украсити: и желіобы и унапредакъ, и баш доконца жизни мое у дѣлу оваковому себе упражняваши, и коликобы годъ крѣпости Разума и сила мнѣнія мога досегнути могла, изъ найкрасныихъ *Ауторово* и писателей Нѣмецкихъ, отъ годъ до годъ баремъ съ двема новима Книгама Матерни Языкъ мой украсити. Истина да вѣкъ садашни, тако да рекнемъ: доволно съ просвѣщеномъ разними Языцы украшеномъ Юности, као какова лепа башча съ разними цвѣти украшена есть; али тога ради неваля опетъ ову нашу истину, и многихъ иныхъ Языковъ Матеръ тако презыраши; него валя да ніойзи опетъ нове халине скроимо, и примѣру другихъ просвѣщеныхъ Народовъ слѣдуемо, све учити, али Народню свѣщу свою угасити недопустити. И то мыслити неваля, да я преводъ овай не бы у состоянію біо, и како мыслимъ, іошть лакше вышимъ штилусомъ сочинити, алисамъ отъ племенитодушнаго Книге ове Фунтора произволенію ню просто, дабы свашко све ясно разумѣвати могао, къ тому обвязанъ біо, овако просто составити, кос како што мыслимъ, и више обще похвале заслужити можетъ. Желити бы было, дабы башча Славено-Сербска съ выше оваковыхъ Народолюбцевъ насаждена была,

кои

кои бы, примѣру нѣговому подражавали и языкъ свой съ красними моралъ и увеселеніе простирающими Книгами украшавати непрестали.

Преводичъ.

БЛАГОРОДНОМУ
ГОСПОДИНУ
ПЕТРУ
ОТЪ
АСІМАРКОВИЧЬ
ЖИТЕЛЮ БУДИМСКОМУ,
МОЕМУ
ВЫСОКОПОЧИТАЕМОМУ
БЛАГОДѢТЕЛЮ.

БЛАГОРОДНЫЙ
ГОСПОДИНЕ,
МНѢ
ВЫСОКОПОЧИТАЕМЫЙ БЛАГОДѢТЕЛЮ!

Ево данасъ найблагощастный и найрадостный данъ, когасамъ я текаръ еданъ кратъ у цѢлому самомъ бѢдомъ, и разними противними случаи обтереѣеномъ животу моему доживїо, и кадъ небы мене чрезъ овыхъ полныхъ 7^мъ лѢтъ Ваша свудъ простирающа помощь, и благодѢтелна десница непреривно защищавала, и овако великодушно у свакому противному случаю укрѢплявала, я бы воиспинну на овой пучини страшнаго Океана вечь давно нѢговими яростними таласми погруженъ био! Разсмотраваюѣи *РОБІНЗОНА* аки великаго страдалца купно и пустинника, и

видеѣи

видећи да їошть и већи страдалцевъ на свѣту есть него штосамъ я; имаосамъ велику волю нѣга, да бы съ тимъ и моимъ утѣсненіямъ облегчаніе учиніо, на Славено-Сербскій языкъ превести, и великодушному имени Вашему посвятити; ербое рѣдко наћи было, кто бы 1500 форінтовъ на общу ползу ову тако радосно жертвовао; како штосте Вы племенитодушный благодѣтелю! кадсамъ Вамъ первый предлогъ за книгу ову учиніо, драговолно жертвовали мени овако говорећи: „ Могу-
„ ли я ползу, или поне увеселеніе
„ каково любимому роду моему
„ учини-
„ учинити, ако я преводъ книге
„ пакове собственнымъ трошкомъ
„ моимъ на свѣтъ издадемъ; на
„ мой Вамъ познани отговоръ ве-
„ ликодушно рекли: не само 1500
„ форінтовъ, него їошть и све
„ имѣніе мое у свакому случаю за
„ ползу рода Сербскаго жертвова-
„ ти готовъ есмь. “ О похвали вѣчныя достойный примѣре! О драгоцѣнна рѣдкости вѣка сего! И скоробысамъ быо, кадсамъ већь испину ову исполнену видѣо, чувствомъ радости преобладанъ у обморокъ пао, кадсте Вы къ мени дошли, и у самой златной монети 1500 форінтовъ аки чисту жертву
народу

народу нашему принели, и мени за трудъ мой 300 готовыхъ форінтовъ опъ тихъ отброили; съ тимъ прилогомъ патріотическомъ любовію упалѣни мени говорили: іошпъ и то хоћу да буде, да Вы изъ старога Орігінала оныхъ 7^мъ образцовъ овога пустинника изсѣћи дадете, да іошпъ и съ тимъ Славено-Сербскій *РОБІНЗОНЪ* аки невѣста вѣнцемъ украшенъ будетъ.

Гдѣ э то право Сербско сердце, кое овде не бы чувствомъ сладости упоено бисеръ радости изъ очію испустило? слушаюћи овакове племенитодушне рѣчи, кое самаго Демокрита Аѳинскаго застыдяваю!

Овде

Овде свакому ревнителному патріоту перси опъ радости валя да играю; и я Васъ великодушный благодѣтелю! полно увѣрити могу: да Вы опъ цѣлаго нашего славнаго народа Вашему племенитому духу умѣренную похвалу задобити будете. Высте у свима мени и обще познанымъ явнымъ способамъ, гдѣ э обще добро помощь какову изискивало, первый къ жертвованію готови были. Я воистинну онаго великодушнаго и рѣдкаго благодѣтелства, коесте Вы кромѣ другихъ способовъ како своей единовѣрнѣй нищей учащейся юности, тако исто и Римо-каѳолїческой, не само

къ

къ науки изискуемымъ вещма, него їошть и разнымъ потребнымъ одѣянїемъ радостно чинили, и таковую снабдѣвали, аки чувствителна душа безъ пролитїя слезъ опоменутисе не могу!

Овосу драгоцѣннїи и свѣтлїи, овосу великодушнїи поступцы, коису Ваше древле кровїю заслуженое благородство на ново осведочили, и таковое отъ самыхъ лорберовъ исплетенимъ вѣнцемъ предъ Богомъ и человѣки украсили! и мыслимъ да овакове сїятелне добродѣтели, као штосу ове Ваше, нећеду безъ краснаго награжденїя остапи, и Ваша Мати Фортуна, коя э доса-

э досадъ точїю съ едномъ Факлїомъ предъ Вами свѣтлила, бытиће сада принуждена две упалипи и у напредакъ Вашему прехвалному, и до самыхъ облаковъ превознесенному духу їошть ясніе свѣтлипи! а я истину да рекнемъ, да э праведно и достойно, да она десять а не само две упалитъ; ербо какова э полза свѣту и человѣчеству, ако бы Мїдасъ *) нечувственный, како што явни примѣра доволно предъ очима видимо, и мїлїоне имао, а отъ ныхъ ни новчића просяку прегорети не можетъ, а камоли дабы онъ за об-

ще

*) Нѣкій древный сребролюбацъ кои э отъ Боговъ за свою глупость магареће уши добіо.

ще добро и славу народа свога што-
годъ жертвовао! али нека Мїдасъ
съ онымъ цвећемъ, съ коимсу нѣга
Богови мудрости и добродѣтели
нѣгове ради накитили, свагда као
Мїдасъ украшенъ останетъ, доброе
познато, кудаће онъ съ Наслѣдницы
своими поћи, и предъ ныма съ зла-
тномъ сикиромъ путъ къ Плуто-
ну крчити! али садъ дасе већь ма-
немъ овога славнога мужа — него
да уведемъ истинно слово языковъ
учителя Павла Апостола, кои ясно
говоритъ: Да звѣзда отъ звѣзды,
како што и явно на тверди небес-
нѣй видимо, во славѣ разнствуетъ;
онъ истина овде о воскресенїю
мер-

мертвыхъ бесѣди, а я ово нѣгово
слово безъ сумнѣ и у примѣръ жи-
выхъ узети могу; ербосу они разн-
ствене звѣзде на земли, кои ме-
жду человѣчествомъ добродѣтелїю
сїяютъ, и судећи нравно, да сви они,
коису овога свѣта добро чинити
могли, али хотѣли нису, неће во-
истинну ни онога звѣзда нына сїя-
ти, него їоштъ и оно мало свѣтло-
сти, што э имала, бытиће отъ нѣ
отузето и она вѣчно помрачена
остати!

Немыслите великодушный
Господине! да овде искренный
обитатель персѣхъ моихъ, кога
више на овомъ суетномъ свѣту,
ни-

ништо ни опечалити, нити развеселити можетъ, изъ каковаго ласкателнаго намѣренія говори, него башъ све саму и чисту истину исповѣда.

А што э Вашему племенитому сердцу найкраснію и вѣчную честь учинило, есть то, што э и мой духъ чувствомъ сладости упоило, и истину да рекнемъ: криломъ любкости башъ до верха аѳмосфере восхитило; да Вы нисте на книгу ову изъ страха, да небысте штогодъ штетовали напредъ пренумерантовъ тражили, него башъ изъ саме чисте любови къ народу нашему таковую собственнымъ трошкомъ

комъ Вашимъ, коесамъ вѣкъ горе сказао, на тмпъ издали. Далѣ Васъ полно увѣрити могу, даѣдусе сви ревнителніи народолюбцы самномъ заедно о издатку книге ове душевно радовати, и на славу и честь племенитаго духа Вашего пѣснь Амфіонову согласити. А найпослѣ да искренне мысли сердца мога овако говорећи цѣлому свѣту явимъ, дасе неће знати Кедръ на Лѵвану тако поносити, нити Апполо тако гордо у струнѣ лѵре свое ударати, као штоћусе я имаюћи таковаго великаго духа за благодѣтеля своего величати, коему я и све прочее зрѣлаго разума человѣчество, кое

онъ

онъ тако исто све вообще искренно какогодъ и мене любитъ, на общу ползу народа лѣта Несторова доживити желитъ; и сожалуемъ што далѣ вечь писати немогу, ербо э башъ у овому часу шумъ нагле радости перо изъ руке мое испоргао, и сердце мое рѣкомъ сладкихъ чувствованій пловити почело.

ВАШЕГО БЛАГОРОДІЯ

похорный слуга
И. ЛАЗАРЕВИЧЬ.

ПРЕД-

ЖИВОТЪ
и
ЧРЕЗВЫЧАЙНАЯ ПРИКЛЮЧЕНІЯ
СЛАВНАГО АНГЛЕЗА
РОБІНЗОНА
КРУССЕ.

Ясамъ лѣта 1632-го у Граду *Іорху* *) отъ добре фаміліе рожденъ, башъ ако и не изъ оне землѣ, ербо э Отацъ мой пришелацъ изъ *Бремена* **) было, коисе найпре у *Уллу* ***) А оку-

*) Англійскаго Пріица Іорка Градъ и Варошъ у Англіи.

**) Такожде Градъ и Варошъ Краљевства Англійскаго.

***) Тако исто Хановеру принадлежацъ.

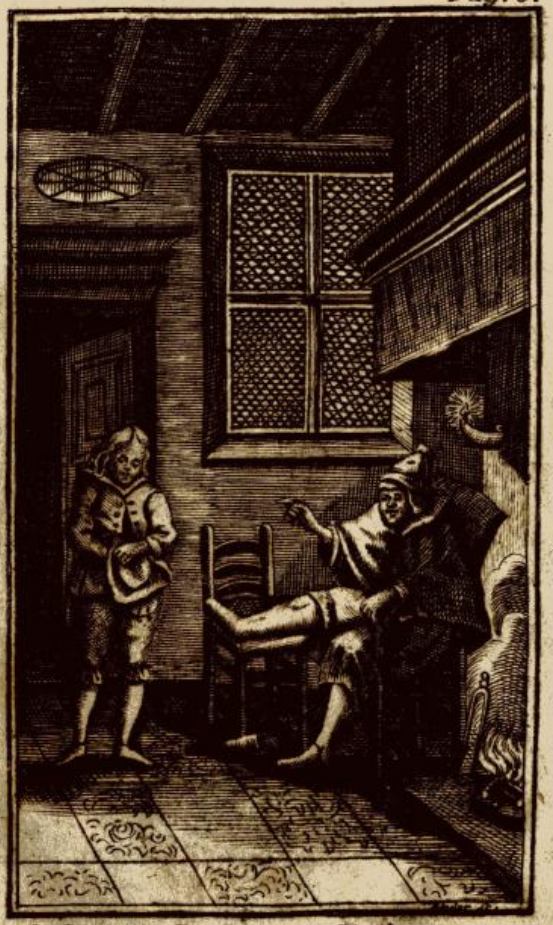
окуħио. Онъ э съ терговиномъ себи приличанъ Капиталъ стекао, и после іошть болѣ терговати почео; и у вышереченный Градъ *Іорхъ* аки мое матере мѣсто рожденія после преселіосе, коея сродницы све славніи и храбріи мужи име *Робінзоново* водише, отъ когасамъ и я послѣ *Робінзонъ Крайцнеръ* названъ быо. Садъ обаче обыкновенымъ превраħанѣмъ Англійски речи именую, и пишу другіи, а такожде и мы сами наше име *Круссе*. И такосу исто послѣ и мои содружницы мене звали.

Отъ моихъ двоице старіе браће бяше еданъ Обрістъ-Лайтінантъ кодъ едногъ Англійскогъ пешачкогъ полка, кога э преће славный Обрістъ Локхартъ управляо (командірао) овай э у сраженію съ Шпаніери подъ Градомъ *Дінкірхенъ* животъ свой изгубіо; а шпосе съ другимъ случило, нисамъ о нѣму никадъ ништа разумео, као што и родители мои о мени ништа чули нису, гдисамъ я доспео, или гдисамъ умрео.

А будући да мене аки трећега и послѣдњега сына къ никаковой терговини учинти дали нису, тосе глава моя іошть верло рано съ различними раскошними мнѣніями напунила, Отацъ мой, кои э већь старость

глубо-

Pag. 3.



Совѣтъ отъ Отца Робинзону.

глубоку достигао быо, дао э мене доволно учити, коликосе годъ чрезъ пространo у дому воспитаніе и отъ части у явноме училищу доћи могло; и хотяше отъ мене Адвоката (Ходатая) учиниши. Мени обаче у цѣлому свѣту ништа недопадесе тако сладко, као Мореплаванія животъ; и ово излишнѣ пожеланіе ополчаваше мене противо волѣ, а такожде и противо заповѣсти и закгеваня Отца мога, и противо свега отговараня Матере мое и другихъ пріятеля, да рекнемъ: тако силно, да ова природна склонность и жеља моя, коя э мене у слѣдующу предсрѣтшу бѣду и несрећу башъ аки за власи вукла, нѣчто особно ужасно видится.

Отацъ мой аки постояный и мудрый мужъ дао э мени многократно зрѣлій и изрядный совѣтъ на противъ мога већь нѣму напредъ познатаго намѣренія. Онъ э зовную мене еданъ кратъ рано у ютру у свою собу и мене ради мога намѣренія остро изобличіо. Онъ э запитао мене, какове узроке имамъ далѣ нежели скитатисе, да я домъ Отца мога, и Отечество мое оставлямъ, у коме я уживанѣ мое верло лако наћи; и надежду предъ собомъ имамъ, трудомъ и прилѣжаніемъ щастіе мое у малотрудномъ и у доволному живота провожденію снискати?

Онъ э представіо мени, да нитко нежели люди крайнѣга отчаянія, или такови, коибы далеко отъ другихъ доћи ради, есусе усудили далеко у свѣтъ поћи, да бы чрезъ предпріятія, коя отъ обыкновени путова други люди далеко отступаю, къ великимъ богатствамъ, къ особной каковой славы достигнути могли.

Све ове вещи есу за мене верло велике, или верло малене; я среднѣму чину или ст ю люди принадлежимъ, о коемъ онъ изъ долгога искусства добро знаде, да есть найболѣ станѣ на свѣту, и у коемусе э найболѣга человѣческаго благополучія надати, и што э іошть болѣ, нити у бѣдному тешкому дѣлу, и труда полному животу занатліе и надничара, нити пакъ отъ высокоумія, неистовства, честолюбія и ненависти више Классе люди узнемирено есть. Я дакле благополучіе таковыхъ само изъ тога да разсудимъ, да э ово еданъ начинъ уживанія, коему многіи завидили есу, за коимсу и сами Кралѣви многократно узданули, и желили, дабысу средный путь, или стазу међу малимъ сиромашнымъ Народомъ и вышомъ Классомъ людей имати могли; и да э Соломонъ овай чинъ или станѣ; аки истинное щастіе чрезъ то описао: ербо кадсе э

се э онъ Богу моліо овако говорећи: Боже! недаими нити сиромашства нити богатства!

Я само добро да разсудимъ; рекао э онъ далѣ: тоћу свагда наћи, да трудности овога свѣта и живота по међу вышомъ и нижомъ Классомъ людей раздѣлене есу; на противъ тога средня Класса или станѣ людей ни найманѣга неспокойства нейма; нити таковымъ многимъ премѣнамъ, као више и ниже станѣ или Класса люди подложно есть, нити пакъ многимъ душевнымъ и тѣлеснымъ недостаткомъ подвержено; ербо вышій чинъ отъ раскошнога живота, неспокойства и неумѣренности на едной; нижій обаче изъ недостатка разныхъ потребностехъ, тешкога и трудногa дѣла, и слабаго и недовольнаго препитанія на другой страни, себе наравнимъ слѣдствомъ нынога живота у болесть и бѣду бацаю; да средня Класса людей иди станѣ за све начине добродѣтелей и удоволствіяхъ способна есть; да среднѣму щастію миръ и изобиліе на руку долази, да умѣренность, удоволствіе, здравіе, и доброе содружество; найдражайшее времена провожденіе, и найжелателнѣйшее увеселеніе овому среднѣму щастію у стопе стае. Да на ованковый начинъ люди цѣлый

свѣтъ

свѣтъ мирно прођу, и изъ нѣга опетъ лако изиђу; и тако нитисе тешкимъ рукодѣліемъ, нитъ іоштъ што э горе, главоболіомъ муче; нити пакъ за насущный хлѣбъ себе у робство продаю; или отъ несносныхъ обстоятелствъ, коя душу мира и тѣло покоя лишаваю, утруждени, нити дѣйствителномъ завистію, или тайно горящимъ честолюбіемъ за вѣчимъ станѣмъ и вещма упалѣни бываю, но много выше са свимъ мирно угодно свѣтъ прећу, сладость живота безъ свакога еда уживаю, и дасу сасвимъ благополучни доволно чувствую, и повседневнымъ искусствомъ іоштъ пространіе познавати научаваю.

За тимъ почео э онъ мени живо и безъ шале говорити, да я небы ума лишеный ветрогоня быо, нити себе своеволно у различне бѣде бацао; отъ коихъ мене самое естество и станѣ, у коемусамсе родіо, доволно сохраняваю. Да я никакове нужде неймамъ хлѣбъ мой далѣ тражити. Онѣесе за мене старати, и къ овому начину уживаня мога руку помоћи драговолно дати, и ако я после у свѣту и странствованію несрећанъ будемъ, тоће сами случаи, или собствена погрѣшка моя проузроковати, и да онъ за то нигди отговора дати нейма, напослѣдокъ онъ

онъ рече: да э излишнымъ отговараньмъ своимъ за отвратити мене отъ онаковаго намѣренія, о коемъ знаде, даће оно мени зѣло убиточно и погибелно быти, већь отеческимъ должностемъ своимъ доволно удовлетворіо. Кратко: како годъ што онъ о свему доброму ништа изоставити хотяше, кадбы я кодъ куће остао и по нѣговомъ мнѣнію и заповѣсти себе управляо; тако исто нехотѣвъ спроћу шога къ моему нещастію и отшествію ни у найманѣму чему што помоћи.

Напослѣдокъ э онъ мени мога старіега брата примѣръ предъ очи ставіо, кога э онъ тако исто отъ военне службе у Нідерланду отвраћао, али спроћу нѣгове младости и жестоке желѣ на войску ићи; гди э онъ после и живота лишенъ біо, ништа расправити ніе могао (еще къ тому придао э) нехотећи престати мене молити; и рекао э: да онъ ћи може, да ако я овай безпутный поступокъ учинимъ, мене Богъ никадъ благословити буде, и даћу я кадгодъ доволно примораня имати о презрѣнію нѣговогъ совѣта плачевно размышляваши, и то кадъ већь къ спасенію и избавленію моему никакове помоћи человѣческе не буде.

При

При овой послѣдньѣй части нѣговогѣ слова, кое э воистину нѣчто пророческое было, несматраюћи да мой Отацѣ тако мыслїо ніе, примѣтіосамѣ я, да нѣму грозне сузе една за другомѣ преко лица полетише, а особито кадѣ э онѣ о моему у сраженїю подѣ *Дінхїрхномѣ* погибшему брату проговорїо; и како э онѣ на то дошао; и даћу нужде и времена кѣ раскаянїю доволно имати; нѣга э таково сожалѣніе неспокоя напало; да э онѣ слово свое сасвимѣ пресѣкао и мени рекао: да се э сердце нѣгово тако жалости напунило, да онѣ више самномѣ ништа говорити не можетѣ.

Ово э слово мени како стрѣла крозѣ сердце прошло; ербо кога овде небы возбудила и заболела душа! заключїосамѣ дакле, ни-какаково путешествіе далѣ мыслити, него по желанїю Отца мога у моему Отечеству заостати. Али све забадава, у нѣколико дана изчезнуло э то све.

И крашко: да небы Отацѣ мой сѣ нѣговимѣ мени досаднимѣ совѣтованіемѣ іошћѣ еданѣ кратѣ на вратѣ дошао; то намысліосамѣ болѣ преће неколико недѣля отѣ нѣга побећи. Али я нисамѣ више тако напрасно кѣ намѣренїю моему спѣшїо, као што э мене перва наглость кѣ тому побуждава-

ждавала, него узеосамѣ Матерь мою, кадсамѣ ю већь видѣо, да э она сѣ проћу мене милостивїя нежели преће на страну, и ей обявїо, дасу мнѣнїя моя на томѣ твердо основана свѣтѣ и люде видѣти, и ако я десетѣ коекакви вещи предузмемѣ никодѣ какве постоянѣ остати нећу; и Отацѣ мой хоће много болѣ учинити, ако онѣ путешествіе мое позволи, нежели да мене принуди и безѣ таковаго отпити. Ясамѣ већь 18. година старѣ, слѣдователно, нитисамѣ већь за терговачкогѣ служителя, нити пакѣ за Адвокатскогѣ ученика способанѣ.

И ако башѣ то учинимѣ, то я доиста време мое одержати нећу; негоћу іошћѣ преће истеченїя времене отѣ Майстера побећи, и на море отићи. Замоліосамѣ ю: да ако она хоће сѣ Отцемѣ моимѣ о томѣ говорити, да онѣ мени путешествіе у стране землѣ позволи, хоћеми дакле особну материю любовь указати, — и акосе мени тамо недопадне, и несвикне, то кадѣ я натрагѣ дођемѣ, више никаковаго странствованїя закпевати нећу, него оно изгубљѣно време са сугубимѣ трудомѣ попунити истинно обѣщавамѣ.

Моя Мати чувшїй ово пала э абїе у велико душевно неспокойство, и рекла э мени;

да

да она већь све добро знаде, и да нитоће годь она о томь отцу моме говорити, ништа друго быти неће, него само еданъ суетный трудь, отацъ мой есть већь о свему тому доволно увѣренъ, да намѣреніе мое ништа друго ніе него самая погибель моя, къ чему онъ мога собственнаго добра и благостоянія ради никада позволити неможе, и чудиласе, да я съ Отцемъ моимъ, кое э и ей добро познато, доволни и острый разговоръ о томъ имао есамь, и кои э мене съ таковима умилителнима речма отъ тога отговарао, икадь на таково штогодь помыслити могу. Кратко: ако хоћу я самъ себе у погибель опровергнути, да заме већь на свѣту никакова совѣта нейма, и я преко свега увѣренъ да будемъ, да я къ путешествію моему отъ ныхъ обадвоице дозволенія никада добити нећу. И она отъ нѣзине стране ни найманѣ што, штобы на погибель мою было, учинити неће, и да я никадь доживити нећу, дањесе она у штогодь найманѣ упустити, штобы Отцу моему неповолно было.

Несматраюћи на то што э она прошеніе мое сасвимъ отбацила съ Отцемъ моимъ о томъ ништа говорити, то э она опетъ, како штосамъ послѣ разумео, нѣму савъ

савъ нашъ разговоръ исказала, и Отацъ мой съ великомъ жалостію, и глубокимъ воздыханіемъ ове речи изговорио: Юноша тай могао бы срећанъ быти, кадбы онъ кодъ куће остао; поскиталисе онъ у странне землѣ, то воистину мора онъ найнесретніи человѣкъ подъ Небомъ быти. Я дакле соизволеніе мое къ тому никадь дати немогу!

Тако дакле прошло э цѣло лѣто доклесамсе я опетъ на ново узбуніо, и несматраюћи на савъ совѣтъ на занатъ каковъ поћи; уши мое сасвимъ затворіо, и съ родители о томъ честосе инатіо, коису наравну склоность мою знали, да я ни къ чему другому никадь склонитисе нећу. Него онамо кудсамъ намѣріо противо свію случая поћисамъ морао.

Кадсамъ я дакле еданъ кратъ у *Улму* быо, заиста случайно и безъ свакога намѣренія онда побећи, сусрео э мене еданъ отъ моихъ содружниковъ, кои на нѣговога Отца Лаћи у Лондонъ поћи намѣраваше, и мени съ обыкновенима ласкателныма речма Морепловцевъ говорити почео; да ако я хоћу съ нимъ на Лаћи поћи, мене ово путешествіе ништа стаяти неће, пошаосамъ дакле непитаюћи ни Отца ни Матере, далѣ башъ ништа писамъ ныма што о томъ на знанѣ дао,

НАРОДНА БИБЛИОТЕКА СРБИЈЕ

ниш-

ништисамъ я браніо есули они што о томъ чули или какоѣеду чути? нисамъ я нити за Небесный, нити за Отчинскій благословъ више браніо, нисамъ ни найманѣ моя обстоятелства, и злая слѣдства промотріо, и отишаосамъ у нещастному часу перваго Септемврія лѣта 1651. на ону вешь къ плаванію у Лондонъ готово стоящую лађу. Никада по моему разсужденію едногъ безразсуднаго юноше несреће ніесе раніе започела, нитіе дуже траяла нежели моя. Како э дакле Лађа изъ рѣке *Хумбера* на море изишла, то э силный вѣтарь абіе дыхати, и море страшно шумѣти почело. А будући да я преће тога на мору никада быо нисамъ, то самсе дакле абіе съ почетка и разболіо; и притомъ іошть и сердечну нѣку ужасну болесть добіо. Садъ дакле стаосамъ башъ заиста размышляваши, штосамъ учиніо, и како праведно судбина Божія мене казни, зато штосамъ изъ дома Отца мога побѣгао, и мою дѣтску покорность погазіо. Сви они добрій совѣти мои любезни родителя, слези Отца мога и мое любезне Матере сердечно и подвизателно увѣщаніе доћошеми скоро на паметь, и моя совѣсть, коя онда іошть ніе угаснула была, као штосе после случило; мени презрѣніе оногъ доброгъ совѣта и пренебре-

небреженіе моихъ должностей спроћу родителей моихъ чувствително предъ очи ставила!

Мало помало дижесе буря іошть већа, и море, на коемсе я преће никадъ возіо нисамъ, нарасло э верло высоко; ако башъ и не онако како штосамъ я послѣ у мало дана доживіо. Но то э выше него доволно было мене аки младога морепловца у страхъ и трепетъ метнути, помисліосамъ даће насъ сваки таласъ абіе прогутати, колико годъ крати Лађа по моему мнѣнію себе у просѣлину моря ниспушаваше, и мисліосамъ дасе неће никада више у высину дигнути. У овому сердечному страху учиніосамъ я полный завѣтъ; да ако Богъ на овому точію единому мореплованію животъ мой сохрани, и я ногу мою кадъ годъ іошть еданъ кратъ на суво метнемъ, я управо дома ко отцу моему, и никада више на Лађу ићи нећу, совѣтъ нѣговъ примити, и себе никада више у овакову бѣду упустити нећу. Ясамъ садъ текаръ ясно и добро видіо, како э онъ мудро и истинніто средный чинъ, или состояніе людей хвалио! Како э онъ мирно и спокойно дневе живота свога провео, и да онъ себе нити на морю бурнимъ погодамъ, нити

на

на суву каковомъ тешкомъ рукодѣлію подложити дао; заключіосамъ дакле у себи, аки изгублѣни али садъ већь къ покаянію склонни сынъ себе исправити и къ моему Оцу паки прибѣгнути!

Овай разумный помыслъ траяше толико дуго, колико годъ и буря на морю или да рекнемъ: нѣчто мало дуже, слѣдующій данъ престала э буря и вѣтаръ, и ясамъ започео море и бурю привикавати. Несматраюћи на све то содержаваосамсе цѣлъ и миранъ, и у размышлѣнію; али іошћъ свагда воденомъ болестію одержимъ.

Навече исчистіосе воздухъ, престала э буря и вѣтаръ; и за тимъ быо э верло свѣтлый и славный Вечерь. Солнце свѣтлости полно, и чисто сѣло э у море, и сутра данъ уютру тако исто опетъ изъ нѣга изишло. Мы тадай слаби или башъ никакови вѣтаръ имадосмо, него чисто и равно море како огледало, на кое Солнце ясно и свѣтло сіяше; чиняшемисе лице моря тако нѣчто увеселително, што очи мое іошћъ никада невидѣша!

Настоящу ноћь верлосамъ добро спавао, и више нисамъ болешливъ него весео быо; и разсмотраваосамъ со особнимъ увеселеніемъ море, кое э ючерь тако бурно

и страшно было, и тако у кратко време овако кротко и увеселително постаде. Да небы дакле мое прежнѣ заключеніе и обѣмъ мѣста уфатити могло; дошао э онай истій содружникъ мой къ мени, кои э мене на мореплаваніе навео; куцнуме поламену говорећи: како э, како э, ты плашливій зече! Ябысе обкладіо; даси ты прећашню ноћь у великоме страху быо! гди э само една пуна капа вѣтра дыхала, шта само една пуна капа вѣтра запиташосамга я? та то э была една страшна буря? то э буря ты глупоглаве? рекао э онъ: зовешъ ты оно бурю, што ни труда бурѣю назвати незаслужава!

Дай намъ само дебелу и тверду Лаћу, пакъ іошћъ къ тому чисто и пространo море, то мы за свиранѣ оваковога вѣтрића ни задлаку запитати нећемо; я видимъ брате! даси ты наученъ само у чуну по малима рѣкама, и коекакови потоцы возитисе. Оди да сготовимо, и да піемо едну чашу пунча; пакъ и друго у тому да попіемо, и погледай какое лепо време! Дакле да ову тешку часть повѣсти мое кратко скажемъ; мысмо учинили дакле онако како шпосу морепловцы већь чинити навикли; пунчъ бяше готовъ, и ясамъ отъ нѣга

довольно ніо, и попіосамъ такожде у раскошеству ове едне ноћи све мое раскаяніе, и размышлѣніе о моему прећашњему животу, и сва добра расположенія ради мога будућега живота. Да рекнемъ кратко: да какогодъ море, кадъ э буря престала, у свою прећашню равнину и тихость дошло, тако э исто и непорядокъ моихъ мыслей прешао мое трепетанѣ и страхъ у море погруженъ быти; заборавіосе, и волна мое прећашнѣ жестоке желѣ опетъ возбунилосе; ясамъ абіе мою бѣду, мой учинѣный обѣтъ, и сва моя обѣщанія, коіесамъ учиніо, сасвимъ загладіо. Но преко свега появилесусе кадъ кадъ опетъ нѣке мале мысли; а кадъ кадъ баш и дѣйствителніи помысли, хотѣлисусе у мою паметъ натрагъ повратити; но ясамъ ны абіе сѣ врата мога отпресао, и чуваосе отъ тога аки отъ куге, держаосамсе крѣпко пића, и веселога дружства, и дочепаосамсе натрагъ пришедше топлоше (такосамъ я називао свагда добре мысли) опетъ верло фрицко тако, дасамъ я у 5 или 6 дана надъ совѣсти моей совершену побѣду одержао; онако како младъ человѣкъ, кои э већ у паметъ узео, да себе ничимъ уплашити неда, желити може, алисамъ я морао іошть друго искушеніе одер-

одержати. Провидѣніе, како што оно у овакови случаи чинити обычествуетъ, заключило э мени отнюдъ никакова извиненія далѣ изоставити.

Ербо ако іошть и ово за мое избавлѣніе иѣговога провидѣнія примитибы нехотѣлъ, то слѣдующее тако устроено быти мора, да такожде найупорніи бездѣлникъ међу нама како годъ величину погибели, тако исто и величину Божія милосердія исповѣсти и признати бы морао.

Шестій дань нашега мореплаванія дошлисмо у пристанище отъ Ярмота; а будући да намъ э вѣтаръ свагда противанъ и море тихо было, тосмо дакле послѣ бурѣ верло маленъ и кратакъ путь учинили. Овдесмо дакле на мачкахъ стаяти морали, и будући да намъ э вѣтаръ іошть свагда противанъ быо, ербосмо іошть свагда югъ имали, дакле моралисмо овде до 7 или 8 дана стаяти, у коесу време іошть многе Лађе отъ Нефкастела у ово пристанище аки общій конакъ, гди Лађе, кое у Темсу пустую, на добаръ вѣтаръ чекаю, дошле.

Мы овде небысмо толико дуго заостали были, негобы насъ таласъ све

помало далѣ горе отерао био, кадъ небы вѣтаръ тако яко дыхао, како штое послѣ 4 *ри* или 5 *тѣ* дана нашега овде бытія верло упоранъ био. Несматраюћи на то, ербо зашкулине овогъ брега былесу башъ свагда како добро и безбѣдно пристанище почитоваше, такоћеръ и за мачке добаръ темель имале; наша ужета отъ Мачака былесу верло яка, и наши Лађары ни најманѣ погибели нисусе бояли, него по обычаю ныному у увеселенію и у спаваню време свое проводили. Али 8 *ми* данъ уютру почео э вѣтаръ силніе дыхати, и свисмо труда и посла доволно имали, доксмо платна и ужета съ Катарки свукли, и све у порядокъ довели, дабы Лађу баремъ на Мачкахъ удержати могли. Около полдне нарастло э море верло высоко, и Лађа наша покварилась на преднѣмъ краю, послѣ ударилису нѣколико пута верло страшніи таласи преко цѣле Лађе, и мыслилисмо, дасусе већь башъ и саме Мачке, коесу іоштъ Лађу держале, съ темеля и мѣста свога кренуле. На кое э нашъ Лађе управитель главну Мачку извући дао тако, дасмо іоштъ на две Мачке напредъ стаяли, и ужета отъ Мачака на дуже спустили.

Садъ

Садъ доиста дигласе э страшна буря и я на лицу наши Лађара шта него самый страхъ и ужасъ усмотри! А Лађе управителя колико э онъ у труду своме бодръ био Лађу сохранити, кадъ э онъ у свою собу покрай мене ишао, нѣколико пути полагано у себи говорећи чуо: Боже и Господи буди намъ милостивъ, мыћемо сви погинути: мысмо већь прошли.

Кодъ перве ове буне и страха, ясамъ сасвимъ нечувствен подъ фаромъ у моей собицы лежао, и самъ описати незнамъ какоми э было. Садъ э већь перво раскаяніе мое касно было, коесамъ я свакога часа ногама газіо, и на противъ нѣга сердце мое сасвимъ затворіо био. У моима мыслима была э већь перва горкость смерти претерплѣна и страхъ и бѣда ніе тако велика као преће была. Али ево жалости! Кадъ э Корманошъ таковимъ образомъ самъ къ мени дошао, и рекао: мысмо већь прошли! Нападао э на мене страхъ и трепетъ неописаный. Изишаосамъ изъ мое собице наполѣ, и погледаосамъ наоколо себе, али воистину овакови ужасни взорь іоштъ у моме животу ніе се никада предъ очи мое ставіо! Море дизашесе како годъ брда высоко, и сваки преће че-

тверти минутъ бацило э оне страшне таласе свое преко наше Лађе.

Кадсамъ іошт̀ъ еданъ кратъ у наоколо погледао очима моима, ништа друго, него сама бѣда и жалость представисе! Две отъ насъ не далеко стоюще Лађе, коесу яко натоварене быле, моралису главну катарку подсећи и на лађу положити, и наши Лађари повикаше, дасе една Лађа, коя едну Англійску мілю предъ нама стаяла, всѣ потопила. Іошт̀ъ две друге Лађе, кое э вѣтаръ съ Мачака отерао быо изъ пристаница, на срећу или на несрећу, и баш̀ъ безъ едне стоюще катарке моралесусе на пространно море пустити. Съ малима Лађама было э болѣ нежели съ онима, коесу тешко движеніе имале, али преко свега опет̀ъ две или три шакове дотералесусе до насъ, и проћоше вѣтромъ гониме послѣ по край предњега краја наше Лађе у пространность и пучину морскую.

Предъ вече замоліо э Корманош̀ъ Лађе (*Коменданта*) повелителя, дабысу велику напредъ стоящу катарку подсећи смели; кое онъ отнюдъ дозволити нехотяше. Али преко свега кадсе напослѣдокъ Кормановш̀ъ заклео, да ако онъ то недопусти,

Лађа

Лађа рупу добыти и цѣло потопитисе хоће. Докле они съ предніомъ катаркомъ готови быше, средня э велика тако зло и колеблемо стаяла, и сву цѣлу Лађу верло растресла, да ню такожде подсећи и на Лађу спустити морадоше. Сваки разсудити може, у каковомсамъ состоянію я овде аки младый мореплаваць быти морао, и да я скоро предъ тимъ овакови истый страхъ претерпіо есамъ!

Но када бы я прећашнѣ мысли мое, коесе нису давно приключиле садъ исказати могао, то трепеташе сердце мое десятъ кратъ выше отъ страха, о моимъ прећашнима увѣреніяма, и о чемусамъ я къ моему первоуређеному безбожному заключенію ступіо, како предъ правомъ и извѣстномъ смерти самомъ; и баш̀ъ о томъ и ради страшне и нечувене бурѣ, паосамъ я у таково состояніе, кое никаквима речма описати немогу, Али што э іошт̀ъ найгоре, ніе іошт̀ъ овде было, него іошт̀ъ буря непрерывно съ отмѣнномъ яросты дыхаше, и морепловцы самису сказали, да они цѣлаго живота нынога ништа горе претерпѣли нису. Мысмо истинна имали добру и тверду лађу, коя э тако верло натоварена была, дасе она верло дубоко у море углублявала и Лађары

(Матр

(Матроси) нѣколико крати повыкаше, Лађасе мора пробити. Съ едне стране за мене э добро было, што я ову речь разумео нисамъ, докъ нисамъ ныхъ запитао. Буря непосредственно дыхаше и видіосамъ овде штосе рѣдко видѣти даетъ, да Лађаръ, верховный Корманошъ и іоштъ нѣколико другійхъ коихсе э ова стварь выше дотицала неголи другихъ, гди они у полной молитвы часъ онай очекиваше кадѣсе лађа утопити у море. Башъ у полноћи и у нашой найвећой нужды повикао э еданъ (Матросъ) Лађаръ ясно, кои э на дно Лађе сишао было, дабы видѣо како стварь стои: Већь э лађа продерла: други э повыкао, да э на дну лађе већь вода 4 стопе высока, на кое сви на плюсканѣ лађе позвани бысмо. На ову речь такомисе учинило, да э сердце у перси мои отъ страха умерло, и опровергнуосамсе съ кревета мога, на коемсамъ седіо, у внутренность лађе. Несматраюћи на то (Матроси) Лађари мене изъ несвестице опетъ пробудише и рекоше: да будући я пређе ни къ чему нисамъ потребоватъ быти могао, садъ баремъ како и други лађю плюскати могу. На коемсамсе я укрѣпіо и къ плюсканю поспѣшіо, гдисамъ изъ све крѣпости и пословао. По мећу овимъ дѣломъ

ломъ заповедіо э главный Лађаръ (Комендантъ) кадъ э нѣколико съ углѣмъ лако натоварени лађа усмотріо, кое такожде отъ буре силне на мачкахъ нисусе одержати могле, но управо на пучину моря упустилесе, и къ нама близко дођису могле, топъ еданъ аки знакъ наше садашнѣ велике нужде опалити. Я кои ни знао нисамъ што то значаше, такосамсе уплашіо, дасамъ мыслію, лађа э већь пропала, или што друго страшно моралосе э догодити. Кратко да рекнемъ: ясамсе тако уплашіо было, дасамъ абіе у несвестицу пао. Садсе э сваки за свой собственный животъ узео у паметъ, а о мени ниедна душа неимаћаше попеченія; него еданъ Матросъ, кои э ишао да плюска, ударіо э мене ногомъ у бокъ, и оставіоме аки мертва лежаща, после коего э доста времена прошло, доксамъ опетъ къ себи дошао.

Мысмо плюскали са свомъ крѣпостію, али све всуе, ербо э вода на противъ тога на дну Лађе све выше растла, и сваки э часъ очекивати было, дакесе Лађа погрузити; и ако э башъ море и мало тишіе бывати почело, то опетъ ніе могуће было съ таковомъ раздерпомъ Лађомъ толико дуго на води удержатисе, докбы у каково пристанище приспѣти могли,

дакле

дакле *Комендантъ* за помоћь їоштъ свагда пуцати престао ніе, на кое э една лака Лађа, коя э већь бурю одержала была, нами еданъ морски чамацъ на помоћь послала. Чамацъ э съ великомъ погибели дошао къ нама, но опетъ ніе было могуће у нѣга ући, докле годъ нису Матроси съ труднимъ весланѣмъ, и съ погибелію нынога собственога живота, за содержати нашъ, къ нами близу дошли и наши Лађари нима отъ долнѣга края Лађе уже надугачко спущено добацили, коесу они послѣ едва трудно дочепали, и такосмо ны подъ фару наше Лађе довукли, пакъ онда сви у чамацъ ушли. Садъ и мы и они коисмо годъ у чамцу, нисмо ни мыслити могли, дађемо ныну собственну Лађу достигнути, моћи. Дакле намыслимо чамацъ терати и колико могуће къ брегу управляти, при коемъ э нима нашъ верховный Лађарь, ако се чамацъ гдигодъ разбіе и на комаде отиде, таковый полно платити обѣщао. Овимъ э начиномъ дакле нашъ чамацъ ово весланѣмъ, ово управлянѣмъ, и теранѣмъ подъ сѣверну страну къ брегу кодъ тако называемаго мѣста *Вінтертоннесса* щастно приспѣо.

Само

Само после еднога ферштала сама какосмо изышли изъ чамца, видѣлисмо дасе онъ самъ и празанъ абіе потопіо. Право говоримъ, само шпосамъ очи онамо баціо быо, када э Матросъ еданъ къ мени дошао, Лађа на коейсмосе возили рекао э онъ: већсе э потопила. Ербо отъ онога часа кадсу мене у тай чамацъ выше бацили, него дабы казати могао, дасамъ у нѣга самъ ушао, сердце мое ово отъ страха, ово отъ душевнога неспокойства, и мысли ради будућега мога случая равно аки мертво было э.

У овоме нашему станю, и гдису Лађары трудомъ и весланѣмъ све возможно чинили, дабысмосе брега и суве землѣ дочепати могли, и кадъ э нашъ чамацъ на таласи засѣдао, видѣлисмо многе люде на брегъ изашкулине терчеће, дабы намъ, кадбысмосе болѣ приближили, руку помоћи дати могли. Но съ дѣломъ овимъ верло э трудно было, и нисмо могли преће брегу достигнути, докле годъ нисмо свѣтилну Кулу отъ *Вінтертона* прошли, ербосусе брегови къ южной страни спроћу тако называемаго мѣста *Громмера* окраћавали, и тако докъ высокость землѣ и жестокость вѣтра ніесе утолила. Овдесмо повезли

остро

остро, и у везлисмосе сви совокупно, али съ великомъ тягостію но благощастно на суво, и пешке у *Ярмуш* опишли, гди намъ э аки морестрадалцемъ како годъ отъ власти мѣста чрезъ уређеніе добрыхъ конаковъ, тако и отъ особни терговаца и Корабле-притяжателя много добра учињено было, и толико новаца дато, съ чимемо могли пуш нашъ по произволенію или у *Лондонъ* или у *Улл* напрагъ предузети.

Я дасамъ паметъ имао у *Улл* и послѣ у мое отечество возвратитисе, тобы я щастанъ быо, и мойбы отацъ безсумнѣно по причти Евангелской мене ради телца упитаннаго заклати дао.

Башъ акое онъ послѣ первога извѣстія, дае она Лаћа, на коіойсамъ я изъ *Улла* опишао, кодъ бреговъ отъ Ярмута потопилосе, дуго времена чекати морао, докъ э право извѣстіе добіо, дасе я улавіо нисамъ.

Али све забадава, несрећа э моя мене у овомъ часу къ таковой твердокорности и жестокосердію развратила, коесе ничимъ отвратити ніе могло. Башъ акосамъ я и много яснога противорѣчія у моей памети и зрѣлому разсужденію осетіо, паки къ дому

дому моему возвратитисе, то опетъ силе неимадо то учиниши. Я незнамъ какоћу то назваши, а не закћевамъ башъ нидоказаши, као дабы насъ нѣки самовластни дерзновени совѣтъ побуждавао, очевидно нашу собствену несрећу снискаши. Доволно кадсу мысли мое мирне быле, совѣтовалесу мене, да э мени Богъ две явне науке дао кодъ первога мога искушенія. Но преко свега мораосамъ я у несрећу мою башъ слѣпо поћи.

Мой содружникъ Господара отъ Лаће сынъ, кои э мене преће къ тому развратіо, іошъ э невеселій быо него я. Первый кратъ, кадъ э онъ у *Ярмуту* самномъ говоріо, (найманѣ послѣ два дана, какосмо у овой Вароши у различне конаке раздѣлени были) учинимисе дасе и нѣговъ величанія говоръ сасвимъ премѣніо, читао э верло смутно книге, врніо э главомъ, и запитао э мене какоми э? Онъ э казао отцу своме ткосамъ я, и какосамъ я само пробе ради ово путешествіе предузео быо, и съ тимъ намѣреніемъ іошъ далѣ странствованіе искусиши, окренуосе нѣговъ отацъ са спостоянимъ и ужаснимъ лицемъ къ мени, и рекао: Юноше! немой више никада на море иѣи, него шо за ясни и очевидни

видни знакъ узми, да отъ тебе никада вредни Морепловацъ быти неможе. Зашто то? мой Господине, запитаосамъ я нѣга натрагъ; Да нећешели и вы више никадъ на море: тое штогодъ друго рекао э онъ: тое мое званіе, тосу мое должности.

А будући даси ты ово путешествіе аки за пробу или искушеніе учиніо, што видишъ дакле добро, каквоти э омерзѣніе Богъ отомъ дао, и шта очекиваши имашъ, ако при томъ останешъ. Може быти, дае ова несрећа тебе ради на насъ дошла; као штое сбогъ Іоне на Лађу Ѳарсисъ дошла; кажими ктоси ты? предначео э онъ далѣ, каковси занаплія и изъ конхъ узрока пошаоси на море: на коесамъ я нѣму провожденіе мога живота исказао, прикоемъ окончени онъ нѣкомъ особномъ страстію пробудіосе, уздануо и рекао э: штасамъ я согрѣшіо, да овакови неваляли бездѣлникъ на мою Лађу доће. Ябысамъ радіе нѣколико 1000 талира волео прегорети; неголи мою ногу выше съ тобомъ у Лађу метнути. Но ово э нѣкимъ начиномъ была раскошность нѣговога духа, къ чему э нѣга чувство нѣговогъ изгубитка развратило, и спроћу мене тако грубо показаписе никакова причина ніе была.

Было

Было то какому драго, овако э говорїо онъ мени іошъ еданъ крашъ башъ истинито, и дао э мени совѣтъ дасе я натрагъ кући и ко отцу моему повратимъ, и да далѣ Божіе провидѣніе на мою собственну погибель нераздражавамъ. И вѣруйми Юноше истинито (заключїо э онъ на послѣдокъ) да ако ты натрагъ дома не отидешъ, можешъ поћи куди драго, то хоћети свагда бѣда и несрећа башъ по стопамъ твоимъ слѣдовати, доксе годъ оно слово твога отца на теби неисполни. Мысмосе скоро дакле сви разышли, ербосамъ я отговорїо нѣму кратко, и послѣ ниписамга кадъ видіо, ниши знамъ кудъ э онъ доспео. Я съ мое стране имаюћи мало новаца у жепу предузеосамъ путъ мой сувимъ у *Лондонъ*, и путемъ идући имаосамъ многу распрю у самъ себи, каковъ бы начинъ уживаня у напредакъ предузео, да илиће кући или опетъ на море иѣи.

Въ смотренїи дома возвращенїя стала э на противъ моима найболима движенїяма, коясусе у моима мыслима представила, срамота, и то э особито мени тешко было, какоћу я отъ моихъ комшїя изсмеянъ быти, и съ каковимъ стыдомъ и поруганіемъ я не само родителѣмъ моимъ,

него

него и сваком другоме мораћу себе предъ очи представляти? прикоемсамъ я отъ того времене много крати примѣтїо, како э гадно, и лудо показиванѣ Люди вообще, особито обаче Юности спроћу разума, колбы ныма у таковима случайма за управителницу служити имала, дасе стыде кадъ штогодъ погрѣше; дасе стыде кадсе раскаяваю, а дѣла самаго, коесу учинили, нестидесе отнюдъ, негосе само-напрагъ враћаня сраме, кое ныма истинно име честны Люди снискати можетъ.

У оваковоме стаю изостаосамъ я дуго времена, и неизвѣстанъ штоћу започети, и каковићу начинъ уживаня себи избрати. Алисе э кодъ мене свагда силно противоволіе нашло, дасе кући невратимъ, и мало э затимъ траяло, паксамъ я опетъ сву ону претерплѣну бѣду и бывше страданіе на зной истерао, кадсамъ то заборавіо, прошло э сотимъ и оно мало заостављше слабо-движеніе у памети моей о домувозвращенію моему, докъ я писамъ напослѣдокъ све такове мысли на страну баціо, и гледао какоћу опетъ на море поћи.

Злое намѣреніе, кое э мене найпре изъ дома родителя мои истерало, и кое у мени дивіе и безумне мысли, дабы я щастіе мое

мое у странствованю учиніо, насеяло, и кое э мени такожде сва чувства преобладало, дасамъ я спроћу свега доброга совѣта и отговараня, и башъ противо заповѣсти отца мога глувъ остао, то исто злое напоеніе или могло э што друго быти, представило э мени найблагополучніе отъ свію другійхъ предвзятіяхъ дѣло, и я отишаосамъ на едну Лађу натоварену, коя э у *Африканске* стране пошла, или како наши морепловцы вообще зову, путешествіе у *Гвінеу* учинити.

Моя э найвећа несрећа кодъ свію ови чудовища была, да я себе ни за правога веслара на Лађи погодіо нисамъ, чрезъ коебы я, несматраюћи штобы я мало теже нежели иначе радити морао, должность и послуженіе едногъ нижнѣгъ Оффицыра кодъ клупе научіо; слѣдователно съ временемъ за Корманоша или Лађе Хаднаћа, и башъ ако небы за верховногъ Повелителя отъ Лађе (*Коменданта*) способанъ быти могао. Али несрећа моя хотѣла э, да я свагда оно изберемъ, што э найгоре, како шпосе э и овде случило; ербосамъ я новаца у жепу и лепе и красне Халине на себи имао, даклесамъ я тако и на Лађу отишао, на коей и никакова посла нисамъ имао, слѣдователно

телно нисамъ ништа ни пословати научіо.

Пре свію други вещи была э моя срећа абіе съ почетка у *Лондону* у верло лепо содружество доћи, кое оваковога безобразнога разпущеннога и ветрогоню, како штосамъ я онда быо, свагда непресрета, и коимъ и безтога сатана прилѣжно свимъ вообще мрежу простире. Алисе э самномъ болѣ случило, ясамъ учиніо познанство съ *Калетаномъ* едне Лаће, коя э већь на *Гвинейскихъ* брегахъ и пристанищахъ была, и будући даму э тамошня терговина срећно пошла, тосе онъ опетъ тамо оправляше. И будући дасе мое обхожденѣ, кое э у оно време іошть добро было, нѣму особито допало; и онъ э чуо отъ мене, дабы я радъ свѣта видѣти; то рекао э онъ мени, ако я волю съ нимъ поћи имамъ, да мене путь ништа коштовати неће. Я съ нимъ могу свагда ручати, у собн нѣговой спаватн; и ако што Хеспапа понети хоћу, то даміе свободно, и могу сопимъ себи штогодъ прибавити, и може быти, даће за мене тамо штогодъ добитка быти, на коећу я и выше кратн волю имати онамо путовати.

Ясамъ

Ясамъ драговолно пріиміо ово понућенѣ, учиніосамъ велико и добро пріятелство съ овимъ морепловцемъ, кои э честный и искренный Мужъ быо, узеосамъ такоћерь и мой мали Капиталъ собомъ, коисе послѣ за мене пріятномъ искренности мога благодѣтеля отъ Лаће *Калетана* доволно умножіо. Ясамъ 40 фунти штерлинговъ (*една фунта штерлинга чини 9 фор.*) у коекакви Хеспапъ, кои тамо пролази, уложіо, кога э мени *Калетанъ* купити сказао.

Съ ови 40 фунти прибавіосамъ я съ помоћію нѣкоихъ моихъ сродниковъ, съ коимасамъ писмени разговоръ водіо, и коису, како штосамъ мыслію, Отца или Матерь мою къ тому принудили мени толико за почетакъ первога мога предвзятія изложити. Ово э было едно путешествіе, кое я отъ другихъ моихъ противностей срећно нарећи могу, а наимено я честному, и искренному сердцу мога благодѣтеля *Калетана* благодарити морамъ, подъ коегосамъ надзырателствомъ я доволно вѣжество у *Математіхи*, у мореплаванія правиламъ, како теченіе Лаће пописати, како высину солнца узети, съ едномъ речу вещи, кое еданъ морепловацъ необходимо знати мора, научіо. Ербо какогодъ онъ ма-

 даше

дяше радость мене обучавати, тако исто я добіосамъ волю драговолно пріимати и учити, и овимъ начиномъ я на овомъ путешествію обое, и морепловацъ и трговацъ постадо, ербосамъ я 5 фунти и 9 драма чистога злата собомъ донео, закоесамъ я послѣ у *Лондону* 300 фунти шперлінговъ добіо. Али башъ то исто напунило э мени главу коекаквима высоко и далеко простираюћима мыслима, чегарадисамъ я послѣ и пао у крайню нужду.

На овомъ истомъ путешествію имаосамъ бѣду, ербосамъ свагда болестанъ быо, особито отъ жестоке грознице, и то ради велике топлоте ондашни предѣловъ, и странахъ, ербосе наша найважнія трговина при брегахъ и пристанищахъ отъ 15-*га* градуса сѣверне ширине башъ до саме Лініе простирала.

Већь садъ постаосамъ я правимъ *Гвінейскимъ* трговцемъ, и да э на мою велику несрећу благодѣтель мой абіе послѣ нѣговога дому-пришествія умрео, то заключіосамъ я ово исто путешествіе іошть еданъ кратъ предузети, и отишаосамъ на ону исту прећашню Лађу съ онимъ истимъ, кои э при первомъ нашемъ путешествію аки Корманошъ служіо, а садъ

прави-

правителство отъ целе Лађе добіо. Ово э было найнесрећніе путешествіе, коеэ икадъ кои човекъ на свѣту имао. И несматраюћи да я отъ онога мога преће добитога Имѣнія нисамъ више него 100 фунти шперлинговъ са собомъ узо, а 200 кодъ удовице мога умершаго благодѣтеля стоеће оставіо, то падаосамъ я опетъ преко свега тога на овому путешествію у неисказанну и страшну несрећу! а наимено ова э перва была: кадъ э Лађа наша теченіе пута свога измећу Канаріески острова, или правіе казати, измећу ови острова и бреговъ *Афріканскихъ* держала, у ютру у свануће усмотрилисмо мы едногъ турскогъ морскогъ пустаію отъ тако называемаго мѣста *Салее*, кои съ полно натегнутимъ платнамъ на Капаркахъ за нама у потеру идяше. И мысмо абіе натегнули сва наша платна, колікосу годъ мопке широке и Капарке яке быле поднети, дабысмо отъ лица пустаіе овога избѣгнути могли. Али мы примѣтисмо, даће пустаія насъ предобити, и у николико сати безъ сумнѣ стигнути, мысе дакле сви на битку преправисмо, а Лађа наша ніе више нежели 12 Топова имала, а турскога пустаіе 18 Топова собомъ водила. Около 3

сатна послѣ полудне достигао э онъ къ нами, а може быти изъ невѣжества на мѣсто дабы онъ насъ обышао, управо на фару наше Лађе идяше, мысмо съ Лађомъ варахнули на страну, и кадсмо ватру изъ наши Топова повторили, онъ э покрай насъ измакнутисе принужденъ быо, онъ э съ Людма своима, коихъ э число изъ 200 состояло, изъ пушака ватру на насъ дао, алису наши сви покрывени были, и ни едного кугла потрефила ніе, на кое э онъ изъ нова на насъ напао, и мысмосе крѣпко бранили. А кадсу они послѣ тога подруги кратъ съ друге стране къ Лађи нашой приступили, скочилису абіе до бо пустаји на кровъ Лађе наше, и тако све Капарке на Лађи нашой абіе подсекоше. Мысмо ны съ ватромъ изпушака дочекали, са съ дреколми, и разнимъ оружіемъ, и такосмо ихъ подруги кратъ съ крова наше лађе отерали. Но да жалостну часть повѣсти наше кратко искажемъ: кадсу већь садъ наше Капарке, платна, и сва ужета уничтожена была, три отъ нашихъ Люди убіени и 8 ми ранѣни были, моралисмосе предати, и као робови у *Салуу* нѣкое Арапское пристанище отведени были.

Но

Но мени ни тамо ніе онако бѣдно было, као штосамъ я испочетка помыслїо. Самномсе ніе случило онако као съ другима, коису унутра у землю къ двору царевомъ отведени были, него э пустаиски *Калетанъ* мене за собствении добитакъ свой удержао, и као едногъ способна и фришка младића, кои э нѣму послугу чинити могао, за свога правилнога роба учинїо. Рѣдкое премѣненіе мога состоянія, да я отъ терговца бѣднимъ робомъ постанемъ, мораосамъ самимъ аки убіенъ быти, и садми э пао на умъ мога отца пророчески разговоръ, дакуя у найвећу бѣду и несрећу пасти, и никога за помощника имати нећу, коесе, како я помысли, садъ башъ дѣйствително совершило, да горе и бѣдніе быти ніе могло. Ахъ! али ово э іошть само предсказанѣ мое будуще іошть веће бѣде и неволѣ было, као штоће далѣ предначиненіе ове повѣсти ясно казати.

А будући да э мой нови *Калетанъ* и Господинъ мене са собомъ дома повео, была э у сердцу моме надежда, да кадъ онъ опетъ на море пође, даће и мене собомъ узети, гди нѣга каква Шпанска или Португалска воена Лађа ухватити можетъ, и тако я себе опетъ освободити буду.

Но

Но ова є надежда скоро исчезнула, ербо кадъ є онъ у пустайлукъ на море пошао, оставіо є онъ мене на суву у нѣговой бащи радити, и обыкновено дѣло робско у дому совершавати; а када є изъ пустайлука куѣи дошао, морaосамъ я на Лаѣи спаватн и такову чуватн.

Садъ ни нашто друго нисамъ мыслїо нежели какоѣу побѣгнути. Но всуе, на каковъ годъ начинъ я о овоме помысли, ни найманя искрица могуѣности непоявисе, башъ и саме мысли о чему таковомъ нису нимало памети сходне быле. Ербо я неимадо башъ ни едне живе душе, коейбы я казао и съ коїомбы я на море поѣи могао. У робству самномъ нїе ни еданъ Англезъ ни еданъ Шотлендеръ нити Іррлендеръ быо, него я само единъ. Две пуне године пребываосамъ я овако, и акосамъ са сладкимъ Воображеніемъ себи о таковоме чему многократно радость учиніо, но ни найманѣга пута таково штогодъ у дѣйство довести предъ собомъ нисамъ имао.

Текаръ послѣ две године приключиласе нѣка рѣдка прилика, коя є мени мое преѣашнѣ мысли бежаня опетъ у главу довела.

Буду-

Будуѣи да мой Господинъ садъ дуже неголи обыкновенно, Лаѣу свою отнюдъ никчему преправляо нїе, кое є, као штосамъ чуо, недостатакъ новца проузроковао, кодъ куѣе заостао, то предузео є онъ у недели два, а при добромъ времену и три кратъ къ тому преправлѣни Чамацъ, и излазїо є у нѣму на приличне зашкулине рыбу ловити. Онъ є дакле мене, нѣкога малога тако называемаго Морешка (Moreſco) свагда са собомъ узео, да на Чамцу весламо, и мысмо нѣму сопимъ многа увеселенія чинили, и я се у риболовитви добро извѣсти тако, да є онъ мене послѣ съ еднимъ сродникомъ своимъ Арапомъ, и съ Морешкомъ многократно на ловитву пошиляо, дабысмо за ело рыбе уватили.

Кадсмо дакле еданъ кратъ у нѣкоемъ зѣло тихомъ ютру на рыболовъ изишли, пала є такова велика магла, да мы, башъ ако нисмо выше нежели еданъ сатъ себе отъ брега удалили были, вѣсмо таковый изъ очїю изгубили, возилисмо дакле непрестано незнаюѣи ели натрагъ или напредъ, возилисмо тай цели данъ, и целу слѣдующу ноѣь, и текаръ у свануѣе у ютру видѣлисмо, да мы на мѣсто штобысмо

Чамацъ

Чамацъ къ брегу управляли, такови мно-
говиште у далность терали, и найманѣ две
нѣмецке мїлѣ отъ брега удалѣни бысмо. Не-
сматраюћи на то, мысмо напослѣдокъ опетъ
благощастно, но съ великимъ трудомъ и
съ особномъ погибели, и несматраюћи
што вѣтръ овогъ ютра нагло дыхати по-
чео, къ брегу приспѣли. Али могу казати,
дасмо баш здраво огладнили были.

Нашъ Господинъ, кому э овай случай
за науку служїо, заключїо э унапредакъ не
выше себе овакової погибели подвергава-
вати, и будући да э онъ велики Чамацъ
(*Шалупнъ*), кога э съ нашомъ Лађомъ
добїо, имао, такови на то употребити,
пакъ безъ (*Компаса*) солнечнога Часа, и
штогодъ ране выше на рыболовъ не исхо-
дити. Дакле заповѣдїо э онъ Лађе (*Дун-
Керику*) строителю, кои э такожде Ан-
глейски робъ было, усредъ тога Чамца еду
малену кућицу или колебицу на подобїе
оне рыбарске начинити, за коїомъ еданъ на
веслу стаяти, и главнимъ ужетомъ плат-
на управляти можетъ, а напредъ мѣсто
за два человѣка, конѣцду платна дизати и
окретати. Платно э овогъ Чамца было
горе уско, а доле широко, или како Ла-
ћари называю (*Орс*) висяще управо преко
коле-

колебице, коя э доста уска и сниска была,
тако да э онъ самъ съ двои робови уну-
тра спаваши, и за еданъ Асталчићъ, на
коемъ э ручао, мѣста имао, іошћъ къ то-
му нѣколико мали Сандучића, у коима э
онъ свой напиткъ поволни, особито хлѣбъ,
пїрінчъ и Кафу содержавао.

Мысмо дакле на Чамцу овоме при-
лѣжно на рыболовъ исходили, а будући да-
самъ я у дѣлу овоме зѣло добро искусанъ
было, то э онъ мене свагда сасобомъ узео.
Еданъ кратъ намыслїо э онъ съ двоицомъ
знатнихъ изъ мѣста *Аралова*, или увесе-
ленія или рыболова ради известисе, къ
чему э онъ особну уредбу учинїо. Къ ово-
му намѣренія Концу онъ э навече сред-
ства къ препытанію на Чамацъ послао,
мени такожде заповѣдїо *3 pu* пушке съ ба-
рутомъ и съ сачмомъ у приправности дер-
жати, дабы како съ рыболовомъ тако и
съ пуцанѣмъ на птице себе увеселити
могли.

Ясамъ на заповѣсть нѣгову све вещи
у приправность поставїо, и ожидаваосамъ
съ Чамцемъ, когасамъ лепо исплюскао, и
на коме како бандїеръ тако платна и ба-
рякъ зѣло увеселително веяхуся, и све ко

уго-

угожденію нѣговихъ гостей готово было, радостно на нѣга очекивао.

Али етоти нѣга сасвимъ сама на лађу съ тимъ гласомъ, што гости нѣгови ради приключившихся дѣлъ съ нама поћи отказали есу, я да имамъ дакле съ Арапомъ и съ малимъ Морешкомъ, како штое обыкновенно, съ чамцемъ изыћи, и рыбе за нѣгове госте, коиђеду данасъ на вече кодъ нѣга быти, уфатити, и како што уфатимъ, абіе дасе имамъ кући вратити, къ чемусамъ я сей часъ сву уредбу учиніо и на море отишао. У овоме истоме часу дошлесу мени мое прећашнѣ мысли ради мога бѣгства на паметъ, ербосамъ я видѣо. да садъ едну малу лађицу по моей воли имати могу: кадъ э Господинъ мой отишао, уредіосамъ све не къ рыболову, него къ путешествію, несматраюћи што я нисамъ знао, нити помыслію, камо пловити имамъ. Ербо э мени напослѣдокъ све едно было, кудъ пловіо да пловіо, точію само дасе изъ овы предѣла удалити могу.

Овде э мой первый помыслъ было, какоћу я Арапіну добрымъ начиномъ заповѣдити моћи, за наше содержаніе у чамцу штогодъ изъ мѣста донепти, ербо по моему мнѣнію небяше упутно, да бы мы отъ нашега Госпо-

Господина штогодъ за рану искали. Нѣговъ э отговоръ было, да я имамъ право. То э онъ донео дакле едну велику Котарицу Симита Арапски, и три бокала фришке воде на лађу. Ясамъ знао, гдису мога Господина (шишета) стакла за пиће стаяла, и коя изъ посла видећи мораласу отъ Англійскаго добитка быти, и метнуосамъ бутеле, докъ э Арапинъ на полю было, у сандучићь, како дабы оне башъ за нашага Господара іоштъ найпре тамо поставлѣне быле. Тако исто унсосамъ я велику груду воска отъ 50 фунти тешку на лађу, іоштъ съ еднимъ великимъ комадомъ платна за бандіере, жице или канапа за везанѣ, сикирицу, пилу, и чаканацъ, кое намъ после све зѣло полезне и потребне ствари быше, а особито восакъ за светленѣ.

Далѣ заврнуосамъ я Арапіну носомъ, какосамъ годъ хотео, и онъ се э дао преварити. Нѣгово име бяше *Исманъ*, кое они *Мулей* зваху, проговоріосамъ я дакле Мулею съ друголюбнима речма, ербосу нашега Господина пушке већь на лађи быле, неможели онъ мало барута и сачме добити, може быти дађеду на насъ (Alcames) еданъ видъ великій морски птица налетити, можемо убити, и ясамъ знао, да нашега Господина Матеріалъ за пуцанѣ у великой лађи стои.

Съ

Съ драге волѣ отговоріо э Арапїнъ; и онъ э абіе донео єдну велику кожну кесу съ полъ другомъ фунтомъ барута и выше, и другу съ 5 и 6 фунти сачме и іоштъ къ тому нѣколико танета, и сложіо све лепо у лађу. У то исто време нашаосамъ и я у мога Господина соби по доста баруша. Съовимъ напуніосамъ я єдну отъ найвећи флаша, коя э праздна была, изасуосамъ оно мало, што э у таковой было, у другу, и тако отисли-смосе мы, после какосмо са свима потребностми снабдѣни были, изъ пристанища на рыболовъ. При уходу отъ пристанища знализу у Кастелю ткосмо мы, и тако насъ безъ задержанія пловити пропустише. Кадсмо мы єдну Англїнску мілю далеко отъ пристанища были, дакле абіе спустилисмо платна и почелисмо ловити. Вѣтаръ почео э изъ подъ сѣверне стране башъ моему желанію напротивъ дыхати, а кадбы онъ было изъ подъ юга дыхао, я бы Шпанске брегове или најманѣ пристанище отъ *Кадіхса* достигнути могао. Али э намѣреніе мое твердо было изъ овогъ безчеловѣчногъ и гнусногъ мѣста, могао э вѣтаръ дыхати башъ изъ косму драго рупе, са свимъ избѣгнути, а друго све самой судбыни у руке препоручити.

Поелѣ

Послѣ нѣкоего времена, како мы ловисмо и ништа не уфатисмо (ербо кадсе э штогодъ на мою удицу и заденуло, што я, да Арапїнъ невиди, нисамъ ни извуѣи хотео) рекаосамъ я Арапїну: нейма прокопіе, неможемо ништа уфатити, а нашъ Господинъ хоѣе рыбе да има. Мысе морамо отъ брега далѣ отиснути ніе файде ништа. Онъ ништа зло ни мыслїо ніе, ербо э онъ напредъ у Чамцу сѣдїо, и растегнуо э абіе платна, я консамъ на думену стаяо, управіосамъ Чамацъ єдну добру нѣмецку мілю болѣ на пространость и высину моря. Окренуосамъ послѣ, аки дабы опетъ ловити хотео, даосамъ оному младому думенъ у руку, и потерчаосамъ напредъ ко Арапїну; учиніосамъ, као дабы изанѣга нѣчто усмотріо біо, уфатіосамга изъ ненада изъ подъ руке и колена, и бацїосамга преко лађе у воду. Но онъ э зачасъ опетъ наверхъ искочїо, ербо э онъ као гнюрацъ пливати знао, повыкао э, и замолїо мене, дага опетъ пріимимъ, и рекао э, дађе самномъ преко цѣлогъ свѣта иѣи. Онъ э доиста за Чамцемъ тако яко пливао, дабы мене башъ скоро стигао было, ербо э вѣтръ верло слабъ было. На то потерчаосамъ скоро у Колибу, узеосамъ мою пушку, натегнуо-

тегнуосамъ на нѣга и рекаосамъ: чуешъ, яти досадъ никакова убитка нисамъ учиніо, и далѣ ако ты што незапочнешъ, ништа ти учинити нећу, и будући даси изрядни пловацъ, Море э тихо, моћићешъ къ брегу доспѣти, него садъ све крѣпости употреби и пливай къ сувоме, и у овомъ случаю отъ мене теби ни найманы вредъ приключитисе неће. Аколисе усудишъ за Чамацъ уфатити, яћути главу абіе съ танетомъ продрети: ербосамъ я сасвимъ заключіо освобожденіе мое добити. На коесе онъ окренуо и почео э живо пливати, а я знаюћи да э онъ отмѣнни пловацъ, то несумнямъ нимало да онъ башъ и безъ великога труда ніе на брегъ испливао.

Ябы доиста овога Арапіна са собомъ быо узео, и на место нѣга младога утопити могао; но я нѣму никоимъ начиномъ повѣритисе немогохъ. Кадъ э овай већь отпливао, окренусе я къ младоме, коисе (Xurey) *Ксурей* называо, и рекаосамъ нѣму, да ако хоће онъ мени вѣранъ быти, тоће онъ чрезъ мене великимъ човекомъ постати, и акосе онъ неће по обычаю рукомъ по образу ударити, мени вѣрность завѣщати, съ Мухамедомъ и нѣговога отца брадомъ полно заклетисе, тоћу я нѣга онако исто како што-

штосамъ и онога, у море бацыти. Но юноша овай смѣяшеся дружески на мене, и тако э невинно самномъ говоріо, да я на вѣрность нѣгову ништа сумняти немогохъ. Дакле и заклеосе онъ мени благъ и вѣранъ быти, и самномъ преко цѣлогъ свѣта прећи.

Гледаюћи я за онымъ пловущимъ Арапомъ управіосамъ чамацъ управо на высину моря, и выше горе преко вѣтра дабысу мыслили я пливамъ управо къ концу пута међу Шпаніомъ и Африкомъ, коебы доиста и сваки други, коибы на мѣсто ны быо, мыслити морао. Ербо ктое вѣроваги могао, даћемо мы подъ южну страну и управо къ варварскимъ брегомъ и странамъ доћи; гди насъ читави народи (*Негровъ*) черни люди дивяцы съ ныовими чамцы обколити и убиги хоћеду, и башъ гди мы ни на землю изићи неможемо, да небысмо у очевидну погибель дошли, отъ дивыхъ звѣровъ растергани, или отъ дивыхъ людей изѣдени быти.

Али какосе навече смеркнуло, премѣніосамъ я абіе путь мой, и пловіосамъ у право юже-восточно, и выше къ востоку, дабы свагда кодъ землѣ отъ морске стране остао. А будући дасамъ я фришакъ вѣтръ, равно и тихо море имао, тосамъ тако

фриш-

фришко ишао, да я сутра послѣподне около 3. сата, кудсамъ по други кратъ землю усмотрїо, више отъ 150 Англїискїй миля на страну подъ югъ отъ *Салее* и тако отъ державъ Мароканскаго Цесаря или сосѣдныхъ другихъ земель и предѣлъ иныхъ Кралѣвъ много далѣ быти морао.

Мы нисмо видѣли никакови люди, а ясамъ таковы великїй страхъ отъ Арапа добїо, и такови э велики ужасъ у сердцу моме было, да я ныма небы опетъ у руке пао, дасе нисамъ ниусудїо нигди чамацъ задержати или на суво изыћи и іоштъ манѣ мачку у море спустити. Вѣтръ э было іоштъ свагда тихъ, и ясамъ на овай начинъ петъ пуны дана на мору возїосе. Алисе садъ средственнымъ начиномъ вѣтръ окренуо къ югу, ондасамъ я већь знао, башъ акосу и послали были у потеру замномъ, да бы мене стиѣи могли, у овому часу моралису оставити. Садсамсе усудїо къ земли приближити, спустїосамъ мачку у заливу или у ходу едне рѣке незнаюћи ни каква э, незнаюћи такоћеръ подъ каквомъ ширином, земљомъ, Народомъ или рѣкомъ. Исто тако нисамъ видѣо никакови люди, и нисамъ зажелїо никакови ни видѣти. Найважнїя вещь была э, кое неймадо, фришка вода. У овай уходъ рѣке

дошли-

дошлисмо мы предъ вече, и наумилисмо какосе смркне на суво испливати, дабысмосе о овомъ предѣлу извѣстити могли. Али какосе нощь сасвимъ спустила, чулисмо сасви страна страшни звукъ Лаяня, урликаня, рыканя, дивїй нами незнани звѣрова, тако да э млади *Ксурей* отъ страха и ужаса скоро као мертавъ было, и мене тужително замолїо до дана на суво неиѣи. Добро *Ксурей*, рекаосамъ я на то: нећу дакле иѣи, али може быти кадъ сване, даћемо видѣти Люди онакови, коиће ду намъ више шкодити него сви Лафови. Хе мыћемо онда на ны, рекао э *Ксурей*: смѣюћисе пуцати и свїю у бѣгство растерати. Ясамъ о томъ радость имао, гди э овай юноша тако весео было, и дабы нѣга іоштъ болымъ юнакомъ учинїо, дадо нѣму изъ нашега Господина бывше чутуре ракїе напитисе. Али при свему тому совѣтъ *Ксурейевъ* было э добаръ, когасамъ я и примїо. Мысмо спустили нашу малу мачку (*Ленѣеръ*) и лежалисмо цѣлу нощь мирно; говоримъ бѣдно мирно: ербо мы неспавасмо нимало, но послѣ 2 сата видѣлисмо, гди э множество великихъ и страшнихъ, дивїихъ звѣровъ, (*коихъ познавали нисмо*) и коису отъ различни видовъ были, съ брега

дошло,

дошло, и скочило у воду, дабысе у води разладило и увеселявало, гдису они такови страшни рикъ, выку и урликанѣ дигли, да я што годъ таково іоштъ мога живота никада чуо нисамъ!

Ксурей было э верло уплашенъ, а и я съ нимъ равно. Алисе мы іоштъ већма уплашисмо, кадсмо еднога ови звѣрова управо къ нашему Чамцу пловуща чули, мы нѣга видѣти нисмо могли, али отъ персканя и дуваня разумѣлисмо, да то нѣки страшни и ярости дивіи звѣрь быти мора. *Ксурей* э рекао, да э Лафъ, а тако э и было, коликосамъ я примѣтіо. Овай сирома повикао э, да извучемо мачку, пакъ дасе отиснемо далѣ на воду. Не *Ксурей* рекаосамъ я: мы можемо наше уже отъ мачке на дуже спустити, и далѣ на воду себе содержавати, и звѣри намъ толико далеко немогутъ слѣдовати. Само штосамъ я то изговорїо, видїосамъ, да звѣрь ніе далѣ него два весла далине отъ насъ далеко было, на коесамъ я малко повезао, и къ колиби моей потерчао, узеосамъ пушку и баціо ватру, на коесе звѣрь опетъ возвратіо и къ брегу отпливао.

Но могуће ніе описати, какову э ужасну буну и страшни шумъ урликаня, како на-

напредъ на брегу тако и на суву далѣ овай отъ пушке гласъ проузроковао; ербо што годъ таково по моей мысли ови звѣрови іоштъ никада чули нису. Ово э увѣрило мене совершено, да ноћу на суво излазити за насъ есть погибелно, а можелимосе преко данъ усудити, то э было друго питанѣ. Ербо э еднако погибливо было, или међу Лафове и Тїгре, или међу дивіе Люде пасти, мысмосе отъ обадвога врло страшили.

Могло э то быти какому драго, мысмо принуждени были на коемъ годъ мѣсту ради фришке воде изићи, ербо у Лаћи већъ ни едну Четвертъ бокала нисмо имали. Када игди отомъ э іоштъ питанѣ было. *Ксурей* э рекао: ако я нѣга на суво пустимъ съ бокаломъ, тоће онъ наћи фришке воде и донести. Ясамга запитао, зашто бы радъ онъ на суво изићи. Зашто я небы ишао, а онъ у Лаћи да остане. Но Юноша э овай мени тако юначки отговорїо: дасамъ я нѣга отсадъ іоштъ више любити морао. *Ксурей*! рекаосамъ я: дакле да идемо обадва онамо, и акобы дивяцы дошли, мыћемо ны свїю потући, и они отъ насъ никаковога печеня правити нећеду. Даосамъ нѣму две симите, и сданъ

напи-

напитакъ ракіе изъ выше сказане Чутуре, и дошлисмо съ Чамцомъ врло близу къ брегу, колико э годъ намъ потребно было, и изышлисмо съ ничимъ другимъ, нежели съ нашимъ оружіемъ и съ двема бокали за воду на суво. Али ясе нисамъ усудіо нашъ Чамацъ изъ очію изгубити, ербосамъ мыслію, данебысу какови дивяцы на ныни Чамцы рѣкомъ доле сишли.

Ксурей э на нѣко усмотреніе едногъ ниского мѣста реци едну Англейску Мілю землѣ у нутра потрчао, а я идуѣи усмотріосамга, да онъ опетъ къ мени трчи. Помыслiосамъ, дага какови дивякъ тера, или онъ бѣжи отъ страха предъ каковимъ яростнимъ звѣромъ, поспѣшiосамъ нѣму на помощь. Али кадсамъ я ближе къ нѣму дошао, видiосамъ, даму нѣчто низъ леѣа виси, то есть нѣко зверче, што э онъ убіо. У виду э было као зецъ, но друге фарбе (бое) и дуже у тѣлу и ногу. Былисмо дакле врло весели, ималисмо поштенъ ручакъ, а найвеѣа радость была э намъ о томъ, ербо э *Ксурей* фришке воде донео, и нигди дивяка ніе видіо.

Послѣ видѣлисмо, да нисмо за сладку воду таковаго великаго труда мы отпотребе имали, ербо мало горе кодъ ухода, гди-

гдисмо стояли, кадъ э море натрагъ уступило, кое ніе высоко было ни изышло, сладке воде доволно добити э было. Мы дакле напунисмо наше бокале, ручалисмо добро нашъ Ловъ, приправилисмосе къ далшему путешествію, послѣ како мы у овому предѣлу землѣ не само дасмо кога человѣка видѣли, него ни стопе человѣческе нисмо нигдѣ нашли.

А будуѣи дасамъ я на овыхъ брегахъ іоштъ еданъ кратъ преѣе быо, то знаосамъ добро, да *Канарічески* Острови, а такожде и *Циландъ* отъ туду далеко не отстои. Али я нисамъ имао кодъ себе водени Іншструмента, дабы высину моря знати могао, такожде нисамъ совершено ни знао, нитисамсе башъ право опоменути могао, подъ коіомъ ширіномъ ови Острови лежаху, то нисамъ знао дакле какоѣу я къ ныма поѣи, и каколиѣу Лаѣу къ ныма управляти знати; тобы я можетъ быти, съ малимъ трудомъ еданъ отъ ови Острова лако наѣи могао. Овде э една моя надежда была, да кадбы я покрай ови брегова и острова доле до страна, гди Англези тергую, пловити могао, може быти, дабы я какву отъ ныни Лаѣа на ныномъ обыкновенимъ

венимъ путешествїю потрефїо, и отъ ныхъ радостно пріимлѣнъ быо.

По моему опасному хесапу, морала э земля ова, гдисамъ я садъ быо, онай предѣлъ мећу державама Цесаря Мароканскога и мећу (*Негри*) црнимъ быти; коя э пуста (окромъ дивїихъ звѣровъ) и не обытана лежала, коюсу *Негри* отъ страха Арапскога изоставили, и далѣ къ Югу отвуклисе, и неплодїя ради за обытаніе неспособну держали, и ради множества звѣровъ Тїгровъ, Лафовъ, Леопардовъ, и прочихъ люшыхъ звѣровъ, коисусе тамо задержавали, сасвимъ изоставили, тако дасу ю Арапи само за Ловъ держали, на коису они съ полкомъ отъ 2 до 3 тисяще Люди на еданъ кратъ излазили. Послѣ какосмо выше отъ 100 Англїйски Міля пловили, и ништа друго видѣли, него даньомъ пусту и не обытану землю, а ноћомъ ништа друго него само рыканѣ и урликанѣ дивїихъ звѣровъ чули.

Преко дана два три кратъ усмотріосамъ я по моему мнѣнїю тако называемо высоко брдо, *Пїхо отъ Тенеріффе*, како найвыши верхъ отъ планинъ Тенеріффе, на *Канарїческимъ* Островамъ, и имаосамъ у памети усудитисе тамо поћи, небыли мо-

може быти, тамо доплити могао. Но кадсамъ други кратъ учиніо пробу, мораосамъ ради противногъ вѣтра, а и море э за мою малу Лађицу врло высоко было, опетъ при моемъ первомъ намѣренїю; то есть по край бреговъ пловити, остати.

Послѣ какосамъ изъ ови страна изышао, мораосамъ їоштъ нѣколико кратъ ради фришке воде къ сувоме пристати. Еданъ кратъ у ютру рано сталисмо подъ еднимъ малимъ верхомъ землѣ, кои э доста высокъ было, на Мачки, а будући да э море почело долазити, тосмо їоштъ кои часъ очекивати морали. *Ксурей* э очима болѣ и далѣ видїо, нежели я, прикучіосе полагано къ мени и рекао: мыбысмо найболѣ учинили, кадбысмо Лађицу далѣ отъ брега держали, и рекао э: погледай само каково гнусно страшилище подъ онимъ малимъ брдашцемъ спава! Ясамъ погледао, гдіе онъ мени прстомъ показао, и усмотріосамъ оно страшилище (звѣра) дѣйствително.

Али э то башъ и было еданъ страшный великій Лафъ, кои э на брегу у сѣну (ладку) едногъ одронка, кои э башъ преко нѣга высїо, дубоко спаваюћи лежао. Ксурей рекаосамъ я: ты морашъ изыћи на суво, и оногъ пса убыти. Али э младићь показао страхъ

на

на лицу, и рекао: Я дага убіемъ? таћеме онъ у еданъ путъ прогутати; што мыслишъ. Дакле я у нѣга далѣ нисамъ дираонего рекао: само ты мирно стой, узеосамъ нашу найвећу пушку, коя э велико тане примала, набіосамъ ю добро барутомъ, и двѣма парчепи гвозћа, и метнуосамъ ю на мѣсто. У другу метнуосамъ два мушкетна танета, равнѣ и у трећу, ербосмо имали три, петъ танета. Натегнуосамъ пушку, и наперсіосамъ нѣму у право у главу, но онъ э лежећи ногу преко носа держао тако, да она парчета гвозћа нѣму кости у куку распрскаше. У почетку дигаосе онъ букаюћи, а кадъ э осѣтіо, даму э кукъ расцопанъ, строваліосе опетъ доле, дигнуосе опетъ на свое три ноге, и урликао э ужасно. Ясамсе забринуо малко, дага у главу трефіо нисамъ. Фришко дакле узеосамъ мою трећу пушку и баціосамсе на нѣга, акое онъ башъ и бѣжати почео, іоштъ еданъ кратъ, и ударіосамга башъ у главу, и имаосамъ радость о томъ, какосе онъ извали, и никакове ларме неучини, него душу пустити хотяше. На тосе мой Ксурей весма ободріо, и быобы радъ, кадбы онъ на суву быо. А кадсамъ я то дозволіо, узео э онъ малу пушку у едну руку, скочіо э у воду, и другомъ рукомъ испливао на брегъ,

опи-

опишао э къ звѣру, наслоніому э уста отъ пушке на ухо, и пробіому э тако скрозъ главу, да э онъ сасвимъ мертавъ остао.

Садъ већь ималисмо дивячине, али што э файда, нисмо есши могли; и жаоміе было, дасамъ на овогъ неполезногъ звѣра два мертика баруша и олова потрошіо. Али э Ксурей хотѣо отъ нѣга штогодъ имати, того ради дошао э онъ на лаћу, заискао отъ мене сатару, да звѣру главу отсѣче, звѣръ э доста тежакъ быо; но онъ э нѣга опетъ къ мени довукао, и ясамсе о величини звѣра доволно чудити морао.

Преко свега помыслiосамъ, може быти, даће намъ кожа, ако не у едномъ, а оно у другомъ случаю кадгодъ потребна быти? И намѣріосамъ ако доста якъ будемъ, шакову съ нѣга свуѣи. Дакле засукалисмо и я и Ксурей рукаве, али э Ксурей болѣ овай посао разумѣвао него я, съ коимъ я никадъ готовъ быти небы могао. Мысмо доиспа обадвоица читава два дана съ шимъ посла имали. Напослѣдокъ учинилисмо и што, свуклисмому кожу са свимъ, распелисмо ю на крову отъ Колибе, - - - - коя э у два дана сува была и мени послѣ за простирачь служила.

После нашега овде задержаня пловилисмо 10 и до 12 дана отъ юга на страну, чували-

смо

смо рану нашу опасно, коя э већъ све мане бывати почела, неисходисмо често на суво, него кадсмо фришке воде потребовали. Мое намѣреніе было э рѣку *Камлію* или *Сенегалъ* (Campia Senegali) то есть страну и предѣле около *Кало Верде* (Capo Verde) достигнути, гди я какову Европейску лађу трефити надаосамсе. Ако бы то несрећно было, то онда небы знао, штоћу започети далѣ, него Островъ тражити, или тамо отъ Негровъ погинути. Знаосамъ да све Европейске лађе, кое годъ или къ странамъ *Гвінее* или *Бразіліе*, или у восточну Індію путую, ова мѣста и острове посѣщаваю. Съ едномъ речи ставіосамъ савъ мой случай на ову едну срећу. - - - Или я морамъ какову лађу наћи, или отъ глада умрети.

Кадсамъ я по овому моему намѣренію више реченномъ мѣромъ іоштъ 10 дана дуго слѣдовао, видіосамъ, да э она земля посељена и на нѣки мѣсти, кудсмо прошли, люде на брегу стоеће, коису за нама гледали. Тосмо дакле и видѣти могли, дасу они са свимъ черни, наги и голи были. Ясамъ имао волю на суво изыћи, али э Ксурей мой добрый Совѣтникъ мене отъ тога отвратіо. Но несматраюћи на то, управіосамъ я чамацъ ближе къ брегу, дабы съ ныма говорити

ти могао, и видіосамъ дасу они по край мене у нѣки бучакъ отъ брега потерчали доста по добро. Оружія у рукахъ нису имали никакова, окромъ да э еданъ штапъ у руцы имао, кои, како што э Ксурей рекао, да э Копіе, съ коимъ они доста далеко и извѣстно у нишанъ трефити могу.

Дакле держаосамъ лађу на воду далѣ отъ брега, и съ ныма колико э годъ можно было, съ рукама, очима, и изображеніями знаковъ говоріо. Особито даосамъ ныма разумѣти, дабысамъ радъ штогодъ ести. Онису дали мени разумѣти съ показываньемъ рукама, да я съ лађомъ моіомъ станемъ, и такоћедуми штогодъ за ело донети. На тосамъ я спустіо платна моя сниже, и стаосамъ; двоица отъ ныхъ отерчалису скоро у нутра у землю, и за полъ сата дошлису опетъ натрагъ, донелису два комада сува меса и жита, како што у ныной земли имали. Одашта и каково э ово сугубо ело было, мы знали нисмо, алисмога опетъ пріимили. Како дакле вещь ову примити отъ ныхъ, што э проузроковало другу бригу. Ербо я нисамъ смѣо на суво изыћи, а и ныма э кика отъ страха нашего растла. Но оны изнаћоше найболѣ средство за обадве стране; ербосу они доле што што донели, на брегъ снели,

мет-

метнулису на землю, пакъ онда доста подалеко себе оттудъ удалили, доксмо мы то на лађу донели, пакъ онда опетъ близу съ нама дошли.

Мысмо благодарность нашу ныма знакама показали, ербо мы ны ничимъ обдарити нисмо имали. Алисе у овому истому магновенію ока случіо способъ, ныма особну службу и поволность учинити. Ербо доксмо іошть кодъ брега стояли, дошласу два велика дивія звѣра, коису еданъ другога са жестокомъ ярости, како штосмо мы мыслили, терали изъ планинъ къ морю доле. Ели мушко было, кое э женско терало, или ели то изъ шале или гнѣва было, мы знали нисмо, тако исто, ели то штогодъ обыкновенно, или необыкновенно было, но то необыкновенно бяше, ербо овакови губящи, и похитителни звѣрови, никада другоячіе нежели ноћу себе видѣти даютъ, а друго люди, и особито жене отъ ныхъ неисказани страхъ и трепетъ имаду. Онай, кои э у рупы копіе держао, ніе побѣгао отъ ныхъ како други, какосу дакле къ брегу дошли, абіесу и у воду скочили, показалисусе аки да они Негромъ ништа жао учинити незактеваю; него берчкашесе гнюраше и пливаше по води, башъ како дабысе увеселявати хотѣ-

хотѣли. На послѣдокъ почео э еданъ къ лађи моей пливати, пре него штосамъ я помыслію. Но ясамъ добро позорствовао на нѣга, ербосамъ я скоро пушку набіо, и Ксурей рекао съ онима двѣма другима то исто учинити. А кадъ э онъ мени на око дошао, опаліосамъ я, и трефіосамга башъ у главу. Онъ се абіе у воду погрузіо, али э опетъ скоро на воду искочіо, гнюраосе э часъ горе, часъ доле, аки да небы манькати хотѣо, него само дасе ачи. Онсе доиста упутіо къ брегу пливати, али смертоносна рана, и много прогутана морска вода нѣму пре него што э онъ на суво дошао, животъ окончаше.

Страхъ и удивленіе ови сироти и Люди о звуку или грмлявини моего ватренаго Оружія небяше могуће описати. Нѣки мало нису отъ страха помрли, а нѣкису отъ ужаса башъ мертви къ земли пали. Кадсу они звѣра убіена и поражена а мене ныма знакъ дающа, дабысу доле на брегъ сишли, видѣли, ондасу они добили храбрость и бодрость, скочилису доле, и почелису звѣра тражити. Ясамъ нѣга нашао по крви, съ коіомъ э онъ воду офарбао, опасаосамга ужетомъ по тѣлу, и баціосамъ уже *Негромъ*, дабыга са свимъ на брегъ извукли.

Садъ

Садъ видѣлисмо дакле, да э то отмѣнно красный *Леопардъ*, све самима чистима Шарами поцѣломъ тѣлу украшенъ био; а *Негри* отъ тешкога чуда диглису руке къ Небу, чимсамъ я таковога Звѣра убити могао.

Другисе отъ мунѣ барутне и отъ звука пушке зѣло уплашїо, испливао на суво, и побѣгао э управо горе у планину, откудъ э и дошао, а я у такомъ великомъ одалѣнїю познати нисамъ могао, што э? и каковъ э звѣръ то био. Я смотрїосамъ абїе, да *Негри* волю и склоность къ лову имаду. Даосамъ ныма знакъ, даимъ мой Ловъ покланямъ. Онису благодарно примили, предузелису дѣло абїе, и башъ ако ножа и нису имали, тосу знали они парчетомъ остра дрвета кожу тако лепо и скоро свуѣи, кое мы съ нашимъ ножемъ никадъ лепше учинити небы могли. Онису давали мени меса, но я узети нехотѣвъ, него нека они за себе задерже, даосамъ имъ обаче разумѣти, дабысамъ кожу радъ имао, коюсу они мени абїе съ драге волѣ дали, и къ тому іоштъ коекакви ствари за ело мени донели; ясамъ и незнаюѣи каковесу опетъ ихъ примїо. Послѣ показаосамъ имъ извернутъ празанъ бокалъ, дабысу они мой недо-

недостатокъ воде видѣти могли. На коесу они абїе зовнули нѣкое своихъ познатыхъ, и послѣ таки дошлесу две жене съ еднимъ землянимъ сосудомъ воде, кои э, какомисе учинило, на солнцу испеченъ био; метнулису онако исто како и преѣе предаме, и ясамъ рекао Ксуреи, да наша три бокала напуни. И ове жене былесу онако исто голе наге, како годъ и мужеви!

Садсамъ дакле са средствами препитанїя, съ различними корени ове землѣ, равнѣ и фришкомъ водомъ снабдѣнъ био. Дакле оставїосамъ мое просподушне *Негре*, путоваосамъ 11 *тъ* дана далеко, гди небы прилике нигдѣ стати, ниги на суво изыѣи, докъ нисамъ видѣо, дасе земля до 4 или 5 Нѣмецки мїля далеко предамномъ у море простираетъ, и будуѣи да э море тихо и равно было, управїосамъ лађу мою на пространость моря далѣ, да бы Уголъ овай мимоиѣи могао. Послѣ какосамъ я овай речени бужакъ 2 Нѣмецке мїлѣ за собомъ оставїо, усмотрїосамъ такожде и на другой страни моря врло близу землю, изъ чега и дознадо, како што э и безъ сумнѣ морало быти, да э оно *Калъ-Вердъ*, или зелено предгорѣ, ово э дакле тако называеми *Калъ-Фердїше Цїландъ* био. Но обадве ове землѣ

дале-

далеко отъ мене отстояше, и мислiосамъ штобы найболѣ чинити было, кадбы мене вѣтаръ ухватiо, да небы ни на едну овыхъ земль ударiо.

Кадсамъ у овой неизвѣстности пунъ различни мисли у колибицу нашу сишао, и само штосамъ сѣо, повыкао э *Ксурей*, когасамъ на думену оставiо, што э годъ могао, да онъ види едну *Лађу* съ велико разширипимъ платномъ, и бiо э отъ страха полакъ изванъ себе, мыслећи да то мора *Лађа* нашега бывшега Господина быти, коя занама у потеру иде; ясамъ знао, дасмо мы зѣло далеко оттуду, и они насъ стигнути немогу. На коесамъ я берзо изъ колибе изишао, и абiе не само *лађу* провидѣо, него iоштъ знао чiя э и каква э, то есть: Португалска, кою я ради купованя Негровъ у *Гвiнейска* пристанища опредѣленну быти мыслiосамъ. Далѣ кадсамъ я путъ ове *лађе* добро разсмотрiо, и примѣтiо, да она на другу страну иде, то я нехотѣ на суво изыћи. На коесамъ я са свима крѣпостми *лађу* далѣ на море управiо, да акобы могуће было, съ людма отъ ове *лађе* говорити.

Видiосамъ обаче, да акобы я башъ сву силу мога платна употребiо, ны опетъ стигнути небы могао, и онибы преће отишли,

нишли, него штобы я ныма знаменiе дати могао. Но преко свега кадсамъ я вѣтаръ по воли уфатiо, и платна, како годъ што э болѣ быти могло, полно управiо, али опетъ надежда моя при свему тому почелосе умалявати, тосу они мене опетъ на пусулъ видѣти морали, и мыслили, да э моя *лађица* каковегодъ Европейске на мору разбiене и у несрећу падше *Лађе* была. Ондасу они попустили платна, и чекали на мене. Ово э дало мени бодрость, имаосамъ мога Господина отъ *Лађе* (*бандiеръ*) барякъ кодъ себе, когасамъ я за знакъ мое садашнѣ нужде на видѣнiе на Катарку заденуо и едну пушку избациo, коссу они обадвое видѣли, али какосуми послѣ казали, да гласъ отъ пушке нису чули, него само димъ видѣли. На ово знаменiе нужде управилису они сожалително управо къ мени; и башъ мене ради *Лађу* на страну окренули, тако дасамъ я до три сата благощастно къ ыовой *Лађи* дошао.

Онису француски, португалски, и шпански мене запитали, ткосамъ я? Но я отъ сви трiю вопроса ниеднога нисамъ разумѣо. На послѣдокъ повыкао э еданъ Шотландскiй отъ *лађе* Матросъ къ мени. Ясамъ отговорiо нѣму, дасамъ я Англезъ, коисамъ изъ *Салее*

изъ Арапскогъ робства тайно побѣгао. Дакле реклисуми, дасе на лађу попнемъ, и примилису мене и све мое добро дружески къ себи.

Мени э у овому магновенїю ока, како што сваки разумѣти може, была неописанна радость, оваковымъ начиномъ, по моему мнѣнїю, изъ мога ондашнѣга жалостнога и скоро изгублѣнога стања спасену быти; и рекаосамъ за благодарность мога избављенїя Капетану све добро мое примити.

Но онъ э великодушно рекао: онъ незакћева ништа, него све што э на лађу донешено, кадъ благополучно у *Бразилїю* дођемо, опетъ мое будетъ. Ербо нѣгове речи быше: я ни у каквоме другоме намѣренїю животъ вашъ нисамъ спасао; него да и я самъ у таковомъ случаю избављѣнъ и спасенъ желити бы было, и кадбымисе можетъ быти кои кратъ то случило, да бы и я равно прїимлѣнъ быти могао. Іоштъ къ тому рекао э онъ, кадбы я Васъ отъ Отечества тако далеко отвео, како што э *Бразилїа*, и то што имате отъ васъ покупїо, выбысте онде отъ глада умрети морали, и тимъ образомъ бы вамъ опетъ животъ вашъ, когасамъ спасао, узео! Не мой любезный! Яћу тебе за бадава онамо отвести, отъ ови

ови ствари можешъ ты онде како содержанїе твое, тако и на твой путни прошакъ, кадсе дома вратишъ, прибавити што годъ. Колико э онъ себе любезна у обѣту своме показао; толико э онъ у исполненїю истинъ было, ербо э онъ свимъ Матросомъ остро заповѣдїо, да у мое ствари ни еданъ ни найманѣ додирнутисе не усуди. Затимъ э онъ како велике тако и мале вещи мое све подъ свою руку узео; и даомїе точно описанїе отъ свега; дађу я све, башъ и она 3 земляна бокала опетъ натрагъ добити.

Штосе мога Чамца допицало, онъ э было башъ добра Лађица. То э онъ видѣо самъ добро, и запитаоме, нећулига нѣму продати? ясамъ отговорїо нѣму: кадъ э онъ племенитодушно, и любовно себе у свима случаи спроћу мене показао, то я Чамацъ мой ниушто хесапити немогу, него нѣму сасвимъ покланямъ. Наш э онъ мени писмено дао, кадъ у *Бразилїю* дођемо, даће занѣга 80 Златицъ платити, съ тимъ придаткомъ, да акосе тко наће да за нѣга и выше што даде, іоштъ и оно што э отвыше мени попунити хоће. Затимъ даваоми э за мога младога *Ксурею* 60 Златицъ, кое я узети немогохъ, не зашто

 што

што я нѣга *Калетану* дати небы прегорео, него што я мога сиромаха и доброга *Ксурею* свободу, кои э онъ моей собственной тако вѣрно и ревнително помогао, радо продати нехотѣвъ. И кадсамъ я *Калетану* узроке казао, то э онъ мнѣніе мое за честно почитавао, али э абіе средство предложіо моме *Ксурею*, акога 10 година узслужи, и хрістіанинъ буде, совершену свободу дароваги; кое э онъ све писмено учинити обѣщао. На кои обѣтъ я *Ксурею*, и видећи да онъ самъ къ тому волю имаде, нашему *Калетану* предадо.

Мысмо до Бразіліе врло благополучно пуповали, и дошлисмо послѣ три недѣлѣ къ мѣсту (Babia de Todoslos Santos) или у пристанище всѣхъ святыхъ срећно. Садъ я већь полно отъ найбѣдніега живота себе спасена видѣвъ, и садсамъ морао мыслити, што у напредакъ почети имамъ.

Я на векодушно спроћу насъ показиванѣ оногъ доброгъ *Калетана* мыслити престао нисамъ. Онъ за путь мой ни новца узети нехотѣвъ, даоміе за кожу отъ Леопарда 20, а за ону отъ Лафа, коесамъ на Лаћи имао, 40 Златницъ, пакъ э затимъ све ствари, коесамъ на лаћи имао, комадъ по комадъ мени честно изручіо. Штосамъ

іошть

іошть продани у памети имао, као Флаше, две Пушке, комадъ отъ оне груде воска шіоміе отъ свећа остало, то э све *Калетанъ* самъ за себе купіо. Кратко: ясамъ добіо отъ свега мога имѣнія 220 шпански Талира, и дошаосамъ съ Капіталомъ овимъ у *Бразіліу* на суво.

Мало затимъ препоручіо э мене *Калетанъ* у домъ едногъ тако исто честногъ Мужа, као што э и онъ самъ быо, кои э Шећерницу, (*фафріку*) и ктому принадлежащу землю имао. Кодъ овога задержаосамсе я дуго времена, и чрезъ време ово мало помало научиосамъ я како Шећеръ садити и кувати валя: и видѣосамъ, како при томъ жители добро стое, то заключіосамъ и я, акобы дозволеніе добити могао, овде заостати, землѣ купити, и мое у *Лондону* изоставше новце приликомъ овамо принести дати; къ свому концу даосамъ я себе писмено овде окућити, купіосамъ толико землѣ, коликосу новцы мои досягнути могли; прохесапіосамъ, какоћу я садъ и домостроеніе ономе моме изъ *Англіе* ожидаемому Капиталу умѣренно предузети.

У комшилуку имаосамъ я нѣкогъ португіза изъ *Лізабона*, кои э такожде отъ

Ан-

Англейски родителя бьо, именемъ *Велдъ*, кои э толики исти Капиталъ имао, као и я, ясамга тога ради комшіомъ называо, ербосу нѣгове ныве поредъ моихъ лежале, и мысмо врло любовни содружницы были. Мой Капиталъ бьо э нѣговому равнъ, и доста маленъ, сеялисмо и радилисмо 2 године дуго, и то выше за собственну нашу рану, нежели штобысмосе штогодъ помоћи могли. Но преко свега почелисмо мы напредни бывати, и све у добро станѣ довести, тако дасмо мы већь у трећой години нѣчто мало дувана насадили, и свакі подобаръ комадъ ныве за разсаћиваня Шећера на будущу годину прибавили. Алисмо мы помоћи лишени были, и ясамъ садъ искусіо выше него преће, какосамъ врло фаліо, штосамъ мога Ксурею отъ себе пустіо.

Ахъ! то ніе ни было никаково чудо, дасамъ я зло учиніо, ербо нисамъ никадъ ништа добро ни учиніо. И овде ніе помогло мени ништа друго, нежели любимо терпѣніе, и прилѣжно дѣланіе. Ясамъ себе дакле на онакови посао дао, кои э сасвимъ нарави моей противанъ, о коемъ никадъ волѣ нисамъ имао, и когасамъ ради я домъ моихъ родителя изоставіо, и савъ нынъ

добрый

добрый совѣтъ у вѣтаръ баціо. Равно садъ дошаосамъ я у оно среднѣ станѣ, или у найвыши степень раболѣпногъ живота, о чему э мене мой отацъ іоштъ преће совѣтовао, и кадбысе я бьо къ тому склоніо, свагда лепо кодъ куће остати могао, и себе не тога ради по свѣту тако бѣдно трпи и мучити дао. Ясамъ у себи многократно рекао, дасамъ я то исто међу мои пріятели и сродницы у Англіи чинити могао, и не зато 5000 Англейски Міля у странствованю међу дивяцы и пустиняхъ, и тако далеко отъ куће отишао, и да я о овима частма землѣ ништисамъ каковога извѣстія имао, нити икадъ штогодъ о ныма разумѣо.

Овакимъ образомъ навыкаосамъ я состояніе мое съ крайнѣйшомъ досадомъ расмотравати. И нискимъ нежели съ моимъ сосѣдомъ содружество имати. Штосамъ годъ имати хотѣо, моралое дѣломъ руку мои быти, и рекаосамъ често, да я као еданъ морестрадалацъ, кои э на какови пусти Островъ дошао, и кодъ себе никакове живе душе нейма, живити морамъ. Али како э праведно и достойно то было, и како небы сви прочи о томе расмотравали, да кадъ они садашнѣ свое станѣ съ ныним

нимъ пређашнымъ іоштъ горимъ сравняваю, да Богъ съ ныма у овому случаю премѣну чини, и ны о нынимъ пређашнимъ али вѣчь изгубльѣнимъ щастію увѣриши може. — И како праведно ніе рекаосамъ я: да самоѣни животъ, на каковомъ сасвимъ пустомъ Острову, кое э мени башъ у памети было, мени кадъ годъ за животъ опредѣленъ быти мора, когасамъ я многократно неправеднимъ начиномъ съ моимъ садашнимъ станѣмъ сравнявао, у коему, кадбы я при нѣму остао быо, по свой прилицы отвышк благополучанъ, и доволно богатъ быти могао.

Ясамъ ныве мое отъ части по воли моей и на лепъ начинъ уредіо быо, и пре нежели што э мой услужни благодѣтель Капетанъ, кои э мене на мору пріміо и животъ отъ смерти избавіо, опетъ на путъ пошао. Ербо э съ товаренѣмъ лаѣе и къ путу приправности выше отъ 3 месеца посла было.

Како штосамъ нѣму пре казао, дасамъ я у Лондону нѣки мали Капіталъ изоставіо; дао э онъ мени оваковый дружескій и искреный Совѣтъ: ако я нѣму посланицу и точно полномоще съ писменымъ порядкомъ на припажателницу моихъ новаца ради овамо донешеня у готову у *Лізабонъ* на кога годъ,

или у онаковому хеспапу, кои у овой земли пролази, дадемъ, тоѣе онъ съ Божіомъ помоѣи изъ тогъ примлѣни новацъ, кадъ напрагъ доѣе, мени изручити безъ сумнѣ, а будуѣи да овога света све вещи человѣческе премѣнамъ и разнимъ нещастіямъ и неугодностемъ подложене есу: небыли болѣ было, да я само 100 штерлінговъ како полакъ Капіпала донести дамъ. Доѣели то щастно, то я свагда оставше оваковымъ истимъ начиномъ опетъ после донести дати могу. Аколисе какова несреѣа случи, то свагда она друга половица за нуждный случай безбѣдна остае.

Ово э быо тако полезный, и по свой прилицы искренный Совѣтъ, да я не иначе него сасвимъ увѣренъ быти морадо, и ништа болѣ учинити немогу. Даклесамъ я посланицу на ону Госпожу, кодъ коесу мои новцы были, и полномоще Португейскому пловцу дао.

Писаосамъ Англійскаго Капетана удовицы точно извѣсще о свима рѣдкима моима приключеніяма, о моме робству, бѣгству, и какосамъ Португейскога морепловца на мору трефіо, нѣговъ человѣколюбны поступокъ, и у каковомъ стаю садъ пребывамъ, и цѣлый нуждный порядокъ ради

овамо пренесеня мои новаца, и кадъ э овай честь любящій Капетанъ у *Лісабонъ* дошао, э нашао э онъ кодъ нѣкихъ тамо живущихъ Англіискихъ купцевъ прилику, не само уредбу ради новаца, него іоштъ и полно извѣстіе о моима случаи, на нѣкога извѣстнога купца у Лондонъ послати, кои э послѣ ей полно и совершено и све изручіо. На кое она не само што э честно новце изручила, него іоштъ отъ свога собственнога добра Португалскому пловцу еданъ лепъ даръ за ону нѣгову мени указану любовь и услугу драговолно послала.

Лондонски купецъ уложіо э ови 100 штерлінговъ у онакови Англійскій Хеспапъ, кога э нѣму Португалацъ казао, послао э хеспапъ овай управо у *Лізабонъ* на нѣга, а онъ све читаво и благополучно къ мени у *Бразілію* донео, по мећу коимъ э и кромѣ мога закпеваня (ербосамъ я іоштъ младъ было такове ствари дознати) различити потребни халатъ отъ гвожђа, и друго покућство, кое э домостроенію и послу моме све потребно было.

Кадъ э овай хеспапъ дошао, помисліосамъ я, да э щастіе мое полно учинѣно, и быосамъ пунъ радости, и мой добрый домостроитель Капетанъ они 5 фунти штерлінговъ

линговъ, коему э моя пріятелица на даръ послала, къ тому приложіо и на то употребіо, да э онъ за ны мени на 6 година дуго еднога слугу купіо, а за благодарность отъ мене башъ отнюдъ ништа узети ніе хотео, него едну малу балу дувана, коямусе забегенисала, отъ мога собственнаго сада.

Пакъ што э іоштъ выше; будући дасе Хеспапъ мой изъ сами Англіискій рукодѣлія, а наименно: Чоа, Штофова, за лаће ужета, и у такови стварма состояо, коесу у овима земляма особито пролазиле и тражене быле, добіосамъ я способъ такове съ великомъ ползомъ продати тако, дасамъ, рећи могу, изъ тога 4 кратъ толико, како што э мой первый товаръ было, пріміо, и постаосамъ отъ мога нищега комшіе много ячи и богатіи; тосе разумева у саду и домостроенію. Ербо э перво штосамъ я учиніо было, дасамъ я еднога Негрскога роба и іоштъ еднога Европейскога слугу купіо о кромъ онога, когами э *Лізабонскій* Капетанъ купіо и довео.

Равно онако како што злоупотребљено благополучіе често къ средству наше найвеће несреће быва, то исто случилосе, такожде и самномъ.

Имао-

Имаосамъ у слѣдующему лѣту верло велику ползу и приходъ отъ мога Сада. Скупіосамъ до 50 велики бала дувана на моме собственноме хапару или ныви, окромъ онога штосамъ моимъ комшіяма изъ разне нужде поклоніо И ови 50 бала, коя э свака по 100 центи тешка была, было э аки Капиталъ уложено, докъ э Флота (Корабль) изъ Лизабона натрагъ дошла. А кадсамъ я садъ трудомъ, рукодѣліемъ и богатствомъ предуспѣвати почео, започеосамъ главу съ различними предлоги и предвзяшіями, коесу разумъ мой превосходиле, напуняваши, и коебы доиста честo найразумніе главе и кои штогодъ у руку имаду, у несрећу бацыти могле.

Кадбы я было свагда у садашнѣму стаю остао, то бы я и све мени припадшее щастіе уживати могао, о коемъ э мени Отецъ мой тихіи и мирніи животъ тако верло препоручіо, и кое онъ за средни начинъ уживања полно щастіе быти мени ясно описао.

Али све бадава, на менесу іошъ друге вещи очекивале, и свагда мораосамъ самоволни Ковачъ свое собствене несрећне быти, и особито погрѣшке мое умнюжити, и такове мысли у глави, коесамъ я у будущему бѣдному состоянію моему доволно

принужденія имао, усугубити. Сва ова несрећа изышла э изъ очевидне и тврдокорне прилѣпности о моей лудой склоности іошъ свагда выше и далѣ по свѣту блудити, и овой злой и неваљной склоности далѣ слѣдоваши, несматраюћи на ясно и очевидно противорѣчіе, коесамъ у самоме себи чиніо; кадбы я онай начинъ уживања держао, кога э мени самое Естество и провидѣніе Божіе прописало, и должностемъ ньовимъ умѣрено служити имао.

Равно онако, као штосамъ еданъ кратъ, кадсамъ отъ родишелей моихъ побѣгао, учиніо, тако исто нисамъ могао я ни садъ смиромъ сѣдити, него мораосамъ далѣ поћи, и истино щастіе богатъ и великомоћанъ Человѣкъ отъ моихъ ныва и сада быти изъ сердца избаціо, дабы опакой и не умѣренной жели моей, и выше него што состоянie мое дозволява попетисе, слѣпо слѣдоваши могао. И тако опровергаосамъ самъ себе опетъ у найдублю пропасть человѣческе несреће, коя никадъ ни еднога Человѣка ніе постигла, и при коей ни еданъ Человѣкъ на свѣту нитибы животъ ниши здравіе свое удержати могао.

Дакле да садъ помало на особне вещи мога животъ описанія дођемъ, може бла-

госклонни Читатель ласно видѣти, будући дасамъ я у *Бразїлїи* скоро две године живїо, и у моему саду све срећно и изрядно бывати започело, и я не само дасамъ Языкъ научїо, него и помежду жители, како годъ терговцы отъ (St: Salvatora) тако и нашега пристанища многе познате пріятелѣ добїо, и ныма у разговору често казивао, какосамъ двакратъ у *Гвїнейски* пристанищахъ было, и какосе тамо съ *Негри* (црнима) тргуе, и какое лако за багателне ствари, као стакла или лажне бисере, ножеве, маказе, сатаре, комаде стакла, и тимъ подобне не само прахъ златни, (руду) *Гвїнейско* жито, кости Елефантовъ, него їоштъ и робове *Негрске* за посао у *Бразїлїи* у множеству купити.

Особито кадсамъ о Негры спомену, протреслису и диглису сви главе горе, а такожде и о други Матеріали или Хеспапу, коя терговина тадай їоштъ ніе дигнута была, него само толико, подъ полезнымъ управленїемъ Шпанскаго Краля, и то само на ползу Кралѣвске Кассе водима была; слѣдователно и оно мало Негровъ, што э овамо доводито, есть за скупу цѣну продавато было.

Кадсамъ я еданъ кратъ у дружству нѣколико мени познатыхъ терговаца и жителя,

ля о овима ствармa стално разговоріосе, сутра данъ дошлису отъ ныхъ троица къ мени съ тимъ гласомъ на посѣщеніе, дасу они прешедшу нощь о моему разговору прилѣжно разсмотреніе имали, и затосу дошли мени еданъ предлогъ учинити. Послѣ какосамъ я ныма чисто и истинно обећати морао, рекоше они да имаду волю едну лађу у Гвїнеу приправити. Они имаду, рекоше, сви такове исте саде и ныве како годъ и я, и ништа на свету тако потребно неймаду, како слуге и дѣлателе. А будући да то никакова терговина быти неће, да они Негре, ако кое добїю и овамо донесу, явно продати могу, то желише они, само едно путешествіе учинити, и Негре тайно у землю донети и ны послѣ помежду своихъ собственныхъ садовъ и нывахъ раздѣлити.

Съ едномъ речи: вопросъ э было, нећули я аки нынъ терговацъ у Лађи, и за управленіе ове терговине съ ныма у Гвїнейска пристанища и стране поћи? И обећалисуми равну часть Негровъ дати, и то безъ свакога уложенїя Капітала.

Истину да рекнемъ: ово э преизрядный предлогъ было, кадбысе онога дошицао, кои никакова сада и ныве небы имао, коясе мало помало расплодила, и Капіталъ добаръ обѣщавала

шавала, да болѣга очекивати ніе могао. Али за мене, коисамъ я свое собственно добро имао, и само дасамъ іоштъ 2 или 3 године тако терао, и такожде послѣдни 100 штерлінговъ изъ Англіе донети дао, кои бы я онда и съ овимъ малимъ прилогомъ свободно и безъ сумнѣ еданъ Капіталъ отъ 3. до 4000 Штерлінговъ и іоштъ выше предъ собомъ видѣти могао, за мене рекаосамъ: на таково какво путешествіе онда и помыслити штогодъ найгоре, коебы икадъ кои Человѣкъ мога стања учинити могао.

Али я коисамъ на собственну несрећу рожденъ, нисамъ могао овай предлогъ и понуѣенѣ равно тако отбити, као и мое прећашнѣ раскошне мысли, и поступке, кадае већь добры совѣтъ отца мога кодъ мене сасвимъ исчезнуо было, крашко рекаосамъ я, даћу радостно тамо поћи, ако они само у отсуствію моему на мой садъ и ныве позоръ узимаду, и у случаю смерти мое, онога кога я поставимъ, у добро мое за наслѣдника уведу. Овосу они сви обећали, и обвезалисе къ тому писмено и заклетвомъ. Ясамъ учиніо дакле мою послѣдню волю полно, како на изслѣдующи смертни случай мой съ моимъ добромъ поступити валя, и поставіосамъ *Капетана*

аки

аки мога благодѣтеля, коими э животъ спасао, за главнога наслѣдника; но съ тимъ придаткомъ да онъ полакъ добра за себе удержи, а полакъ у Англію да пошлѣ.

Кратко: ясамъ уредіо све возможно провидѣніе, мое ствари, садъ и ныве у добромъ состоянію удержати моћи. Дасамъ было само полакъ памети употребіо, у мой собственни інтересъ (користь) погледати и разумно разсудіо што чинити, или изоставити имамъ, то я доиста отъ мога благополучнога предвзатія никадъ небы отступіо было, я да нисамъ све оне истине знаке предстоящаго богатства изъ очію ставіо, и мою ногу не выше къ новому Мореплаванію у лаћу метнуо, причемусамъ се я свію обыкновени погибели страшити морао. А узроке да и неказуемъ, коесамъ имао себе самога у нещастіе бацыти.

Такосамъ я залуѣенъ было, и слѣдоваосамъ слѣпо моимъ собственнимъ умствованію выше, нежели чистой памети, и кадъ э лаћа по учинѣному уговору преправлѣна была, и товаръ на ню донешенъ, я сравненіемъ моихъ соучастниковъ овогъ путешествія све вещи у преправность ставіо было, отишаосамъ

опетъ у несрећному часу первога Септемврія 1569. на лађу, кое э исти онай данъ био, у коемусамъ я пре 8. година отъ моихъ родителя изъ *Улла* побѣгао, и тако мене противо родителске власти како бунтовчикъ, а спроћу мога собственога добра како *Юродъ* показао! Лађа наша повезла э около 120. буради Хеспапа, 8. Топова, 14. люди лађара, нѣногъ Настойника и мене неброећи. Мы нисмо никаковога тешкога товара на лађи имали, о кромъ онакови лаки и багателни вещи, коесу за терговину съ Негры способне быле, како стаклене бисере или броянице, различне Школке, особито обаче мала огледалца, ножеве, маказице, сикирице, и тимъ подобная.

Іоштъ онай данъ, кадсамъ на лађу дошао, отишлисмо мы на путь, управилисмо лађу подъ сѣверъ кодъ нашихъ бреговъ, мыслећи послѣ тако до Афріканскихъ бреговъ доспѣти. Кадъ већъ подъ 10. или 12. степеномъ сѣверне ширине будемо, кое онда нашъ путъ онамо быти чиняшесе. Верло э лепо али отъ выше топло време покрай свію нашихъ бреговъ было, докле годъ до высине или брега свитаго *Августіна* дошли нисмо; откудсмо себе далъ

ка море упустили, и нѣга изъ лица изгубили, и тако исто путъ предузели, како дабысмо управо ко Острову *Фернандо де Норона* Fernando de Noronha ишли свагда сѣверно-восточно держећи, и речени Островъ свагда на восточной страни оставляюћи. На овому теченія путу прошлисмо мы лінію у 12. дана, и былисмо по нашему послѣднѣму примѣчанію подъ 7. степеномъ и 22. мінутовъ подъ сѣвернымъ ширином, гдѣ э насъ на еданъ путъ нагли (Орканъ) вѣтръ съ нашега пута са свимъ сбаціо.

Онъ се дигао изъ юже востока и управіосе сѣверно-западнѣ, и ставіосе крѣпко сѣверно-восточнѣ, онъ э тако страшно дыхао, да мы полни 12. дана ништа друго чинити немогосмо, него возисмо свагда отъ нѣга нападаеми, и моралисмосе воли судбине, и ярости вѣтра у руке предати. У ови 12. дана мораосамъ свагда очекивати, дакеме море поглотити, и ни една душа на цѣлой лађи ніе помислила, дакле отъ овогъ случая животъ свой спасти.

У овой бѣди умре намъ отъ страха и бурѣ еданъ галіашъ (Матросъ) отъ врућичине, а други съ настойникомъ страшними таласми съ лађе похићени быша.

При концу ови 12 *тѣ* дана, кадъ э време и вѣтръ малко престао, предузео э лађе Управитель висину моря, колико э годъ могао, и видѣо э, да э онъ около 11 *тѣ* степени сѣверне ширине а 22 *да* степена у дужину западнѣ отъ тако называемаго *Калъ С. Аггустіна* далеко отстояо. Да э онъ по нѣговоме исчисленію лакле къ пристанищамъ отъ Гвинее, или сѣверной страни отъ Бразіліе, съ ону страну рѣке *Амазоне* спроћу *Оронохо*, коесе велика рѣка называ, отеранъ быо, и самномъ совѣтоватисе почео, кои путь предузети имамо, ербо э лађа пуна рупа, и зло растресена была, и садъ управо доле опетъ къ Бразілскимъ пристанищамъ пловити хотияше.

Ясамъ овомъ нѣговомъ намѣренію со свимъ противостао, међу коимъ смо мы Карту отъ Афріканскихъ пристанищъ прогледали, и дознализмо, да предъ нама ни гдѣ никакове землѣ обитане, гдибисмо прибѣжище добити могли, неима, докле годъ мы у Кругъ Карібіческихъ Острововъ недођемо; заключилисмо дакле *хъ Барбаду* поћи (пристанищу отъ Барбада) когабысмо, кадбысмо ускоћу пристанища *Мехсіханскогъ* обышли, и на ширини Моря остали, по нашой

нашой надежды у 15 *тѣ* дана достигнути могли, на противъ коего мы безъ свакє помоћи како за насъ, тако и за лађу путешествіе наше къ пристанищамъ Афріканскимъ никоимъ начиномъ учинити немогосмо.

У оваковому намѣренію премѣнилисмо мы нашъ путъ, и пошлисмо сѣверо-западнѣ къ западу, дабысмо кою отъ нашихъ Англійскихъ поселеніяхъ (Collonien) докучити могли, гдисамсе якакове помоћи добыти надао. Али ево бѣде, садъ э напала на насъ на ново подъ 12 *мъ* степеномъ и 18 *мъ* мінутомъ опетъ такова буря, коя э насъ съ онаковомъ истомъ силомъ отъ запада натраг терала, отъ нашегъ пута, и по входу чоловѣческому тако далеко отбацыла, да мы башъ, кадбысмо отъ Моря избавлѣни были, свагда іоштъ у погибели стаяли пре отъ дивихъ люди изѣдени быти, нежели кадгодъ выше у землю нашу доћи.

У овой бѣди и неволи, и іоштъ непрестано и люто грмящимъ вѣтромъ гоними повыкао э у ютру рано еданъ отъ нашихъ Матросовъ, ево суво, суво! и само штосмо мы изъ наше собе изышли, у той надежды дабысмо видѣли, у коейсе

части

части свѣта находимо, то насукаласе наша лађа на прудѣ тако яко, дасе ту абіе свсвимѣ заустависла, и отрагу море тако силно бацыло таласе преко лађе, дасмо сви вообще сваки мінутѣ животѣ изгубити мыслили, и фришко у заклоне, и покрывене угле поспѣшили, дабысмосе отѣ пѣне и прсканя воденога сакрыти могли. Ништко, него ткое кадгодѣ у оваковой нужды еданѣ кратѣ већь быо, неможе себи страхѣ, и ужасѣ люди у оваковому станю нити вообразити нити описати. Мы незнадосмо ни гдѣ бысмо, ни на какову землю натерани бысмо? Ели островѣ или тверда земля бы? Ели поселѣна или пуста бяше? и ако ѣ башѣ ярость вѣтра іоштѣ свагда сидна была; но нѣчто манѣ нежели прѣе, то мы опетѣ надежду имати нисмо могли, дањесе лађа іоштѣ пѣколико мінута держати моћи, и дасе у тисящу комада раздѣпати неће: и вѣтарѣ нѣкимѣ особнымѣ чудомѣ свакогѣ магновенія ока около насѣ завеяваше. Съ еднимѣ словомѣ мисмо стоећи гледали еданѣ другога, и сваки часѣ самую смерть очекивали; къ чему ѣ себе сваки, ербосе вѣчности (смерти) тицало, по обычаю своему преправљати морао; Ерѣ на овоме мало или башѣ ни-

никакове надежде за насѣ небяше. Наша садашня и едина утѣха была ѣ и то противо свакога чаянія, да лађа іоштѣ абіе со свимѣ ніе пропала; и по сказаню лађара вѣтарѣ мало престаяти започео.

Садѣ акосмо башѣ и примѣтили, дасе вѣтарѣ мало примірїо, мы іоштѣ свагда, ербо ѣ лађа тако на песакѣ насукана была, и тако тврдо на нѣму стаяла, да мы никакове надежде имали нисмо ню оттудѣ оттиснути, доиста у жалостноме станю были, и ништа намѣ друго остало ніе, него како годѣ што ѣ можно, да животѣ нашѣ избавимо. Ималисмо еданѣ чамацѣ отрагу за лађомѣ, али онѣ несамо штосе непрестанимѣ лупанѣмѣ о думенѣ са свимѣ изразбіяо негосе іоштѣ послѣ и одрешіо, пакѣ илисе удавіо или ѣ таласомѣ на ширину моря отеранѣ біо.

Дакле ни на нѣга никакве надежде имали нисмо. Истина да ѣ быо іоштѣ еданѣ чамацѣ на лађи, али ѣ то была мука, какоћесе онѣ на воду спустити. Ербосмо сваки часѣ мыслили, ето садће лађа пропасти, а други рекоше, да ѣ већь пропала.

У овой крайнѣй нужды счепао ѣ нашѣ Корманошѣ чамацѣ, и бацыога ѣ

съ

сѣ помоћи нѣколико матроса преко лађе у воду, и мы у числу 11 тѣ у нѣга сиђосмо, почелисмо возити и тако предалисмосе милости Божіей и ярости моря у руке. Ербо якое вѣтарѣ веће и доста было престао, то э море опетъ страшно высоко таласе на брегъ избацывало, и моглосе э, како што Холендери нѣга у оваковомъ случаю называю, праведно дивіе и неукротимо море назвати.

Али іоштъ и садъ сѣ нама свагда зло стаяше, ербосмо видѣли, да э море верло высоко излазити почело, кое нашъ чамацъ ни коимъ начиномъ одержати неможаше, и мы безсумнѣно утопитисе морамо. Што се платна и катарке дотицало, тога неимадосмо, а кадбысмо имали, небысмо ни сѣ тимъ ништа учинити могли. Дакле возилисмо сѣ веслама къ сувоме, али онако како люди, коису у желатови руку, и сѣ убіенимъ сердцемъ, ербосмо знали, да ако чамацъ гдѣгодъ къ брегу и дотерамо, то нѣга таласъ моря бацъ и онде на мѣсту у тысящу комада разлупати хоће. Но далѣ ништа овдесмо препоручили душе наше сви сердечно у руке милостивомъ Богу, и снискалисмо, ербо э вѣтарѣ и безъ тога насъ къ брегу терао, наше изгу-

гублѣніе сѣ нашими истими руками, ербосмо са своимъ снагомъ къ брегу веслали.

Ели брегъ каменитъ, песковитъ, стрмъ или раванъ было, мы знати нисмо могли. Една едина надежда, коя намъ э разумнимъ начиномъ последню сѣнку щастногъ чаяніа дати могла, была э ова: да мы, можетъ быти, гдигодъ пристанище или уходъ (усте) какове рѣке потрефити (погодити) сѣ нашимъ Чамцемъ изненада унутра утератисе, подъ высину землѣ подићи, и можетъ быти равну и тиху воду наћи. Но отъ свега овога ништа небы, него коликосмо выше къ брегу долазили, толико выше гора и страшныя замля него само море бяше.

Послѣ какосмо по нашему мнѣнію едно полъ другу нѣмецку мілю веслали, или сѣ Чамцемъ много выше терани были, дошао э еданъ страшный како брдо высоки таласъ острагу занама ужасно шумящъ, и предстао э аки дабы нама послѣдни ударацъ дати хотѣо. Кратко онъ э ишао сѣ таковомъ хитростію и наглостію на насъ, да э онъ Чамацъ на еданъ кратъ извратіо, и мы коисмо у томъ истомъ Часу како опъ Чамца тако и еданъ отъ другога расставлѣни были, неимадосмо вре-

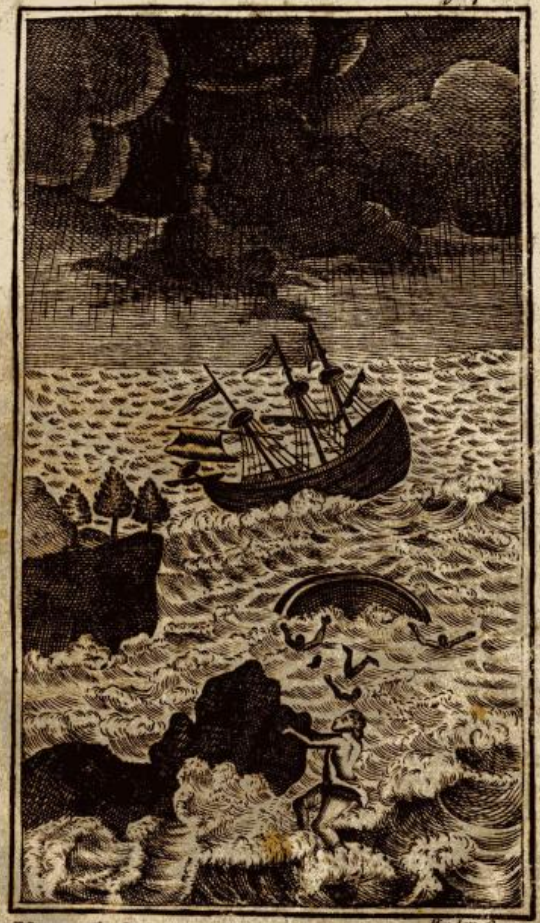
мена

мена ни милосердіе Божіе призвати, него у едномъ магновенію ока свію насъ море прогута.

Ништо ніе способно смущеніе моихъ мысли описати, кадсамъ я већь у воду пао! и башъ акосамъ и добро пливати знао, што я опетъ отъ толикихъ таласа бранитисе немого; дабы само пару у себе узети могао, докле годъ мене велики таласъ къ брегу ніе отерао, или много више бацио, а кадсе э натрагъ вратио, мене э сува на пруду лежаща оставио. И коликосамъ я полакъ мртавъ отъ гутаня гадне морске воде быо, толикосамъ іоштъ разума и паре имао, да я къ сувому више, него што-самсе надао, прикучіосе есмь; и фришко, колико э годъ могуће было, суво дочепати трудіосамсе, то есть: пређе него што други таласъ натрагъ доћи, и мене опетъ сасува похитити може. Али всуе ербосамъ я видѣо, дасе отъ тога никоимъ начиномъ ошаяти немогу. Ербосамъ смотріо, да море како велико брдо и тако яростно аки раздражени непріятель, спроћу кога я нити крѣпости, нити средства имамъ бранитисе, замномъ иде. Садсамсе трудіо пару у себе увући, само кадсамъ могао изъ воде изыћи, послѣ съ пливанѣмъ колико э годъ

можно

Pag. 91.



Кораблѣкрушеніе Робїнзоново.

можно къ сувоме спѣшити, ербосамъ я о томъ мыслїо, да море, кадъ оно мене къ брегу баци, у уступку своме натрагъ мене опетъ сасобомъ не отвуче.

Таласъ, кои э опетъ на мене дошао, закопаоме на еданпутъ 20 и до 30 стопа у нѣдро свое, и я осети, дасамъ овомъ силомъ и хитростїю доста далеко къ брегу баченъ быо. Ясамъ пару у себи удержао, и помогаосамъ себи пливанѣмъ къ брегу изъ свїю крѣпостей. Кадсамъ вечь съ другимъ задржанѣмъ паре скоро скапати имао; осетiосамъ, да у высину идемъ, и къ моему великому укрѣплѣнїю главомъ и рукама по верху воде размануо. И ако я себе не выше него еданъ мінутъ овако држати мого; то э ово мени опетъ чистъ воздухъ, изрядну помоћь, и нову бодрость дало. Заплимсамъ опетъ нѣкои часъ у води закопанъ быо, но ясамъ и то одержао, докъ проће, и натрагъ уступити поче таласъ; ясамъ на противъ мени идущега таласа изъ свїю крѣпостей пливао, и опетъ подъ ногомъ дно осетiо. Спаосамъ 2, 3 мінута, почерпа фришки воздухъ, оцедiосамъ съ тѣла гнусну морску воду, спаосамъ на ноге, и потекао, коликосамъ годъ могао, къ брегу. Али и ово мене отъ яро-

сти

сти злобнога мора ніе сохранило, кое є іошть свагда замномъ ишло, и таласъ є мене іошть 2 кратъ у высину дигао, а будући да є брегъ раванъ быо, то є онъ мене іошть далѣ напредъ баціо.

Послѣдный кратъ былобими скоро смерть учинило. Ербо є море похитило и бацило мене онако далеко, како и прѣе, али на нѣки кеменити брегъ, и тако силно, дасамъ я безъ чувствен быо, и самъ себи помоћи нисамъ могао. Оно є мени таковый лютый удараџъ у слабину и уперси дало, дами є сва пара на уста изишла, и кадбы затимъ абіе іошть еданъ кратъ дошло было, тобы я безъ сумнѣ у мору скапати морао. Алисамсе я мало подкрѣпіо, прѣе него што є таласъ натрагъ дошао, и кадсамъ видѣо, даћесе онъ мораши опетъ на моей глави разлупати; намисліосамъ за еданъ комадъ камена, докъ удараџъ проће, живо ухватитисе, и ако можно буде, пару у себи удержати. А будући да таласи ради блискоће землѣ недизашесе тако высоко како прѣе, држаосамсе я живо, докъ є ярость мора прошла, поступіосамъ іошть еданъ корачай, и съ тимъ прикучіосамсе тако близу къ брегу, да найближи таласъ, баш ако є онъ и преко мене ударіо; мене вы-

выше, кадъ є натрагъ уступіо, сасобомъ похитити ніе могао, пакъ затимъ учиніосамъ послѣдный скокъ, и дочепаосамсе суве землѣ, попеосамсе съ великомъ радостію на брегъ горе, сѣосамъ на траву, и садъ толико живота погибель, и ярость и неукротимость моря претрпіо.

Садъ већь кадсамсе на суву у безбѣдности видіо, посмотріосамъ около себе, и благодаріо Богу, кои є онъ животъ мой изъ онакове погибели, кое прѣе нѣколико мінути ни надапише нисамъ могао, тако милостиво избавіо. Описатисе неможе, какову радость и веселіе душа чувствуетъ, кадъ тѣло тако да рекнемъ: башъ изъ гроба натрагъ донесесе. И нечудимсе выше о ономъ обычаю, да кадъ осуђеникъ, коме већь штранка на врату выси, на лотра спои, и башъ дасе већь съ лотре тури, али изненада милость добіе, онда кадмусе освобожденіе живота докаже, абіе кровь пустити даду, даму страхъ и ужасъ одушевленія отъ сердца растерао, и онъ отъ несвестице небы мртавъ остао.

Ербо нагло сбившаяся радость
Чини мятежъ како и наглая жалость.

Прохо-

Проходіосамъ предѣлъ ове землѣ горе и доле, дигаосамъ руке и тако рећи, цѣло существо къ Небу отъ самыхъ мысли о моему избављенію са тысящомъ внутрени побужденія, кое описати немогу, почеосамъ разсмотравати о удављени мои содружника, и да окромъ мене, ни една жива душа тамо спасласе ніе: ербо я доиста нисамъ ни еднога ни видѣо, нити каковаго знаменія усмотріо, окромъ 3 шешира, едну капу, и еданъ паръ различни (неравни) ципела по води пловуще. Кадсамъ я очи дигао, и погледао на нашу разбіену Лађу, ишао э врплогъ и пѣна морска тако далеко и высоко преко нѣ, дасамъ я ню, ербо э далеко отстояла, едва усмотрити могао, и само чудитисамсе морао, какосамъ я овако далеко на овай брегъ доћи могао.

Послѣ какосе душа моя мало умирила была, почеосамъ свудъ у наоколо моштри, на каковомъ мѣсту у свѣту я стоимъ, и што отъ садъ почети имамъ. Али э мужество мое опетъ скоро пало, и мое избављеніе небы у состоянію мене особито развеселило. Ербосамъ я мокаръ быо, неимадо никакови други халина, нити ела ни напитка за мое укрѣпљѣніе, и нисамъ ништа друго себи представити могао, него

или

или отъ глади умрети, или отъ дивіихъ Звѣровъ растерганъ быти; а што э мене особито тиштало, было э то: да я никаковога Оружія, чимбы или за нужду мою дивячи убити, или акобысе гдигодъ штогодъ изъ злога намѣренія на мене ополчило, бранитисе могао, у рукахъ неимадо. Съ едномъ речу ништа другогъ кодъ себе нисамъ имао, него еданъ ножъ, Лулу, и нѣчто мало дувана у бурмутицы. То э было цѣлое Имѣніе мое, то исто ставило э духъ мой у такови страхъ и смущеніе, дасамъ я доста задуго аки бѣснуемъ тамо и овамо ходіо. Кадсе ноћь приближила, почеосамъ съ великомъ тяготомъ сердца разсмотравати, штоће самномъ быти, ако у предѣлу овомъ дивіихъ Звѣровъ будетъ, ербо они свагда ноћу на похищеніе исходе.

Никаково болѣ средство ніе пало мени на умъ, нежели на едно дебело чаму подобно али трновито дрво, кое э не далеко отъ мене стаяло, попетисе; цѣлую ноћь тамо пресѣдити, и сутра размыслити, каковомъ смертію умрети имамъ, ербосе досадъ ништа появило ніе, даћу я бѣдни животъ мой продужити моћи. Рецы до едно 100 коракляи отъ брега прошетаосамсе, небыли гдигодъ фришке воде

на-

нашао, и нашаосамъ такове на мою велику радость доволно. Кадсамсе ове воде напіо, и сотимъ себе укрѣпіо, отишаосамъ къ дрвету и попеосамсе горе, преправіосамъ себи на нѣму аки столицу мѣсто, дасе небы у сну отъ озго строваліо, отсѣко еданъ кратакъ штапъ на подобіе батине, чимбысе бранити могао, сѣосамъ на мое преправлѣно мѣсто отпочиваня, садъ э напао санъ на мене, и заспаосамъ тако сладко, коебы тешко тко други мога стања учинити могао, и добіосамъ сотимъ оштвыше ново укрѣплѣніе.

Кадсамсе пробудіо, већь э было свѣтли данъ, чисто и лепо време, буря престала, море већсе тако утолило, да оно выше ніе яростно было, нити растяше выше како прѣе. Ясамсе отвыше зачудіо, дае Лаћа ноћомъ съ пређашнѣга пруда, на кои э насѣла была, движеніемъ моря дигнуласе, и отъ болѣ части къ ономъ каменитомъ брегу, на консамъ я, како штосамъ казао, онако немилосердно баченъ было, дотерана была. А будући да э она іоштъ само едну *Англійску* мілю отъ мога брега далеко отстояла, и свагда іоштъ управо стояла, зажеліосамъ на Лаћу отићи, дабы баремъ нуждне

нуждне ствари оттуду узети, и собомъ донети могао.

Кадсамъ изъ мое собе съ дрвета доле сишао, погледаосамъ на ново свудъ унаоколо, паоміе найпре Чамацъ, кога э вода и вѣтаръ две *Англійскe* мілѣ съ десне стране на прудъ бацила была, у очи. Ишаосамъ по води тако близу до нѣга, колико-самъ могао, и наћо рецы: за едно полъ *Англійскe* мілѣ међу мною и Чамцемъ едну шыроку рѣку. Вратіосамсе дакле за овай кратъ опетъ натрагъ, и садсамъ мыслію іоштъ выше, какоћу на Лаћу моћи доћи, дабысамъ штогодъ нуждно за содержаніе мое оттудъ узети могао.

Мало зашимъ послѣ полудне трећіосамъ море сасвимъ тихо, и равно, и воду тако далеко отъ брега удалѣну (усохнуту) дасамъ само за еданъ четверть мілѣ къ Лаћи доћи могао. Овдесамъ добіо поводъ ко обновленію мое жалости, ербосамъ абіе видѣо, да кадбысмо мы сви у Лаћи остали были, дабысмосе сви спасли, и живи на суво изишли, а не у онаково неуштѣшимо, и отъ света свѣта изостављѣно состоянје пали были. Овай ужасный взорь облію • лице мое сузама. Кадъ то мени ништа помоћи ніе могло, заключіосамъ, акое мо-

 гуће

гуће на Лаћу поћи. На овай конаџ свукаосамъ халине сасебе, ербо э и онако врло топло было, и упливаосамъ на воду. Кадсамъ я већь башъ до Лаће допливао, то э іошшъ теже было на ню попетисе. Ербо э она тврдо на шемелю лежала, и изъ воде высоко стаяла тако, дасе я рукомъ нигди ухватити немого. На послѣдокъ кадсамъ два кратъ около Лаће опливао, усмотріосамъ еданъ комадъ ужета, о чемусамсе зачудіо, дага ома первый кратъ видѣти нисамъ могао, напредъ наполю отъ лаће (кодъ тако называеме дебеле даске) доле висящъ, дасе я нѣга ако башъ и съ великимъ трудомъ дочепа, и средствомъ нѣга напредъ на клупу узпужасе. Садсамъ видѣо, дасе Лаћа са свимъ потопила, и да силну воду у долнѣмъ патмосу имаде, да она на тврдому пруду или многовыше на тврдому темелю лежи, и да стражня часть башъ отозго на пруду спои, а предня равна съ водомъ баше. Овимъ начиномъ было э дакле кровъ или горня часть Лаће свободна и свудъ унаоколо сува; ясамъ дакле найпре све вещи добро извидѣо, коесу отъ воде покварене, и коесу іошшъ добре быле. А наимено нашаосамъ найпре, да э сва отъ Лаће храна за ело сува и отъ морске воде са свимъ сохра-

хранѣна была, и будући гладанъ отишаосамъ у хлѣбницу, узеосамъ симита, напуніосамъ съ нима жепове, негубећи времена еосамъ разгледаюћи и друге ствари. Послѣ отишаосамъ у велику собу, нашаосамъ тамо мало сладке ракіе, нагнуосамъ чутуру и живо попегао, коеми э башъ и отъ врло велике нужде было, дабы себе сотимъ на предстояще вещи укрѣпіо. Садми выше ништа ніе нифалило, него еданъ чамацъ, дабы себе съ различнима нужднима вещма, коесамъ примѣтіо, снабдѣти могао.

Ніе дакле паметно было овде дуго сѣдити и кодъ саме желѣ остати, и башъ ова садашня моя нужда пробудила э мой попечителный трудъ. Мысмо имали различни мотака, отъ платновъ и Катарки доволно, и два три дебела балвана, іошшъ къ тому еданъ паръ велики Катарки у преправности на лаћи, овесу мени требовале башъ како валя, и толикосамъ ихъ на воду спустіо, коликое годъ тегота допустила, али сваку свезаосамъ ужетомъ, да ихъ вода не отнесе. Кадсамъ то све учиніо, сишаосамъ съ Лаће доле, привукаосамъ ихъ къ себи, свезаосамъ ихъ четири на краеви, како штосамъ могао, добро заедно, и начиніосамъ аки нѣки сплавъ, метнуосамъ нѣколико дасака по-

 преко,

преко, видѣосамъ, дасе на нима може ходити, а будући дасу дрвета лака была, и немогоше терет на себи носити, препиліосамъ дакле съ тестеромъ нѣколико балвана, у три равне дужине, и донесао их съ великимъ трудомъ и посломъ на мой сплавъ, при чему э мени надежда различне нуждности добити мужество у сердце дала оно чинити, што я у каковоме другоме стаю и способу никадъ чинити небы хотѣо.

Мой э сплавъ већь способанъ было доста тежакъ товаръ понети, садсамъ имао бригу, чимъуга наповарити, и какоћу оно, што на нѣга метнемъ, отъ заплюскивања моря сачувати моћи? Но я о томъ дуго несовѣтовасе нити мысли. Напре све даске, коесамъ годъ добити могао, метнуосамъ попреко на сплавъ, и разсмотріосамъ добро, штоміе напотребніе узети, узеосамъ три галіашка сандука, коесамъ отворіо и испразніо, и спустіосамъ их на мой сплавъ доле. Перви отъ ови сандука напуніосамъ съ храномъ, то есть; съ хлѣбомъ, пиринчомъ, съ трима комадми Холландскога сира, и съ петъ комади сувога козіега меса (пастрме) кое э главни нашъ ужитакъ было, и еданъ мали остатокъ Европейскогъ жита, коесмо ради живине на лаћи, коюсмо собомъ

собомъ узели, чували, живина обаче была э сва удавлѣна. Было э ечамъ и жито заедно помешано, али послѣ на мою велику жалость видѣосамъ, дасу то парцови скоро све исчарвали и покварили. Отъ напитка нашаосамъ различне чутуре, и шишета, коесу нашега лаћара были, међу коима николико шишета (Cordial) Шпанскога сладкога віна и у свему 5. или до 6. сосудовъ *Арраха* было. Ове метнуосамъ особито, еръ ніе было можно ны у сандукъ метнути, и гдѣ они такожде мѣста неимадоше. Доксе я съ шимъ забаля, примѣтіосамъ, да волна, ако башъ и верло тихо, дизатисе и расти поче, и забринуосамсе мою халину, кошулю, и перслукъ, коесамъ на брегу на песку оставіо біо, отпливаеме видѣти, чакшире мое, коесу само (пртене) платнене и отворене были, а чарапе задержаосамъ на себи, и съ нымасамъ на лаћу допливао было. Мораосамъ преће свію други ствари на халине позоръ имати, коихъ я истина на лаћи доста нашао есамь, али отъ нихъ ништа узео нисамъ, него башъ штосамъ садашни кратъ нуждно и необходимо требовао. Ербосу іоштъ и друге многе вещи были, на коесамъ я очи бацыо было, а наимено различни халатъ, чимъ землю радити вала.

Мо-

Мораосамъ дуго тражити, доксамъ дунђерски сандукъ нашао; и овде э за мене отъ выше нуждни и полезни добитакъ быо, и за мене выше вредніе, него што бы очда пуна лађа самога злата наповарена была. Овесамъ тако, како штосу быле, спустіо на сплавъ, да не бы съ отворанѣмъ времена губіо, ербо и безъ тога отъ прилике знаосамъ, што у ныма лежи.

Садсамъ за оружіе, барутъ, и олово имао бригу, у великой прегради былесу две лепе птичарице пушке, и два пиштоля, овосамъ найпре спреміо, и іошъ къ тому нѣколико рогова за барутъ, едну кесу са сачмомъ, и две старе захерђане сабље. Знаосамъ такожде, дасу 3. бурета барута на лађи была, но знао нисамъ, гдѣ э ны нашъ Управитель метнуо быо. Послѣ дугога траженя на послѣдокъ нашаосамъ и то. Два отъ ови буради быласу са свимъ сува, а треће э мокро было. Обадва сува бурета съ оружіемъ заедно донсосамъ на сплавъ, садсамъ помыслiо, да доста тежакъ товаръ имамъ, и стаосамъ мотрити, какоћу съ нимъ на брегъ доћи, ербо я нитисамъ платна, нити весла, нити думена имао, и само една пуна капа вѣтра моглае овоме цѣломе товару конацъ учинити.

Међу

Међу тимъ су три вещи мене ободриле. Перво тихо и равно море, волна коя э къ брегу ишла, и наипослѣ оно мало вѣтра, што э дуало, мене э управо къ суву терало. Окромъ оногъ халаша, кои э у сандуку быо; имаосамъ две тестере, сикиру, еданъ чаканацъ, іошъ къ тому два три сломљена весла отъ чамца, штосамъ на лађи нашао, и со овимъ товаромъ пустіосамсе дакле на воду, едну мілю рецы: ишао э сплавъ мои презрядно, него само да э, на штосамъ смотріо, отъ онога первога мѣста, гдисамъ я стао быо, ниже мало отеранъ быо. Изъ тогасамъ заключіо, да онамо каковъ годъ водени потегъ быти мора, слѣдовательно надаосамсе гдигодъ какову зашкулину онде наћи, коіомбысе аки пристанищемъ, дабы съ товаромъ къ земли дошао, послужити могао.

Како штосамъ себи вообразіо быо, такое исто и было. Ясамъ предсобомъ усмотріо отворену дверъ отъ землѣ, и видіосамъ, да волна у нѣку яку, и велику рѣку у ходяше. Ясамъ управіо мой сплавъ, како штосамъ найболѣ могао, дабысе свагда посредъ рѣке держати могао. Но преко свега я бы доиста и овде кораблѣкрушеніе терпѣти морао, о чемубысе быо

кад-

кадбымисе то случило было, до смерти разгнѣвао, и будући да я брегъ нисамъ знао, наишао э мой сплавъ съ еднимъ краемъ на плитки темель, а будући да на другоме твердо стаяо ніе, то башъ ніе нифалило много, да мой цѣли товаръ отъ оне стране, гдѣ э на темелю нестаяо, ніе страдао, и у воду опроверженъ быо. Упресосамсе съ лѣма о брегъ и учиніосамъ послѣднѣ мое, дабы сплавъ на мѣсту нѣговомъ удержати могао; али за бадава, са свима крѣпостма, коесамъ употребіо, нисамъ я у состоянію быо сплавъ отурити, а съ мога мѣста кренутисе башъ отнюдъ несмѣдо. На овому стаяосамъ я іоштъ свагда са своимъ силомъ у брегъ подупируѣи скоро пуно полъ сата стоящъ. Међу тимъ э мене приливъ мора ни мало равни темель донео, и кадъ э іоштъ скоро затимъ вода више нарасла, то я мой сплавъ опетъ пливаню способанъ быо. Ясамга абіе съ весломъ, коесамъ имао, отиснуо у каналъ (рѣку) потераосамга више горе, и нашаосамсе на послѣдокъ у уходу едне мале рѣке, коя э са земліомъ са обедве стране и съ крѣпко текущимъ приливомъ окружена была. Нисамъ радъ быо далеко горе у [illegible] у пећи, ербосамсе време-

временомъ какову лађу на мору видѣти надао, тосамъ радъ быо свагда кодъ бреговъ близу изостати, колико э годъ могуће. Погледаосамъ дакле на обедве стране, гдѣћу каково угодно мѣсто видѣти, да станемъ, и смотріосамъ на послѣдокъ едну малу зашкулину на десномъ брегу, кудасамъ мой сплавъ съ великимъ трудомъ и дѣломъ управіо, и вешьсамъ тако близу быо, дасамъ весломъ моимъ дно доватити, и съ сплавомъ управо унутра уѣи могао: али и овдебы цѣли товаръ мой опетъ подруги кратъ у воду пао быо. Ербо э брегъ отвише стрмъ; то есть, отдѣлено высящъ быо, дакле ніесе могло нигдѣ стати. Предня часть сплава, коя э къ брегу ишла, былабы, кадбы я то быо учиніо, верло высоко, а друга верло дубоко дошла тако, дабы мой товаръ опетъ на ново краинѣй погибели подверженъ быти морао.

Све штосамъ я чинити могао, было э очекивати, докъ приливъ моря (волна) найвише нарасте, ербосамъ я сплавъ мой весломъ равно аки мачкомъ къ брегу твердо, а наимено кодъ наиравніе части землѣ, гдисамсе я надао, даће приливъ мора скоро излитисе, держао. И тосе тако случи-

ло.

ло. Какосамъ я добіо воду (ербо э сплавъ мой скоро едну стопу дубоко ишао) отпураосамга на овай равни темель, и утвердіосамга съ онима двѣма пребіенима весли, отъ коихсамъ едно на едномъ а друго на другомъ краю у землю ударіо, и тако стаяо, докъ э вода на трагъ уступила; и мой сплавъ съ цѣлимъ товаромъ на суву остао.

Перво штосамъ чинити имао, было э предѣлъ овай разсмотрити, и угодно мѣсто како за обитаніе мое, тако и добро мое у безбѣдность ставити, изабрати. Іоштъ свагда знао нисамъ, гдисамъ, ели на твердой земли или на каковомъ острову? ели у каковомъ обитаемомъ или необитаемомъ предѣлу? Ели у погибели дивихъ звѣровъ или не? Не выше отъ едне мілѣ было э предамномъ едно брдо, кое э врло стрмо и высоко стаяло, и отъ нѣкихъ другихъ, коису еднако у едному реду отъ нѣга къ сѣвѣру лежали, высиномъ свойомъ отличествовало. На верхъ брда овога пошаосамъ я съ едномъ пушкомъ, пиштолѣмъ, и съ еднимъ барутнимъ рогомъ снабдѣнъ, дабы штогодъ смотрію, и ту видѣосамъ, кадсамсе съ великомъ пягости и трудомъ горе попео, на мою велику жалость

лость мою неумитну судбину, и ужасни случай; да я на едномъ отъ свію страна моремъ окруженомъ острову стоимъ, и ништа друго отъ суве землѣ видѣити небяше, окромъ нѣкой далеко отъ овудъ отстоящи каменити пећина (гудура) и двію мали острова, кой около 3. мілѣ къ западу у морю лежаху.

Такожде извѣстіосамсе, да э островъ или Ада, на коей я стоимъ, са свимъ пусть и неплоданъ, и како штосамъ причину вѣровати имао, ни отъ кога другога него само отъ нѣкихъ дивихъ звѣровъ обитаемъ, истина отъ овихъ звѣровъ нисамъ видѣо ни еднога, него едно велико множество птицъ, кое я познавао нисамъ, ништи знао, башъ акобы кою и убіо, есули за ело способне или не; кадсамсе повратіо натрагъ, бацыосамсе на едну велику птицу, коя э на едномъ древету близу едне велике шуме сѣдила. Ово э дойста отъ созданія свѣта перви звукъ пушке у овои части землѣ было. Само штосамъ избаціо пушку, алисе отъ свію страна шуме неизброено множество птицъ са смущенимъ крикомъ и цвркутанѣмъ свака по своему обичаю дигло, изъ међу кой я ни едну отъ мени познате версте видѣо

ни-

нисамъ. Ону, коюсамъ убіо, держаосамъ ю по нѣномъ клюну и фарби за нѣки видъ ястребовъ, но нѣзини и персти нису были већи, него и у други птица. Месо ніе за употреблѣніе было.

Задоволянъ со овимъ извидѣніемъ повратіосамсе я опетъ къ моему сплаву натрагъ, и почеосамъ мой товаръ и ствари на полѣ износити. И сотимъ э прошао прочи остатокъ дана. Али штоћу ноћомъ почети, или гдићу мѣсто отпочиваня наћи, я то знао нисамъ, ербо на саму землю лећи боюсамсе погибели отъ дивихъ звѣровъ разтерганъ быти, коликосамъ послѣ видѣо, дасе отъ тога нишше бояти ніе было.

Међу тимъ оградіосамъ себе, какосамъ болѣ могао, са сандуцы, и даскама, коесамъ на суво изнео быо, и начиніосамъ као нѣку колибицу за мой конакъ. Али знао нисамъ, гдићу што за ело добити, окромъ штосамъ два или тры зверчета, кои као зецови быше, изъ оне шуме, гдисамъ птицу убіо, исходяще видѣо.

Садсамъ почео размышляваши, какоћу и іошшъ многе мени полезне и потребне вещи изъ лађе добиши моћи, особито ужета, платна (отъ парусовъ) и другихъ

выше

выше штоми годъ у руке доће, заключіосамъ дакле, ако можно буде, іошшъ едно путешествіе къ лађи предузети, и то пређе свію други вещи, и пређе ништа друго непредузети, докъ све, што годъ на лађи наћи могу, на суво неизнесемъ; ербосамъ знао, да перва буря, коюћесе дигнути, лађу сву на комаде разбыти мора. Садсамсе самъ у себи совѣтовао, хоћули опетъ со овимъ сплавомъ натрагъ поћи, и томисе учинило, да неће добро быши, заключіосамъ дакле съ отпливомъ моря као и перви кратъ онамо поћи. Тосамъ и учиніо, точію дасамъ пређе халине мое у моей колибицы свукао, и ништа выше на себи, нежели едну шарену кошулицу, едне гаће, и еданъ паръ цыпела безъ пешахъ удержао.

Дошаосамъ на лађу као и пређе, и себи други сплавъ приправіо, да я обаче, ербосамъ искусство отъ первога имао, нитисамъ тако тяготно учиніо, киши онако верло сплавъ претоваріо, и абіе различне мени верло полезне и потребне ствари на сплавъ донесо. Међу дунѣерскимъ халатомъ нашаосамъ наипре три вреће пуне ексера и различна оштряша гвожђа, еданъ велики гвоздени клинъ (ћускію) и еданъ

паръ

паръ тестета сатарица (сикирица) а отъ прочи вещи, коесу наинуждніе быле — еданъ тоцылъ. Ово э све было за мене изрядни добитакъ, іоштъ съ нѣкима другима вещма, коесу нашега лаће Управителя быле, еданъ паръ шестаровъ, два буренца танета пушчани, седамъ пушака, едну птичарицу, нѣчито мало баруша, едну велику кессу са сачмомъ, и едну велику балу танко искована олова, али э ова была тако тешка, да я ню нитисамъ дигнути, нити преко лаће на сплавъ спустити могао.

Окромъ ови вещи скупіосамъ све халине за облаченѣ, коесамъ годъ наћи могао, едно што э у приправности стаяло (ядро) платно съ преднѣ катарке, шатру отъ лаће, и спаваће халине. Сотимъ натоваріосамъ мои други сплавъ, и све ове вещи за мою велику ушѣху щастно на брегъ изнесо.

Имаосамъ страхъ, да моя храна у време мога отсутствія на суву изядена небуде; али кадсамъ натрагъ дошао, невидѣвъ никакова знаменія отъ каковога посѣщенія, окромъ да едно зверче, кое э дивіой мачки подобно было, на едному отъ сандука сѣдяше. Ово, кадсамсе я приближіо, побѣгло э мало натрагъ, пакъ э опетъ сѣло, стаяло э са свимъ мирно и безъ бриге сѣдећи, и

и гледало э управо у очи, башъ аки дабы волю имало самномъ познатисе. Ясамъ дигао пушку на нѣга, али оно при свему тому мирно и тихо стояше, и ни наимены знакъ показа, даћесе смѣста кренути. Бацыосамму еданъ комадъ симите, ако башъ кодъ мене онда и ни э было ништа за издаванѣ; ербо э храна моя и безъ тога была слаба и малена: Но мећу тимъ како каза, бацыосамъ нѣму опетъ еданъ комадићъ, кои э онъ узео, преломіо, и изѣо, паксе опетъ невѣштъ учиніо, ербому э то угодно было, и закћевало э іоштъ выше. Али я захвали на томъ, ербому выше дати немого, и тако оно своимъ путемъ опетъ отиде.

Садсамъ имао већь и мой други товаръ на суву, и видѣосамъ себе принуждена барутну бурадъ отворити, и у манѣ части раздѣлити, ербосу то велка и тешка бурадъ была. Садсамсе дао у посао средствомъ платна и нѣколико мошки, коесамъ на овай конацъ приправіо, едну малу шатру начинити, и у овай шаторъ донеосамъ све мое вещи, о конхсамъ знао, дабысе отъ кише и солнца покварити могле, около ове шатре пометаосамъ я све празне сандуке

дуке и ормане, дабы себе отъ свакога наглога нападенія како люди тако и звѣровъ утвердіо.

Кадсамъ ово учиніо, затворіосамъ изъ нутра врата отъ шатре съ нѣколико дасака, а съ поля съ еднимъ празнимъ извраћенимъ сандукомъ. Затимъ положіосамъ едну даску на землю, метнуосамъ моя 2. пиштоля кодъ главе и покраи себе мой трость, и тако быосамъ перви кратъ на моме кревету, и спаваосамъ цѣлую ноћь зѣло мирно и спокоино. Али ни э чудо, ербосамъ и труданъ и санливъ быо, зашто прошедшую ноћь, мало или башъ ништа спавао нисамъ, и преко цѣлога дана трудно радіо вещи мое изъ лађе узимати и на суво износити.

Садсамъ имао наивећи магазинъ различити ствари, кои никадъ за еднога человѣка ніе тако напунѣнъ быо; но я преко свега тога іоштъ никадъ доволянъ быо нисамъ, ербо докле э годъ лађа на мѣсту своме управо стаяла, помисліосамъ све изъ лађе, штогодъ іоштъ наћи могу, изнести морамъ, и сваки данъ кадъ э вода уступила, ишаосамъ на ню и свагда са собомъ што было, да было, донео.

Осо-

Особито трећи кратъ кадсамъ на лађу отишао, донесаосамъ толико ужета и танки штранчица, коликосамъ годъ наћи могао, и еданъ комадъ конофоса чимбы у каковой прилицы платна (ядра) искрпити могли, и буренца мокрога барута съ тимъ сохранили, кратко ясамъ сва платна отъ найвећега до найманѣга собомъ узео. Но жао ми э было, дасамъ ихъ у комаде изсећи морао, и никадъ на еданъ кратъ собомъ толико узети нисамъ могао, како штосамъ желіо. Я ихъ дакле нисамъ ни могао выше за танка платна него само за дебело платно употребити.

А штоми э найвећу радость учинило, было э то, дасамъ я башъ найпосле, кадсамъ већь пето или шесто путешествіе таково учиніо, и већь ништа на лађи наћи нисамъ надаосе, што бы вредно было, іоштъ велики пунъ сандукъ хлѣба, три буета сладке Англійске водке (ракіе) едну кутію фінога шећера, и едно буренце брашна нашао. Овоми э пало сасвимъ изненада у руке, ербосамъ, како што каза, већь сву надежду изгубіо іоштъ штогодъ хране, коя небы отъ воде покварена была, тамо наћи. Повадіосамъ дакле хлѣбъ изъ сандука, и

 завіо-

завïосамъ све сомунъ по сомунъ у комаде отъ платна, коесамъ за то скроïо быо, и донеосамъ све на еданъ кратъ щастно на суво.

Слѣдующій данъ учиніосамъ опетъ путешествіе онамо. Лаћусамъ отъ свега, штосе годъ дигнути и понести могло, сасвимъ опустіо; садсамъ предузео велико уже отъ мачке спремати, изсекаосамъ највеће у онакове комаде, како штосамъ понести могао, пакъ тако и она два танка едека отъ мачке, и едно мало уженце отъ Чамца са своимъ гвожћарïомъ, штосамъ годъ наћи могао, собомъ понесао. Затимъ подсекаосамъ средню велику Катарку, како годъ и мошке на стражнѣй, и све што э за мой велики сплавъ требовало, и натоваріосамга са свимъ овимъ тешкимъ добромъ, паксамсе отискао. Али ево бѣде, моя добра срећа почела э мене оставляти, ербо э сплавъ садашни кратъ сасвимъ неспомогателанъ, и тако врло натоваренъ быо, да я, кадсамъ већь у ону малу зашколину, гдисамъ и друге ствари принесао, ушао, пѣга онако лако како преће управляти нисамъ могао. Онсе э извратіо, и бацïо мене съ цѣлимъ товаромъ у воду. Мени за себе

ніе

ніе толико было; ербосамъ я доста близу брега быо; али съ моимъ товаромъ зло э было, отъ кога э боля часть пропала; особито гвожћарïя, отъ коесамсе я велике ползе надао. Но преко свега кадъ э вода уступила, изнеосамъ я многе комаде великога ужета отъ мачке, и такожде нѣчто мало гвожћарïе али съ великимъ трудомъ на суво; ербосамсе морао у воду загнюривати, кое э мене отвыше утрудило. Послѣ отходïосамъ сваки данъ на Лаћу, и донеосамъ, штосамъ годъ нашао, на суво.

Кадсамъ већь 13 *тъ* дана на суву а 11 *тъ* крати на Лаћи быо, и међу тимъ свесамъ изнео, штосе годъ отъ двею руку икадъ очекивати могло, и мысліосамъ, кадбы іоштъ свагда тихо време было, цѣлу Лаћу комадъ по комадъ на суво изнети. Кадсамъ я већь 12 *ти* кратъ на Лаћу поћи себе преправляо, тосе онда почео и вѣтаръ дизати. А будући да э море ниско стаяло, ясе сотимъ нисамъ уплашïо, него отишаосамъ на Лаћу. И коликосамъ годъ тражећи вещи цѣлу собу преметнуо, и да небы могуће выше што тамо наћи, тосамъ я опетъ іоштъ еданъ Орманчићь съ Фіокама тамо нашао, у коима э три бритве, едне велике маказе, и до 12 *тъ*

 пари

пари добри ножева и вилюшака было. У другой фіочицы нашаосамъ до 36. фунти Штерлінговъ у новцу, отъ коихъ э полакъ *Европейскихъ* а полакъ *Бразїлскихъ* монетовъ было, и нѣколико комада *Шпански* талира, и другихъ златныхъ и сребреныхъ монетъ.

На смотренѣ ови новаца мораосамсе самъ у себи смѣяти. Неваљана ствари! повыкаосамъ я, па каковуси ползу? за мене нисси вредна, даше са землѣ дигнемъ! само еданъ отъ ови ножева више э вреданъ него та цѣла хрпа. Къ ничему, али башъ отнюдъ къ ничему незнамте я употребити! Остани и пропадни ту како созданіе, кое незаслужава избављѣно быти. Но ясамсе промислїо опетъ и завїосамъ нѣколико комада у елно парче крпе. Садсамъ започео за други сплавъ мыслити, доксамсе я сотимъ забаляо, наоблачилосе небо, и вѣтаръ започеосе дизати, и за еданъ ферталь сата вечь э отъ брега къ лађи доста яко дыхао. Мени э абіе у памети дошло, да ће суетно дѣло быти каковъ сплавъ правити, ербо э вѣтръ на противъ мене дыхао, и да самъ себе што преће шо болѣ отовудъ отправимъ и преће времена приплива (волне) ербо иначе нећу у состоянію быти, къ брегу приплывати.

вати. Дакле спустїосамсе у воду и плывао самъ каналомъ међу лађомъ и пескомъ упреко. Но мени э ово отъ теготе, коюсамъ съ собомъ носїо, ово движенія моря доволно зноя дало; ербосе вѣтаръ дигао нагло, и преће него што э приплывъ засвимъ дошао, учиниласе совершена буря.

Али срећомъ ясамъ до то доба већь кодъ куће подъ моіомъ маломъ шатромъ быо, гдисамъ я засвимъ моимъ богатствомъ окруженъ безбѣдно стаяо. Буря э цѣлу драгу ноћь жестоко дуала, и кадсамъ я уютру на море погледао, небы ништа више отъ какове Лађе видѣти, о томсамсе я мало забринуо; алисамсе опетъ овимъ утѣшителнимъ разсмотреніемъ охрабрїо, да нисамъ нимало времена изгубїо, никакова прилѣжанія щадїо све оно што э годъ за мене полезно было изнети; и да э доиста мало што у нутра было, штобысамъ изнети могао, баш акобы и више времена къ тому имао. Ясамъ дакле Лађу, и све оно штобы іошт изъ нѣ добити могао, избаціо изъ главе засвимъ. Окромъ акобы комади отъ разлупане лађе къ брегу приплывомъ доперани были, коеэ и доиста съ различними вещми было, кое э обаче за мене отъ мале ползе было.

Садъ

Садъ мое мысли ни нашто друго него само на то управлѣне быше, себе отъ дивякоъ, акобы кои дошли, или отъ дивихъ звѣровъ, ако ихъ на овой Ади буде, у безбѣдность ставити. Мисліосамъ и мислїо, какоћу то започети, и каквогћу вида обитаніе за себе начинити, ели яму какову у земли? или шатру на земли? Ясамсе склоніо на послѣдокъ за обадвое. Описаніе о виду и начину какосамъ я то начиніо; можетъ быти, даће теби любезни Читателю угодно быти. Видѣосамъ абіе, да мѣсто, гдисамсе до садъ задержавао, низакаково постоянно обитаніе способно ніе; и то отъ части тога ради, ербо э оно на блашномъ мѣсту близу моря, слѣдователно, какосамъ я мислїо, нездраво было, особито обаче, ербо нигдѣ на близу фришке воде добити небяше. Предузеосамъ дакле гдигодъ здравіе и угодніе парче землѣ потражити.

Притомсамъ я многе вещи у разсмотреніе довео, на коесамъ, као штосамъ мислїо, у моему состоянїю добро смотрити морао. Као перво здрави воздухъ и фришку воду, друго, штитъ и обрану спроћу солнечне жеге, треће, безбѣдность отъ похитителнихъ вещей, Человѣковъ и

звѣ-

звѣровъ; наипослѣ незатворени видъ (изгледъ) къ морю, да я, акобыми Богъ Лаћу какову усмотрити дао, никакови способъ за мое освобожденіе, за кое я сву надежду изгубити іоштъ волѣ имао нисамъ, изъ руке испустїо небы.

Међу тимъ тражећи я къ тому каково способно мѣсто, нашаосамъ едну малу равнину, кодъ едногъ узвишенога бердашца, кое э къ равнини аки на подобіе дома, и верло стрмо стаяло тако, да отъ озго къ мени ништа доћи ни э могло. На страни овогъ каменитогъ бердашца была э една яма, башъ аки уходъ или врата отъ каквогъ подрума, но у пећини самой ніе было никакова подрума или пута. Управо предъ овимъ дуплѣмъ отъ яме на трави на мисліосамъ шаторъ мой разапети. Мѣсто ово ніе выше, него 100 аршина широко, два кратъ толико дугачко было, и не иначе него аки една зелена и увеселителна башча, предъ враши мой лежало при коего концу свудъ непорядочни путови къ низини и къ морю доле растерти быша. Шаторъ мой лежао е къ сѣверо-задньй страни тако, да э онъ свагда отъ жара солнечногъ закривенъ было, кромѣ кадъ э солнце западоюжнѣ дошло,

кое

кое у ови страна предъ заходомъ солнца быти обычествуетъ.

Преће него штосамъ я шаторъ разапео, повукаосамъ предъ отворенимъ мѣстомъ полукружни ендекъ, кои э у свему около 10 аршина отъ пећине доле, а 20. отъ почетка до края у цѣвой мѣри узео.

У овай полукружни ендекъ ударіосамъ я два реда яки али дебели пачака, коесамъ тако дуго у землю ударао, докле годъ нису тако твердо као стубови стаяле, дебли краеви стаялису выше него 6. стопа отъ землѣ высоко, и на верху островерляти обадва реда нестаяше едно отъ другога далѣ него 6. цоли (членовъ).

Затимъ узеосамъ они дебели ужета отъ мачке, коесамъ на лаћи на комаде изсекао, и метнуосамъ ихъ међу овима двѣма редови стубова едно на друго башъ до верха, ударіосамъ и страгъ друго колѣ полъ трећу стопу высоко, подобно каковому банку, или внутренѣму насипу, и овай насипъ (шанцъ) тако э быо крѣпокъ, да ни человѣкъ ни звѣръ унутра или преко нѣга ући ніе могао. Ово э мене доиста времена, и доволногъ труда стаяло, особито панѣве у шуми ископавати,

ны

ны на мѣсто доносити, и послѣ у землю закопавати.

Уходъ къ овому мѣсту ніе имао врата, него преко едне кратке лѣствице моралосе унутра и на полѣ исходити. Ову лотрицу свагда, кадсамъ унутра ушао, мораосамъ за собомъ унутра увући, и такосамъ я, као штосамъ мыслio, спроћу цѣлога свѣта ограћенъ и утвержденъ быо, слѣдователно спаваосамъ цѣлу ноћь мирно, кое други кратъ и преће нисамъ чинити могао; башъ акосе послѣ и дознало, да я сву ову учинѣну наредбу безбѣдности противъ непріятелей, отъ коихсамсе я какове погибели бояо, нимало отъ потребе нисамъ имао.

У ову ограду, или градъ унеосамъ съ великимъ трудомъ све мое богатство, храну, барутъ и прочая, о коимсамъ горе рекао; начиніосамъ такожде шаторъ доста повелики, дабы подъ нымъ отъ кише сохранѣнъ быти могао, коя едне четверти године овде врло плавна быва. Овай начиніосамъ сугубъ, унутра маню шатру. А преко ове другу већу, преко коесамъ еданъ велики комадъ слепљенога дебелога беза простреo, коесамъ (съ ядрами и парусамъ) изъ лаће изнео.

Послѣ

Послѣ нисамъ лежао задуго на ономъ кревету, когасамъ на суво изнео био; него у едной лаћарской правой постели, коя э верло добра и преће нашега корманоша была.

У овай шаторъ донесосамъ сву мою храну, и што годъ мокроћу трпити ніе могло, и кадсамъ сва ова моя добра спреміо, ондасамъ и онай уходъ, кои э досадъ отворенъ стаяо, сасвимъ затворіо, и прелазіосамъ, како штосамъ рекао, преко оне мале лѣствице у нутра и на полѣ.

Кадсамъ то све совершіо, започеосамъ послѣ путъ у камениту пећину прокопавати, износіосамъ сву ону ископану землю и каменѣ крозъ шаторъ, и сипаосамъ свудъ унаоколо закопа изнутра, и начиніосамъ као нѣку отъ землѣ клупу, тако да э внутрени темель до полдругу стопу выши био. На овай начинъ ископаосамъ за моіомъ шатромъ едну такову магазу, коя э моему дому на мѣсто подрума служила.

Ово э мене труда, зноя, и много дана стаяло, доксамъ сасвима овима стварма у право станѣ дошао, како што э быти морало. Садсе морамъ къ нѣкима другима вещма натрагъ вратити, съ коимасу мысли мое отъ части посла имале. Башъ у то вре-

време, кадсамъ я съ намѣреніемъ шаторъ разапети, и за нимъ яму ископати готовъ био, случилосе, дасе врло плавна киша изъ нѣкогъ страшногъ црногъ облака спустила, за коіомъ э хитра муня синула, и заньомъ, како што э наравно, жестокъ громъ пукао. Хитро аки муня сама просече на еданъ кратъ тай помысль душу мою, о мой барутъ! Сердце ми э у перси трепетало, кадсамъ о томъ помыслію, даћу я еднимъ трчію ударцемъ свега мога барута лишенъ быти, отъ когасамъ я не само свободу и безбѣдность, како штосамъ мыслію, него башъ и само содержаніе и препитаніе мое имати надаосе. Мени одавно ніе тако мучно было о моей собственной погибели, несматраюћи кадбы ваџра барутъ доватила была, дабы већъ сасвимъ погинуо био.

Овай э случай тако велики страхъ у сердце мое усељо, дасамъ я како э олуя прошла, савъ други посао то есть дѣло града мога лежащъ оставіо, и преће свію други вещи то предузеосамъ кесе и кутіе преправляти, дабы барутъ мой съ едногъ мѣста расположіо, и сѣмо и овамо у манѣ части разаѣліо, и ны тако едно отъ другога удаліо, дасе едно отъ другога небы

запа-

запалило и све на еданъ кратъ ватру уфатити могло. Ясамъ съ овимъ дѣломъ у 14 *тд* дана готовъ быо, и барутъ мой, кои э у 140. фунти состояо, быо э у выше него 100 сосудовъ спремлѣнъ, и у толико мѣста разлѣленъ. Ради мокре буради нисамсе бояо никакове погибели; ову метнуосамъ у мой нови подрумъ, когасамъ самъ моіомъ кухиномъ называо: а прочесамъ овде и онде по дуплямъ пећине сакріо, гдисамъ видіо, да отъ мокроће свободно быти можетъ.

Съ тимъ забавляюћисе излазіосамъ опетъ сваки данъ съ пушкомъ моіомъ на поље, отъ части за увеселеніе мое, отъ части обаче дабы видіо, небыли штогодъ за храну мою убити могао, и дабы себе сасвимъ возможнимъ опасно познао, шта ова самоћна пустиня содержава и произноси. Први кратъ, кадсамъ изышао, усмотріосамъ абіе на мое велико утѣшеніе, да на овой Ади коза има. Али несрећомъ овосу шако плашливе быле, тако хамишне и на ногахъ брзе, да э крайнѣ тешко было къ ныма приближитисе. Ясе съ тимъ нисамъ уплашити дао, и сумню неимадо, да нећу опетъ едну на пушку добити, и тосе баш скоро случило. Ербо доксамъ я ныня мѣста и обиталища малко болѣ пронашао, тосамъ

я

я себе за ны слѣдующомъ мѣромъ правіо. Смотріосамъ, да како оне мене у долини виде, абіе съ великимъ страхомъ оттудъ побѣгну, и тако исто баш кадсу и на брду быле, а кадсу оне у долинахъ пасле, а я на брду быо, то онда оне мене ни найманѣ смотрити нису могле. Изъ тога примѣтіосамъ я, да нынъ образъ и очи морао э тако созданъ быти, само доле гледати а предмѣте, коису надъ ныма были, лако усмотрити нису могле. Ясамъ послѣ свагда тако учиніо, попеосамсе найпре на пећину и отъ тудсамъ многократно богатъ добитакъ учиніо. На первый ударацъ пушке, коисамъ мећу ову марвинчадъ баціо, убіосамъ едну козу, коя э сасобомъ мало на сиси яре водила, и то ми э отъ сердца жао было. Како э дакле стара пала, осталo э младо како окаменѣно кодъ нѣ стоећи, доксамъ я онамо дошао и дигаосамъ ю, али не само то: кадсамъ я козу на леђа метнуо и понео, слѣдовало э и младо яре баш устопце замномъ до мое ограде, гдисамъ я стару спустіо на землю, я яре на руке узео и преко мое ограде пренео, у той надежды нѣга питомо воспитати моћи. Алига никоимъ начиномъ къ елу привикнути

викнути нисамъ могао. Обадва ова звер-
чета дакле снабдѣлису мене съ месомъ за
нѣко време доволно. (Ербосамъ и яре, кадъ
вецъ ести ніе хотело, принужденъ быо за-
клати,) ербосамъ и тщателно храну мою
трошіо, особито хлѣбъ, колико э годъ
можно было, чувао.

Тврдо и постояно обиталище вецсамъ
садъ имао. Садъ обаче нашаосамъ за врло
нуждно, и необходимо быти, мѣсто за ва-
тру или огныще, гдисе ватра непрестано
содержавати може, и дрва доволно къ тому
изнаћи. Какосамъ то уредіо, яму разширіо,
и іоштъ друге многе угодности уредіо,
о томећу на мѣсту, гди валяло буде, обыл-
но извѣстіе дати. Преће обаче о самъ себи
о моима мыслима, о моемъ уживаня начину,
конхъ, како што лако знати можемо, мно-
го э было, извѣстіе дати морамъ.

Мышлѣна и изгледъ, коесамъ у моемъ
стаю имао, былесу страшне, ербо, кадъ
небы я нагломъ и страшномъ волномъ на
ову Аду или Островъ баченъ быо, и да-
небы чрезъ то отъ теченія нашега пред-
узетога путешествія, и нѣколико 100
міля отъ обыкновеннога мѣста тргови-
отеранъ быо; тобы доволно узрока имао
ово аки нѣко Божіе опредѣленіе разсудити,

да

да я на овому мѣсту, и у овому сасвимъ
заборавлѣнному стаю животъ мой окон-
чати морамъ. На ово размышлѣнѣ менису
сузе многократно преко лица потекле, а
многократно опетъ промотріосамъ, за-
штобы провидѣніе Божіе созданіе свое ова-
ко сасвимъ у пропасть бацало, овако безъ
сваке помоћи изоставляло и сасвимъ га-
зило, да едвабы разумно быти видѣлося
нѣму за такови животъ благодарити. — И
многократно паломи э штогодъ фришко
у паметъ, што э моей небодрости удер-
жанѣ учинило, дасамъ я самъ таковую оп-
баціо. Особито то э учиніо разумъ мой,
кадъ я единожди съ моіомъ пушкомъ у ру-
кахъ по край моря шетатисе изыћо, и
у малодушнима мыслима мога садашнѣга
станя сасвимъ изгубіосе. Истину да ре-
кнемъ (аки дами э нѣчто пришаптало) тыси
у верло бѣдномъ и заборавлѣномъ стаю;
али помысли на то, гдису твои содружницы?
ніели васъ 11 *тб* у чамацъ ушло? гди э да-
кле оныхъ 10 *тб*, зашто ны 10 *тб* ніе изба-
влѣно, а ты даси погинуо? зашто башъ
ты самъ отлученъ бы? ели болѣ овде него
онде быти? (показаосамъ на воду кадсамъ
ово изрекао) свако зло съ онимъ добромъ,
штосе у нѣму содержава, разсудити валя, и

іоштъ

іошћъ съ онимъ горимъ, што опћ насъ ніе далеко удаљено было, и насъ лако потрефити могло, у сравненіе ставити.

Даљ разсудіосамъ, какосамъ я сасвимъ, што э за мое содержаніе потребно, снабдѣнъ было, и штобысе самномъ случило было, кадъ како што отъ сто тысящь кратъ само еданъ кратъ быва, лаћа небысе отъ оногъ мѣста, гдисе разбила, отпустила и овако близу къ брегу дотерана была, гдисамъ я времена доволно имао све ове вещи на полѣ изнети? штобысамъ почети имао, кадбы я у ономъ стаю, у комесамъ первый кратъ на брегъ дошао, живити морао, и безъ найнуждніега што къ животу надлежи, и безъ свакогъ средства нѣга содержати могао? и особито (рекаосамъ гласно, башъ ако и не за другога, него за самъ себе) што бысамъ почео быо безъ пушке, и безъ барута, безъ ватреныхъ оружіи, безъ разногъ халата свашто начинити, безъ халина, кревета, шатре или гдигодъ каковаго покрова? Опћ свію ови ствари имаосамъ я доволну хрпу, и кромъ тога іошћъ добру надежду такоћеръ скоро и безъ пушке содержаніе мое наћи моћи, башъ ако барута и олова временемъ и нестане, тако дасамъ я о не-

о недостатку докле годъ живимъ у доволной безбѣдности быо.

Ербосамъ я абіе у почетку разсудіо, какоћу нападеніямъ, и случаямъ, коиме предсрести могу, избѣгнути, и себе за будущая снабдѣти моћи; и то не само, да акобы барута и олова нестало, него и акобысе здравіе и крѣпости мое умаљавати почеле.

О томе доиста морамъ право казати, преће нисамъ ни помысліо, дасамсе точію еднимъ ударцемъ мое хране лишити могао, и барутъ мой само едномъ искрицомъ савъ на еданъ кратъ у воздухъ дигнутисе могао: оттудъ э произишло, да э мене, како штосамъ рекао, тай помысль тако устрашіо, кадае грмѣло и сѣвало, а друго э све іошћъ преће урећено было.

Садъ приходимъ на чудну и замышлѣну повѣсть, и поступке тако тихога, и самоћнога живота, коясе іошћъ ни откога на свѣту никадъ чула ніе.

Ћу дакле изъ перва почетакъ учинити, и тако до края порядочно поступити.

Быо э по моему исчисленію 30 *ти* данъ месеца септемврія, кадсамъ онимъ начиномъ, као штосамъ горе сказао, мою ногу на ову самоћну пустиню метнуо, кадъ э

 солнце

солнце, кое э онда кодъ насъ у есенѣ ноћи равно было, мени управо выше главе стаяло, ербо по моему примѣчанїю быосамъ я 9 *тѣ* степени, и 22 *ва* мінута у ширину кѣ югу на етрану отъ лїніе.

Послѣ кадсамъ вечь 10 и до 12 *тѣ* дана овде быо, паломи э на умъ, дачу времена численїе сасвимъ заборавити, ербо книга, мастила и пера нисамъ имао, и да суму Недѣля отъ тежашни дана нећу разазнавати моћи. Дабы то воспятствовао, узеосамъ еданъ дебео дирекъ, и начиніосамъ отъ нѣга еданъ велики Крстъ, и ударіосамга на брегу, гдисамъ найпре допливао, и урезаосамъ на нѣму съ ножемъ моимъ овако писмена: Овде на землю дошао 30 *гѣ* септемврїа 1659 *га*: На страни овогъ четвероуголногъ дирека урезаосамъ сваки данъ съ ножемъ по едну уреску, и свака седма уреска (бележка) была э опетъ тако дугачка као и проче, и сваки первый данъ месеца быо э паки тако исто дугачакъ, као и оне Неделне уреске. На овай начинъ држаосамъ я мой мѣсяцословъ, или недѣлно мѣсячно и годишнѣ времена численїе.

И то примѣтити морамъ, да помећу многима вещма, коесамъ у овима разнима путешествїяма изъ Лаће донео, такожде нѣке

нѣке вещи отъ манѣ цѣне, алису мени на велику ползу быле, о коимасамъ горе сказати заборавїо.

Помећу овима вещма было э особито папира, пера, мастила, разни свезки писама, коесу у Капетановой, Корманошевой, настойниковой, и дунѣериновой соби хранѣне быле, три или четыри компаса, и нѣкои математическїй Інштрументи, солнечни сати, пусули, Карте, лаћарске книге, коесамъ я све смешано едно съ другимъ бацїо, или ихъ кадъ требовао или нетребовао. Нашаосамъ такоћеръ три врло лепе Библїе, коесу мени изъ *Англїе* послате быле, и коесамъ я съ другима стварма спремїо быо, такожде и нѣке *Португалске* книге, мећу коимасу два три каѳолическа молитвеника, коесамъ я све опасно сачувао. Да незаборавимъ, мысмо на Лаћи едногъ пса и две мачке имали, о коихъ примѣчанїя достойной повѣсти я на принадлежащему мѣсту све сказати способъ имати хоћу. Мачкесамъ собомъ узео быо, и пасъ э самъ скочїо съ Лаће у воду, пакъ други данъ, кадсамъ я вечь съ первимъ моимъ шоваромъ на суву быо, на брегъ испливао. Овай э пасъ много година мой вѣрный служитель быо. Ербо што э

годъ донести требовало, онъ э донео, и мене особито игромъ, и забавомъ своіомъ увеселявао. И далѣ ништа желіо нисамъ, него кадбы онъ самномъ говорити могао; али ево жалости то онъ чинити ніе могао. Како штосамъ рекао, нашаосамъ папира, мастила, и пера, съ коимсамъ я крайнѣ тщателно поступао; и видѣћесе, дасамъ я, докле э годъ мастила траяло, све опасно назначіо и описао. А кадъ э тога нестало; то дакле выше ништа описивати и назначивати нисамъ могао. Ербо фришко мастило са свима средстви, коесамъ годъ у власти моей имао, начинити немого.

Ово э мене опоменуло, да мени несматраюћи на све оне вещи, коесамъ изнео, іошъ многе вещи недостаю: изъ међу кои э найважніа мастило было; равно будацы, мотике, и лопате, чимбы землю ископавао и на страну метао, различне игле и концы. Штосе платна дотицало, тосамъ я скоро и безъ велике бриге заборављати привикао.

Овай недостатокъ халата нуждного учиніо э, да све штосамъ годъ радити предузео, врло э задуго и полагано ишло, и скоро цѣло э лѣто прошло, преће него што-

штосамъ я съ моіомъ оградомъ или съ затвореномъ обиталищемъ у состоянie дошао. Стубови и прошће, коису тако тешки были, дасамъ ихъ едва дигнути могао, изыскавалису дуго времена такове у шуми сећи, тесати и преправляти, и іошъ выше кући доносити, тако дасамъ я многократно два читава дна потребовао, дабы само едно овыхъ стабла посѣкао и кући донео; и еданъ цео данъ доксамга у землю укопао. У почетку послужаваосамсе ко овому дѣлу еднимъ комадомъ тешка дрвета, послѣ паоми э на паметъ оній Казукъ (коль на краю острімъ гвожћемъ окованъ) когасамъ нашао и употребити могао, но и тай къ дѣлу овоме зѣло неугодни халатъ бяше, тако да э мени све тешко радити было.

Али я зато ништа браніо нисамъ, акоми э то башъ и горко пало, или времена стоялo! тосамъ я опетъ преко тога времена доводно имао. И перво коликосамъ провидѣти могао, нисамъ другога дѣла имао кадъ већъ то совершимъ, окромъ по моей Ади ходити, и средства къ препитанію тражити, коесе и досадъ сваки данъ еданъ или выше крати случило.

Сад-

Садсамъ почео о моме стаю стална разсмотренїя чинити, и како э са ствама моима стаяло писмено ставити; не тога ради, дабы коме другоме, коибы послѣ мене на ову пустиню дошао, изоставити могао, — ербо на то ніе никакова промотреня было, као кадбы я многе наслѣднике имао, — но многовыше съ тимъ мысли мое разабрати, и воспятствовати, данебы непрестано о тому мыслїо, и духъ мой съ тимъ мучїо и утѣснявао. И кадъ э разумъ мой малодушіе мое предобивати започео, тосамъ и я самъ, како годъ штосамъ болѣ могао, себе утѣшавати стао, доброе спроћу зла ставляти и мѣрити, дабы штогодъ имати могао, чимбы садашнѣ станѣ мое іоштъ отъ горегъ каковогъ раздѣлявати могао. Садъ ставїосамъ дакле сасвимъ непристрастно благостояніе и угодность, коюсамъ уживао, и бѣду, коюсамъ претрпїо, аки долгъ и повѣреніе слѣдующею морою.

ЗЛОЕ

1

Ясамъ на едну страшну и пусту Аду баченъ, и безъ надежде икадъ отъ овудъ избавлѣнъ быти.

2.

Ясамъ отъ цѣлога свѣта отлученъ и отдѣленъ, дабы свагда у бѣди было.

3.

Ясамъ отдѣленъ отъ цѣлога человѣчества, пустиникъ, изгнанъ отъ свакога человѣческогъ содружества.

ДОБРОЕ.

1.

Али я живимъ и нисамъ, како сви мои други содружницы утопїосе.

2.

Али ясамъ такоѣеръ отъ цѣлога мога содружества отдѣленъ, отъ смерти избавлѣнъ быти, и онай, кои э мене оваковимъ чудеснимъ начиномъ отъ смерти спасао, може мене опетъ изъ овогъ станя избавити.

3.

Али я іоштъ нисамъ отъ глади умро, и погинуо, на оваковоме неплодноме мѣсту, кое отнюдъ никаковогъ средства къ препитанїю недаетъ.

ЗЛОЕ

4.

Я неймамъ никакови халина, чимбы себе одѣяти и покрити могао.

5.

Ясе безъ свакога средства ко обрани находимъ, дабы противъ насилствія человѣковѣ, и звѣровъ вооруженъ быо.

6.

Я неймамъ никога, съ кимбы говорio, или ткобыме утѣшити могао.

ДОБРОЕ.

4.

Али я подъ врло топломъ части Неба стоимъ, гди, акобы и халине имао, едвабысамъ ихъ носити могао.

5.

Али ясамъ на онакову Аду баченъ, гди я никаковихъ дивихъ звѣровъ невидимъ. коибыми убиточни были, како штосамъ на брегахъ *Африке* видѣо: дакле како кадбы я онде кораблѣкрушеніе трпio?.

6.

Али э Богъ чудеснимъ начиномъ Лађу къ мени близу брега послао, дасамъ я толике многе потребне вещи изъ нѣ узети могао, какогодъ моему садашнѣму недостатку помоћи, тако исто мене и у станѣ ставити, себи оно што ми э за препитаніе нуждно, доксамъ годъ живъ снабдѣти моћи.

Све заедно узимаюћи было э овде дакле истинно доказателство, да на свѣту едва едно станѣ тако бѣдно быти може, кое у себи штогодъ добра, или поне освобожденіе iоштъ отъ другихъ горихъ небы содержавало; кое благодарность нашу изыскуе. И овосе може као истинна наука о искуству бѣднога стања на свѣту допустити, да мы такоћеръ у оваковима содержаніяма свагда штогодъ наћи можемо, што къ нашему утѣшенію служи, кое мы у исчисленію о добру, и злу свагда на повѣрителну страну ставити морамо.

Кадсамъ я већь духъ мой по болшей частии къ тому склониo са станѣмъ моимъ удоволянъ быти, и выше онако бѣдно и жалостно на море негледати, нећули гдигодъ какову Лађу усмотрити моћи; почеосамъ я начинъ уживаня мога порядочно установляти, и себе све што лако и угодно прибавляти, како годъ што э могуће было.

Ясамъ обиталище мое већь описао. То э была шатра, съ едне стране пећине крѣпко съ прошћемъ и съ ужети отъ Лађе ограђена; а садъ већь могаосамъ то правимъ зидомъ называти; ербосамъ я начиниo съ поля нѣки начинъ зида отъ плоча

до

до две стопе дебео; и послѣ нѣкоего времена — да рекнемъ полтрећу годину — наслоніосамъ отъ зида на пећину греде попреко, коесамъ гранама отъ дрвета и са шушњемъ, штосамъ годъ добити могао, покріо, дабы съ тимъ кишу задержавао, коя овде у нѣкоему времену године врло нагла и плаовита быва.

Какосамъ имѣніе и вещи мое у ову ограду и подрумъ, когасамъ за собомъ ископао, унео, тосамъ већь назначіо; али и то да кажемъ, съ почеткасу све ствари мое на едномъ мѣсту на хрпи смешане и безъ свакога порядка тако лежале, дасу оне мени све мѣсто закрчиле. Науміосамъ дакле подрумъ мой распространити, и копаосамъ дублѣ у землю у нутра, ербо пећина шупликава и песковита была, за коимъ и дѣло лакше идяше, коесамъ на то употребіо. Кадсамъ већь видѣо, дасамъ отъ похитителныхъ звѣровъ доволно сохранѣнъ, ударіосамъ съ десне стране греде у дуваръ, ставіосамсе послѣ іоштъ еданъ кратъ на десно, и прокопаосамъ сасвимъ скрожѣу, начиніосамъ врататица, дабы съ внѣшнѣ стране мое ограде приходити могао.

Овимъ

Овимъ способомъ нисамъ получіо само то, дабысамъ само наполѣ и унутра къ шатри и къ добру моме острагу приходити могао, него такожде и мѣста доволно сва добра моя у порядокъ ставити имао.

Ясамъ дакле къ дѣлу поступіо. Разумъ есть особито существо, и источникъ мѣреня. Сваки дакле, кои годъ све разумно разсмотрава и мѣри, и правилно разсуждава, може временемъ учитель у свима механическима художестви быти. Я у животу моме никаковога халата у руке узео нисамъ, али временемъ, дѣломъ, прилѣжаніемъ и размышлѣніемъ примѣтіосамъ, да ништа на свѣту нейма, што я себи небы начинити могао, а особито кадбы къ тому нуждни халатъ имао, но ясамъ и преко тога многе ствари начиніо, и нѣкое никаковимъ другимъ халатомъ, него стругачемъ и сикирицомъ (съ великимъ трудомъ истина) кое можетъ быти, отъ како свѣтъ стои, овимъ начиномъ начинѣне нису быле. Кадсамъ на примѣръ едну даску отъ потребе имао, то другога средства небяше, негосамъ морао едно дрво посѣћи, намѣстіосамга предасе, и съ сикиромъ са обадве стране тако дуго

те-

тесао, докъ э оно као платина танко было, пакъ онда мораосамъ са стругачемъ моимъ сасвимъ остругати, и равно начинити. На овай начинъ немого дакле изъ цѣлога дрвета никадъ выше него само едну даску начинити, али свему тому ніе ничимъ другимъ помогнуто было, нежели терпѣніемъ, равно тако мало, како многимъ временемъ и трудомъ, когаме э стаяло едну платину или даску добити. Штосе труда тицало, зато ми ніе нимало было, ербо э све едно было, или я нѣга на ово, или кое друго дѣло употребіо.

Но несматраюћи на све Асталъ и столица моя доћоше благощастно у состояніе. Ясамъ ны отъ онихъ кратки комада дасака, коесамъ на сплаву изъ Лаће изнео, начиніо. Послѣ какосамъ горе сказанимъ начиномъ самъ нѣколико дасака начиніо, начиніосамъ дакле велики едну стопу и полъ широки банакъ, еданъ надъ другимъ, около свега подрума унаоколо (рафове) дабы на нѣга савъ мой халатъ ексере, гвожћарію, кратко све на свое мѣсто метнуо и у свакой потреби абіе наћи могао. Тако исто ударіосамъ яке клине у дуваръ пећине, дабы моје пушке и све што э за вешанъ обесити могао.

По-

Подрумъ мой ніе было иначе, него као еданъ обіщи Магазинъ свію потребныхъ ствари, и све при руцы угодно имаосамъ, кое э мени велико услажденіе было све мое добро у таковому порядку особито доволность свію нуждныхъ вещи у таковоме множеству видѣти.

У ово исто време почеосамъ такожде дневную книгу (записку тефтеръ) о мои повседневни дѣли держати; ербо э съ почетка мое неспокойство было, у коемусамсе находіо, доиста врло велико, и несамо неспокойство и дѣло, него іоштъ и велико смущеніе душевно, чинилису мене сасвимъ неспособна къ тому, и мое каћадневно описаніе небы ничимъ другимъ, него самимъ неважнимъ и непорядочнимъ вещма напунѣно было. Него само то, н: п: штобысамъ казати имао, *30 га* септемврія. „ Какосамъ на суво дошао, и изъ погибели „ удавлѣнъ быши избѣгао, множество мор„ске слане воде, коіомъ э утроба моя „ напунѣна была, изблювао и малосе укрѣ„піо; и на мѣсто штобы Богу за из„бавлѣніе мое благодаріо, трчао по брегу, „ плѣскао рукама, и тукосе по лицу, плакао „ и съѣповао о моей нужди и бѣди, и „ толи-

„ толико дуго изгубљенъ! Изгубљенсамъ
„ викао! докле сасвимъ утрудженъ и осла-
„ бљенъ на землю пасти мора, дабы от-
„ починуо, али себе сну предати усуди-
„ тисе нисамъ смѣо изъ страха отъ звѣровъ
„ изѣденъ быти. Послѣ затимъ нѣколико
„ дана, кадсамъ већь на Лађи быо, све
„ оттудъ узео, штосе годъ узети и по-
„ нети могло, нисамсе удержати могао,
„ дасе непопнемъ на верхъ едногъ брда
„ у той надежди гледати на море, небыли
„ какову Лађу усмотрио, себи вообразити
„ већь видимъ изъ далека едну Капарку
„ съ полнимъ платномъ (парусомъ) себе
„ съ надеждомъ овомъ питати, и послѣ
„ какосамъ заньомъ тако дуго и непре-
„ сѣчно гледао, дасамъ скоро ослепио, ню
„ на еданъ кратъ изгубимъ, и онда сѣ-
„ днемъ као мало дѣте плакати, и тимъ
„ начиномъ мою бѣду и лудость умножимъ.

Садъ кадсамъ већь то доволно забо-
равио, имаосамъ мое покућство и обита-
лище у порядку, начиниосамъ Астальъ и
столицу и све около себе лепо и угодно,
како э годъ могуће было. Садъ текарь
могаосамъ о томъ мыслити и еданъ по-
рядочанъ Тефтерь держати, о коемъ овде
Читателю описаніе сообщавамъ, башъ ако
онъ

онъ и све ове ствари іоштъ по други
кратъ читати мора. Ясамъ писао ову
книгу или Тефтеръ докле э годъ мастила
траяло, а кадъ э тога нестало, ондасамъ
и я принужденъ быо съ описаніемъ пре-
стати.

Записка или Тефтерь.

Данъ 30гъ септемврія 1659 дошао-
самъ я бѣдни и нещастни *Робинзонъ Круссе*
послѣ страшне бурѣ на пространности
моря и претерплѣнога Кораблѣкрушенія,
на брегъ ове страшне и нещастне пу-
стинѣ, коюсамъ я Аду или Островъ отчаянія назвао.

Сви мои содружинцы удавилисусе, и
я самъ быосамъ више мртавъ нежели живъ.
Цѣли други остатокъ дана пробавіосамъ
съ тимъ, дасамъ я о нещастію моему сѣ-
товао и плакао, да я никакова средства
къ препитанію, никаковога обиталища,
никакови халина, никакова Оружія, и башъ
никаковога мѣста, гдибысамъ прибѣжище
мое узео, неймамъ. Полнъ отчаянія и без-
помоћенъ невидѣвъ предъ собомъ ништа
нежели смерть, да я или отъ дивіихъ
звѣровъ изѣденъ, или изъ недостатка хране
отъ глади умрети морамъ. Кадае ноћь
дошла, мораосамъ отъ страха дивіихъ звѣ-

ровъ

ровѣ на едномѣ дрвету спаваши; и спаваосамѣ сасвимѣ мирно, башѣ акое и кища сву ноћь падала.

Перваго Октовріа уютру видѣосамѣ кѣ моему великому удивленію, дасе э Лаћа сѣ високимѣ приливомѣ сѣ мѣста дигнула, и кѣ брегу Острова много више дотерана была. Ово э сѣ едне стране было за мене нѣкое утѣшеніе, (ербо кадсамѣ я ню управо стоящу и цѣлу видѣо, тосамсе надао, кадѣ вѣтарѣ престане, онамо отићи, и штогодѣ средства кѣ препитанію и други вещи за мою потребу оттудѣ добити,) сѣ друге стране сѣ тимѣ паки жалость о изгублѣню моихѣ содружниковѣ обновиласе, кои, као штосамѣ мислїо, кадбысмо сви на Лаћи остали были, Лаћу курталисати могли, и сви непогинули, и да кадбысу люди спасени были, мыбысмо отѣ остатковѣ Лаће еданѣ Чамацѣ начинити могли, на комебысмо у какву годѣ другу часть свѣта доспѣти могли. Найвећу часть дана я сѣ жалости о ови вещма размышляваюћи проведо. А напослѣдокѣ, кадсамѣ Лаћу сасвимѣ суву усмотрїо, ишаосамѣ пескомѣ до нѣ тако близу, коликосамѣ годѣ могао, и отпливаосамѣ послѣ сасвимѣ на ню; и овай э цѣли данѣ

данѣ киша цепала, ако э она башѣ и безнайманѣга вѣтра была.

Отѣ первога до 24*га* Октовріа. Све ове дневе на различними путешествіями пребавїосамѣ, коясамѣ учинїо, све штосамѣ могао изѣ Лаће и у време приплива на сплавови на суво донети. У свима овима дневи падала э киша, изѣ мећу кои э такожде и лепа времена было: и чиняшемисе дае ово обыкновено годишнѣ кишно време у ови предѣли и мѣсту было.

Октовріа 24*га* извратїосамѣ сплавѣ мой са свимѣ, што э годѣ на нѣму было, у воду; али будући да э вода плитка и вещи тешке были, тосамѣ я опетѣ, кадѣ э отпливѣ натрагѣ уступїо, изѣ воде многе вещи извадїо.

Октовріа 25*га* киша цѣлую ноћь, и цѣли данѣ сѣ нападеніемѣ вѣтровѣ, у коемѣ, будући да э вѣтарѣ іоштѣ яче нежели преће дуао, Лаћасе сва на комаде разбила, и ништа више отѣ нѣ нежели комаде оставше, кои по води пливаше, видѣти бяше. Ясамѣ овай цѣли данѣ сѣ тимѣ пребавїо, ова избавлѣна добра покривао, и у безбѣдность ставляо, да ихѣ киша покварила небы.

Октовріа 26 *га* ходіосамъ цѣли данъ свудъ по брегу наоколо, дабы гдигодъ каково мѣсто за обитаніе нашао, крайнѣ оскорблѣнъ; себе отъ свію ноћни нападенія, дивіихъ звѣровъ и человѣковъ у свободу и безбѣдность ставити. Предъ вечерь већь изабраосамъ мѣсто, кодъ когасамъ остати намыслio, и полукружно мѣсто къ моему конаку измѣрio, когасамъ съ нѣкимъ начиномъ зида или ограде утвердити заключio, кои изъ сугубога реда отъ коля и прошћа и съ ужети отъ мачака изнутра, и съ поля изъ плоча испунѣнъ и ограћенъ быти э морао.

Отъ 26 *га* до 30 *га* радіосамъ врло трудно, дабы сва добра моя у обиталище унео, башъ ако э и киша мећу тимъ нагло падала.

Октовріа 31 *га* проходіосамъ съ пушкомъ свудъ по Острову, штогодъ за храну прибавити и предѣлъ разсмотрити, убіосамъ едну козу, коея яре замномъ э устопце до куће ишло, и кое я, ербо ести нехотяше, послѣ заклаписамъ морао.

Ноемвріа 1 *га* разапеосамъ шаторъ мой подъ нѣкомъ пећиномъ, и спаваосамъ первый кратъ подъ ныме, свемусамъ мѣсто учинio како э могуће было, ударіосамъ

такоћеръ тачке, на коима э креветъ мой висити могао.

Ноемвріа 2 *го* сложіосамъ све мое сандуке, даске и комаде дрвета, изъ коихъ э мой сплавъ соспюяо, едно на друго, и начиніосамъ ограду около себе на подобіе стражилница унутра у мѣсту, коесамъ за градъ мога обитанія опредѣлio.

Ноемвріа 3 *га* изышаосамъ съ пушкомъ на ловъ, и убіосамъ две птице на подобіе патака, кое врло добре за ело быше. Послѣ полдне начиніосамъ отъ ныхъ ручакъ.

Ноемвріа 4 *га* овога ютра, започеосамъ време къ дѣлу, ко исходу съ пушкомъ, къ спаваню, и ко увеселенію порядочно раздѣлити и установити. Свако ютро, кадъ ніе киша была, изходіосамъ съ пушкомъ два три сата на ловъ; затимъ радіосамъ до 11 *тѣ* сати, послѣ еосамъ, штосамъ имао, и легаосамъ, ербо э време чрезвичайно топло было, малко спавати; предъ вече предузеосамъ опетъ на ново дѣло и радіосамъ Дѣлателне Часе овогъ и слѣдующега дана употребіосамъ сасвимъ къ дѣлу мога Астала; ербосамъ іоштъ онда само глупи невѣжа было; али э време и нужда мене скоро тако совершенимъ

Майсторомъ учинило, као штобы икадъ ткогодъ у овакови обстоятелствии наравно быти могао.

Ноемврїа *5 га* у овай данъ изышаосамъ съ пушкомъ и съ псомъ моимъ на ловъ, и убїосамъ едну дивїю мачку; кожа э была доста лепа и мекана, месо обаче безпотребно. Отъ свакога зверчета, коесамъ годъ убїо, свукаосамъ кожу, и добро сачувао. Кадсамъ къ брегу морскому напрагъ дошао, смотрїосамъ отъ много видовъ морскихъ птицъ, отъ коихъ ни едну непознава; али зачудїосамсе и уплашїо о двема воденими звѣрми; кои кадъ смотрише, да я остро у ны гледамъ, незнаюћи штоћу я отъ ныхъ учиниши, у воду скочише и за овай кратъ мени избѣгнуше.

Ноемврїа *6 га* послѣ мое ютренѣ шетнѣ предузеосамъ опетъ Астралъ мой пословати, и быосамъ съ нымъ готовъ; али онъ нимало по моей воли непроизиђе; ясамъ нѣга обаче скоро болѣ устроити научїо.

Ноемврїа *7 га* почело э на еданъ кратъ непрерывно лепо време быти. *7 га* *8 га* *9 га* *10 га* и едну часть *12 га* (ербо *11 га* по моему брою Недѣля бяше) пребавїосамъ съ дѣломъ мое столице, и имаосамъ довольно

волно посла таковой какавъ годъ лепъ изгледъ дати, коями обаче никадъ право по воли небяше, и башъ у послу разлупаосамъ э многократно сву на комаде. д: п: Ясамъ скоро и Недѣлю праздновати изоставїо, ербо кадсамъ я многократно уреску на стубу урезати заборавїо, то немого дакле выше знати и кадъ э Недѣля была.

Ноемврїа *13 га* овай э данъ киша пала, коя э мене чрезвычайно разгалила и землю разладила, али равно грмляше и сѣваше мунѣ страшно, гдисамъ я ради баруша мога у великой бриги быо. Како э дакле олуя и време прошло, заключїосамъ я савъ имутакъ мога баруша у толико свески и сосудовъ, колико э годъ могуће, разложити, и раздѣлити, данебы онъ выше оваковой погибели подложанъ быо.

Ноемврїа *14 га* *15 га* *16 га* ова три дана употребїосамъ на то, дабы фїочице и купице начинїо, у коебы найвыше две фунте баруша стати могле; у ове усуосамъ я барутъ мой, и метну ихъ на мѣста, коису тако свободна и далеко едно отъ другога была, како годъ што э возможно было.

Ноем-

Ноемврїа 17 *га* у овай данъ почеосамъ я за моимъ шаторомъ у пећину копати, дабы за друге угодности и потребе мѣсто начинити могао. п: д: Три вещи къ дѣлу овому сасвимъ нисамъ имао, а наимено! Мотику, Лопату, Талишке или Котарицу. На мѣсто Мотике узеосамъ дакле ћускїю, коя э къ дѣлу овоме доста способна али врло тешка была. Садъ э было отъ велике потребе Лопата и Будакъ, безъ коихъ я ништа чинити нисамъ могао; а какоћу таковe начинити то башъ опнюдъ знао нисамъ.

Ноемврїа 18 *га* сутра данъ нашаосамъ ходећи по шуми нѣко дрво, кое э оно исто или нѣму врло подобно было, и кое ради нѣгове чрезвычайне тврдоће кодъ насъ у *Бразїлїи* гвозденимъ дрветомъ называю. Отъ овога отсекаосамъ съ великимъ трудомъ, глибы было скоро и сикиру мою покварїо, еданъ комадъ, и съ таковимъ истимъ трудомъ довукаосамга кући, ербо э отвыше тежакъ было. Тврдоћа овогъ дрвета, и недостатокъ къ тому способногъ халата, учинише дасамъ я дуго времена кодъ ове машине изгубїо; но преко свега начиніосамъ я отъ нѣга опетъ башъ дѣйствителну Лопату съ держаломъ, сасвимъ

свимъ онако исто, какогодъ кодъ насъ у *Англїи*, него само то ербо ширина ніе гвожћемъ окована была, неможе задуго траяти; но я ню опетъ ко оному дѣлу, на коесамъ ю употребїо, доста дуго потребова; али мыслимъ да никада Лопата у оваковоме виду іоштъ нигди ніе начинѣна была, и никада толико времена на овакови посао изгублѣно было.

Али э іоштъ свагда една нуждна вещъ недостаяла мени; то есть котарица или едне Талишке. Котарицу башъ отнюдъ нисамъ начинити могао, ербо превіяюћи мотака, коебы ко овому дѣлу плетеня имати морао, іоштъ до садъ нисамъ нигди нашао; а штосе Талишки дотицало, тосамъ окромъ точка све начинити могао, отъ кога ниписамъ понятія имао, нити знао, какови способъ къ дѣлу овому предузети валя. И кромъ тога нисамъ знао, како гвожће преко времена, или главчине точка начинити валя. Я дакле выше о томъ и немысли и начиніосамъ, дабы землю, кою у подруму ископамъ, на полѣ износити могао; едну справу на подобіе коритца, у коему работницы зидаромъ Малтеръ доносе.

Но

Но и ово мени тако шетко ніе было, као Лопату начинити; и то све мене ніе стаяло выше, Лопату и суетна проба Талишке начинити него 4*рн* дана времена; кромѣ штосамъ свако ютро съ пушкомъ на шетню исходіо, и коесамъ рѣдко изостављао, али и рѣдко куѣи дошао, да небы собомъ штогодъ за ело донео.

Ноемврія 23*га* сви други мои послови, доксамъ я халатъ овай правіо, моралису изостати. Садъ дакле предузеосамъ ихъ на ново, и пребавіосамъ 18*тѣ* дана — сваки данъ радіосамъ, коликосу годъ крѣпости мое и време допустили, о томъ подрумъ шири и дубли начинити, дабысе вещи мое у нѣму лепше и угодніе хранити могле. Овосамъ цѣло време о томъ радіо, ово обиталище или яму доста велику учинити, коебы мени за вещей хранителницу или Магазінъ, кухиню, спаваћу собу и подрумъ служити могло. п: д: за порядочно мое обитаніе держаосамъ свагда шатру, окромъ кадбы кадкадъ у мокрому годишнѣму времену врло киша падала, и я подъ нымъ сувъ небысе сохранити могао. Ово э дакле дало мени послѣ поводъ цѣлое мѣсто изнутра мое ограде съ дугачкима мотками устроити, коесамъ на пећину наслоніо, пакъ

пакъ ны гранѣмъ, и съ широкимъ отъ древесъ Лишћемъ као еданъ наслонъ или стрею покріо.

Декемврія 10*га* ясамъ башъ помысліо съ моимъ подрумомъ и сводомъ готовъ быти; а можетъ быти, дасамъ врло широко начиніо было, отвалисе съ едне стране врло велики одронакъ отъ верха и паде доле, очемусамсе я и то не безъ узрока верло уплашіо, ербо кадбысе я башъ подъ нымъ нашао было, што доиста никакова погребателя выше потребовао небы. На ову несрећу усугубисе мой посао на еданъ кратъ, и не само штосамъ морао ону отронѣну землю наполъ износити, него іошћъ и то, што э важніе было, свудъ надъ главомъ са стубови подупрети, дасе небы опетъ по други кратъ свалio.

Декемврія 11*га* данасъ започеосамъ то радити, и исправіосамъ две подпоре или стуба управо, пакъ аки греде преко сваког две даске метнуо. Съ тимъ быосамъ други данъ готовъ. Ясамъ съ тимъ іошћъ далѣ поступіо, и вышесамъ стубова и дасака метнуо, и тако у 8*мѣ* дана надъ главомъ безбѣданъ было, и редъ стоящи стубова служіоми э шакоћерь къ раздѣленію мога дома.

Декем-

Декемврїа 17 *га* отъ овогъ дана до 20 *га* начиніосамъ банакъ около стѣне, удари ексере у стубове, и све штосе обесити може, на ны повѣсіо, и тако стаосамъ колъ куће у доста приличанъ порядокъ доћи.

Декемврїа 21: 22: 23: донеосамъ све у подрумъ, и започеосамъ домъ мой украшаваши. Метнуосамъ нѣколико дасака едну преко друге као рафове, дабы ела и сосуде мое тамо метнуо, дасака э већь мало по мало нестаяши почело. Начиніосамъ дакле іошшъ еданъ Асталъ.

Декемврїа 24 *га* цѣли данъ и цѣлу ноштъ излишно э киша цепала; дакле нисамъ ни на полѣ излазіо.

Декемврїа 25 *га* киша такоћеръ цѣли данъ.

Декемврїа 26 *га* бездождно и земля мало хладныя и угоднія нежели преће.

Декемврїа 27 *га* убіосамъ едну младу козу и другу ранніо, тако да э уфати, ужетомъ свеза, и дома доведо, гдисамъ я ногу нѣну свезао и дащицама утвердіо. П: д: Ясамъ храніо ню тако добро, да э она жива остала, ногу ей излечіо, коя э тако као и преће здрава была. Временемъ кадсамъ э већь доста позадуго храніо, учи-

учинилась она сасвимъ питома, пасла э на оной малой зеленой пашицы предъ мои врати, и незахтеваше отповудъ ни побећи выше. Ово э мене на первый помыслъ довело, нѣкую дивію звѣрчадъ припитомити, да временемъ мени на средствахъ къ препитанію небы ущербъ было, акобы барута и олова мога нестало.

Декемврїа 28 29 30 *га* велика э теплота была, и никаковога чистога воздуха отъ моря; дакле ніе было време излазити, окромъ предъ вечеръ дабы штогодъ за ело убіо. Ово време пребавіосамъ съ шимъ, дасамъ све вещи мое кодъ куће у порядокъ ставіо.

Іануарїа 1 *га* іошшъ свагда врло топло; исходіосамъ опетъ уютру рано и увече съ пушкомъ на ловъ, а преко данъ пребывасамъ мирно кодъ куће. Калсамъ я ово вече далѣ у долине заишао, коссу у средъ Острова лежале, нашаосамъ тамо велико множество коза, кое обаче крайнѣ плашиве быше, и врло тешко добитисе могоше. Абіе заключіосамъ пробу учинити, нећули ихъ съ псомъ моимъ разпудити, и раздражити моћи.

Іануарїа 2 *га* изишаосамъ съ моимъ псомъ на полѣ, и наускаосамга на козе.

Али-

Алисамсе я ту преварiо, ербосе оне све на противо пса ополчише, и онъ э погибель свою добро примѣтiо, нехотѣсе дакле къ ныма далѣ приближити.

Iануарiа 3га започеосамъ ограду или зидъ мой, когасамъ я iошть свагда пунъ страха отъ кога годъ нападенъ быти врло дебела и яка начинити заключiо.

Д: П. Будући да э зидъ овай већь iошть преће описанъ, то дакле изостављамъ своеволно, што э о томъ у описанiю стаяло. Доволное то, кадсамъ я назначiо, дасамъ я не манѣ времена него отъ 3гъ Iануарiа до 14гъ Априла съ шимъ пребавiо, дабы ово дѣло начинiо, и у свое совершенство довео, башъ ако оно и ніе више него 24 рифа у дужину было; ербо э оно полукружно было, отъ еднога мѣста до другога пећине около 8 рифи у кругъ, и врата отъ подрума башъ на среди за нымъ быше.

Ово цѣло време радiосамъ прилѣжно о томе, башъ ако э мени киша и много дана а кадкадъ и цѣлу Недѣлю на томъ препятствовала, но ясамъ свагда мыслiо, да никадъ совершено безбѣданъ и свободанъ быти немогу, докле годъ зидъ овай готовъ небуде; и вѣровати ніе можно, съ

каковимъ э неисказанимъ дѣломъ и трудомъ све правлѣно быти морало, особито стубове и колѣ изъ шуме доносити, и ны у землю ударати, ербосамъ я ны правiо много деблѣ, него штоми э отъ потребе было.

Кадъ э овай зидъ готовъ, и внѣшня страна съ дебело изведенимъ зидомъ отъ плоча сугубо утверждена была; тосамъ я онда већь самъ у себи извѣстанъ быо; да башъ акобы какови Люди и на суво дошли; то они никадъ ништа смотрити немогу, штобы обиталищу каковому подобно изгледало. И то э башъ врло добро было, штосамъ я то тако начинiо, како штоћесе у слѣдству кодъ нѣкогъ врло примѣчанія достойногъ способа ясно видѣти.

У траяню овога времена, нисамъ оставляо мой повседневни исходъ и увеселеніе за ловомъ, кадъ э годъ киша допустила, и овимъ способомъ провидѣосамъ многократно, и нашаосамъ штогодъ, што э на мою ползу было. Особито нашаосамъ нѣки видъ дивiи голубова, кои нису као други шумни голубови по дрветахъ, него као домаћи по дупляхъ пећине гнѣздилисе. Ясамъ узео нѣколико млади, и трудо-

самсе ны питомо воспитати. Ово э сасвимъ добро пошло, а кадъ они стари быше, отлетише опетъ оповудъ, и то може быти тога ради, ербо я ны выше не храни, ербо нисамъ хране за ны имао. Међу тимсамъ я гнѣзда нына често налазіо, и покупіо птиће, отъ коихсамъ преизрядно ело правіо.

Водећи мое домостроителство овако, видѣосамъ да мени іоштъ многе вещи недостаю, коесамъ начинити я съ почетка сасвимъ за невозможно держао, као штосе съ нѣкима и случило. Као н: п: буре съ обручеви незнадо никадъ набити. Имаосамъ, као штосамъ сказао, едно два мала буренца, али никадъ немого до тога доћи, дабы тако упутанъ быти могао, едно по примѣру овихъ начинити, акосамъ башъ и много Недѣля времена на то употребіо.

Такожде умалѣніе мои свећа, бацило э мене у велику бригу. Какосе дакле смркне, а то э порядочнимъ начиномъ у 7 мъ сати бывало, мораосамъ у креветъ ићи. Садсамъ помыслio на ону груду воска, отъ коесамъ у моему бѣгству кодъ бреговъ *Африканскихъ* свеће правіо; али всуе тога већь небы овде. Само едно средство штоми э іоштъ изостало, было э, да я кадсамъ

самъ козу кою убіо, лой отъ нѣ оставляо, и средствомъ едне мале чинице отъ блата, коюсамъ на солнцу испекао, и фитилѣмъ лаћарске конопле себи кандило начиніо. Овимъ средствомъ добіосамъ дакле свѣтлость, башъ ако и ніе была онако свѣтло као права и постояна свећа. Башъ у средъ посла мога случилосе, дасамъ я премећући ствари мое еданъ мали жакъ нашао, кои э, како штосамъ казао, съ храномъ за живину напунѣнъ быо. Оно мало жита што э у нѣму было, тосу парцови све исчорвали, и ништа друго у кеси ніе было, него люске и прахъ. А будући дасамъ я тай жачићь на што друго радъ употребити быо, (чинимисе хотѣдо барутъ у нѣга метнути, кадсамъ я нѣга отъ страха стрѣле и грома на разна мѣста расположіо, или што тому подобное,) дакле истресаосамъ изъ нѣга оне оставше люске на едной страни мога града подъ пећиномъ. То э было наскоро предъ ономъ великомъ кишомъ, о коейсамъ говорio, кадсамъ я тай прахъ и люске истресао, и далѣ ни наштo немыслio, и неопоменусе выше, дасамъ штогодъ онде изасуо. До еданъ месецъ дана послѣ видѣосамъ нѣколико сламки отъ штагодъ зелена изъ

землѣ

землѣ прозябаеме, коесамъ за нѣки видъ сада держао, и кое іошть никадъ овде видіо нисамъ. Али каково э велико чудо и удивленіе мене обяло, кадсамъ я у кратко време едно десетъ и до дванаесть классова на стаблахъ оногъ сада исходяще видѣо, кое э совершено зелени ечамъ, онаковога вида, као нашъ *Екролейски* и башъ *Англейски* быо.

При овомъ способу ніе было могуће удивленіе и страхъ мой изговорити. Ясамъ досадъ све творіо а на законъ нисамъ ни мыслio. Отъ овога да рекнемъ истину, врло слаба понятія бышеми у глави, и све, штомисе досадъ случило, низашто другого него за сами случай держао нисамъ, или како што мы обыкновено безъ свакога размышлѣня о томъ Божіе посѣщеніе именовати обычествуемо. О намѣреніямъ провидѣнія у таковимъ случаямъ или ныномъ порядку у управлѣнію приключеніяхъ у свѣту размышляваши ніеми никадъ на паметъ дошло. Алисамъ я овде у онаковой *Клїмї* и земли гдисамъ знао, да никадъ жито нераспе, на еданъ кратъ ечамъ изъ землѣ прозябаемъ видѣо, прикоемъ взору ясамъ чрезвичайно возбужденъ быо, особито што незнадо отъ куда э тай ечамъ про-

прозябао, и дошаосамъ на тай помысль; Богъ э ово жито чудеснимъ начиномъ и безъ помоћи просуте сѣтве у овому дивіему и бѣдному мѣсту за само мое содержаніе произрасти дао.

Ово э умягчало сердце мое, и очима моима сузе истягнуло, сшаосамъ себе за благощастна почитовати, дасе мене ради оваково чудо у естеству приключило. И томисе чудно учинило, ербосамъ я близу тога, покрай стране отъ Пећине іошть нѣколико по едно разсѣяни сламки видѣо, кое отъ пиринча бяху, коесамъ познавао ербосамъ ихъ у *Афріки* кадсамъ у той земли было, видѣо. Садъ нисамъ вѣровао само то, да э ово точію провидѣніе Божіе чудеснимъ начиномъ за мое содержаніе произвело; него іошть и о томъ недвоуміо на овому острову іошть выше тога наћи, проходіосамъ дакле ону цѣлую часть острова, кудсамъ и преће проходіо, и завиріосамъ у сваки бучакъ и кодъ свакога камена и пећине, да бы іошть выше нашао, али бадава, ербо далѣ ништа видѣти небяше. Напослѣдокъ паломи э на умъ, дасамъ я овде ону кесу, у коей э жито за храну живине было, истресао, и ово мнимое чудо престало э на еданъ кратъ абіе. Садъ право исповѣдити морамъ, по-

чела э такожде моя кротка благодарностъ
къ Богу ослабливати, кадсамъ већь видѣо,
да ово ништа далѣ ніе, него штогодъ са-
свимъ обыкновено было, но я преко свега
тога валялобы дасамъ за оваково чрезвычай-
но, и непредвидѣно посланіе Божіе благода-
ранъ быти имао; башъ тако како дабы то
дѣйствително каково чудо было. Ербо въ
смотренiи мене было э то дѣло особногъ
провидѣнія Божія, кое э тако уредити изво-
лило, да э 10 и до 12 *тъ* зерна читави ос-
тати морало, а проче све отъ парцова изѣ-
дено тако башъ, како дабы зерна ова съ
Неба пала была, и равно тога ради штосамъ
я ны башъ на ово мѣсто изасути морао,
гди оны подъ сѣномъ ове высоке пећине
абіе никнути и узрасти могоше, коебы ина-
че на коемъ другомъ мѣсту, гдисамъ посѣя-
ти могао, у ово време отъ велике жеге из-
горети и пропасти морало.

То лако сваки мыслити може, дасамъ я
класе овога жита у време зрѣлости, кое э
при концу жатвеногa мѣсяца было, верло
опасно скупіо и сачувао. Свако зерне опа-
сно сохраніо и намыслiо у той надежды на
сданъ кратъ посѣяти, дабы временемъ обил-
ное имущество хлѣба имати могао. Но то
э траяло башъ до четверте године, доксам-

се я

се я усудіо едно найманѣ зернце отъ овогъ
жита изѣсти, а послѣ съ тимъ верло ску-
по поступіо, коећу после порядочно сказа-
ти. Ербоми э све перво сѣяніе, изъ узрока
што право време сѣянія ненаблюдава, пропа-
ло. Ясамъ сѣяніе ово башъ предъ сувимъ
годишнимъ временемъ предузео тако, да сѣ-
яніе изникнути неможе, башъ ни онако како
штобы быти имало, коећу на мѣсту гди
валя сказати.

Окромъ овога ечма было э ту іоштъ
20 *тъ* до 30 *тъ* стабли пірінча, коесамъ та-
кожде равно тако опасно сачувао; и къ та-
ковому истому употребленію опредѣліо;
то есть хлѣбъ или много выше ело отъ
нѣга готовити; ербосамъ средство изнашао
такови кувати, а не пећи, и тосе текаръ
после нѣкоего времене случило. Садсе вра-
ћамъ къ моему повседневному записанію на-
трагъ.

Ова три или четири мѣсяца пословао-
самъ чрезвычайно неутрудимо, да бы зидъ
мой већь у совершенство довео. На послѣ-
докъ 24 *го* Апріллія затворіосамга сасвимъ, и
намыслiо не выше крозъ врата, него сред-
ствомъ лотре преко зида улазити и излази-
ти, и да съ поля никаково знаменіе о моему
обиталищу усмотритисе може.

Априлліа 16го быосамъ такожде съ лѣ-
ствицомъ готовъ. На овой попеосамсе да-
кле горе, узвукаосамъ ю за собомъ и спу-
стии ю у внутрену страну опетъ доле. Ова
ограда была э дакле еданъ совершенный
градъ за мене. Изъ нутра имаосамъ мѣста
довольно, а съ поля ніе могао нитко къ ме-
ни доћи, доклесе годъ на зидъ мой попети
небы морао.

Абіе други данъ затимъ, кадсамъ съ зи-
домъ моимъ готовъ быо, былобы скоро све
дѣло мое на еданъ кратъ на хрпу скрхано и
я самъ живота лишенъ. Тосе тако случило,
кадсамъ я у нутра за моіомъ шатромъ башъ
кодъ ухода мога подрума пословао, быосамъ
сасвимъ и чрезвычайно уплашенъ, а и вещь
сама бяше доиста доста ужасна, ербосамъ
на еданъ кратъ смотріо, да отъ крова мо-
га подрума, и отъ верха брда надъ моіомъ
главомъ земля идяше доле, и два отъ спу-
бова, коесамъ у подруму водрузіо, страшно
пукнуше, о коемсе я зѣло смутіо, незнаю-
ћи обаче што свойственни узрокъ о томъ
бяше. Помыслiосамъ, дасе сводъ мога по-
друма опетъ по други кратъ свалiо, како
штосе э већъ еданъ кратъ догодило, и отъ
страха да небы ту живъ закопанъ быо, по-
терчаосамъ къ моей лѣствицы напредъ, а

будући

будући да и овде себе безбѣдна быти немы-
сли, прешаосамъ преко мога зида, да небы
како штосамсе сваки часъ надао, они отпонцы
отъ брда на менесе свалили. Само што-
самъ я на другой страни ногомъ землю до-
кучіо быо, гди я явно смотри, да э то нѣ-
ко страшно землѣ-трясеніе было, ербо э зе-
мля, на коейсамъ я стаяо, была у 8 мінута
три кратъ ударцемъ жестоко распресена,
коебы найяче зданіе на хрпу срушити могло,
и велики комадъ пећине пао э съ таковымъ
ужаснимъ шумомъ доле, кое я у моме жи-
воту іошъ никада нечувъ: примѣтіосамъ
такожде, да э и море само чрезъ ову пре-
сню у жестоко движеніе дошло, и ударцы
моралису, какосамъ я мыслiо, подъ водомъ
іошъ ячи него на самомъ острову быти.

Ясамъ о вещи самой, ербо такове ника-
да нисамъ ощутіо или съ кимъ о томъ го-
ворiо, тако уплашенъ быо, дасамъ како мер-
тавъ и сасвимъ окаменѣнъ быо: и землѣ-тря-
сеніе мени э такови ужасъ проузроковало,
кога таласи и буря на морю сѣмо и овамо
пребадую: шумъ и лупа обаче падающе пе-
ћине пробудила э мене опетъ изъ нечув-
ственога состоянія, у коемусамъ я лежао,
напунила э мене ужаса и учинила э, да я ни-
шта друго не мысли, него да брдо, кое на

шаторъ

шаторъ и на добро мое паде, све на еданъ кратъ закопа, и овоме э на ново све бодрости мое, и присутствія душевнога лишило.

А кадъ э већъ трећи ударацъ прошао, и я за нѣкое време ништа нисамъ примѣтіо, охрабріосамсе на ново, али опетъ сердца неимадо доволно натрагъ преко зида прећи, и боіосамсе іоштъ свагда погребенъ быти. Остаосамъ дакле крайнѣ снуждань, и неутѣшимъ на земли сѣдящъ, и нисамъ знао шта почети имамъ. Овогъ цѣлога времена ніеми дошао ни еданъ хрістіански помысль на паметъ, него што э обыкновено было: *Боже буди ми милостивъ!* А кадъ э тресня прошла то э быо конацъ и овой речи.

У време мога седеня овде смотріосамъ дасе небо навукло и тако облачно было, како дабы киша падати хотѣла: и само у едно полъ сата дигаосе тако страшанъ орканъ вѣтаръ, коисе икадъ помыслити може. Море э было на еданъ кратъ съ пѣномъ покрывено, брегъ отъ песка и вртлогъ водомъ оплинутъ, съ коренѣмъ дрвета изъ землѣ исчупана, тако страшна и ужасна была э та олуя. Тако дыхаше вѣтаръ три пуна сата, започесе после уполяваши, и

текаръ

текаръ после три сата было э мирно, и почела э верло нагло киша падати.

Преко цѣлогъ овогъ времена ясамъ іоштъ свагда полнъ страха и трепета на земли сѣдіо, докми э на умъ пало, да вѣтръ и киша истина слѣдства овогъ землѣ-трясенія бяше, и да э трясеніе сасвимъ проћи морало, да я свободно у мой подрумъ иѣи усудитисе могу. Овимъ помысломъ оживіосамъ опетъ на ново. Отишаосамъ опетъ у нутра, къ чему э и киша много помогла, и сѣосамъ у моме шатору. Али э киша была тако нагла, да э она шатру мою скоро оборити хотѣла. Видѣосамъ дакле себе принуждена у подрумъ иѣи, акосамъ баніъ у страху и трепету быо, дасе неѣе надъ главомъ моіомъ доле строваліти.

Ова нагла, и плаовита киша принудила э мене на ново дѣлати, то есть рупу крозъ зидъ мой просећи, и олукъ начинити, дабы воду крозъ нѣга непустити могао, коя бы иначе подрумъ мой прелила. Кадсамъ већъ нѣколико времена у подруму быо, и далѣ никакове ударце землѣ-трясенія неощути, ондасамсе примиріо мало, и дабы разслабленіе тѣла мога опетъ укрѣпіо, кое э доиста и отъ потребе было, отишаосамъ у мой малый Магазінъ, и прогутаосамъ едну чашу

Англій-

Англїйске сладке ракіе, съ коїомсамъ сада како и прѣе врло штедѣћи поступіо, ербосамъ знао, да кадъ э нестане; да друге выше добыти нѣћу.

Киша э цепала цѣлу ноћь, и едну часть слѣдующега дана тако, да я ни помыслити мого на ловъ изићи. Кадсе душа моя опетъ малко примирила, узеосамъ о томъ мыслити, штобы найболѣ чинити было? естли Островъ овай, помыслїосамъ у себе, често оваковимъ землѣтрясенїямъ подложанъ, то у подруму живити ніе можно; него на то да имамъ промотренъ себи колибицу на свободномъ мѣсту начинити; кою послѣ со оваковимъ истимъ зидомъ оградити могу, какосамъ овде учиніо: дабы себе отъ дивїихъ звѣровъ и человѣковъ сачувати могао, ербо ако останемъ овде, я доиспа раніе, или касніе живъ погребенъ быти морамъ.

Овако мыслећи заключїосамъ дакле шаторъ мой съ мѣста, на коему э стало, отнести, ербо онъ башъ управо подъ онимъ верхомъ висећега брда стаяше, коибы при другомъ землѣ-трясенію доиспа на шаторъ мой пасти морао, и дасамъ я два цела дана 19. и 20. Апрїлїа съ тимъ мысле-

мыслећи пребавіо, на какови начинъ и куду обиталище мое премѣстити имамъ.

Страхъ живимъ закопанъ быти узроковао э, да я никадъ мирно неспава, а извань ограде мое спавати іошъ э већу бригу проузроковало. Али кадсамъ я све около себе тако красно у порядку погледао, какосамъ добро сохранѣнъ, и какосамъ отъ свію бѣда и нападенія сачуванъ, то э мени врло тешко пало хранимость обиталища овога изоставити.

Међу тимъ помыслїосамъ, да предвзяніе дѣла овогъ чрезвычайно много времена изыскиваши хоће, и ясамъ себе къ тому склонити и овой погибели себе подложити морао толико дуго овде изосташи, гдесамъ, докъ я себи гдигодъ на другомъ мѣсту прибивалище начинимъ и нѣга добро сасвимъ утвердимъ тако, дасе свободно у нѣга преселити могу. Съ овимъ заключеніемъ примиріосамсе за нѣкое време, и предузеосамъ, што э скоріе могуће было, себи ограду съ колѣмъ, прошћемъ, и дебелими ужети отъ лађе полукружио, како што э моя садашня, воздвигнути, и кадъ готова буде, шаторъ мой тамо разапети, а међу тимъ докле она толико готова буде, дасе могу у ню усели-

ти;

ти, усудіосамсе овде остати, гдисамсе находіо. Ово бяше 21 *вый* овогъ мѣсяца.

Апріллія 22 *го* сутра данъ почеосамъ о средствахъ мыслити, и шпосамъ намыслiо у дѣло ставити. Али ево бѣде съ халэтомъ моимъ зло стаяше. Истина имаосамъ три велике сикире и много сатара (коесмо за продаванѣ Індіаномъ собомъ понели были) али многимъ сеченѣмъ на тако твердимъ и чворновитимъ дрвети бяху оне све пуне зубаца, и утуплѣне, коима и тоциль мой, когасамъ имао, много помоћи неможе, ербо я нѣга самъ окретати и оштрити нисамъ могао. Ово э мене многога размышлѣнія стаяло, башъ као каквога дворянина, важно време или часъ политике, или едногъ Судію кадсе смерти или живота чіега дотицало. Напослѣдокъ измысліосамъ и начиніо отъ ужета точакъ, когасамъ ногомъ окретати могао, дабы руке за оштренѣ свободне имао. Я таково штогодъ у Англіи нисамъ никадъ видіо, и іошъ манѣ на то позоръ дао, какосе прави, акосамъ башъ послѣ и дознао, да э то онде штогодъ врло обще было, и кромѣ тога бyо э каменъ врло великъ и тежакъ. Ова машина далами э посла цѣлу недељу дана, доксамъ я ню у совершенство довео.

Апріл-

Апріллія 28. 29. Ова цѣла обадва дана съ тимсамъ пребавіо, дабы мой халатъ наоштріо, и моя машина каменъ окретати, учинилами э преизрядну службу.

Апріллія 30 го кадсамъ примѣтіо, да хлѣбъ мой отъ нѣколико времена на манякъ иде, держаосамъ о нѣму данасъ извидѣніе, пакъ описадъ нисамсе усудіо више него на данъ по едну симиту утрошити, кое э сердцу моме доста тешко было.

Маіа 1 го погледаосамъ у ютро после отплива на море, и усмотріосамъ, да нѣчто врло велико на брегу лежи, коемисе како еданъ сандукъ учинило. Отишаосамъ дакле онамо, и нашаосамъ едно мало буре, и два до три комада отъ разбіене лађе, кое э послѣдный допливъ моря на брегъ доперао было. Кадсамъ за тимъ онай комадъ отъ лађе болѣ промотріо, учинимисе, да онъ више него иначе надъ водомъ лежи. Прогледаосамъ дакле буре, кое э на брегъ бачено, и садсамъ већъ знао, да э у нѣму барутъ, у кое э вода ушла была, и барутъ какогодъ каменъ у груде сбіенъ было. Абіе я нѣга предъ собомъ горе далѣ на брегъ отваля, и отишаосамъ по песку врло близу онога комада лађе, дабы іошъ штогодъ далѣ усмотрити могао.

Кадсамъ

Кадсамъ къ лаћи доле сишао, нашао-
самъ нѣзино мѣсто сасвимъ премѣнѣно.
Предняя часть, коя э предъ тимъ сасвимъ у
песку закопана быда, стояла э найманѣ 6.
стопа у висину горе, а стражня часть, кою-
самъ скоро, какосамъ э послѣдный кратъ
разгледао, са силомъ моря у комаде разбiена,
и отъ перве са свимъ отдѣлена была, и то э
было извраћено, и на страну бачено, и на
овой страни кодъ фаре нагрнуосе песакъ
толико высоко, да я, кадъ э отплывъ устуи-
пiо, врло близу онамо прикучитисе мого,
гди э преће тога велико разлитiе воде бы-
ло, дабы я ферталь сата пливати морао,
докбы самъ онамо дошао. О томсамсе
я съ почетка доволно чудiо, алисамъ абiе и
помыслiо, да э то дѣйство землѣ-трясенiя
быти морало, и да э оваковомъ силомъ лаћа
iошћъ выше него преће разбiена быти мо-
рала, то э дакле повседневно множество ве-
щи на брегъ долазило, кое э море оплинуло,
и вѣтаръ и вода мало по мало на суво доше-
рали.

Ово э дакле мене отъ намѣренiя мога
обиталище мое гдигодъ на друго мѣсто
преложити сасвимъ отвратило, и прило-
жiосамъ особито овай данъ много труда,
дабысамъ на лаћу доћи могао. Алисамъ на

послѣ-

послѣдокъ видѣо, да о томъ ни мыслити
неваля, ербо э лаћа изъ нутра пуна песка
напунѣна была. Но преко свега, ербосамъ
я већь научiо ни о чему неочаявати, заклю-
чiосамъ дакле, све штогодъ могу, отъ лаће
у комаде одбити у тому мнѣнiю, да све,
штогодъ я отъ тудъ донести могу, мени
данасъ или сутра отъ велике ползе быти
може.

Маiа 3 го започеосамъ дакле съ тестеромъ моiомъ пилити, и отпилiосамъ еданъ комадъ греде, коя э по моему мнѣнiю горнюю часть крова скопчавала; и кадсамъ препилiо, баџiосамъ песакъ, коликосамъ годъ могао, отъ оне стране гди э она найвыше лежала, а кадъ э припливъ бывати почео, видiосамъ себе дакле принуждена, за садашни кратъ съ дѣломъ овимъ престати.

Маiа 4 го изышаосамъ на рыболовъ, али неуфати ни едне рыбе, коибысамсе усудiо ести, докъ я, кадсамъ већь праздности ситъ быо, у намѣренiю не бы престати, едногъ младогъ Делфiна уфати. Ясамъ едну дугачку странчицу отъ ужета испрео и усукао, али неимадо удицу къ тому, негосамъ съ мрежицомъ много рыбе за ело уфатiо; и све штосамъ годъ уфатiо, изсушiо на сунцу, и шако суве со.

Маiа

Маіа *5 го* спремаосамъ остатке отъ Лађе, распилїосамъ їошћъ еданъ балванъ на двое, и донеосамъ три велике даске отъ крова доле, коесамъ за едно свезао, и съ припливомъ на суво донео.

Маіа *6 го* имаосамъ посла како и прећe о остатцы лађе, добїосамъ различне гвоздене панте (енгеће) и другу коекакву гвожђарїю, радїосамъ врло трудно, дошаосамъ врло утрудженъ дома, и намыслїосамъ већъ отъ тога престати.

Маіа *7 га* отишаосамъ опетъ ко остатькомъ отъ Лађе, али не у намѣренію што годъ предузети; нађо обаче, ербосу по прекo греде препилѣне быле, дасу своїомъ собственомъ теготомъ претргнуте быле. Многе части Лађе быше сасвимъ разложене, и внутреня страна мѣста была є тако отворена, дасамъ сасвимъ унутра видѣти могао. И была є скоро сва пуна воде и песка.

Маіа *8 га* радїосамъ опетъ о остаткахъ отъ Лађе; и имаосамъ ћускію съ собомъ кровъ открити, кои є сасвимъ отъ воде и песка своданъ быо, откинуосамъ отъ нѣга две даске, коесамъ съ припливомъ на суво изнео, ћускію оставїосамъ до сутра тамо лежећу.

Маіа

Маіа *9 га* отишаосамъ опетъ онамо, и пословаосамъ съ ћускіомъ у внутрености срушенія Лађе, усмотрїосамъ различне сандуке и опростїосамъ ихъ съ ћускіомъ отъ песка, и ћубрета, али ихъ отворити немого. Нашаосамъ такожде єдну балу *Англїйскога* олова, коюсамъ кренути могао, али ю отъ овуд отнести бѣшеми врло тешко.

Маіа 10. 11. 12. 13. 14. Сваки данъ отходїосамъ на скрушенія Лађе, и прибавїосамъ велику часть дунђерски дрва и разни дасака, и їошћъ къ тому до 300 фун: гвожђа.

Маіа 15 узеосамъ две сатаре и хотѣвъ пробирати, (искушати) нећули моћи еданъ комадъ отъ оне бале олова отсећи, остроту едне сатаре наслонїосамъ на олово, а другомъ ударїосамъ отозго; а будући да є олово полдругу стопу дубоко у води лежало, то немого ни еданъ ударацъ учинити, конбы сатару дублѣ у олово сатерати могао.

Маіа 16 *га* быо є великій вѣтаръ прекo ноћь, и видѣосамъ, да є скрушеніе Лађе силомъ и ударцы отъ воде їошћъ већма разлупанъ: но я задуго задержаосамсе у шуми, дабы голубова себи за ело убіо, и

и ме-

и мећу тимъ припливъ наступіо, кои ѳ мени овай данъ онамо ићи препятствовао.

Маіа 17*га* усмотріосамъ нѣколико комада отъ скрушенія Лаће, кое ѳ вѣтаръ на суво дотерао био, али у удалѣнію до 2*ве* мілѣ отъ мене. Но ясамъ башъ знати хотѣо, што ѳ то, и видѣосамъ, да ѳ то на скрушеніяма еданъ комадъ олова био, али врло тежакъ, коисе отовудъ отнести ніе могао.

Маіа 24*га* до данасъ радіоесамъ сваки данъ на скрушеніяма Лаће, и съ тешкимъ трудомъ съ ћускіомъ, и освободіосамъ нѣке вещи толико, да ѳ первый препливъ различну брадъ и два лаћарска сандука на брегъ дотерао; а будући да ѳ овай данъ вѣтаръ отъ брега на море дыхао, то дакле на суво ништа доћи неможе, него нѣколико комада граће, и едно заковано коритo, насолѣногъ *Бразіл*ског свинскога меса, кое ѳ обаче отъ морске воде, и песка све покварено было. Ясамсе съ дѣломъ овимъ сваки данъ непреривно забаляо; кромѣ онога времена, коесамъ употребіо, дабы штогодъ средства къ препитанію пребавіо, и къ томусамъ, коликосамсе годъ кодъ овогъ дѣла забаляо, свагда преплива време опредѣліо, дабы абіе како припливъ наступи, опетъ у преправности было на дѣло мое поћи. У овоме времену ясамъ граће, дасака, и гвожћарје доволно добіо, дабы себи Чамчићь начинити могао, кадбы само знао, како? такожде у различними времени приплива у комади добіосамъ до 100 фун: олова.

Іуніа 16*га* кадсамъ по край моря доле проходіо, нашаосамъ едну велику корнячу. Ово ѳ была перва, коюсамъ досадъ овде видіо, али и то ніе было онако, како штосамъ мыслію, да на Острову овому мало корняча имаде, него што случай мени преће ны открити ніе хотѣо. Ербо кадбы я на другой страни Острова было, то бы я ны, како штосамъ послѣ видѣо, на данъ и 100 уфатити могао: алибы ихъ, може быти, и скупо платити морао.

Іуніа 17*га* пребавіосамъ време куваюћи и готовећи мою корнячу. Кадсамъ ю расправіо, нашаосамъ у њойзи доволно јета (јајцовъ) и месо нѣјзино чињашемисе онда найвкусніе и найслаће быти, да тако штогодъ сладко и лепо іоштъ никадъ у животу моме уживао нисамъ: ербо откакосамъ у ову пустиню дошао, никаквога другога, него козіега и птичіега меса за ело добити нисамъ могао.

Іуніа 18го киша э падала цѣлый данъ, и мораосамъ кодъ куће остати. Учинило-мисе, да э киша у ово време хладна пала, на коесамсе я мало згрозіо и наежіо, кое э подъ овомъ Небесномъ стрекомъ, како штосамъ я знао, штогодъ необыкновено было.

Іуніа 19го быломи э малко зло, и наежіосамсе, како дабы хладно време было.

Іуніа 20го цѣлу ноћь нисамъ имао мира; жестока главоболя и грозничаво.

Іуніа 21го врломи э зло было, и претерпіосамъ смертну болѣзнь ради мога жалостногъ состоянія; болестанъ быти а никакове помоћи! и молiосамсе, послѣ бурѣ кодъ *Улла* первый кратъ Богу, али едва-самъ знао, штосамъ бесѣдіо, и зашто; ербосу мысли мое у великому смущенію биле.

Іуніа 22го быломи э мало болѣ, алисамъ іошъ свагда пунъ страха ради мое болести было.

Іуніа 23го опетъ на ново зло; хладно и наеженъ и жестока главоболя.

Іуніа 24го много болѣ.

Іуніа 25го врло люта грозница; вапра траяше цѣлый 7 *мѣ* сати, хладность и врућина съ послѣдующимъ хладнимъ зноемъ.

Іуніа

Іуніа 26го мало болѣ: и будући да ништа ести неимадо, узеосамъ пушку, и видѣосамъ, дасамъ врло слабъ было; но преко свега убіосамъ опетъ едну козу, довуко э съ великимъ трудомъ кући, сготовіосамъ мало отъ нѣ, и еосамъ. Коебы радіе было кувати, да мало чорбе добіемъ, али лонца къ тому нисамъ имао.

Іуніа 27го грозница опетъ тако жестока, дасамъ я цѣлый данъ у постели лежао, и нитисамъ шта ео ни пїо. Ябысамъ отъ жеће скоро преће скапати морао, ербосамъ тако слабъ было, него дабы изъ кревета устао, и самъ себи напитакъ воде донети могао. Молiосамсе Богу, али како изванъ себе, а кадбы и при чувствахъ было, я опетъ такосамъ занешенъ было; да незнадо штаћу говорити. Него само тзко лежао, и повыкао: ахъ! Господи помозими! Боже смилуйсе мени! Боже доћи на помощь мени! Я мыслимъ да друго ништа ни чиніо нисамъ два или 3 цѣла часа, докъ врућичина и занешеніе непопусти, на коесамъ послѣ заспао, и зѣло касно ноћу пробудіосе опетъ. Кадсамсе пробудіо, осетіосамъ себе доста облакшана и укрѣплѣна, али слаба, и крайнѣ жедна; мораосамъ обаче, ербо ни капи воде у цѣлой кући имао

писамъ, шако до сутра лежећи остати. Заспаосамъ по други кратъ опетъ, и у овоме второме сну имаосамъ слѣдующее страшное сно-видѣніе.

СОНЪ.

Учинимисе, да я съ поля кодъ мога зыда на земли сѣдимъ, башъ гдисамъ онда сѣдіо, кадъ э олуя послѣ землѣ-трясенія завеявала; и видимъ еднога человѣка изъ нѣкогъ великогъ црна облака у полному и свѣтлому пламену доле силазити, и кои на земли стоящъ остаде. Онъ э савъ шако свѣтлъ быо како пламенъ, дасамъ я едва у состоянію быо на нѣга погледати; нѣговогъ лица видъ быо э шако чрезвычайно страшанъ, и неможесе никаковима речма описати. А кадъ онъ ногама на землю стаде, учинимисе, да она подъ ныме онако исто трестисе поче, како штосе предъ шимъ отъ труса тресла и трепетала, и савъ цѣлый воздухъ быо э къ моему великому чуду и удивленію, како дабы онъ са самима вѣтренима лучамама напунѣнъ быо.

Едва што э онъ на землю стао, кадъ э онъ съ еднимъ дугачкимъ копіемъ или Оружіемъ на мене пошао, и претяше мене убити; а кадъ э онъ на нѣко мало бдаще до-

Сонъ Робінзоновъ.

дошао, говоріо э онъ іошть у нѣкоему удалѣнію отъ мене, или разумѣосамъ я нѣки страшни гласъ, когасе ужасность никоимъ начиномъ исказати неможе, све што я о томе сказати могу, штосамъ я разабрао быо; кадъ тебе све то што терпишъ на покаяніе довести неможе, то морашъ ты садъ умрети! Кодъ ови речи учинимисе, да онъ дигну Копіе у руцы и мене башъ убити хотѣвъ.

Нитко, кои годъ ово извѣстіе чита, неможе очекивати, дабы я у состоянію быо страхъ и ужасъ мой, кадсамъ ово гнусно страшилище погледао, описати. Башъ іошть и у самому сну мене э то отвыше страха напунило, и чудо, кадсамсе пробудіо и видѣо, да э то само еданъ санъ быо, немогу іошть манѣ описати.

О божествени вещми нисамъ имао такожде никакова поняція. И оно мало штосамъ о томъ добримъ наставленіемъ Отца мога іошть знао, то э было осмо-лѣтнимъ непрерывнимъ слѣдствомъ распустногъ лаћарскогъ живота, и непрестаннимъ обхожденіемъ све онакови люди, коису такоисто раскошни и Богозаборавни были, како годъ и я самъ, већь давно на зной истерао. Ясе опоменути немогу, дасамъ чрезъ ово

цѣлое

цѣлое време и еданъ кратъ о томъ штогодъ помисліо, или къ Богу или у самъ себе погледао, и разсмотренія о моему живота провожденію учиніо: него нѣкое помраченіе душевно не желећи добра, или зла не опоминяшисе, мене сасвимъ преобладало, и я чрезъ ово цѣло време нисамъ друго ништа было, него едно найупорніе, найбезумніе, и найраскошніе существо, коесе мећу обыкновенными морепловцы икадъ наћи може, и кое найманѣга чувства отъ страха предъ Богомъ у погибели ниши благодарности послѣ помоћи и избавлѣнія имало ніе.

Тосе може іоштъ выше, и много преће вѣроваши, кадъ я къ тому, штосамъ већь о повѣсши моей исказао, іоштъ и то придамъ, да я при овой своіой многоставной нужды, коя э мене досадъ постигла, башъ ни еданъ кратъ на то помисліо нисамъ, да э ово рука Божія или праведна казнь нѣгова за погрѣшке мое, мое непокорно указиванѣ спроћу мога отца, мои садашни велики грѣси, или цѣлога мога раскошнога живота быши морала.

При цѣломъ очаятелномъ путешествію кодъ *Афріканскихъ* бреговъ ніеми дошао ни еданъ помыслъ на паметъ, штаће быши отъ мене, и ни една едина жела

къ

къ Богу, дабыме онамо упушіо, кудъ я ићи имамъ, или отъ погибели мене избавиши, коя мени по свой прилицы како отъ похишителныхъ звѣровъ, шако и отъ безбожныхъ дивяковъ претяше: но я ниши-самъ на Бога, ниши на провидѣніе нѣгово мыслію, и чиніосамъ све како безумна живошиня по течению естества, и врло рѣдко кадъ баремъ по общему человѣческому разуму.

Кадсамъ на морю чрезъ Португалскогъ Капешана избавлѣнъ, и примлѣнъ было, и шайме шако милосшиво предсрешао, и шако праведно и чесшно, како и человѣколюбно самномъ посшупіо; и овде ніеми дошла ни наймања благодарность у паметъ. И кадсамъ опетъ по други кратъ Кораблѣ-крушеніе трпіо. и у погибели было кодъ овогъ Острова удавишисе, быосамъ равнимъ начиномъ отъ свега тога удалѣнъ совѣсти гризенія чувствовати, или ово како праведни судъ Божіи разсмошравати. Ясамъ многократно самъ у себи рекао, дасамъ я еданъ несрећни пасъ, и башъ зашо рожденъ непрестано нужду и неволю трпеши.

Истина, кадсамъ найпре овде на суво дошао, и сви мои содружницы утопилисе, ондаме предузео нѣки начинъ увеселенія,

и

и радостногъ душевногъ движенія, кои милости Небесномъ укрѣплѣни, можетъ быти, дабысусе къ благодарности узвишити могли; али и тосе тако окончало, какосе и започело; то есть, само у едну просту бѣжащу радость; или тако рећи, само у то: Я се радуемъ, да іоштъ живимъ, и то безъ найманѣга разсужденія и сасвимъ чрезвичайномъ благости деснице, коя э мене содержала, и сасвимъ отъ дѣлила, избавлѣнимъ быти, гди сви прочи пропадоше, безнайманѣга размышленія зашто э провидѣніе спроћу мене еднога тако милостиво было. Кратко я нечувствова далѣ ништа, нежели обыкновенну радость море-пловцевъ, кадъ они послѣ кораблѣ-крушенія щастно на суво доћу, кое они абіе у первой чаши пунча попію, и скоро тако фришко забораве, као што э и оно прошло; тако равно быо э и савъ цѣлый прочи животъ мой.

Башъ и послѣ, кадсамъ я о пристойномъ разсмотренію мога стања возбужденъ быо, кадъ помысли, какосамъ я на ову страшну пустиню избаченъ быо; удалѣнъ отъ свега содружества человѣческогъ; безъ сваке надежде икадъ отовудъ избавлѣнъ быти, и о томъ себе опечалio, гди я ни

сѣнку истине невидѣвъ овде живити моћи, и небоятисе отъ глада умрети; кадъ све ово возбужденіе и жалость проће; и я поче сасвимъ миранъ быти, само на средство мога содержанія мыслити, и далеко отъ тога удалѣнъ бы о моемъ станю, аки о судбини Небесной, или руки Божіей спроћу мене печаланъ быти.

Нагло э и скоро э прорастѣніе жита уселило э у мене, како штосамъ у моей повседневной записки назначio, нѣко благоговѣйнство, кое э постояно быти почело, докле годъ я вѣрова, да при томъ штогодъ чудесно быти мора; а како э ово мнѣніе исчезнуло, престало э абіе и све оно благоговѣйнство, кое э оттудъ произишло.

Башъ и самое землѣ-трясеніе ніе расправило ништа самномъ. Ербо ако башъ ништа ніе могло страшніе быти, и ништо тако непосредствено ко оной невидимой власти доводило, коя сама съ таковима вещма управля: то преко свећа, само што э первый страхъ прошао, то съ нимъ и све оно уселеніе, коеми э онъ проузроковао быо, на еданъ кратъ исчезнувъ. Нисамъ имао выше чувства о Богу, и нѣговой судбини, или да бы садашнѣ мое бѣде и нужде отъ

руке нѣгове долазиле, башъ како дабы у најщастнїему станю мога живота био.

Кадсамъ я почео болестанъ бивати, и смертни страхъ менисе указао, моя оживлѣ, нїя подъ бременомъ долге болести лежаше, и естество отъ люте грознице скоро почерплѣно бы, садъ э почела совѣсть, коя э вечь одавно заспала была, будитисе, и я самъ себи угризенїя о прешашнѣму моему живошу чинити; гдисамъ я тако очевидно моимъ упорствомъ, и суровствомъ; коме пара нїе было, правду Божїю познати, мене необикновеномъ палицомъ наказивати, и како отмстителница самномъ поступити.

Овасу размышленїя мене їошть отъ другога или трећега дана мое болести сасвимъ убила и истегнула, како годъ у жестокости грознице тако и страху мои совѣстнихъ угризенїи, нѣкое речи; кое молитви къ Богу подобне бяху; ако башъ и казати немогу, да э то една желаніемъ и надеждомъ украшено отсилаема молитва была. Но то био э много више гласъ страха и неволѣ. Мысли мое былесу у смущенїю, и душа подлежаше сили увѣренїя, и страхъ у оваковому бѣдному станю умрети, дигнуо э отъ саме неволѣ пару

у

у мою главу, и у овому смущенїю душе нисамъ знао, што э языкъ мой говорити могао. Но то много више само забунѣна виканя бяху, као: н: п: Боже *хахвосамъ я неволно созданїе*! Ако болестанъ будемъ, тоћу я изъ недостатка помощи умрети морати; и штоће отъ мене быти; садсу полетиле сузе изъ очїю мои, и доста заруго ништа проговорити нисамъ могао.

У овому междо-времену паоми э добрый совѣтъ отца мога на паметъ, а особито пророчество нѣгово, коесамъ у почетку ове повѣсти сказао; а наимено, да ако я овай безразсудный поступакъ учинимъ, мене Богъ никада благословити неће; и яћу послѣ доволно времена имати о томъ размышляваши, штосамъ добрый совѣтъ Отца мога погазїо; кадъ, можетъ быти, никакове помоћи ко избавленїю мосему небуде. Садсамъ повикао гласно: *Ево речи мога любезнога Отца у исполненїе доћоше*: Божїя правда постигну мене, и нейма никога, шкобыме чуо или мени какову помоћь дао! Ясамъ быо спроћу умилнога гласа провидѣнїя глувъ, кои э мене у оваково неволѣ-полно станѣ бацїо, гдибы я срећанъ или миранъ быши могао; но я нехотѣвъ нити самъ то провидѣши, нити

благо-

благополучіе о томъ отъ родителей познати научити; него ны у жалости изъ саме мое лудости оставіо, и садъ морамъ подъ слѣдствы безразсудности уздисати.

Ясамъ помоћь и подкрепленіе оныхъ отбаціо, коису мене на свѣтъ произвели, и свебысу за мене добро уредили были, пакъ сада съ бѣдами и тяготами боритисе морамъ, подъ коима и само естество пада, и никакова подкрѣпленія, никакове помоћи, никаковога утѣшенія, никаковога совѣта — Него повикаосамъ: *Боже буди помощь моя*! ербосамъ у великой нужды и печали!

Ово э была перва молитва, ако ю тако нарећи смемъ, коюсамъ у много година еданъ крапъ точію учиніо. Но ясе къ моему повседневному записанію натрагъ враћамъ.

Іуніа 28 после какосамсе съ прешедшимъ сномъ мало укрѣпіо и врућина са свимъ проће, дигаосамсе и устао, и ако э башъ страхъ и ужасъ ради мога бывшега сна іошть великъ быо, но я помысліосамъ, даће сутра паки грознице данъ доћи, и да садъ времена имамъ себе съ каковомъ укрѣпленія помоћи снабдѣти, кадми опетъ зло буде. Перво штосамъ учиніо, было э, дасамъ едну велику четвероуголну флашу (боцу) водомъ напуніо, и ню на асталъ метнуо, тако дасамъ ю изъ кревета

вета докучити могао, и дабы воду отъ хладности и мутежа очистіо, усуосамъ у ню едну чашицу сладке Англійске ракіе и узмешаосамъ добро. Затимъ узеосамъ едно парче козіега меса, испекаосамъ на углѣвлю, али врло мало отъ нѣга едо. Проходіосамъ сѣмо и овамо, и быосамъ верло слабъ, и іошть къ тому о моему состоянію врло снуженъ, и убіенъ, и пунъ страха, даће моя болесть опетъ сутра данъ доћи. На вече сготовіосамъ вечеру отъ нѣколико Корнячини (яета) яицовъ, коесамъ у пепелу испекао и изъ љуске ео, и ово э быо первый сладкій залогай, когасе у цѣлому мому животу опоменути могу, къ чемусамъ такожде и Бога во благословъ призвао.

Послѣ какосамъ ео, хотѣосамъ на полѣ изићи, осѣтіосамсе обаче тако слаба, дасамъ едва пушку держати могао (ербо безъ пушке никадъ неизлази на полѣ) тосамъ учиніо дакле еданъ врло маленъ путъ, сѣосамъ на землю и гледаосамъ на море, кое э предамномъ врло мирно и равно лежало. Овде сѣдећи падошеми нѣки помысли на паметъ; како слѣдующи: Што есть земля и море, коесамъ я всѣ доволно видѣо, и разсмотріо? откудсу они произишли? и штосамъ я, и сва

сва друга созданія дивія и питома? разумна и безумна? откудсмо мы дошли.

Воистину, мысмо сви гдигодѣ отъ какове тайне и невидиме власти, коя э землю, море, воздухъ, и небо сотворила, и шкое то?

Оттудсамъ я сасвимъ слѣдство досягнуо наравно разумѣваюћи, да э то Богъ! и да э тай све сотворіо, добро помысліосамъ я іошћъ далѣ, ако э Богъ све ове вещи сотворіо, то дакле онъ и ны свію влада и управля, све шшосе годъ ны тиче. Ербо оно существо, кое э све вещи создати могло, мора такожде доиста власть имати, све руководити и управляти.

Еля то тако, то дакле неможесе у цѣломy нѣговому кругу ништа случити, да небы онъ то напредъ знао, или опредѣліо.

Дакле кадъ безъ нѣговогъ знања ништа небыва, то онъ мора такожде знати, да самъ я овде у овоме бѣдноме стању, и небывали ништа безъ нѣговогъ предопредѣленія, шое дакле онъ опредѣліо, дасе све ово самномъ случити мора.

Мени ништа на умъ ніе пало, што бы овимъ заключеніямъ противорѣчити могло. Тосе дакле кодъ мене іошћъ съ већимъ удрученіемъ прилепило, да башъ нуждно тако

ко быти мора; Богъ э дакле тако уредіо, да све ово мене предсрѣсти имаћь, нѣговимъ управленіемъ мораосамъ я у ова бѣдна обстоятелства доћи; ербо онъ самъ не верху мене самога, него и верху свега, шшосе годъ на свету случи, власть има, Изъ овога непосредственно слѣдовало э.

Зашто э Богъ то самномъ учиніо? и шшосамъ я учиніо, да то заслужавамъ? овай вопросъ обличіо э абіе совѣсть мою, како дабы каково Богобезчестіе учиніо быо, и учинимисе, да гласъ нѣки самномъ говоряше: *Питашъ іошћъ ты бездѣлни неволниче! штаси учиніо?* Погледай натрагъ на твой страшно и зло употребленый живоћъ, пакъ онда питай далѣ, штаси учиніо? питай много выше, зашто већь давно ниси са свѣта истреблѣнъ быо? зашшосе ниси ты у топіо у пристаницу кодъ *Ярмута*? зашто у битки ниси убіенъ быо, кадъ э лађу морски пустаія отъ *Салее* узео и обладао? изѣденъ ниси быо отъ дивихъ звѣровъ кодъ брегахъ Афріканскихъ? илисе овде удавіо, гди э све людство отъ лађе погинуло, кромѣ тебе еднога? пакъ іошћъ питашъ штаси учиніо?

Овай э гласъ страшни мене сасвимъ занеміо и окаменіо. Я неимадо на то ни едне речи казати, нити отговорити, башъ

нити

нити самому себи; него снуждањ и замышлѣнь успаосамъ, и къ дому моему натрагъ отишао, прешаосамъ преко ограде, и као дабы спавати хотѣо; али мысли мое былесу у жалостному смущенію, и нисамъ имао ни найманѣ волѣ спавати. Сѣосамъ на мою столицу и упаліосамъ кандило; ербо э започео мракъ бывати. А будући да страхъ мое болести, коиѣесе повратити, мене э немало оскорбіо, падеми на умъ, да *Бразіліанцы* у свакой ныной болести никаковога другога лѣкарства него дуванъ употребляваю, а тога имаосамъ читаву едну балу у едномъ сандуку, кои сасвимъ приуготовлѣнъ бяше, и іошть къ тому нѣчто мало фришка.

Учинимисе, дами э то самъ Богъ казао онамо отићи; ербо у сандуку овоме нашаосамъ Лѣкарство, и за душу и тѣло. Отворіосамга, и найпре нашаосамъ оно, штосамъ башъ тражіо, то есть дуванъ, а тажде и нѣке Книге, коесамъ избавіо и у нѣга мешнуо, узеосамъ едну дакле отъ Бібліа, о коимасамъ већь казао, у кое досадъ нити времена, нити волѣ имао нисамъ погледати, и донесаосамъ Книгу и дуванъ на астальъ.

Како дакле дуванъ у моей болести употребити, и хоѣели онъ къ тому добаръ

быти, или не, то ни знао нисамъ, но ясамъ съ нимъ разна искушенія и пробе учиніо, и башъ како дабысе съ главомъ за то ставіо было, да мора штогодъ за мою болесть на еданъ или други начинъ отъ тогъ добро быти. Оттергаосамъ дакле еданъ листъ отъ едногъ комада и сажвагао у усти. Ово э мене сасвимъ забунило, ербо э дуванъ было іошть фришакъ, и я къ тому сасвимъ ненаученъ. Затимъ узеосамъ нѣколико листова, метну ихъ у ракію, да постою едно 2. часа, и намысліосамъ, кадъ спавати поѣемъ, еданъ мертикъ отъ тога попити. Напослѣдокъ упаліосамъ нѣколико листова на углѣвлю, и держаосамъ носъ надъ димомъ, колико годъ отъ врућине и жестокости дувана одержати мого, и банъ толико дуго да рекнемъ, догодъ нескапати хотѣдо.

Изъ меѣу овогъ употребленія лѣкарства узеосамъ Біблію и читаосамъ, алими э глава отъ дувана тако забунѣна была, дасамъ едва читати могао. Перве речи коесуми у очи пале, кадсамъ изненада отворіо книгу, былесу ове: *Позовиме, кадси у нужды, и ћете избавити, а ты после мене славити да имашъ.*

Ове речи, коесу садашнѣму стању моме сходне быле, уселиште мени іошть, какосамъ

ихъ

ихъ прочитао, нѣкое благоговѣйнство у сердце, и садъ башъ не онако врло, како штосе послѣ случило. Ербо штосе избавленія дотицало, кое э овде стаяло, о овой речи, да рекнемъ, нисамъ имао никакова понятія. Ербо то бяше, како штосамсе я бринуо, една удалѣна и тако немогућна вещь, дасамъ я почео како сынови Израилевы, кадъ обѣщаніе добише, месо ести, говорити: Богъ може и у пустини трапезу уготовити? тако исто рекаосамъ я: може Богъ самъ мене изъ овога мѣста избавити? а будући дасу многа лѣта прошла, доксе найманя надежда къ тому появила, то э помысль овай многократно душу мою преобладао. Ове речи уселилесу велико удруженіе у сердце мое, дасамъ я многократно о томъ размышлявао. Садъ э было вечь касно, и дуванъ э, како штосамъ казао, главу мою забуніо, дасамъ я сасвимъ санливъ быо. Метнуосамъ кандило мое у заслонъ, да гори, акобы, може быти, штогодъ ноћу потребовало, и отидо у креветъ. А преће него штосамъ спавати пошао, учиніосамъ оно, што іошт никада учиніо нисамъ, клекнуосамъ и молію Бога, дабы онъ обѣщаніе свое исполніо, и мене у данъ бѣде мое, кадга позовемъ, избавіо. Кадъ э моя претергнута и несо-

несовершенна молитва прошла, попіосамъ ону ракію, у коюсамъ дуванъ метнуо быо, коя э чрезъ то тако яка и спрашна была, дасамъ ю доиста едва прогутати могао. Отишаосамъ за тимъ абіе у креветъ, и онай часъ осетіосамъ, да э она мени съ великомъ жестокостію у главу ударила. Паосамъ у нѣки здрави санъ, и едва сутра после полдне около 3. сата по солнцу гледећи пробудитисе мого. Алисамъ я іошт свадга и до овога часа све у той мысли, дасамъ я слѣдующи данъ и цѣлу ноћь преспавао, и текаръ трећи данъ около три сата пробудіосе, ербо и кромѣ тога извѣститисе нисамъ могао, какосамъ у брою мои дана и неделя еданъ данъ изгубіо, коесе текаръ после нѣколико година показало. Ербо кадбы то проходомъ лініе было, то бы я выше него еданъ данъ изгубіо быо, али тако само овай еданъ у брою моме изгублѣнъ бяше, и нисамъ знао, камо э онъ доспѣо. Како то было да было, кадсамъ я отъ сна устао, осетіосамъ себе чрезвычайно укрѣплена и фришка, и душа э моя бодра и разгалѣна была. Кадсамъ устао, осетіосамъ себе много выше ячегъ и крѣпліегъ, неголи прешедшега дана, и имаосамъ волю и охоту къ елу много болѣ, ербосамъ доиста и гладанъ быо,

други данъ заостала э такожде и грозница; съ еднимъ словомъ, было э самномъ на еданъ кратъ сасвимъ болѣ. Ово бы 29 го овогъ мѣсяца.

Было э 30 тый данъ за мене наравно врло добаръ, изишаосамъ съ пушкомъ на полѣ, алисамсе узео добро у пameть, далеко не иѣи. Убіосамъ две морске птице, кое дивиеи гуски подобне бяху, узеосамъ ихъ собомъ куѣи, али нисамъ имао особне волѣ ны готовити и ести. Ербосамъ радіе нета отъ Корняче ео, коя презрадныи залоган бяху. На вече повторіосамъ употребленіе мога лѣкарства, кое э по моему мнѣнію преѣашнѣга дана тако добру службу учинило, само што нисамъ узео на еданъ кратъ толико отъ нѣга, како первый кратъ, нежвата лисѣе у усти, нити выше главу надъ кадомъ и димомъ держа. Но преко свега сутра данъ ниеми тако добро было, кои э первый Іуліа было, како штосамсе надао и очекивао, ербосамъ іошть нѣку зиму отъ нападенія грозничногъ на себи осѣао, баш ако и ніе онако яка была како преѣе.

Іуліа 2 го употребіосамъ мое лѣкарство опетъ на сва три начина, и учинисе како и первый кратъ съ тимъ занешена и сонлива, и усугубіосамъ мертикъ, коисамъ попіо.

Іуліа

Іуліа 3. неосети ни найманѣ штогодъ отъ грознице, башъ ако и нисамъ абіе, него текаръ после нѣколико Неделя крѣпости мое опетъ совершено добіо. Меѣу тимъ, кадсамъ тако опетъ крѣпости мое совокупіо, идяще свагда тай помысль, яѣуте избавити, по моей главы, али преко свега избавленіе мое чиняшемисе свагда една немогуѣна вещь, коесе я нити надати нитисамъ очекивати могао. Доклесамсе я съ помысломъ овимъ тако мучіо и боріо, паломи э на пameть, да я себе отъ желѣ ко избавленію, коесамъ како и найважніе штогодъ держао, тако залудити дамъ, и при томъ ону, коюсамъ веѣь добіо, сасвимъ заборавлямъ, и мораосамъ самъ себи вопросе чинити, нисамли я, и то чудеснимъ начиномъ; отъ болести избавлѣнъ было? изъ найневохніега станя, коисе икадъ помыслити може, и кое э мени тако страшно было?

Какосамъ то почитовао? Есамли добро учиніо? штосамъ притомъ получіо? Богъ э мене избавіо, и спасао; али есамли я нѣга за то прославіо? Я дакле избавлѣніе мое признао, и нисамъ благодаранъ, благодаранъ, говоримъ, за оно было, коимъ образомъ дакле веѣе каково избавленіе очекивати имамъ?

Ово э

Ово э сердце мое крайнѣ возбудило, паосамъ абіе на колѣна доле, и ясно Богу за оздравленіе мое благодаріо.

Іуліа 4го предузеосамъ Біблію, и почеосамъ у новомъ Завѣту врло прилѣжно читати; узаконіосамъ свако вече, и свако ютро у шому читати, и то, да небы себе кодъ нѣкоего извѣстнаго числа главъ задержавао, но толико долго, докле годъ мысли мое отъ чтенія трудне небуду. Я отъ тога већь одавно никакова прилѣжна дѣла предузео нисамъ, како штосамъ о безбожности мога прећашнѣга живота возбужденъ было. Страхъ и уселеніе мога бывшега сна обновіосе, и речи: Све ове вещи немогу тебе на покаяніе довести, мутишемисе іошть свагда врло по глави. Полнимъ сердцемъ моліосамсе Богу, да бы покаяніе у мени сотворіо, и мени опростіо, и моралосе іошть овај данъ Божімъ опредѣленіемъ случити, да кадсамъ я у Бібліи читао, на ове речи дођо: *Богъ воздвиже Его за Князя и спасителя давати покаяніе и отпущеніе грѣховъ.* Ясамъ метнуо книгу на страну, пакъ како сердце, тако и руке мое дигнуосамъ къ Небу, и повикнуосамъ нѣкимъ начиномъ радостногъ внутренѣгъ увеселенія ясно:

но: *Іисусе сыне Давїдовъ! Іисусе возвышени Царю и Спасителю! дайми покаяніе!*

Ово э было первый кратъ цѣлога мога живота, дасамъ я у свойственному разуму слова казати могао, дасамъ молитву учиніо, ербо отъ сада моліосамсе я съ чувствомъ мога стаия, и со истинимъ святому писанію сходнимъ упованіемъ, коесе на Божімъ обѣщаніямъ основавало, и отъ овога времена, то сказати могу, даће Богъ молитву мою послушати.

Садсамъ почео я о словеси: Позовиме и ѣуте избавити, сасвимъ друго разсмотреніе, чиниши нежели штосамъ прѣе творіо. Ербо прѣе нисамъ могао никаково друго избавленіе мыслити, нежели то изъ робства у коемусамъ было: зашто э свагда Островъ овай тавница моя было, и наименовао у злому разуму, башъ акосамъ я и доста просторіе и мѣста у нѣму имао. Садъ обаче научіосамъ я то у другоме разуму предузимати, ербо садсамъ я на мой прећашни животъ съ тако великомъ гнусности гледати стао, и грѣси мои предсталису ми у тако страшному виду, да душа моя ништа друго отъ Бога ніе просила, нежели освобожденіе бремене грѣховъ, коису сву мою радость у землю сатерали. Самоћ-

ность

ность живота мога нїеми выше никадъ дошла на паметь, и нисамсе выше молїо за то, дабы кадгодъ отъ тога освобожденъ было, нисамъ помыслїо никадъ на то нѣга съ онимъ преднимъ сравнявати, ербое то мени башъ скоро свеедно было. Я за то ову часть повѣсти мое овде ставлямъ, што бы све читателѣ мое опоменуо, дабы они, кадъ вѣкъ све вещи пристойно цѣнити знаду, наћи могли, да освобожденїе грѣховъ много веће благополучїе есть, нежели освобожденїе страданїи и бѣдъ.

Но я овде задуго незабавляюћисе проходимъ къ моему повседневному записанїю натрагъ.

Мое станѣ, акое оно башъ въ смотренїи мога внѣшнѣга уживана їошть свагда онако неволно остало како и преће, обаче въ смотренїи душе мое спокойніе бывати почело, и дасу мысли мое непрестаннимъ чтенїемъ святаго писанїя, и молитвъ къ Богу на вещи много вышега качества управлѣне быле, тосамъ и я у самъ себи велико утѣшенїе имао, кое э мени преће шога савсимъ непознато было.

После какосе здравїе и крѣпости мое опетъ утвердише, то я труда нисамъ нимало пощадїо себе савсимъ, што требуемъ, снаб-

снабдѣти, и уживанѣ мое тако добро уредити, како годъ што э могуће.

Отъ 4го до 14го Іуліа упражняваосамсе во обще съ тимъ, дасамъ съ пушкомъ моїомъ, али свагда на еданъ кратъ на крапко време излазїо, како человѣкъ, кои после претерплѣне болести крѣпости свое совокуплява, ербо какосамъ опао было, то едва исказатисе може. Лѣкарство, коесамъ я употребїо, было э сасвимъ ново, и можетъ быти, да како свѣтъ стои, ніе никадъ оваковимъ средствомъ грозница операна была, и я нећуга башъ, акосамъ сотимъ пробу и искуство учинїо, никому за лѣкарство препоручити. Ербо ако э оно мени грозницу и операло, но оное опетъ слабость мою отвыше проузроковало, ербосамъ я запимъ їошть нѣкое време у сви жила и удови устегу и дркпанѣ имао.

Такожде изъ тога искусїосамъ, да моему здравїю ништа убиточніе быти неможе, нежели у кишному времену много на полѣ излазити, особито у шаковима кишама, коесу съ олуїомъ и вѣтрови смѣшане быле, ербо киша, коя э у сувима мѣсяцы падала, скоро свагда шакове олуе собомъ доносила, отъ чудъ дознаосамъ я, да э шакова много-уби-

ЦЕНТРАЛНА БИБЛИОТЕКА

ніа

точнїя была, нежели она, коя э у Септемврїу и Октоврїю падала.

Ясамъ вечь на овой нещастной Ади 10 Мѣсяцы быо; на могућность каковога избавлѣнїя изъ овога стаия, учиниломисе, башъ да неваля нимыслити, и быосамъ сасвимъ увѣренъ, да никада ни една душа человѣческа ногомъ своїомъ на ово мѣсто стала ніе. Послѣ какосамъ обиталище мое сасвимъ по моему мнѣнїю уредіо и у свободу ставіо, ондасамъ добіо велику волю совершено Островъ овай распознати, и видѣти, каковисе іоштъ продукти и други сади и растѣнїя на нѣму наћи могу, о коима я досадъ ништа знао нисамъ.

Быо э дакле 15го Іуліа, кадсамъ я започео опасно извидѣнїе овога Острова предузети. Отишаосамъ найпре на уходъ, гдисамъ, као штосамъ казао, сплавове мое на суво извлачіо. Послѣ, кадсамъ отовудъ 2ве мілѣ горе далѣ отишао, усмотріосамъ, да припливъ выше неисходи и да ништа друго тамо ніе было, нежели еданъ мали потокъ текуще воде, коя э врло добра и фришка была. А будући да э садъ башъ суво годишнѣ време было, то у нѣму врло мало воде видѣти бяше, башъ ни толико дабы онъ порядочно шећи могао.

На

На брегу овога потока видѣосамъ многе врло красне кошанице или ливаде, коесу дивно травомъ украшене быле; и да темель и мѣсто нѣчшо выше стои, кога безсумнѣ вода никадъ прелила ніе, видѣосамъ такожде врло много дувана, кои э зеленъ, и у доста велика и яка стабла већ э нарастао быо. Было э такожде овде и други различни садова видѣти, кои мени сасвимъ непознати бяху, и кои, можетъ быти, многе крѣпости у себи имашису могли, кое я обаче изнаћи нисамъ могао.

Потражїосамъ тако називяемо *Кассафа* коренѣ, отъ кога *Індїани* подъ цѣломъ овомъ Небесномъ стрекомъ хлѣбъ себи готове; алига наћи нисамъ могао. Нашаосамъ такожде велике *Алоевѣ* саде, али іоштъ онда ништа о ныма нисамъ разумѣвао, такожде разна шећерна стабла, али подивячена, и што она нису порядочно раћена, сасвимъ несовершена. Съ овимъ провидѣніемъ за садашни кратъ сасвимъ удоволянъ повратїосамсе натрагъ у самъ себи о томъ размышляваюћи, како започети имамъ, дабы крѣпости и силу садовъ и плодовъ, коесамъ нашао, научити познао; ербо у време бытія мога у *Бразїлїи* нисамъ о чему таковоме никакова вѣжества учиніо;

тако

тако да я отъ садовъ и плодовъ земнихъ мало, или башъ ништа знао нисамъ; или баремъ толико штобыми у садашнѣй нужды моей отъ потребе быти могло.

Слѣдующи данъ, то есть 16го учиніосамъ опетъ путь онамо. Отишаосамъ нѣ. что мало далѣ нежели первый данъ, и видѣосамъ, да потокъ, ливаде и садови вешъ исчезавати починю, и предѣлъ почео э шуманіи бывати, нежели што э довде было. У овой страни нашаосамъ различне плодове, а особито лубеница у великому множеству на земли; и на дрветамъ грожѣе висяще; ербо доиста лозасе была по свима дрвети распрострла и грожѣе башъ садъ было э у найболѣй зрѣлости и со свимъ изрядно. Ово э за мене было сасвимъ неожидаемо откровеніе, о коемусамсе я особито возрадовао; алисамъ своимъ собственимъ искуствомъ увѣщанъ быо отъ нѣга помало ести: ербосамсе опоменуо; да кадсамъ іошъ на Варварскихъ брегахъ и приставищахъ быо, излишно яденіе грожђа многе Англезе, коису онде како робови были, живота лишило, ербо э оно ныма протокъ (сердоболя) или грозницу проузроковало. Алисамъ я ово грожѣе употребити препрядно средство изнашао, и то у томе состоя-

состояше нѣга на солнцу сушити, пакъ послѣ аки суво грожѣе, или розине оставити; отъ овога, мысліосамъ я, како э доиста и было, даѣе оно онако исто лепо и сладко, какогодъ и съ лозе грожѣе ести, быти, али при томъ много здравіе.

Ясамъ пребавіо овде цѣлу вечерь, нисамъ ни куѣи натрагъ отишао, ово э была (мимогредъ) перва ноѣь, коюсамъ я на полю изванъ мога обиталища провео. Преко ноѣь паломи э найпре на умъ, и попеосамсе на едно дрво, гдисамъ врло добро спавао, сутра данъ пошаосамъ на нова извидѣнія и тражню далѣ, ишаосамъ уздужъ едне долине судећи, да э 4 мілѣ далека, и держаосамсе свагда къ сѣверной страни, гдисамъ на полудневной страни еданъ редъ брда предъ собомъ имао.

При концу овога пута дошаосамъ на еданъ отворъ, гдисе предѣлъ горе къ Западу протегнутъ быти чиніо, и на другомъ путу (то есть, къ Востоку) ключао э еданъ мали изворъ чисте и фришке воде, коя э изъ стране едногъ брдашца по край мене текла, и цѣлый предѣлъ быо тако красанъ, тако зеленъ, и тако полнъ цвѣта, и све у неизмѣнной пролѣтной свѣтлости и красоти, како дабы то какова съ

вели-

великимъ трудомъ и ижднвенїемъ насаћена башча была. *Елїзеуме прехрасный*! тысе сакри овде; повыкаосамъ я!

Сишаосамъ мало на страну ове свагда зелене и смѣющееся долине, и разсмотраваосамъ ю нѣкимъ начиномъ тайногъ услажденїя (ако башъ ово увеселеніе и съ нѣкима другима источницы мыслей смѣшано бяше) ербосамъ помыслїо, да э ово све мое собствено добро, и я безъ сваке кавге и распрѣ отъ цѣлога овога предѣла Господинъ Краль и Обладатель есмь; и притяжателна права отъ нѣга имамъ, и кадбыга гдигодъ на друго мѣсто пренести могао, онаково исто совершено и полно наслѣдїя право отъ нѣгабы имати могао, како годъ какови Землѣдержацъ (*Слаїя*) кодъ насъ у *Англїи*. Нашаосамъ овде неизброено множество Поморанчи, Какао, Лимуна, и Цїтроновъ дрвета, али све подивячено и мало съ плодомъ; и садашни кратъ башъ ништа. Зелене Лїмуне, коесамъ мећу тимъ брао, нису были точїю за ело преизрядни; но такожде и зѣло здрави, отъ коихсамъ сокъ послѣ съ водомъ мешао, и прекрасну здраву и разладющу лимунаду правїо.

Видѣосамъ, даћу доволно посла имати ове вещи купити и дома носити, и намыслїо-

слїосамъ доволни имутакъ како грожћа, тако цїтрона и лїмуна скупити, дабы што годъ, кадъ мокрота и зло време буде, о коемсамъ знао, даће скоро доћи, имати могао.

На тай конацъ скупїосамъ едну велику хрпу грожћа на едно мѣсто. И едну маню на другомъ и на трећему, доста доволни имутакъ Лїмуна, и цїтрона. Нѣколико Лїмуна узеосамъ сасобомъ кући, и намыслїосамъ, кадъ опетъ онамо поћемъ, кесу или жакъ сасобомъ узети, или каково друго средство употребити; дабы и све проче, штогодъ могу, кући донео.

Кадсамъ већъ скоро *3ри* дана на овоме путу провео; дошаосамъ у мое отечество опетъ натрагъ, (ербо тако я шаторъ и ограду мою называ) али грожће мое, преће него штосамъ кући дошао, покварено бяше, ербосе э оно отъ величине и многога сока све здрузгало, тако да оно мало ни чему выше ніе потребно было, лїмуни не бяху покварени, али штета што ихъ выше собомъ узети нисамъ могао.

Слѣдующи данъ кои э *19ти* было, отишаосамъ опетъ онамо съ двѣма малима врећама снабдѣнъ, коесамъ я, дабы жашву мою кући донео, начинїо было, алими э за велико

лико чудо было, кадсамъ къ хрпи мога грожђа, коя э велика и само преизрядно грожђе была, дошао и видѣо, да э оно разштркано, на комаде погажено, сѣмо и овамо разбачено и развучено, а отъ болѣ части изѣдено было. Отъ овудъ заключіосамъ дакле, да у предѣлу овоме какове годъ дивячи, или люди, или звѣрова быти мора, коису мени ову пакость учинили, али каковису были, то знати нисамъ могао.

Садъ кадсамъ видѣо, дага выше нити на хрпу сложити, нити у жакови понести могу, ербо оно у первомъ случаю хоће иструнути, а у другомъ тежиномъ своіомъ хоћесе зарузгати, тосамсе я дакле другоячіе промыслio. Скупіосамъ множество грожђа, и обѣсіосамга чакъ у крайнѣ гране дрвета, дасе онде на солнцу изсуши; а Лимунова и цітрони, коликосамъ годъ могао, кућисамъ отнесао.

Кадсамъ съ овогъ пута кући дошао, учиніосамъ съ великимъ наслажденіемъ моя размышлѣнія о плодоносности ове долине, о нѣномъ наслажденія полномъ положенію, и свободности, и прибѣга отъ олуе, съ оне стране шуме и воде, и ова разсмотренія моя съ шимсе окончаше, дасамъ я себи мѣсшо за станѣ изабрао, кое э башъ отъ

цѣлога

цѣлога Острова найгоре. Садъ почеосамъ о томъ мыслити, и обиталище мое гди на друго мѣсто пренести, и себи у ономъ радостномъ и плодоносномъ предѣлу мѣсто избрати, кое, акобы возможно было. тако исто у безбѣдность ставити, како што э мое садашнѣ обиталище.

Овасе мысль дуго времена по моей глави мутила; и ясамъ съ почетка отвыше у то залюблѣнъ быо, тако э прелестна, и мамлива красота овогъ предѣла была. Кадсамъ обаче ствaрь зрѣліе разсудіо и помыслiо, да я кодъ стране и близу моря живимъ, гди найманѣ могуће быти може, дасе шшогодъ на мою ползу случити моћи, и да онай исти ужасни случай, кои э мене овамо донео, такоћеръ и іошшъ какове друге нещастне, на ово мѣсто донести може, можели то тако быти, или не? то я опетъ заключіосамъ овде остати, гдисамсе находіо, и себе ничимъ развратити дати мое обиталище премѣнити, ербосамъ помыслiо, акосе у среди Острова съ брдама и шумама затворимъ, тосе дакле своеволно у тавницу затворамъ, изъ кое избавленія башъ никоимъ начиномъ никадъ очекиваши не могу.

Алисамъ я опетъ у предѣла онога красоту тако залюблѣнъ быо, да докле э годъ

О мѣсяцъ

мѣсяцъ Іулій траю, ондесамъ найвыше време проводіо, и акосамъ я башъ, кадсамъ вещь болѣ разсудіо, намѣренъ быо, мое станѣ непремѣнити, то начиніосамъ я опетъ овде нѣки начинъ (сѣнице) лѣтногъ увеселителногъ мѣста, коего э ограда у наоколо живо укрѣплена была, и коя э изъ сугубога плота отъ дебелога коля са шушнѣмъ и гранѣмъ испунѣна, коликосамъ годъ высоко докучити могао, состояла. Овдесамъ пребывао кадкадъ и две и три ноћи едну за другомъ сасвимъ безъ страха и безбѣдно, и преходіосамъ свагда како годъ и кодъ мога порядочногъ стаия у нутра и на полѣ преко лѣствице тако, дасамъ мыслio, да я имамъ лѣтно мѣсто увеселенія у предѣлу, а домъ мой на брегу моря. Съ овимъ дѣломъ проводіосамъ време мое до последнѣга Августа.

Ясамъ у кратко со урежденіемъ моимъ готовъ быо, и започеосамъ плодъ труда мога уживати, али э садъ време кишно дошло, кое э мене приморало, у моему старому обиталищу остати. Ербо акосамъ я овде, како годъ и онде шаторъ, кои э лепо разапетъ быо, отъ платна начиніо, то я овде ниписамъ брда за обрану отъ олуе, ниши подрума за собомъ имао, у кои бы,

кадбы

кадбы киша нагла и плаа была, уклонитисе могао.

Съ почетка Августа, како шпосамъ казао, имаосамъ мое лѣтно мѣсто увеселенія готово, и почеосамъ плодъ труда мога уживати. Трећега Августа нашаосамъ, да э мое обѣшено грожће сасвимъ суво, и средствомъ солнца у красно овоће учинилосе. Снимiосамга съ дрвета доле, и срећа моя дасамъ я то учиніо, ербобысе иначе све отъ кише покварило было, и такобысамъ найболю часть мое зимнѣ хране изгубіо быо, ербосамъ я выше отъ две стопине велики кутiя съ нымъ напуніо. Само шпосамъ я нѣга съ дрвета снимiо, и по найвыше кући у мой подрумъ донео, то э започела киша падати; и отъ тога времена (отъ 14го Августа) падала э киша данъ на данъ, выше или манѣ башъ до полакъ Октовріа, а кадъ кадъ тако нагла и плаа, да я много дана изъ подрума мога изићи нисамъ могао.

У ово време мораосамсе о умноженію мога домаћега дружства доволно чудити. О изгубитку едне отъ моихъ мачака врлосамъ оскорблѣнъ быо, коями э утекла, или какосамъ мыслiо, гдигодъ погинула, я отъ нѣ никада выше ниписамъ нита чуо, ниши видѣо, докле годъ она за мое велико

чудо при концу Августа сѣ двѣма младима мачићи куће ніе дошла! А томи э іошть выше за чудо было, ербо э дивія мачка, како э я называ, кадсамъ ю убіо, сасвимъ другога вида и начина была, нежели Европейске, и мое обадве мачке былесу женчице, а такожде и млади мачићи сасвимъ матери подобни. Отъ ови трію мачака наплодисе после толико множество, дасамъ я принужденъ было ны како и другу дивячь убіяти, и ны, коликое можно, отъ куће оттериваши морао.

Отъ 14го до 26го Августа непрестано киша падаше тако, да изъ куће изићи нисамъ могао, и храніосамсе садъ опасно отъ мокроте. У овому Аресту имаосамъ доволну нужду за содержаніе и храну. Но усудіосамсе опетъ нѣколико краши изићи, и первый данъ убіосамъ едну козу, а други кои 26ій бяше; нашаосамъ едну велику корнячу, кое э башъ ело по моей воли было. Мои ручковы былису овако уређени: у ютру до ручка сосамъ еданъ гроздъ, и едно парче печена козіега меса (ербо неређомъ нисамъ имао никакова сосуда, у чемубы што скувао) или корняче у полдне, и два или три нета корнячна на вече.

Док-

Доксамъ я овако ради кише у ями и подруму моме затворенъ было, пословаосамъ сваки данъ 3ри сата, дабы подрумъ мой шири начиніо, и ясамъ мало по мало и тако дуго подъ едномъ страномъ копао, докле нисамъ напослѣдокъ овай путъ подъ брдашцемъ сасвимъ прокопао, и къ внѣшнѣй страни мое ограде путъ начиніо. И овомъ двери и вратима было э у напредакъ мой уходъ и исходъ. Али опетъ брижанъ и неспокоянъ, штосу она отворена спаяла; ербо по прежнѣй моей уредбы быобы я совершено затворенъ; садъ могу я, тосамъ помыслію у себи, каковимъ нападеніямъ подлежати, акосамъ башъ и знао, дасе я нигди ни отъ какова живога созданія бояти неймамъ, ербо найвећи звѣрь когасамъ досадъ на цѣлому Острову видѣти добити могао, была э коза.

Септемврія 13го етосамъ садъ дакле нещастный годишни данъ мога дошествія на овай Островъ доживіо. Ясамъ уреске на моему стубу све изброіо, и нашаосамъ, дасамъ већ 365 дана овде на суву. Празноваосамъ овай данъ аки торжественный, поста, покаянія и молитве данъ, и посветіосамга сасвимъ къ благоговѣйнству и Богопрославленія дѣлу, паосамъ сѣ глубо-

чайшимъ

чайшимъ смиреніемъ и кротостію на землю, исповѣдіосамсе Богу моему, признаосамъ нѣговъ праведно на мене послани судъ; и моліосамга Имене Христова ради на мене смиловатисе. Послѣ како чрезъ 12 тв сати ни залогая ништа нисамъ ео: то есть, до самога захожденія солнца, то поеосамъ дакле едну симиту, и еданъ суви гроздъ, и затимъ отишаосамъ у креветъ, а дансамъ онако окончао, како штосамга и започео.

Ово све прешедше време нисамъ ни едну Недѣлю праздновао. Ербо съ почетка никакова чувства о закону у сердцу нисамъ имао, тосамъ я дакле за нѣко дуго време Неделѣ съ тимъ разликовати изоставіо, дасамъ я Неделю свагда дужомъ ческомъ забележіо, дакле и дневе еданъ отъ другога разликовати и раззнавати нисамъ знао. Кадсамъ дневе исчисліо, и нашао дасамъ вѣнъ пуну годину овде, то раздѣліосамъ ихъ у Недѣле, и изставіосамъ сваки седми данъ за Неделю, акосамъ башъ и на концу мога численія и нашао, дасамъ еданъ или два дана отъ прочега числа изгубіо.

Кратко за тимъ почело э мастила мога нестаяти, и мораосамга дакле, колико-самъ годъ могао, штедити, и ништа, не-

жели

жели найважніе и примѣчанія достойне вещи и приключенія мога живота записивати, и выше непорядочно повседневно записаніе водити.

Кишно и суво време почеломи э отъ садъ правилно и обыкновенно бывати, и научіосамъ себе съ моима уредбама по нима управляти. Алисамъ я морао све искуство мое скупо платити, пређе нежели штосамъ до тога дошао, и то о чему говорити хоћу, было э штогодъ найгоре и найубиточніе, коесамъ я икадъ учиніо. Ясамъ већъ казао, дасамъ нѣколико класова ечма и пірінча, конису по моему мнѣнію тако чудесно произишли, сачувао, и то ніе выше, него тридесетъ стабли пірінча, и до двадесетъ Ечмени класова было. Ове посеяти помысліосамъ, есть садъ найболѣ време, ербо э кища прошла, и солнце у своему южному положенію отъ мене прешло.

Ископаосамъ дакле еданъ комадъ землѣ съ моіомъ дрвеномъ лопатомъ, какогодсамъ болѣ могао, раздѣліосамъ у две части, и посѣяо мое сѣяніе, башъ сѣюћи доћеми у паметъ, добробы было, ако я све непосѣемъ на еданъ кратъ, ербо знао нисамъ, еди башъ садъ доиста право време за сѣянѣ. Посѣяосамъ дакле два тришла, а по едну пуну

прегршть

прегршть отъ сваке врсте за далѣ удержао. То э была моя срећа, како штоћесе после казати, ербо отъ свега онога сѣмена, коесамъ я посѣяо, ніе ни найманѣ што проникло или израстло, зашто у сви трима слѣдующима сувима мѣсяцы ніе земля за усѣвъ мой никакове кише имала, слѣдователно ніе имала она такоћеръ нуждне влаге, коябы прорастѣніе снискала, и тако отъ свега труда ништа ніе было, докле годъ опетъ кишно време недоће, пакъ онда савъ усѣвъ произыће, башъ како да бы садъ посѣянъ быо.

Кадсамъ садъ смотрїо, да мое перво сѣяніе ніе израстло, отъ чега истини узрокъ суша бяше, то потражїосамъ дакле влажанъ комадъ землѣ наћи, и съ тимъ другу пробу учинити, ископаосамъ онаку исту ныву кодъ мое Колебе (сѣнице) и посѣяосамъ мое заостављее сѣме у феѵруарїу, скоро предпролѣтномъ равности дана, и ово э изникло и израстло, ербо э у мѣсяцы Марту и Апрїллу доволно воде имало, сасвимъ веселу и преизрядну жатву дало. А будући дасамъ я сасвимъ малую часть оставшега сѣмена имао, и кое све на еданъ кратъ посѣяти нисамее усудїо, изъ узрока да небы све на еданъ кратъ изгубїо, то дакле нисамъ ни добїо

отъ

отъ цѣле мое жатве више, него по полъ мерова отъ сваке врсте.

Овимъ искуствомъ научїосамъ ствари добро познавати, и знаосамъ опасно време сѣянїя, и да два сѣянїя и два жатвы времена очекивати имамъ.

Докле э усѣвъ овай узрастао, учинїосамъ я два мала откровенїя, коя мени у слѣдству врло полезна бяху. Како э киша прошла и време постояно бывати почело, коесе у мѣсяцу Ноемврїю случило, посѣтїосамъ мою сѣницу у оному предѣлу, свагда цвѣтующе весне, гдисамъ, ако я башъ онде нѣколико мѣсяцы и нисамъ было, све опетъ онако исто нашао, какосамъ годъ и оставїо. Кругъ или сугуби оплотъ, когасамъ начинїо, ніе было само тверднъ и цѣлъ, него и тачке, коесамъ отъ нѣкои дрвета отсѣкао, свесу избиле и прорастле, и већъ давно пупове добиле, како годъ садови перве године, кадъ имсе верхови подрежу избити обычествую. Имена дрвета, отъ коихсамъ я тачке отсѣкао, нисамъ знао, но међу тимъ было э мени врло радостно и удивленїя достойно, штосамъ я млада дрвета тако цвѣтуща видѣо.

Подрезаосамъ уредїя и исправїосамъ ихъ, колико э годъ могуће было, да расту, и цѣ-

ровати

ровати ніе могуће, каковису прекрасни изгледъ она у три године добила тако, да ако башъ ограда Круга мога ніе выше него 25 стопа у свему чинила, дрвета (ербо садъ я тако тачке мое называ) скоро сасвимъ сву покрыла, и прекрасанъ сѣнъ и ладъ, кадъ э суво и солнечно време было, подъ нимъ сакритисе издавала.

Ово э дакле довело мене къ тому намѣренію іошть выше тачака отсећи, и мени оваку исту обалу, као што э ова, около зида (то есть мога первога обиталища) полукружно повести, како штосамъ и учиніо. Ударіосамъ тачке или млада дрвета у виду сугубога реда, реци: 8 стопа далеко отъ мога первога укрѣплѣнія, и то э абіе избило и протерало, и абіе съ почетка дало э моему обиталищу прекрасанъ заслонъ, и служаше мени послѣ такожде ко обрани и защищенію, косећу кадъ време буде сказати.

Нашаосамъ такожде да годишнѣ време не вообще у зиму и лѣто као у *Егроли* раздѣлитисе може; него у кишно и суво време, како што овде слѣдуетъ.

Полакъ

Полакъ Февруаріа. Мартъ. полакъ Апріллія. — Кишно време, ербо солнце онда близъ равноће ноћи и дана стои.

Полакъ Апріллія Маіа Іуній Іулій полакъ Августа. — Суво: ербо солнце онда страно-сѣверно отъ ліније стоитъ.

Полакъ Августа Септемврій полакъ Октовріа. — Киша, ербосе солнце онда натрагъ повраћа.

Полакъ Октовріа Ноемврій Декемврій Іануарій Полакъ Февруаріа. — Суво; ербо солнце онда къ Югу на страну отъ ліније стоитъ.

Кишно време траяше онако, како што встрови дыхаше, многократно дуже, а кадкадъ краће, а вообще было э онако, како штосамъ назначіо. После какое мене искуство научило, какова зла слѣдства собомъ доноси у кишно време на полѣ исходити, то имаосамъ попеченіе себе са свима потребностми напредъ, и благовремено снабдѣти, да небы нужде имао на полѣ исходити

ти

ти, и пребываосамъ у мокре мѣсяце, колико-кое годъ могуће было, кодъ куће.

Но и у ово време нашаосамъ за себе доста дѣла, къ коему э такожде и време врло пріятно было; ербосамъ видѣо, да я іоштъ врло много вещи требуемъ, кое я никако другоячіе, нежели тешкимъ трудомъ и непрерывнимъ прилѣжаніемъ добити могу. Особито искушаваосамъ на сваку руку едну котарицу начинити, али све оне мотке, коесамъ имао, былесу тако крте, дасе съ нима ништа започети неможе. Садсе паметіи моей изрядно представило, какосамъ я, како дѣте врло радо кодъ Котаричара стаяо, и нѣгово дѣло мотріо. А будући я, како штосу деца, врлосамъ услушанъ было штогодъ кодъ тога помоћи, и опасно позоръ дао, како они съ дѣломъ своимъ поступаю, а кадъ кадъ и самъ такожде руку на таково положіо, тосамъ я чрезъ то скоро савъ цѣлый занатъ научіо, да мени садъ ништа друго, него само матеріалъ къ тому недостаде, да бы занатъ овай у полно упражненіе привести и котарицу исплести могао. Садми э пало на умъ прутове отъ онога дрвета, отъ когасамъ тачке мое, коесу тако добро и фришко пробиле, отсећи, моглебысе тако савіяти, како тако називаемы *Саалд* или младо

младо пруће у Англіи, и абіе намыслїосамъ съ тимъ пробу учинити.

Абіе сутра данъ отишаосамъ на полѣ къ моему мѣсту увеселенія сѣницы (како што ю назива) отсекаосамъ нѣколико найтанѣга прућа, кои намѣренію моему тако способни бяху, како годъ штосамъ желити могао, други кратъ, кадсамъ онамо пошао, узеосамъ сикирицу ссобомъ, дабы таковога прућа доволно насѣкао, кога задуго и тражіо нисамъ, ербо таковога овде излишно бяше. Ово пруће разредіосамъ съ поля около мое ограде, дасе малко просуши, унесаосамга, кадъ э оно већъ за употребленіе было, у мой подрумъ. Овдесамсе цѣло кишно време съ тимъ забаляо, дасамъ я, како годъ штосамъ болѣ и лепше могао, велико множество котарица начиніо тако: да у ныма землю износити и друге вещи доносити или сохраняватисамъ могао. Врло украшене доиста нису оне произишле, но међу тимъ бяху оне свагда доста добре за оно, на штосамъ ихъ употребіо. Я послѣ на ныма нисамъ недостатка имао, и на мѣсто покварени абіе нове начиніо. Особито правіосамъ яке и дубоке кошаре, коећеми на мѣсто жакова служити,

жити, и у коимаћу житто мое хранитти, ако каковъ имутакъ отъ нѣга добіемъ.

Послѣ какосамъ и ову теготу надвладао, кояме доиста доста времена стаяла; то нисамъ имао мира, докле годъ я себи и друге нуждне ствари неприбави. Перво нисамъ имао никакова посућа за текуще матерїе (воду ракію) ербо таковога ништа выше неимадо нежели два буренца, коясу скоро обадва пуна *Англійске* ракіе была, и нѣколико стаклени флаша, отъ части обикновенога вида а отъ части четвероуголне у канавету за текуще вещи и ракію. Такожде нисамъ имао ни еднога лонца, или каковогъ другога сосуда у чемубысамъ штогодъ скувао, окромъ еднога великога бакрача, когасамъ изъ Лаће донео, и кои э мени къ тому, къ чемусамга употребити хотѣо; то есть, у нѣму мало чорбе сготовити или парче меса испржити отвыше великъ быо. И штобысамъ радъ быо отвыше имати, бяше една лула: Али такову начинити ніе было могуће, докъ я напослѣдокъ нисамъ и къ тому средство измыслїо.

Цѣло лѣтно или суво годишнѣ време провеосамъ котарице плетећи, и съ тимъ дасамъ себи іоштъ и други редъ тачака

или

или коля свудъ унаоколо воздвигао и насадїо. Али садъ нѣки други посао узеоми э выше времена, него штосамъ мыслити и изнаћи могао.

Ясамъ већь преће упоменуо, дасамъ велику волю имао цѣли Островъ промотрити, и дасамъ я такожде по край потока уздужъ и далѣ путовао, и башъ донде гдисамъ мою лѣтну увеселителну сѣницу начиніо, и гдисамъ еданъ сасвимъ чисти изгледъ къ морю съ друге стране Острова имао. Садъ намысліосамъ съ ове стране упреко башъ до брега поћи онамо, узеосамъ дакле пушку мою, сикирицу, мога пса, и доволно праха и олова сасобомъ, како што э обыковено было, снабдѣосамъ себе съ двема симити и едномъ великомъ кесомъ суварка, и пошаосамъ овако вооруженъ на путъ. Кадъ већь долину, гди э моя лѣтна Колебица стаяла, проћо, усмотріосамъ абіе къ западу стояще море, а будући да э врло лепъ и чистъ данъ было, усмотріосамъ башъ сасвимъ ясно нѣки предѣлъ у морю. Ели башъ земля права или само Островъ было, што не могу казати, лежаше обаче врло высоко, и простирашесе отъ запада западоюжнѣ у великомъ простору и удаленію, ербо по моему

ему мнѣнію ніе выше него 15 *тѣ* или 20 *тѣ* міля донде быти могло.

Какова э часть свѣта то была, немогу я такожде истино казати; него тосамъ знао, да э то морала една часть *Америіке* быти; и какосамъ изъ примѣчаніи моихъ заключіо, морало э то близу Шпански держава лежати. И можетъ быти, да э сасамими дивяцы поселѣна, и кадбы я тамо испливао быо, многобы горе самномъ стаяло неголи сада. Ясамъ примиріо себе кодъ путовъ провидѣнія Божія, кои како штосамъ я, признавати и вѣровати почео, све къ добру управляю, и доводе; ясамъ ушѣшіо, говоримъ, сердце мое сошимъ, и престаосамъ себе съ суетнимъ желаніемъ онде быти моћи мучити!

Међу тимъ доксамсе кодъ ове вещи нѣкое време забавіо, помисліосамъ, кадбы то Шпански брегови были, тобы я морао сасвимъ извѣстно данасъ или сутра Шпанске какове лађе тамо и овамо пловуще видѣти; аколи то тако ніе, то мораду дакле Острови и брези дивяковъ между *Шпаніомъ* и *Бразіліомъ* быти, коису доиста отъ свію други дивяка найгори, ербосу они прави Коннібали или человѣкоядцы, и никада неиз-

неизоставляю тѣла человѣческа, коя имъ годъ у руке падну, убити и изѣсти.

Ово разсмотраваюћи ишаосамъ све полако далѣ. И видѣосамъ, да э страна ова Острова много краснія была, нежели гди я живимъ, ливаде и пространа поля врло наслаждаема, цвѣты и травомъ украшена, и полна прекрасныхъ плодовъ. Видѣосамъ такожде множество Папагаевъ, и радсамъ быо, акобысамъ само могао еднога ухватити, дабыга припитоміо и говорити научіо. И опетсамъ срећанъ быо, дасамъ послѣ многога труда еднога младога ухватіо; ербосамъ я нѣга съ едномъ палицомъ на землю смлатіо, и узеосамга кадъ э онъ опетъ къ себи дошао, са собомъ кући, али доксамъ я нѣга говорити научіо, прошло э много година. Но напослѣдокъ научіосамъ я нѣга са свимъ свободно мене именемъ звати. Еданъ случай, кои э мене съ нимъ предерво, хоће читателю можетъ быти на надлежащемъ мѣсту врло поволянъ быти.

Ово э путешествіе мене чрезвычайно увеселило. Ясамъ на нѣки мѣсти нашао зецова (найманѣ держаосамъ ихъ зато) и лисица, коесусе обаче отъ свію видовъ други звѣрова, коесамъ досадъ видѣо, разликовале. Ясе склонити немого ни да ихъ едемъ, башъ

акосамъ ихъ и много утукао. Но я нисамъ имао узрока то чинити, ербо я на месу никаковаго недостатка нисамъ имао, а и їоштъ къ тому башъ што э найболѣ, меѣу коимъ найглавніе дивіе Козе, Голубови и Корняче бяху. И кадъ къ тому їоштъ грожѣе додамъ, каковъ бы могла сама піяца отъ Леденъ едному самоѣному человѣку богати ручакъ дати? тосамъ я, ако э башъ станѣ мое и бѣдно было, узрока доволно имао Богу благодарити, да онъ мени не само на средствахъ къ препитанію никаковаго недостатка ніе терпѣти дао, него їоштъ и излишество найслаѣи залогая даровао.

Нисамъ ишао на моему путешествію никадъ далѣ, него 2 *ве* мілѣ напредъ; али залазіосамъ сѣ мога пута часъ на едну, часъ на другу страну, дабы видѣо, шта їоштъ у смотрити могу тако, дасамъ често утруженъ на оно мѣсто дошао, гдисамъ преноѣити намыслio, пакъ онда отпочиваосамъ или на дрвету, или себе сѣ еднымъ редомъ тачака окружio, коесамъ или отъ еднегъ дрвета на друго наслоніо, или ихъ добро у землю ударіо тако, да къ мене никакови диви звѣръ близу небы доѣи могао, даме пробуди.

Како-

Какосамъ на брегъ моря дошао, зачудіосамсе врло, дасамъ станъ или обиталище мое у найгарой страни Острова избрао, ербо э овде цѣли брегъ сѣ неизброенимъ множествомъ Корняча покрывенъ быо, а на другой страни, гди живимъ, нисамъ за полдругу годину више него три нашао. Овде было э такожде неисказано число птица разнаго вида, отъ коихъ я нѣкое никадъ видѣо нисамъ, и отъ коихъ многе за ело врло добре бяху, и отъ коихъ я ни едну другу нежели *Пігвіна* познавао нисамъ.

Кадъ небы баруша и олова жалio быо, ябы ихъ толико убити могао, коликобыми годъ драго было. Убіосамъ радіе Козу, кадсамъ ю добити могао, ербо отъ нѣ и више ползе имадо. Такожде и Коза было э на овой страни више нежели на другой, но ясамъ много више труда имао къ ныма пришунятисе, ербо э предѣлъ врло равнъ быо, и оне мене много преѣе усмотрити могоше, нежели гдису брда.

Много краснія, то казати морамъ, была э ова страна Острова, неголи гдисамъ я живio, али я опетъ нисамъ имао ни наймањ волѣ овамо преселитисе. Ербо кадсамъ я вѣкъ еданъ кратъ свое постояно обиталище имао, тосе оно мени врло свикнуло и

ово цѣло време, доклесамъ годъ овде быо, чиняшемисе, дасамъ на каковомъ путу изванъ предѣла быо. Но ясамъ преко свега путовао до 12 миля, и то како штосамъ мыслiо, све по край брега горе, ударiосамъ после едну дугачку мотку на брегу у землю за знакъ, дасамъ овде быо, и повратiосамсе дома натрагъ. Перво путешествiе, кое паки предузети имамъ, хоће быти съ оне стране Острова отъ обиталища мога къ востоку, и тако свудъ на около докле годъ до знаменiя мога не дођемъ. Отъ тога говорићу онде, гди требовало буде.

Кадсамсе повратiо, узеосамъ други путь у тому мнѣнiю, да я могу цѣли Островъ већь толико далеко у виду содержавати, да я мое перво станѣ никадъ изгубити не могу, алисамсе я у томъ врло преварiо; србо само штосамъ две или три милѣ ишао, кадсамсе я у едной великой долини нашао, коя э съ самима горама окружена, а овесa самима шумами покривене быле, тако да ништа нашао нисамъ по чемубы путь мой управити могао, нежели солнце, а и то не свагда, кадъ небы теченiе нѣгово у ово време дана опасно знао.

Али несрећомъ мораосамъ iошть къ тому време, кое э три или четири дана, док-

доксамъ у овой долини быо, врло тавно и магловито было, имати. А будући да я солнце видѣти нисамъ могао, тосамъ я у великомъ страху сѣмо и овамо ходiо, и видѣосамъ себе на послѣдокъ принуждена брегъ, или отъ моря страну потражити, и знаменiе, коесамъ оставiо, наћи, и онимъ путемъ, коимсамъ и дошао опетъ натрагъ ићи. Отовудъ пошаосамъ све полагано кући; ербо э време почело врло топло быти, а моя пушка, барутъ и олово, сикира, и штосамъ друго кодъ себе имао, быломи э врло тешко.

На овоме путу усмотрiо э мой пасъ едно яре, и уфатiога э, ясамъ потрчао абiе за нимъ, и истргнуосамму живо изъ устахъ. Ябысамга быо башъ кући отвео, ербосамъ о томъ често мыслiо, небыли могуће было, еданъ паръ млади ярчића добити, и тако марву питоми коза добити, отъ коихъ бысе я содержанiя мога надати могао, кадъ већь барута и олова нестане.

Начиниосамъ овому малому живинчету огрлякъ, и повеосамга съ едномъ штранчицомъ, коюсамъ свагда сасобомъ носiо, свезана доста трудно до мое сѣнице, гдисамга затворiо и оставiо, ербосамъ желео отъ выше имао кодъ куће быти, отъ кое-

самъ

смъ већь скоро мѣсяцъ дана отсуствующъ био.

Опетъ у моему старому обиталищу быти и у моме повѣшеномъ кревету лежати была э мени неописана радость. Ово мало предузето путешествіе безъ извѣстногъ и постояногъ мѣста и пребивалища такоми э незгодно и неповолно было, да мой собствѣнный домъ, какосамга я самъ називао, съ тимъ сравняваюћи поло постояни станъ за мене э био, и све около мене тако э было радостно и угодно, дасамъ я тврдо намыслїо себе отъ нѣга никадъ далеко удаляваги, докле годъ судбина моя трае на овому Острову пребывати.

Овдесамъ оппочивао едну неделю дана, дабысе отъ путнаго труда мало окрепїо, и себи какову ползу учиніо. Болюсамъ часть овога времена съ найважнїмъ дѣломъ провео, моме Папагаю, коисе већь самномъ дружески обходити почео, кавезъ начинити. Затимъ почеосамъ такожде за мое сиромашко яре мыслити, коесамъ у моей малой сѣницы затворіо, и намыслюсамъ нѣга кући донети и ранити. Отишаосамъ дакле онамо, и нашаосамга, гдисамга и оставіо, ербо оно ласно побећи ніе могло, али изъ недостатка ране было э оно скоро отъ глада истало.

ало. Абїе отсѣкаосамъ граня и скупїосамъ пупова отъ дрвета, штосамъ скоріе наћи могао, и бацїосамъ предъ нѣга. Кадсамга наранїо, свезаосамга како и преће уженцетомъ око врата, и хотѣосамга за собомъ повести, али э гладъ нѣга тако укротїо и препитомїо био, да я нужде нисамъ имао на нѣга ни уженце набацити, и оно э замномъ башъ само како годъ пасъ ишло. Я овако нѣга прилѣжно ранећи учинилосе оно тако умилително и учтиво, да оно отъ тога времена како едно дружинче отъ куће постало, и мене выше никада оставити ніе хотѣло.

Кишно време есенѣгъ равноноћія приближилосе, и ясамъ торжествовао 30 Септемврїа онаковимъ истимъ свѣтлимъ и благоговѣйнимъ образомъ, како и перви кратъ годишни данъ мога пришествія на ову Аду, на коюйсамъ већь две године био, и никакове ближе надежде отъ овудъ освобожденъ быти неимадо, аки первый данъ мога дошествія. Ясамъ провео овай цѣлый данъ съ кроткимъ признанствомъ многихъ мени чудесно указанихъ благодѣяній, коя э мени Богъ у овому самоћному стању, до конхъ бы я іошть и безконечніе бѣданъ и неволянъ быти могао. Ясамъ съ полнимъ сердцемъ

цемъ благодарїо Богу моему, да э онъ благоволїо мени открыти, како што э можно было, да я у овому самоћному стаю срећанъ быти могу, како штобы, можетъ быти, у свободи, содружеству и у свима светскима увеселенїама быти могао, да све што мени у моме самоћноме стаю недостае, и лишеніе свакога содружества, онъ мени присутствіемъ своимъ, и съ приобщеніемъ милости свое души моей богато попунити може, ербо э онъ мене подкрѣпїо, утѣшїо, и охрабрїо овде себе крѣпко нѣговому промыслу оддати, а онде на нѣгово безконечно присутствіе очекивати.

Садсамъ внутренъ ощущавати стао, какое много щастни животъ, кога садъ проводимъ, сасвима нѣговима ужаснима обстоятелстви, нежели онай свирѣпи, клетве достойни и гадни, у коемсамъ найвећу часть дана мои провео; а садъ веће какосе жалости тако и радости мое премѣнише, то наравно и желанія моя съ тимъ премѣнишесе; склоности мое о сасвимъ другима вещма добише вкусъ, и увеселенія моя быше сасвимъ нова, и сасвимъ другоячія нежели при моему первому овде дошествію или пре 2 *ве* године.

Пре

Пре кадсамъ излазїо или на ловъ или землю и предѣлъ распознати, нападала э мене изненада нѣка душевна болесть и смутня о моемъ состоянію, и сердце хотяшеми у перси пући, кадсамъ я на све ове планине брда и пустиню помыслїо, гдисе находимъ, и какосамъ я вѣчнима вратми, и ключаницомъ великогъ *Океана* безъ избавленія у ову необитаему пустиню затворенъ. Башъ у найвећему спокойству душе мое диглосе што у мени као буря, разжалиломе тако, дасамъ руке склопїо и као дѣте плакао. Многократно напало э то мене башъ у средъ мога посла, гдисамъ све оставїо, къ земли пао, и уздисати морао, и почитава два сата аки смущенъ и забунѣнъ у землю гледао, а кадсамъ я то у плачъ и сузе испустїо, или речма себи одушку учинїо, онда э то прошло, и жалость, коясе у сама себи почерпла, попусти э сасвимъ.

Садсамсе обаче у сасвимъ другима мысли упражнявао; читаосамъ повседневно слово Божіе, и учинїосамъ отъ нѣгови свїю утѣшенія ползу за мое садашнѣ станѣ. Еданъ кратъ уютру, башъ кадсамъ врло смутанъ быо, отворїосамъ Библію, и нашаосамъ ове речи: *Я шебе нећу оставити, нити забора-*

заборавити; абіе помислїосамъ, дасе ове речи мене дотичу: єрбо зашшобысу оне мени оваковимъ начиномъ предъ очи дошле, и башъ у оваковому часу, гдисамъ я аки отъ Бога и люди заборавлѣникъ, о моемъ состоянїю плакао? Добро дакле, рекаосамъ, кадъ мене Богъ неће оставити, што мени може шкодити, ако мене башъ савъ цѣлый свѣтъ остави? И акобы я цѣлый свѣтъ имао, а милостбы и благословъ Божїй изгубїо, овобы было изгубитакъ, коисе ни съ чимъ сравнити неможе.

Отъ овога часа спаосамъ я у самъ себи вѣровати, да э башъ могуће, дасамъ срећнїи у овому оставлѣномъ и самоћномъ стању, нежели што бы гдигодъ на другомъ мѣсту у свѣту быти могао, и съ таковими мысли хотѣвъ Бога прославити и благодарити, да э онъ мене на ово мѣсто донео.

Незнамъ штоми э было, али како даме э нѣчто при овомъ помыслу дирнуло, и нисамъ смео ове речи изговорити: *Какo можешъ ты таковы приштворникъ быти*, (рекаосамъ сасвимъ ясно) и чинити, како дабы ты Богу благодарїо за каково станѣ, гди бы ты нѣга сердечно молити имао, да Онъ тебе отъ таковаго стања освободи и колико се

се годъ ты трудити можешъ съ нымъ удоволянъ быти.

Овде дакле престаосамъ, ако башъ и сказати немого: я благодаримъ Богу, дасамъ свде, и благодаримъ нѣму сердечно, да э онъ очи мое отворїо (коликосамъ годъ къ овому концу страдати морао) пређашнѣ станъ живота мога познавати, и мою свирѣпость раскаяваши и оплакивати. Никада нисамъ отворїо или затворїо Бїблїю, да небы душа моя изъ глубине свое Богу благодарила, да э онъ моему пріятелю у Англїи то у паметь дао, Бїблїю и безъ мога закшевања съ другима стварма моима спремити, и да э онъ мени после помогао ню изъ погибше лаће спасти.

Овимъ начиномъ и у овому душевному укрѣплѣнїю започелосе моя трећа година; и данебы читателю съ тако извѣстнимъ описиванѣмъ овога лѣта, тако као првога на тяготу было; тосе опетъ вообще вѣровати може, дасамъ я врло рѣдко безпосленъ спаяо. Н: п мою дужность къ Богу и чтенїе Бїблїи, къ чемусамъ постояно сваки данъ *3ри* кратъ нѣко извѣстно време опредѣлїо. Второ: на полѣ изиђи, и штогодъ убити, у чемусу обикновено свако ютро кадъ кише нїе было, *3ри* сата прошла.

шла. Треће: уредба, преправность, спремање и куванѣ онога, штосамъ за ручакъ мой убіо и добіо, овоми э свагда велику часть дневнога времена отузело. Іошть къ тому примѣчавамъ, да э у полдне, кадъ э солнце на пункту лініе стало, такова жестока врућина была, да о томъ ни помыслити нисамъ могао себе съ мѣста кренути тако, да нисамъ више него четыри сата предъ вече на све дѣло мое употребити могао. Далѣ нисамъ чиніо никакова изятія, него дасамъ кадкадъ ловъ съ дѣлателни часи промѣніо, и у ютру пословао, а после полдне на ловъ изишао.

Акосе кому време, коесамъ я къ дѣлу моме опредѣліо кратко чини, то молимъ само чрезвичайну трудность дѣла мога къ тому причислити, и многе часе, кое мене свака вещь изъ недостатка халата помоћи и изискуеме способности отъ времена мога узела. Провеосамъ я н: п: пуна три или четири дана съ тимъ едну даску за мой дугачки банакъ или рафъ у моему подруму начинити, коихъ бы двоица дунѣери или пиліоцы съ нынимъ къ тому потребнымъ халатомъ б. изъ еднога дрвета до полдне начинити могли.

Али э

Али э то кодъ мене сасвимъ другоячіе было. Ясамъ перво морао врло дебело дрво за посеченѣ имати, ербо даска, коюсамъ потребовао, врло э широка быти морала. Къ сеченю потребоваосамъ три читава дана, и іошть доксамъ гране отсѣкао, дабы стабло само за еданъ комадъ дунѣерскога дрвета преправіо. Съ неописано труднимъ сеченѣмъ и тесанѣмъ отесаосамъ велико перво иверѣ съ обадве стране, докъ э проче доволно лако было, дасе крепаши може, затимъ окренуосамга, и испословао едну страну отъ еднога края до другога чисто и равно како едну даску, окренуосамъ опетъ и тесаосамъ съ друге стране толико дуго, доксамъ напослѣдокъ едну платину 3 цола дебелу съ обадве стране еднако равну испословао. Може дакле сваки самъ разсудити, коликосу много посла руке мое само кодъ еднога комада оваковога дѣла имале. Али терпѣніе и дѣло помогло э мени къ тому, и другимъ многимъ вещемъ. Ясамъ то овде особито тога ради забележіо, дабы показао, зашто э съ оваковимъ малимъ дѣломъ толико времена прошло, того ради, наимено: Ербо шпо э съ помощію другихъ, и съ потребнымъ халатомъ врло мало труда изискивало, то э за мене верло велики посао

было,

было, кои э само и съ помоћи мои руку отъ више много времена изискивао.

Но несматраюћи на то терпћниемъ и дћломъ, како штосамъ казао, предуспћвало э мени многое и доиста све, штосу мени моя обстоятелства нуждно имати представляла; какоћесе изъ слћдующега іоштъ више видћти.

Садъ већь у мћсяцы Ноемврію и Декемврію ожидаваосамъ мою ечмену, и пірінчну жатву. Ныва, коюсамъ зато ускопао, ніе была велика; Ербо као што э сказано, да мое сћяніе ніе изнело више него отъ сваке врсте по полъ мерова; заштосамъ цћлу жатву изъ узрока штосамъ у невреме посћяо было, изгубіо. Али садсамсе најболіой жатвы отъ свћта надао. Но ево бћде, быосамъ у погибели ню ради различни непріятеля, отъ коихсамъ я ню едва чувати у состоянію было, іоштъ еданъ кратъ изгубити, а тосу највыше козе быле и зверчадъ, коесамъ я зецове називао, и коису, ербо имъ э листвіе врло сладко было, данъ и ноћь тамо лежали, и како э што изъ землћ изникло и прорастло, абіе тако кратко отгризли, да оно послћ времена добити ніе могло у стабла произићи.

На

На противъ тога неймадо никаковога другога средства нежели плотъ свудъ у на около повући, коесамъ съ великимъ зноемъ и трудомъ учиніо, и највыше тога ради, ербо э ствaрь верло хитна быти морала, ако иначе што годъ жита отъ зубовъ мои незвани гости сачувати хоћу. А будући да э ныва моя моей ожидаемой жатви сходна, и верло малена была, тосамъ и я было съ оградомъ пћномъ у три Недељ сасвимъ готовъ. Притомъ убіосамъ іоштъ нћколико ове звћради даню, а ноћію свезаосамъ пса мога за еданъ колацъ на полю кодъ врата, гди э онъ цћлу ноћь на стражи лаяо. Овакимъ начиномъ довеосамъ я до тога, да мои непріятели мћсто или ныву мою у кратко време изоставише, и мое жито почело э яко, и верло добро расти, пакъ затимъ и скоро зрети. Али како годъ штосу четвероножни звћры, докъ э іоштъ жито мое у прирастћню было, у баталивали, тако исто былећыга скоро птице свега изћле, кадъ э оно већь класъ добило было. Ербо кадсамъ я отишао, дага надгледамъ, како стой, видћосамъ я мою малу жатву съ различними видови птица окружену, коесу све што очекивале, докбы

би я отповудь отпишао. Ясамъ дакле бацїо на ны вапру (ербосамъ пушку мою имао свагда са собомъ.) Али само штосамъ избацїо пушку, дижесе башъ изъ самогъ мога жита и ныве еданъ цѣлъ облакъ птица, кое башъ отнюдъ ни видїо нисамъ.

Ово э мени чувствително и верло увредило, ербо бы оне у мало дана цѣлу надежду мою изѣле быле и я бы послѣ у погибель дошао гладомъ истаяти, и выше никада никакове жетве имати. Нисамъ знао дакле, штаћу притомъ почети; алисамъ я на томъ башъ пвердо стао жито мое никоимъ начиномъ изгубити, и ако небы могло другоячїе быти башъ дань и ноћь чуваши. Найпре разгледаосамъ штету, коюсу већь учиниле птице, и нађо, дасуми оне доста велику часть поквариле, но срећомъ жито э тадай было їошть за ны зелено и штета, коюсу учиниле, башъ не велика, и я отъ оставшега, акобысе сачувати могло, їошть сасвимъ добру жапву очекиваши, бысамъ могао.

Я стаяосамъ малко, да пушку мою набіемъ, а кадсамъ пошао, смотріосамъ ясно, дасусе ове пустаїе по сви дервети разшириле,

риле, пакъ сѣду, као дабы на то чекале, докъ я отидемъ, тако э и было, како э слѣдство показало. Ербо кадсамъ малко пошао, башъ као дабы сасвимъ ићи хотѣо, и оне мене невидѣше, то оне абїе све една за другомъ опетъ на жито падоше. Ясамсе о томъ отвише разгнѣвао, ербосамъ знао, да свако зернце, кое оне садъ изѣду, замене, тако да рекнемъ, еданъ цѣлъ сомунъ хлѣба было, кадсамъ будущая разсмотріо. Я терпѣнія доволно неимадо, доксе ове пустаїе све скупу, дочекати, него дошуняосамсе полагано къ плоту, дзосамъ вапру и свалїосамъ тры доле, то э было оно штосамъ я желїо. Дигаосамъ яхъ горе и учиніосамъ съ ныма оно што съ явнима пустаїяма у *Англїи* чине, обѣсїосамъ ихъ, то есть другима за устрашителни примѣръ свезане горе. Едвабы человѣкъ вѣроваши могао, каково э добродѣйство имао овай примѣръ. Ербо у кратко време не само штосу птице ныву мою, него и сву цѣлу часть овога острова сасвимъ изостависе, и колико э годъ птично страшило на ныви висѣло, нисамъ могао я више никада ни едне птице у овой страни видѣти.

Ово э было мени, као штосе лясно мыслити може, велика радость; и при концу Декемвріа, кое э друга годишня жетва была, пожнѣосамъ я све жито мое щастно.

Садсамъ имао отъ потребе едну косу или серпъ. Све што овде чинити мого, было э изъ оне широке и кротке саблѣ, коюсамъ у лаћи нашао, како бы годъ болѣ могао серпъ еданъ начинити. А будући да э жетва моя малена была, то я съ кошьніомъ нѣномъ велике тягости и нисамъ имао. Кратко я пожнѣ ню моимъ собственнимъ начиномъ; ербо я нисамъ друго ништа него класове отсецао, и отнесаосамъ ихъ у едной великой копарицы, коюсамъ начинїо, кући, и послѣ моима собственима рукама све истрео. Кадсамъ готовъ было, видѣосамъ, да я изъ полъ мерова семена скоро две киле пїрінча и полъ трећу ечма (то естъ по моему мнѣнію, ербо мѣре нисамъ имао онда.) имадо.

Ова э была за мене верло велика утѣха, и ясамъ напредъ провидѣо, даће Богъ благоволити, и мене временемъ хлѣбомъ богато обдарити. Алисе ево опетъ нова бѣда появила; ербо нисамъ знао како жито учинити и млети, каколи чисто одѣлити, и

и каколи хлѣбъ умесити, а и кадбы и то знао, то опетъ нисамъ знао, какога испећи имамъ. А будући да э жеља моя была доста приличанъ имутакъ отъ тога задобити, то укрѣпише мене све тягости, совершено у тому намѣренію нимало у жетву мою недерзнути, него све за сѣаніе за будущу годину оставити, и мећу тимъ све мое мысли, и све мое часе дѣла на то употребити ово велико дѣло себе съ житомъ и хлѣбомъ снабдѣти, у состояніе довести.

Ясамъ у свойственномъ разуму сказати могао, да я башъ за хлѣбъ мой радимъ. Тосе чини чудно, и малосу люди о томъ помыслили, коликое множество разни мали вещи потребно, дабы себи само еданъ хлѣбъ снискали — то сѣяти, чистити, преправляти, месити и пећи. Я, коисамъ у само наравно стањѣ поставлѣнъ было, есамъ то моимъ повседневнимъ искусствомъ бѣдно дознао, и тосе свакога часа выше и выше умножавало, отъ какосамъ ону перву пегрштъ жита добїо, кое э за удивленіе, како штосамъ казао, сасвимъ нечаемо изъ землѣ произрастло.

Перво нисамъ имао плуга, чимбы ныву узорао, и тако исто и лопату, чимбы пре-

 копао,

копао, овай недостатокъ знаосамъ я опетъ дрвеномъ, како штосамъ рекао, попунити, акосамъ башъ съ ніоме и дрвени посао чинити могао. Ербо овай лепи халатъ, кои э мене много дана стаяо, не само штосе покваріо скоро, ербо э неокованъ быо, него э мени іошъ и дѣло теже учиніо, кое э дакле и злочестіе произыѣи морало.

Ясамсе на то опетъ склоніо, и недадо себе нити трудомъ, нити хрѣавимъ слѣдствомъ отъ тога уплашити. Кадъ э вѣкъ житo посѣяно было, нисамъ имао опетъ къ тому брану, но мораосамъ самъ по ораню ходити, и за собомъ едну чворновиту и тешку грану вуѣи, и тако землю выше газіо, него што бы ю подряо быо.

Када э вѣкъ житo произрастло, казаосамъ, да много ствари потребни нисамъ имао, дабыга оградіо и сачувао, пожео, очистіо и куѣи донео, овршіо, отъ плеве отлучіо, или извѣяо. Садъ и воденице нисамъ имао, гдибы млео, сита на коебы просѣяо, соли и квасца, дабы хлѣбъ умесіо, и фуруне гдибы испекао. Но ясамсе и безъ свію ови ствари спомогао, и житo быломи э неоцѣнена утѣха и полза. Крайнѣ трудно и досадно быломи э доиста чрезъ све то. Али ово выше премѣнити ніе было, и я чрезъ то нисамъ

нисамъ ни времена изгубіо много, ербо э време посла мога было вѣкъ еданъ кратъ раздѣлено, и една извѣстна часть дана была э за посао овай опредѣлена, и будуѣи да самъ вѣкъ науміо отъ жита на хлѣбъ ништа неупотребити, докъ отъ нѣга выше што незапатимъ, тосамъ дакле цѣло слѣдующе полъ лѣтіе, коесамъ на дѣла измышлѣна употребити имао, дабы себе съ потребнимъ халатомъ снабдѣо, коибы за све послове житo и хлѣбъ устроявати потребанъ быо, дабыга, акоми отъ потребе буде, абіе готова имати могао.

Преѣе свію други вещи мораосамъ выше землѣ къ тому преправити, ербо сѣмена имаосамъ доволно чимбы выше, него едно ютро ныве посѣяти могао. Преѣе нежели штосамъ то почети могао, имаосамъ опетъ выше отъ недѣлѣ дана посла, доксамъ лопату начиніо, коя и кадъ э готова была, къ тому врло неспособна вещь и тешка была, да мене съ ніомъ радити сугубога труда стаяше.

Далѣ себе ничимъ преварити нисамъ дао, и посѣяосамъ житo мое, у два велика равна комада ныве тако близу куѣе мое, какогодъ штосамга имати хотѣо, начиніосамъ тврдъ плотъ у наоколо, къ чемусамъ

колѣ

колѣ отъ онога дрвля, отъ когасамъ знао, даѣе скоро прорастити, и пупове избити, употребіо, и отъ коего я до године живу и цвѣтущу ограду имати могу, коей врло мало што помоћи требуетъ.

Кодъ куће, кадъ э кишно време было, и никудъ изићи нисамъ могао, имаосамъ я такожде посла, и изъ мећу посла имаосамъ іоштъ волю мога Папагая учити говорити, и съ нимсе забаляти. Онъ э научіо скоро свое собственно имя, *Поль*, и изговараога э после врло ясно, и то э была перва речь, коюсамъ я, кромѣ собствены уста, какосамъ годъ овде на Острову, отъ другога говорити чуо. Но ово ніе было никакови посао, него само едно облакшанѣ посла. Ясамъ обаче врло важно дѣло у рукахъ имао. Већь одавно мысліосамъ о томъ, каковимбы начиномъ нѣколико земляногъ посућа у состоянїе довести могао, коесамъ я донста отъ выше потребовао, али нисамъ знао, какоћу на то доћи. Мећу тимъ помысліосамъ, какобысамъ само къ тому способне землѣ наћи могао, лонацъ даѣесе кое како скрпити, а земля э или Клїма овде топла доволно, дасе онъ на солнцу изсушити, и яко и доволно отверднути може, да бы нѣга на то све што э суво, и штосе суво хранити

мора,

мора, употребити могао. А будући дасамъ таково штогодъ къ преправленію жита и брашна, о чемусамъ мыслїо, врло потребно имао, то намысліосамъ дакле нѣколико лонаца начинити, онолико велике, колико могуће буде, коећу како велике бокале уредити, и у ны после штоми драго метати.

Можетъ быти, даѣе читатель о мени сожаловати, или много выше мене изсмѣяти, кадму искажемъ, какосамъ неупутно я съ моимъ лончарствомъ поступіо, каковесамъ гадне и необичне вещи отъ лонаца я на путъ производіо, какосусе они мени іоштъ у руку мои распали, ербо земля небяше доволно чврста свою собственну теготу носити, какоми многи отъ врло жестоке солнечне жеге пукоше за то, штосамъ ихъ фришко на полѣ у воздухъ изнесао, и какоми многи преће и после сушеня сви на комаде одоше, и то само акосамсе ихъ додирнуо, или узети хтѣо, крашко какосамъ я после многаго труда, кога э мене то стояло, землю или блато изнаћи, ископати и угазити, нѣга куће донети и испословати, іоштъ у состоянію нисамъ было, после двомѣсячнаго посла, нежели две велике земляне несграпне вещи оттуду произвести, кое

съ

съ зрѣломъ памети никаковимъ посуѣмъ наименоваши нисамъ могао.

Кадъ э солнце већь ове сасвимъ изсушило, и тврдо испекло, дигаосамъ ихъ сасвимъ полагано, и мешнуо у два велика кошара, коесамъ ямачно за то начинио, дасе небы разбили, а празноћу у наоколо међу лонцемъ и кошаромъ са сламомъ отъ ечма испунио, у овима двѣма лонцы, коиђеду свагда суви морати стоятти, падаосамсе жито мое, или можетъ быти брашно, коеђесе отъ жита самлеши, свагда суво содержавати.

Колико э мало мой посао съ великима лонцы предуспѣвати хотѣо, толико э пошао мени посао много болѣ съ нѣкими малими лончићи, н. п. съ чиниѣма малима, округлими лонцы, бокалчићи, таныри и другимъ посуѣмъ, и на штосамъ годъ руку положио, и жега солнечна, све э то чрезвычайно испекла и утвердила.

Али све ово намѣренію моему іошть ніе соотвѣтствовало, ербо я свакимъ начиномъ єданъ великій земляни лонацъ имаписамъ хотѣо, коибы штогодъ текуће содержати, и ватру отерпити могао, за кое отъ ови мали ни єданъ способанъ ніе быо. После нѣкоего времене случилосе изненада, дасамъ

самъ у великой ватри, коюсамъ за готовлѣнѣ ручка наложіо быо, и кадсамъ э запрешти хотѣо, єданъ комадъ мога лончарскаго посла нашао, кои э како каменъ тврдъ, и како цигля црвенъ быо. Ово э мене у радости но чудо поставило, и дадулисе комади изжећи, рекаосамъ я у самъ себи, то исто дакле и съ цѣлимъ лонцемъ учинитисе може. Ово э мене навело о томъ мыслити, каксбы за то ватру способно наложіо, дабы нѣколико лонаца ожећи могао. О лончарской фуруни, како што они имаду, нисамъ имао ни понятія каковогъ, и іошть манѣ о глазури и олову, башъ акосамъ олова къ тому и имао. Ясамъ нанизао три велика и два мала лонца како єданъ стубъ єданъ на други, уредіосамъ свудъ наоколо дрва, и подъ ны велику хрпу пепела. Подпаливаосамъ споля и отъ озго све прилѣжно, докле годъ видѣо нисамъ, дасу лонцы у нутра сви како ватра червени, и ни єдансе ніе распукао. Кадсамъ я већь ны тако сасвимъ скрозъ црвене видѣо, оставіосамъ ихъ дакле 5 и до 6 сати у овой жеги стоятти, докле годъ нисамъ усмотріо, да єданъ отъ нихъ непуче, алисе и растопіо и исчезнуо, ербосе песакъ, кои э съ блатомъ смешанъ быо, са жестокосшя жара растопіо, и быобысе у стаклену материю

терію (и токъ) премѣніо, кадбыга іошть дуже у ватри оставіо быо. Ясамъ малко ватру утоліо, докъ лонцы почеше свою червеность губити, чуваосамъ при томъ цѣлу ноћь, дасе небы ватра нагло угасила, и у ютру имаосамъ три ьрло добра, нећу башъ казати, найлепша лонца, и друга два тако тврдо испечена, како годъ штосамъ желити могао, и іошть еданъ кь тому отъ растопљѣнога песка сасвимъ глазиратъ. После овогъ искушенія (пробе) нетребује да кажемъ, имаосамъ различногъ вида земляногъ посуђа за мою потребу доволно. Видъ ови лонаца, како што лако мыслити можемо, ніе башъ лепъ, и я ихъ другоячіе начинити нисамъ знао, него како што деца съ нынимъ пескомъ чине, или кадъ жена питу прави, коя отъ тешта никадъ ништа правити ніе научила.

Ако э ово башъ една багателна ствар и была, тосамъ я опетъ о томъ, велику и несравнену радость имао, кадсамъ видѣо дасамъ я еданъ земляни лонацъ начиніо, кои ватру одержати може. Едвасамъ дочекати могао, доксе оладише лонцы, дабы едногъ съ водомъ кь ватри преставіо, и себи у нѣму мало меса скувао, кое э доиста и преизрядно успѣло, ясамъ себи съ еднимъ комадомъ

домъ козіега меса прекрасну чорбу сготовіо, ако башъ кь тому брашна и друге зелени и нисамъ имао, коюбысамъ имати морао, кадбы чорбу по желанію своему имати хтѣо.

Садъ э перва брига моя была, какоћу еданъ каменити Аванъ добити, у комебы жито мое тукао; ербо на воденицу безъ друге какове помоћи него само две руке отнюдъ небяше ни мыслити. Овому недостатку помоћи быосамъ у великой бригы, ербо мећу свима занати на свѣту, ніе могао ни еданъ быти, о коембысамъ найманѣ штогодъ разумѣвао, као о занату каменаровъ, башъ кадбысамъ и савъ халапъ кь тому имао. Ясамъ многе дне съ тимъ провео, дабысамъ еданъ велики каменъ нашао, коибы доста дебео быо, дабыга унутра ископати и за Аванъ способна учинити могао: но всуе савъ мой трудъ бы. Я нисамъ могао таковога камена ни наћи, нежели кои э у пећини быо, кога я никоимъ начиномъ ископати нити исшуплити знао нисамъ. А такожде пећине на Острову небыше ни доста тврде за то, него све отъ пескова и мека камења, кои нитибы тежину туцня одержати нити што разбіяти могао, дасе небы съ очорващимъ пескомъ смешало. А кадсамъ већь съ тимъ забадава толико времена

мена изгубіо каменъ тражећи, тосамъ дакле отъ тога сасвимъ престао, и намыслiо еданъ велики пањ тврдога дрвета избрати, кагасамъ и доиста я врло лакше и нашао. Кадсамъ већъ еданъ онако дебео нашао, као штосамъ крѣпакъ био, дага понести могу, обсѣкаосамга съ моіомъ сикиромъ и брадвомъ съ поля округло, и извртіосамга послѣ са средствомъ ватре, и неизсказанимъ трудомъ тако, као што *Индіанп* у *Бразіліи* ныне чунове издубливати обичествую. Затимъ начинiосамъ такожде еданъ велики тежакъ туцањ отъ тога истога дрвета, коесе гвоздено дрво назива, и оставiосамъ ихъ за мою будућу жетву, у чемусамъ намыслiо мое жито млети, или много више тући, дабы оттудъ брашно за хлѣбъ имати могао.

Ето садсе э опетъ нова тягость нашла, какоћу сито начинити, чимћу брашно просѣяти и отъ мекиня и љуске отъ дѣлити; ербо безъ тога нисамъ знао, какобы могуће было чисть лебацъ добити. То э была една крайнѣ тешка вещь, да едвасамъ на то помыслити смѣо, ербо доиста нисамъ имао скоро сасвимъ отъ онога свега ништа, штобы къ мешны хлѣба необходимо нуждно отъ потребе было, нисамъ имао ни

нађве, или друго каково посуће, у чему бы брашно просеяти могао. Съ шимъ э прошло много мѣсяцы, и я доиста отнюдъ нисамъ знао, шта започети имамъ. Никакова платна имао нисамъ, окромъ кое какви крпетина, истина козіи длака достасамъ имао, али я ни прести нисамъ знао, ни ткаши, а кадбы было и то знао, гдибы къ тому овде потребни халатъ добыо? едно едино средство, коеми э напослѣдокъ на умъ пало было, дасамъ съ халинама Матросовъ, такожде нѣке шлаерне мараме навратъ изъ лађе донео. Изъ нѣколико комада отъ ови марама начинiосамъ три сита, коя доста малена, али доста добра за оно бяху, къ чему я ны потребова. Съ тимсамсе помагао нѣколико година, а штосамъ послѣ учинiо, хоћу на пристойномъ мѣсту описати.

Садъ э дошао редъ на то како баш сами хлѣбъ пећи, и какоћу, кадъ жито добіемъ, хлѣбъ отъ нѣга правити. Ербо перво нисамъ имао никакове нађве или коритo, алисе я већъ о ономъ, штосе добити неможе, више толико и не труди. Но за фуруну имаосамъ доиста велику бригу. На послѣдокъ учинiосамъ и у той вещи совѣтъ, и поступiосамъ овако. Начинiосамъ нѣколико земляни сосудовъ врло широке али плитке

у величини цѣлой до две стопе, и не дублѣ него 9. цоли. Ове ожегаосамъ у ватри као и оне друге, и извадіосамъ ихъ. А кадсамъ хлѣбъ пећи хотѣо, онда наложіосамъ велику ватру на огништу, коюсамъ четвероуголнимъ великимъ каменѣмъ оградіо, коесамъ я самъ направіо и испекао, кое башъ небы ни валяло да четвероуголне назовемъ.

Кадсе ватра већь доста у вруће пепелъ или у живи жаръ премѣнила, то онда извукаосамъ э на огныще горе, покріосамъ сасве стране и оставіосамъ тако лежати, догодъ огныще сасвимъ вруће ніе было. Затимъ очистіосамъ савъ пепелъ, и метнуосамъ на ону врућу чистину све мое хлѣбове, загрнуосамъ опай врући пепелъ споля сасвимъ около сосудовъ, дабысе тако теплота содержавала и укрѣпила; и тако испекаосамъ мой хлѣбъ, башъ као у каквой найбольой фуруни отъ света, и іоштъ преко тога постаосамъ я у кратко време башъ и отъ паштета мешая (пекаръ) ербосамъ я правіо себи различне пите отъ пірінча, само праве паштете нисамъ могао правити, ербо нисамъ имао ништа у ны метнути, кромѣ птица и козіега меса.

Невалясе ни мало чудити, штосу мени ове вещи, найвећу часть времена треће године

дине мога овде бытія узеле. Валя притомъ такожде и то помыслити, дасамъ я между овимъ междувременіемъ, съ моіомъ новомъ жетвомъ и домостроеніемъ доволно посла имао. Ербосамъ я пожнѣо жито мое у време, донеосамга, како штосамъ болѣ могао, куће, и оставіосамга тако у класу у мои велики кошари, доксамъ време улучіо нѣга изтрти, ербо гумна, гдибыга овршіо, и халата къ тому нисамъ имао.

Али садъ, кадсе већь имутакъ мога жита доиста сасвимъ умножіо, мораосамъ такожде на разширенѣ мога Амбара мыслити. Нисамъ имао дакле мѣста, гдибыга сасуши, ербосе жито мое тако умножило, дасамъ я нѣга скоро 20 кила ечма, и равно толико пірінча имао. Садъ нисамъ размышляваo дуго съ нымъ са свимъ свободно употребленіе чинити, а притомъ и хлѣба мога већь э башъ сасвимъ нестало было. Намыслiосамъ дакле назначити, количећу отъ нѣга на цѣлу годину потребовати, и само еданъ кратъ преко године сѣяти.

Алисе показало, да я ови 40 *тъ* кила ечма и толико пірінча за едну годину утрошити не могу. Опредѣліосамъ дакле годишнѣ опасно толико посѣяти, како штосамъ послѣдный кратъ посѣяо у той надежди,

даћу

дѣћу съ овимъ имуткомъ хлѣба доволно имати.

Доксамсе я съ овима вещма забаляо, то можемо лако мыслити, дасу мысли мое често на полю быле, штосамъ на другой страни Острова видіо, и често возбудиласе тайна жеља у мени, дабысамъ вѣћь онде на брегу моря быти желіо, ербосамъ мыслію, дасамъ праву и тврду землю, и нѣки обитаеми предѣлъ видіо, и да тамо лако средство и путове наћи могу, намысліосамъ я далѣ поћи, и можетъ быти, напослѣдокъ совершенно освобожденіе добити.

Али нисамъ помыслію на погибели, коимъ я у оваковомъ стаю подложанъ быти могу, и можетъ быти у руке дивяковъ, пакъ іошћъ таковимъ дивякомъ пасти могу, кое узрокъ имамъ за горе держати, нежели све Лафове и Тігре у Афріки, да я, ако у власть ныну дођемъ, у погибели есамъ отъ ныхъ убіенъ и башъ изѣденъ быти, ербосамъ я разумѣо, дасу народы на *Кораібійскихъ* бреговъ све саме убіице и человѣкоядцы, и кадсамъ высину солнца измѣріо, тосамъ знао онда, да отъ бреговъ ныних далеко быти не могу, да башъ, ако они и убійце небы были, менебы опетъ убити могли, како штосу и съ многими Европейцы учинили, коису

коису имъ у руке пали, башъ ако бы ихъ и 20, или 30, за едно было, а какобы самномъ было, коисамъ само еданъ, и коибы имъ мало или башъ нимало противостати могао! Све ове вещи рекаосамъ я, коебы я зрѣло разсудити морао, и коесамъ послѣ башъ добро разсмотріо, нисуми учинили съ почетка ни найманѣга страха, и быосамъ іошћъ свагда съ тимъ помысломъ напунѣнъ на онай брегъ, коисамъ у морю видіо, отићи.

Садбы желіо младога *Ксурію* и онай чамацъ съ малимъ управляемимъ (парусомъ) съ коимсамъ путешествіе отъ тисящу миля около брегахъ *Афріканскихъ* учиніо; али све всуе. Затимъ помысліосамъ, яћу нѣи, да видимъ нашъ чамацъ отъ лаће, кои э, као штосамъ казао, у бури, коя э перво наше кораблѣкрушеніе проузроковала, далеко овамо на прудъ доперанъ быо. Овай чамацъ лежаше іошћъ свагда на первоме мѣсту гдіе стао, и силомъ вѣтра и таласа сасвимъ извраћенъ быо, и къ высокомъ бердашцу нѣкоего наравногъ и острога труда наслонѣнъ быо, и гди никакове воде као и преће было ніе.

Кадбы я помоћи имао быо нѣга оправити и у воду спустити, то бы овай

чамацъ іошть свагда доста добаръ за употребленіе и послугу био; и ябы на нѣму сасвимъ угодно у *Бразіліи* натрагъ доћи могао: алисамъ я іошть на предъ добро провидіо, да я нисамъ было у состоянію нѣга извратити и на лєћа ставити, како годъ што нисамъ и овай островъ съ мѣста кренути могао, но несматраюћи на то отишаосамъ опетъ у шуму, отсѣкаосамъ нѣколико ћускія, и валяка дрвени, и донесо ихъ кь чамцу съ тимъ придаткомъ искушати штоћу расправити моћи! Ербосамъ я у самъ себи помислїо, могули я нѣга опетъ извратити и у воду спустити, ондабы штету, коюэ онъ имао, опетъ лако поправити могао, и ондабы паки на ново презрядни чамацъ быти могао, у коемубы я сасвимъ по води на море поћи могао.

Я о овомъ суетномъ дѣлу нисамъ дао никаковога труда продужати, и тры и до четиры мѣсяца съ тимъ проведо. А кадсамъ на послѣдокъ немоћность видѣо нѣга съ моими малими крѣпостми дигнути немоћи, почеосамъ песакъ исполь нѣга откопавати; и на страну бацати, небылиее онъ стровалїо, подметнуосамъ валке, дабыга отурити, и у паданю управити могао.

Кадъ

Кадъ э већь све то учинѣно было, то опетъ у состоянію нисамъ было нѣга исправити, отъ оздоле подићи, а іошть манѣ съ предъ нѣга кь води отурати, видѣвъ дакле себе принуждена свега оканутисе. И преко свега, акосамъ я башъ и сву надежду о чамцу и бацїо, то расла э жеља моя іошть свагда выше сталне землѣ докучитисе, него штосе умалявала, и башъ ако и могуће ніе было средство кь тому изнаћи.

Ово э мене напослѣдокъ на оне мысли довело, небыли могуће было; да я еданъ чунъ онако као жители ови земаля безъ халата, башъ да рекнемъ, безъ руку изъ стабла едногъ великога дрвета начинити. И то нисамъ само держао за невозможно него іошть за верло лако, и питаосамсе живо съ овимъ помысломъ, какоћу то начинити, и да я зато многовыше способа имамъ, нежели сви Негри, или Індіани, нисамъ промотрїо обаче при томъ особну тяготу, коюсамъ я выше него сви Індіани имао, а наимено да я помоћи неимамъ нѣга на воду спустити, кадъ већь сасвимъ готовъ буде, една тягота, кою э мени теже надвладати было, него штосу сва слѣдства о недостатку халата Індіаномъ

быти могла. Ербо кадсамъ едно дрво, кое э доста велико было, у шуми нашао, и съ великимъ трудомъ посѣкао, и ако я башъ у состоянію био нисамъ съ моимъ халатомъ нѣму пристойни видъ едногъ чуна дати, и нѣга изнутра испалити, или ископати, да башъ совершени чунъ изъ тога буде, али штоми э могло то све хаснити, дасамъ я нѣга, кадсе већъ све совершило онде оставивши морао, гдисамга и нашао, и нѣга у воду спустити нисамъ могао.

Шта мыслити валя, ако я иначе сва моя обстоятелства незаборавимъ, то при овомъ помыслу чунъ перво быти мора, што у памети валя да имамъ, какоћу я нѣга на воду донети, али опетъ мысли мое былесу на то управлѣне, какоћу я у тому чуну на морю путовати, коеми іоштъ ни еданъ кратъ на умъ ніе пало, какоћуга са сува на воду спустити, и доиста много э лакша ствар была нѣга 45 міля преко моря, нежели 45 фати преко сува отъ оногъ мѣста, гди э онъ лежао, кренути и на пливанѣ уготовити.

Ясамъ съ тимъ чуномъ таковъ лудъ почетакъ учиніо, како годъ человѣкъ, кои сви петъ чувстви имаде, започети може. Ясамъ увеселявао себе съ тимъ намѣреніемъ не раз-

суждаю-

суждаваюћи, хоћулига произвести моћи. Тегота какоћу чунъ на воду донети, палами э кадкадъ на умъ, алисамъ я умріо мою сумню свагда о томъ съ лудимъ отговоромъ, когасамъ самъ себи чиніо, ели чунъ еданъ кратъ готовъ, то я за то добаръ стоимъ, даћесе и средство наћи нѣга съ места кренути и отнети.

Овосе зове доиста ствар врло наопако започета, али наглость мога самоумія одержала э побѣду, и тако започеосамъ я дѣло, посѣкаосамъ и сваліосамъ еданъ Кедръ. И сумнямъ, да и самъ Соломонъ, када э правіо церкву Іерусалімску, ніе оваковаго прекраснаго Кедра имати могао. Оно э у деблу доле 5 стопа, и 10 цоли у ширину, и высиномъ 22 стопе, 4 стопе и 4 цола горе дебело было, за коимъ э онъ нѣчто тани био, и у гранесе раздѣліо.

Ово дрво посећи и свалити стаяще мени неисказанаго труда. 20 дана дуго секаосамъ я деблину кодъ пања доле, а 14 къ тому потребовао гране и далеко разширени верхъ отсећи, коесамъ я све самъ съ моіомъ сикиромъ и сатаромъ съ неноказанимъ трудомъ чинити морао. Садме іоштъ еданъ мѣсяцъ посла стаяло, доксамъ я нѣму видъ дао, или такову округлость, коя э трбу у

едногъ

едногъ чамца равно изгледала, и тако, да э онъ на води право стаяти и пловити могао. Іоштъ еданъ ферталь године пребавіосамъ съ тимъ нѣга изнутра исчистити, и тако лепо испословати, да э изъ тога свершенъ чамацъ быо. Ясамъ све то безъ ватре, и само средствомъ батиницъ, маклице, и стругача тешко радећи испословао. На послѣдокъ ясамъ нѣга толико далеко довео, да э то еданъ прекрасный чунъ (periaqua) быо, великъ доста, 26 люди, а слѣдователно мени э све иманѣ мое понести.

Какосамъ съ тимъ готовъ быо, имаосамъ такожде велику сердечну радость о томъ. Чамацъ быо э доиста већи него штосамъ я икадъ чунъ, кои э само изъ еднога дрвета начинѣнъ быо, у моме животу видіо. Много трудногъ зноя стаяло э мене ово дѣло, како што лако мыслити можемо, и садъ выше ништа остало ніе, нежели нѣга на брегъ довући, и на воду спустити, и кадбы съ тимъ срећанъ быо, то бы я безъ сумнѣ найлуће и найневозможніе путешествіе предузео, кое ніе никадъ учинѣно, нити чувено было.

Али сва моя намѣренія нѣга на воду донети, коебы мене іоштъ неисказаногa труда стаяло, быше суетна. Онъ ніе стаяо далѣ

далѣ него 100 рифовъ отъ воде, али э перво зло и трудъ кодъ ове вещи было, да э онъ къ брегу узъ брдо ишао. Но я башъ ни о томъ бодрость нисамъ изгубіо. Овому злу, помысліосамъ я, можесе помоћи, акосе земля откопа и еданъ ниспустъ начини. Започеосамъ дакле и то, и имаосамъ неописани трудъ и зной при томъ. Али кому може трудъ досадити, кадсе вещь башъ самога освобожденія дотиче? Но кадъ э и ово дѣло учинѣно было, и ова тегота надвладана была, и то све мени ништа ніе помогло; ербо я овай чунъ онако исто съ мѣста кренути нисамъ могао, како годъ и онай на прудъ насукани отъ наше лаће. Затимъ измѣріосамъ отдалѣніе и намысліосамъ Каналъ или ендекъ ископати, и овимъ Каналомъ воду до чуна довести, ербосамъ видѣо да чунъ никако довде донети немогу. Тосамъ я башъ и дѣйствително предузео. Али кадсамъ я такожде, какосамъ већь започео, предлогъ учиніо, како дубоко и широко копати морамъ, и како ископану землю износити имамъ, тосамъ видѣо, да э то едно дѣло, кое самоћне две руке (ербо я више нисамъ имао) преће 10 или 12 година у состоянie довести немогу, ербо э брегъ тако высокъ быо, да я на горнѣму краю най-

манѣ

манѣ 20 стопа дубокобы копати морао. Тосамъ дакле я напослѣдокъ, коликоми э годъ ово све горко пало, ово предвзятіе оставити морао.

Овоме доиста чакъ у души заболѣло то, исповѣдити морамъ, и садъ текарѣ видѣосамъ, башъ акое и касно, да э велика лудость дѣло започети преће него што трошкове прохесапимо, и пристойно разсмотримо, хоћедули наше крѣпости досягнути моћи таково произвести.

Усредъ посла овога окончалосе што лѣпо мога бытія на овомъ мѣсту, и торжествоваосамъ воспоминанце съ онаковимъ благоговѣйнствомъ и удоволствіемъ, и свѣтліе него и кадъ преће; ербо прилѣжнимъ разсмотреніемъ, и добримъ употребленіемъ слова Божія и помоћи милости нѣгове, добыосамъ я сасвимъ друго познанство о нѣму, нежели преће. Имаосамъ сасвимъ друга понятія о свима вещма, и разсмотраваосамъ цѣли свѣтъ као нѣко сасвимъ удалѣно существо, съ коимъ я ништа чинити, отъ кога я ништа очекивати, и доиста башъ ништа желити неимамъ. Съ еднимъ словомъ я съ нимъ никакова посла неимамъ, и башъ по свой прилики выше никадъ съ нимъ ништа ни

ни имати неѣу; негомисе онакавъ учиніо, као штосе онъ нами кадъ годъ у вѣчности представля; то есть аки едно мѣсто, у комесамъ кадъ годъ живіо, и изъ когасамъ изишао; и башъ могаосамъ аки отацъ Авраамъ богатому сказати: Меѣу мномъ и тобомъ великасе пропасть утвердила!

Перво ясамъ отъ све раскошности свѣта овде удалѣнъ. Овде неимамъ никаковогъ плотногъ пожеланія, никаковогъ очевногъ раздраженія нити гордога живота. Овде неимамъ ништа, што бы мене раздражити могло, ербосамъ я имао свега, штосамъ уживати способанъ быо. Ясамъ быо Господинъ надъ цѣлимъ добромъ, и могаосамъ себе, акосамъ само хотѣо, Кралѣмъ или Царемъ цѣлога предѣла назвати, когасамъ у руку имао. Овде ніе было никаковога соучастника, никога, ткобы мою неограничну власть воспятствовати могао. Имаосамъ толико жита, дабысамъ съ нимъ читаве лађе наповарити могао, но я нѣга толико нисамъ требовао, и послѣ нисамга ни сѣяо выше, него оноликo, колико э нужда моя изискивала. Имаосамъ дунѣерскогъ дрвета доволно, да бы слободно читаве Галіе (*Флоттуе*:) начинити могао, и толико много Грожђа, да

бы

бы изъ нѣга толико вїна отточити и суварка начинити, чимбы ову цѣлу *Флоттy* наповарити могао.

Али я далѣ нинаштo нисамъ нипазїо, него на оно штосамъ употребити могао. Имаосамъ доволно ясти, и друго што э нужда моя изискавала, штосамъ имао я дакле о свему другому питати; Есамли убїо выше дивячи него штосамъ изести могао, што э морао пасъ али друга живинчадъ изѣсти; Есамли посѣяо выше жита, него штосамъ требовао, што э морало све пропасти. Древета, коясамъ свалїо, морадоше на земли лежаща испрунути, я ихъ далѣ нинаштo употребити немого нежели на ватру, а и ватру редкосамъ къ чему требовао, кромѣ кадсамъ штогодъ сготовити хотео.

Съ еднимъ словомъ естество и искуство послѣ зрѣлога разсужденїя научило э мене, да све што э годъ на свѣту добро, за насъ нїе дуже добро, него колико употребльѣнїе отъ нѣга учинити можемо, и да кадъ мы толико много за друге приправимо, мы отъ свега тога толико уживати можемо, колико требуемо, а не више. Найжедньїи и найнеситїи лакомацъ мораобы отъ свога порока исцѣленъ быти, кадъ

кадъ бы онъ могао на мѣсто мене быти, ербосамъ я имао много више, него штосамъ знао, штоћу съ тимъ започети. Желѣ и жажде неимадоше мѣста кодъ мене, окромъ за вещма, конхъ нисамъ имао, а и то быше све саме багателе, башъ ако бы мы и верло потребне быти могле. Имаосамъ, као штосамъ горе казао, новаца у злату, и у сребру до 36: фунти Штерлїиговъ у цѣни: али ту лежаше та мерска ни къ чему потребна вещь! я ни найманѣ съ тимъ ништа започети знао нисамъ, и помисліосамъ често самъ у себи: Како бы я съ драге волѣ само за едну лулу или едну малу ручну воленицу, у коїой бы мое житто млети могао, пуну шаку овога презрѣнога метала дао! Ябысамъ быо савъ овай цѣли гадъ за 6. прегрштти беле или жуте репе сѣмена изъ Англїе, или само за едну шаку боба, или грашка, или едну флашу мастила дао! И оно э какогодъ, што э и было спаяло, я отъ тога никакове ползе имао нисамъ, него онису лежали у едномъ сандуку, гдису отъ паре и мокроће подрума у кишно време сви поплеснивили. И кадъ бы пуне сандуке самога дїаманта имао, нако бы исто и съ нимъ быти морало, за ме-

не

не доиста небысу ни найманѣ цѣне или чести имали, ербо ихъ я ни къ чему потребовати нисамъ знао.

Садсамъ већь до тога довео, да э мени мой животъ много сноснїи нежели прѣе быо, и много спокойнїи како за душу, тако и за тѣло мое. Често сѣдаосамъ за трапезу мою съ благодареніемъ, и чудіосамсе о десницы провидѣнія Божія, коя э мени оваковимъ ничиномъ трапезу у пустыни уготовала. Ясамъ научіо станъ мое свагда выше отъ нѣгове свѣтле и мрачне стране мотрити, и выше разсуждавати шта имамъ, и шта неимамъ, кое я и многократно таково э услажденіе проузроковало, кога у состоянїю нисамъ исказати, и кое тога ради овде опоминѣмъ, да бы онимъ свагда неудоволнимъ людма опомену учинїо, кои никадъ удоволно уживати немогу што имъ Богъ дае; ербо они свагда штогодъ тражу, закпеваю што онъ нима дао ніе. Чинимисе, да сва ова неудоволствія о ономъ, што намъ недостае, изъ самога недостатка благодарити за оно, што имамо, происходи.

Іоштъ нѣко друго разсмотреніе быдоми э отъ верло велике ползе, кое бы доиста и за свакога другога было, кои бы

бы у овакову нужду пао, као я, и то э было мое садашнѣ станѣ съ тимъ сравнити, као штосамъ и мыслїо, даѣе то и быти, и како э оно доиста сасвимъ быти морало, кадъ э благо провидѣніе Божіе чудеснимъ начиномъ тако уредило, да э лаѣа морала близу брега бачена быти; и то не само дасамъ я къ ніойзи доѣи могао, него іоштъ и све, што э годъ за помоѣь и угожденіе мое было, добіо и на суво изнести могао. Ербо безъ тога небысамъ никаковога халата къ дѣлу, оружія къ защищенію, и праха и олова за храну себи снискати, имати могао.

Ясамъ съ тимъ многе часе, и башъ да кажемъ, цѣле дневе провео и коесамъ я себи съ живописномъ боїомъ представляо; што бысамъ чинити имао, кадъ изъ лаѣе ништа изнесао небы; него само нѣчто рибе и корняча имапибы могао; и да бы я, ербо э дуго времена прошло, доклесамъ и то нашао, скапати морао; да бы я, ако башъ не бы нипогинуо, сасвимъ као дивякъ живити морао; да кадбы я кадгодъ у замку козу, или птицу у мою власть добіо, ништа имао нисамъ, чимбы заклао, расправіо, црева извадіо и разсѣки могао,

него

него башъ онако као и другїи диви звѣрь зуби глодати, и нокти тергати морао.

Ове мысли учинилесуми благость провидѣнїя Божїя зѣло чувствителну, и испунилесу мене съ благодарности о моемъ садашнѣмъ станю несматраюћи на све теготе, и неспокойства нѣгова, и зато ништа немогу, да то онимъ препоручуемъ, кои абїе кодъ найманѣга нападенїя готови есу извикати: Имали гдигодъ овакове несреће, као што э моя? кадбы овакови само помыслили, у каковомъ їошть горемъ станю многи люди спою; и у каковомъ горемъ станю моглибысусе башъ и они сами наћи, кадбы провидѣнїе произволѣло ны у шаково поставити.

Їошть э нѣко друго разсмотренїе придало доволно къ тому сердце мое съ надеждомъ утѣшити, то есть! сравненїе мога садашнѣга станя съ онымъ, когасамъ заслужїо, и слѣдователно отъ деснице провидѣнїя очекивати узрокъ имао есамъ. Ясамъ гнусни животъ безъ сваке вѣре, и страха Божїя проводїо. Истина дасамъ отъ родителя мои сасвимъ добро наставлѣнїе уживао, и они труда нынога нимало штедили нису їошть у раной младости моей, сердцу моему смирено высокопочитанїе къ

къ Богу, и чувство мое должности, и свега оногъ, што э самое естество и опредѣленїе мога бытїя отъ мене изискавало, на поити: Али ахъ! Ясамъ верло рано у руке морскога живота дошао, гдисе Бога найманѣ бою, ако ныма башъ страхъ Божи свагда и предъ очима стои; Кадсамъ я већь тако рано у морски животъ и лаћаровъ содружество пао, говоримъ, то э было и оно мало чувства о закону, кое сам їошть кодъ мене имао, скоро отъ моихъ содружниковъ изсмѣяно, и съ запуштенимъ презрѣнїемъ погибели, коесусе кодъ мене већь уобычаиле, и долгимъ удаленїемъ отъ содружества, кое э болѣ, него я самъ было, или гдибы я што годъ добро чути могао, са свимъ удавлѣно тако празанъ отъ свега, што э добро было, или отъ найманѣга чувства, штосамъ я предъ тимъ быо, или бы быти морао, кодъ найвећи искушенїяхъ Божїе помоћи, као н: п: штосамъ я благощастно изъ Салее изъ робства побѣгао, какосамъ отъ Поршугискогъ морепловца добро прїимлѣнъ быо, какосу мое ныве и садови у Бразїлїи срећанъ и добаръ успѣхъ имале, кадсамъ товаръ съ хеспапомъ изъ Англїе добїо и: т: д: нисамъ рекао башъ ни ову

рѣчь:

рѣчь: Боже помози! нисуми ни на умъ пале, а камоли у уста дошле: и у найкрайнѣй нужди нисамъ ни помыслїо Бога молити, или само рећи: Боже смилуйсе на мене. Ни име Божіе ніе мени дошло никадъ у уста, кромѣ кадсамъ што годъ псовати или клети требовао.

Разсмотреніе оваковога суроваго и у порнаго живота возбудило э, како штосамъ казао, нѣколико мѣсяцы дуго ужасна неспокойства у сердцу моему, и кадсамъ я около себе погледао, и помыслїо, каково э сасвимъ особно провидѣніе мене башъ їошть отъ мога дошествія на ово мѣсто управляло, и какосе Богъ милостиво спроћу мене показао, и не само што э манѣ мене наказао, него штосу грѣси мои заслужили, него їошть и преко тога богато сасвимъ обдарїо; ово ми э доиста дало верло велику надежду, да э Богъ покаяніе мое приміо, слѣдователно такожде милость свою и у напредакъ отъ мене узети неће.

Съ оваковими размышлѣніями укрѣпіосамъ я духъ мой не само у совершенномъ одансству воли Божіей у садашнѣму положеню моега стања, него їошть и у искренной благодарности за мое садашнѣ

стањѣ. И да я їошть кои данъ живимъ ништа тужитисе неимамъ, и грѣхови мои їошть нису онако наказани, као штосу заслужили, при свему я толико добра уживамъ, кога на оваковомъ мѣсту никадъ выше очекивати небы могао, дасе о стању моему нимало непечалимъ, него много выше радуемъ, и Богу повседневно благодарити морамъ за насущни хлѣбъ мой, кога нисамъ другаячіе него слѣдствомъ особнога чуда добыти могао. Ябы помыслити морао, дасамъ башъ онаковимъ великимъ чудомъ храну мою овде, као Илїа нѣкогда што э свою чрезъ вранове добыо, и да бы я едва на каковой пустой части свѣта мѣсто помыслити могао, на коебы я къ већой ползи моей икадъ баченъ быти могао; мѣсто говоримъ, на коему я къ моему великому сожалѣнію отнюдъ никакова содружества человѣческа, али опетъ и никакови ярости звѣрова курякова, и тїгри, коибы животу моме претили, нашао нисамъ, никакови отровни змія или садовъ, отъ коихъ бысамъ я на мою погибель штогодъ ясти могао, и никакови дивяка, коибысуме убили и изѣли.

Кратко животъ мой бьіо э съ едне стране полнъ печали, али опетъ съ друге полнъ милости, и ништа доспало ніе мене сасвимъ удоволна учиниши, него дабьі я чувство мое о милости Божіей и попеченію спроћу себе, коя э самномъ у овому стању управляла, за мое свагдашнѣ ушѣшеніе учиніо; и послѣ кадсамъ я себе у томе свагда выше и выше упражнявао, то я дакле напослѣдокъ нимало выше печаланъ бьіо нисамъ.

Садсамъ већь овде толико дуго бьіо, дасусе све вещи, коесамъ изъ Лаће за мою потребу донео бьіо, већсу или потрошене, или покварене быле.

Мое мастило, како штосамъ казао, бьіло э већь одавно, до нѣчто малко потрошено, коесамъ послѣ съ водомъ толико дуго мешао, докле оно напослѣдокъ ніе тако блед бьіло, дасе већь на папіру выше видѣти неможе. Докле в годъ оно траяло, послужаваосамсе съ ныме сваки данъ месеца записати, у коме э мене штогодъ примѣчанія достойно предсрело, и іошпсе опоминѣмъ, какосу особни дневи совокупно снишли, у коимасамъ я многа и разна послапія Божія искусіо тако, да я, кадбысамъ доста суевѣранъ бьіо, нѣке извѣстне дневе за срећне или

или несрећне держати узрока доволно имати бы могао, ово чудесно разсмотравати.

Перво назначіосамъ дасамъ онай исти данъ, у комесамъ отъ родителя и пріятеля мои побѣгао у *Улм*, и оттуду на море отишао, отъ Салейскаго пустаіе уфаћенъ и робомъ учинѣнъ бьіо.

У онай исти данъ кадсамъ у пристанущу отъ *Іармота* изъ разлупане лаће умакао, избѣгаосамъ такожде на чамцу изъ робства изъ *Салее*.

У онай исти данъ кадсамсе родіо, то есть *20го* Септемврїа, бьіо э такожде 26. година животъ мой тако чудеснимъ начиномъ сохранѣнъ, кадсамъ на брегъ овогъ Острова баченъ бьіо тако, да мой раскошни и после самоћни животъ у еданъ данъ започеосе.

Шта э после мастила мога нестало, хлѣбъ, то есть: симите, коесамъ изъ лаће изнео. Съ овимсамъ крайнѣ шкомрачіо, ербосе я нисамъ усудіо никадъ выше на данъ него по едну симиту утрошити, и то тако траяше цѣлу годину, пакъ и преко тога скоро едно читаво лѣто бьіосамъ безъ хлѣба, преће него штосамъ жита добіо, и велику причину имамъ Богу благодарити, штосамга добіо, ербосамъ я, како штосамъ већь

 казао,

казао, нѣкимъ чудодѣйствомъ къ тому дошао.

Мое халине почелесу такожде спадати. Кошуля већь одавно нисамъ имао выше, кромѣ нѣкои шарени, коесамъ у матроски сандуцы нашао, и коесамъ врло опасно чувао, ербо много крати отъ врућине другу никакову халину на тѣлу трпити нисамъ могао, него саму кошулю; и то э за мене башъ добро было, дасамъ я међу матроски халина на лаћи до три туцета кошуля нашао. Ту бяху іоштъ нѣкои дебели матроски кабати, кои обаче носити врло тешки и врући бяху. Истина да э врућина вообще тако жестока была, да овде и халина никакови отъ потребе ніе было, али я нагъ никоимъ начиномъ ходити нисамъ хотео, башъ акобысамъ къ тому и склонѣнъ было, како штонисамъ было, но преко свега я ни помысла о томъ терпѣти нисамъ могао, башъ акосамъ я овде самоћанъ, како пустиникъ и было.

Перва отъ причинъ, зашто я сасвимъ нагъ нисамъ ходити могао, была э, да я жегу солнечну не опако сасвимъ нагъ, како съ каковомъ халиномъ покривенъ сяситисамъ могао. Ербо э излишна врућина мени често сву кожу на тѣлу ушклопчила, а кадсамъ кошулю имао на себи, то воздухъ сами

учи-

учиніо э движеніе, и быломи э међу шимъ, докъ э онъ подъ кошуліомъ проходіо, іоштъ еданъ кратъ толико хладно, него што э безъ кошулѣ было, тако исто немогосе я склонити подъ солнечномъ жегомъ безъ шешира или капе исходити, ербоми э врућина несносну главоболю проузроковала, коя э обаче абіе престала, какосамъ я шеширъ на главу метнуо.

Изъ ови узрока быосамъ на то склонѣнъ оно мало крпа и хандри, коесамъ іоштъ имао, и коесамъ халинама называо, у порядокъ привести. Перслуцы съ рукави, коесамъ имао, бяху већь сви вети и изношени, искушаосамъ еданъ кратъ нећули моћи изъ они велики матроски кабата кою кабаницу скрпити. Предузеосамъ дакле ово кроеніе, или много выше крпню, и изъ тога нѣки жалостни посао изыће. Но ясамъ съ двѣма, трима кабаницама овогъ крпежа учиніо пробу, конћедуми, како штосамъ мыслio и надаосе, доста дуго траяти моћи, штосе чакшира дошицало, съ шимъ э іоштъ гори крпежъ нежели послѣ было.

Ясамъ већь казао, дасамъ све коже четвероноги звѣрова, коесамъ годъ убіо, оставляо. Ясамъ све такове на шачке разапиняо и на солнце вешао, чрезъ коесу нѣке тако

суве

суве и тврде быле, да ихъ я ни нашто употребити нисамъ знао; а друге былесу врло добре на што годъ употребити. Перво штосамъ я отъ тогъ начиніо, была э една капа на главу, длака на полѣ извраћена дабы киша съ нѣ спадати могла Овоми э тако добро на руку пошло, дасамъ я послѣ башъ отъ сами ови кожа читаве халине начиніо; то есть перслукъ и чакшире, коесу кодъ колѣна отворене быле и обадвое алватно, ербо э то мене выше разлаћиваши нежели топлити морало. Истину сказати морамъ, да э то све врло бѣдни и чемерни крпежъ быо; ербо какосамъ годъ я хрћавъ дунѣеринъ, такосамъ исто іошъ и гори кроячъ быо. Каковъ э крпежъ то быо да быо, онъ э мени опетъ врло добру службу чиніо, кадсамъ на полю быо и киша э изненада падала, остаосамъ я свагда, ербо э длака отъ перслука и капе на полѣ извраћена была, сасвимъ сувъ.

Послѣ овога употребіосамъ нѣкое време труда на то, дабы себи щитъ или солнечну обрану начиніо. Ербоми э то доиста отъ врло велике потребе было, и имаосамъ већь одавно велику волю себи такову начинити. Ясамъ такови у *Бразіліи* доста видіо, гдису оне ради солнечне жеге врло

врло потребне; и я овде чувствоваосамъ онакову велику жегу, и башъ іошъ већу, ербосамъ я ближе солнца лініе быо. И дасамъ я и кромѣ тога выше на полю, нежели у кући быти морао, то э дакле мени врло полезна вещь была, како отъ киште тако и солнца. То э мене врло много труда стаяло, и съ тимсамсе доста дуго бавіо, доксамъ штогодъ башъ као полакъ крпежа добіо, кадсамъ мысліо, дасамъ већь погодіо, покваріосамъ две три, докле э една произишла, съ коимсамъ доволянъ быо. Напослѣдокъ произишлами э една доста добра. Найвећа тегота была э щитъ начинити, дасе спущати може. Распростреши нѣга то э лако было начинити, али кадга спустити и савити нисамъ могао, тога дакле небы никадъ другоячіе могао него свагда надъ главомъ носити, а то быти ніе могло.

Но преко свега, као штосамъ казао, напослѣдокъ довеосамъ едну опетъ у состоянїе. Ясамъ растегао на ню кожу съ длакомъ на полѣ извраћеномъ, тако да э она кишу као стрея и равно жегу солнца врло добро задержавала; и дасамъ я съ ніоме много лакше и угодніе у топлому времену, нежели предъ тимъ у хладному исходіо,

а кадъ ю требовао нисамъ, спустiосамъ ю и савiо, и подъ рукомъ носити могао.

Тако живiосамъ я сасвимъ удоволянъ; кадсе э душа моя оданьемъ воли Божiей совершено премирила, и я себе провидѣнiю аки истинной водительницы сасвимъ у руке предао. Ово э учинило, дасамъ я овако много болѣ живiо, нежели у содружеству други люди. Кадъ э мене кадкадъ жеља за содружествомъ человѣческимъ напала, то вопрошаваосамъ я самъ себе: небыли ова забава съ моима мыслима, и како штосамъ явно казати могао, съ творцемъ моимъ самимъ, съ воздиханiемъ и молитвомъ болѣ чинити было, нежели полно уживанѣ человѣческаго содружества у свѣту?

Послѣ овога сказати могу, да мене за цѣли *5 тѣ* година ништа чрезвичайно предсрело ніе. Живiосамъ свагда онимъ начиномъ, и на оному истому мѣсту како ц преѣе. Кромѣ мога годишнѣга дѣла пiрiнчъ и ечамъ сѣяти, и грожѣе сушити (отъ коихсамъ свагда толико оставiо, коликосамъ за едну годину требовао) окромъ овога мога годишнѣга дѣла говоримъ, и мога повседневнога съ пушкомъ исхода, было э мой главни посао себи чунъ начинити, когасамъ найпослѣ такожде и у состоянiе

довео.

довео. И копанѣмъ Канала *6 тѣ* стопа широко и *4 ри* дубоко дошаосамъ такожде до полъ *Англiйске* мiлѣ далеко, до малога ухода доле, штосе первога дотицало, кои э тако отвыше великъ было, ербо я найпре, као штобы учинити валяло, нисамъ промотрiо какоѣуга до воде донети, то мораосамга дакле, кадга вечь нити къ води до вуѣи, нити воду къ нѣму довести могао, онде оставити, гди э онъ и стаяо, аки бележку, дабы други кратъ паметнiи было. Као што э послѣ и было. Я нисамъ могао доиста выше никаково способно дрво къ тому добити, и такожде ради отдалѣнiя воду, као штосамъ казао, къ нѣму ближе довести, нежели полакъ *Англiйске* мiлѣ: а кадсамъ найпослѣ видѣо, дасе та ствар учинити може, то дакле нисамъ оставiо дѣло, акосамъ башъ и *2 ва* читава лѣта око тогъ бавеѣисе провео, то и труда никаковога жалiо нисамъ, ербоми э свагда надежда предъ очима трептала чунъ добити, у коемусе на море упустити могу.

Садъ э было дакле мой мали чунъ готовъ, али величина нѣгова нiесе могла башъ отнюдъ съ намѣренiемъ моимъ сравнити, коесамъ при правлѣню первога имао, то есть съ нимъ онамо къ твердой земли усу-

дитисе

диписе ноћи, до коесамъ 40 *тъ* міля путовати имао. Али да э чунъ мой къ оваковому намѣренію врло маленъ быо, тосамъ дакле престао отъ тога сасвимъ, и далѣ о томъ ништа немысліо. Но преко свега, кадсамъ я еданъ кратъ чунъ имао, то э дакле мое найближе намѣреніе было, свудъ унаоколо Аде у нѣму возатисе; ербо кадсамъ я већь еданъ кратъ съ друге стране Острова преко цѣлога предѣла путъ по преко учиніо, то пробудиласе откровенія, коясамъ на овому путешествію учиніо, врло велику желю у мени такожде и друге части Острова видѣти; а къ тому далѣ ништа требовао нисамъ него еданъ чунъ, когасамъ већь имао, да цѣлу пустиню обиђемъ.

Ко овому концу, и дабысамъ све врло мудро, и благоразсудно чинити могао, начиніосамъ на моему маломе чуну едну малу Капарку, и на ню платно (парусъ ядро) отъ нѣколико лаћарскога беза, когасамъ іоштъ доволно имао.

Послѣ какосамъ Капарку и платна начиніо и уредіо и съ чуномъ пробу учиніо, видѣосамъ, дасе врло добро пловити може. Затимъ начиніосамъ у моме чуну съ обадве стране клупе и сандучиће, дабы у ныма

ныма храну, барутъ, и друге нуждне вещи како отъ кише тако и отъ прсканя морскога суве сохраніо; а изъ нутра у чуну ископаосамъ еданъ узакъ али подугачакъ Олукъ, гдисамъ пушку мою метнути могао, такожде начиніосамъ и заклопацъ отозго, дабы ню свагда суву сохранити могао.

На стражнѣй части чуна усадіосамъ мою солнечну обрану равну каковомъ маломъ парусу башъ надъ главомъ моіомъ, дабы она аки солнца кровъ жегу солнечну отъ мене удержавати могла: и такосамъ свагда отъ времена до времена едно мало путешествіе по морю учиніо. Алисе никада нисамъ далеко на море упустіо, нити далеко отъ байра брега. Напослѣдокъ нисамъ могао я жели цѣли кругъ мога малога Кралѣвства видѣти дуже противо струи, и заключіосамъ дакле велико путешествіе свудъ унаоколо учинити. На тай конацъ уредіосамъ я Лађу мою обилно съ двѣма тестети сомунова отъ мога ечменога хлѣба (да рекнемъ пита ербосу тако танки были) еданъ земляни лонацъ пунъ пилава, сло отъ когасамъ я доста доволно и много грувао, полакъ козе, барутъ, и олово, таковихъ выше убити, и два она велика кабаша, коесамъ у Матроски сандуцы нашао.

Отъ

Отъ овихъ узеосамъ еданъ на нѣму лежати, а съ другимъ ,ноћусе покривати.

То э было 6 Ноемврїа у шестомъ лѣту мога царствованія — или робства, може чишапель узети какому драго, кадсамъ ово путешествіе предузео, и оно э траяло много више него штосамъ я мыслїо. Ербо ако бшъ Островъ у самъ себи верло великъ и ніе было, тосамъ я опетъ, кадсамъ отъ восточне стране дошао, велики отегъ камените Седре, коя э до две мілѣ далеко у море лежала нашао, нѣкое надъ водомъ нѣкое у води, и іошт къ тому еданъ прудъ, коя э едно полъ мілѣ сувъ было тако, дасамъ я далеко у море завестисе морао, дабы верхъ ове протеге обиѣи могао.

Кадсамъ ю первый крапъ усмотрїо, быосамъ већь у намѣренію мой путъ прекрати, ши, и опетъ натрагъ вратитисе, што знати нисамъ могао, колико̀е далеко то обилазенѣ мене принудити у море заѣи, а преко свега што нисамъ знао, какоћусе натрагъ вратити. Спустїосамъ дакле мачку, ербосамъ имао штогодъ таково, штосамъ отъ разбіени лаћарски чакли скрпїо, коесамъ на лаѣи нашао.

Кадсамъ већь чунъ добро утврдїо, узеосамъ мою пушку, и изишаосамъ на брегъ, гдисам-

гдисамсе на едно брдашце попео, отъ кудсамъ верхъ тай видѣти моѣи мыслїо, когасамъ отъ овудъ и видѣо, колико̀е великъ онъ было, и заключїосамъ усудитисе далѣ поѣи.

Гледаюѣи я съ овогъ брдашца на море, усмотрїосамъ едну живу, и доиста отъ више брзу рѣку, коя э къ востоку са свимъ близу онога верха текла. Ясамъ іошт на то већи позоръ имао, ербосамъ видѣо, дабы я чрезъ то врло лако погибели подложанъ быти могао; ербо ако я доћемъ у ову рѣку, то могу я лако силномъ хитрости нѣномъ далеко у море баченъ быти, и после више у состоянію не быти Островъ досягнути моѣи. И доиста дасе нисамъ преѣе на оно брдашце попео было, тобы башъ тако быти морало, ербо ова иста рѣка была э такожде и съ друге стране Острова, само нѣчто мало далѣ отъ брега. Видѣосамъ такожде, да э една велика супротъ текуща рѣка подъ брегомъ была, тако дасамсе я само у перву рѣку увести смео, другоячіебы абіе у противо текущу рѣку доѣи могао.

Овде остаосамъ три дана стоећи, ербо вѣтаръ ,(восточно южнѣ-восточно) дыхаше доста остро, и управіосе, да э онъ реченой рѣки управо на противъ было, и да э море врло страшно и жестоко о врхъ разбіялосе

бїялосе. Изъ ове причине небы дакле совѣтно за мене было, близу брега држатисе, и ради рѣке нисамсе смѣо оштудъ далеко удалити.

Трећи данъ у ютру кадсе већь вѣтръ преко ноћь утолїо быо, море опетъ тихо, и ясе усуди далѣ поћи. Али доиста могу я овде свимъ жестокимъ и неразсуднимъ золямъ за увѣщаніе служити, ербо едва штосамъ я до онога верха дошао, и едва за едну дужину чуна отъ брега, кадсамъ я себе на еданъ кратъ у великой дублини воде, у едной рѣки видѣо, башъ како даска отъ точка воденичногъ. Ова э тргнула мой чунъ съ таковомъ хитрости, да све штосамъ я чинити могао, ніе было у состоянію нѣга кодъ края рѣке удержати, него э она мене све далѣ и далѣ изъ напротивъ текуще рѣке, коями э съ леве руке лежала, отерала. Никакови вѣтръ не кренусе, конбыми помоћи могао, и све штосамъ я весломъ чинити могао, было э све суетни трудъ. Садъ већь држаосамъ себе за изгублѣна, ербо да э рѣка съ обадве стране Острова была, то знаосамъ я, да она после отдалѣнія нѣколико міля опетъ за едно или скупа доћи мора, и равно никакове могућности видѣо нисамъ какосе отъ тога уклонити имамъ. Видѣо нисамъ

нисамъ дакле предъ собомъ ништа друго нежели башъ извѣстну пропасть, не ради моря, ербо э оно доста тихо было, но глада ради.

Истина дасамъ едну корнячу тако велику на брегу нашао, као штосамъ ю дигнути могао, и нюсамъ у чунъ донео; имаосамъ такожде велики бокалъ (еданъ отъ мои земляни лонаца:) пунъ фришке воде; али штоми э све то помоћи могло, ако я на неизмерими *Океанъ* отеранъ будемъ, гдисамъ я башъ извѣстанъ быо найманѣ 1000 міля отъ брега далеко быти, гди нити острова нити какове постояне землѣ наћи будемъ.

И садъ башъ ямачно видѣосамъ, како э лако провидѣнію Божію было изъ бѣдногъ стаия каковога человѣка іоштъ неволніе учинити. Садъ погледаосамъ за моіомъ пустиніомъ, изостављнимъ островомъ као за найкраснімъ мѣстомъ у свѣту натрагъ, и све мое благополучіе, кое э икадъ сердце мое желити могло, было э то, опетъ онде быти моћи. Съ тепломъ желіомъ простреосамъ руке мое за нимъ: о благощастна пустыньо, повыкаосамъ изъ гласа, хоћулите кадгодъ више видѣти? о я неволно созданіе кудаћу доспѣти! — Садъ

баціо

бацiосамъ самъ себи неблагодарна своя самоумiя на очи, и дасамъ тако честократно на самоћно станѣ роптао; и што бысамъ зато дао, кадбсыамъ опетъ на оному брегу быти могао? то мы дакле никада истина качества нашега стања невидимо, докле годъ оно насъ о противочастiю неувѣри и никадъ оно, што уживамо, пристойно цѣнити незнамо, доклега годъ неизгубимо. Смущеніе, у коемусамъ быо, едвасе представити може, кадсамъ я себе отъ возлюблѣне пустынѣ мое, ербомысе тако чинило (скоро већь 2 мiлѣ у пространо море, безъ найманѣ надежде ни никадъ выше достигнути прогутана видѣо) ясамсе међу тимъ трудiо, коликосамъ годъ могао, и докле годъ крѣпости мое сасвимъ почерпане небыше, и держаосамъ чунъ мой врло сѣверу, то есть спроћу стране рѣке гди э она напротивъ текуща рѣка долазила, колико э годъ могуће было.

Напослѣдокъ около полдне, кадъ э солнце лiнiю прешло, учинимисе, да я нѣки малй вѣтрићь морски на лицу осети, кои э изъ юже юже-востока дошао. Овоме э опетъ малко охрабрило особито, кадъ послѣ едно поль сата сасвимъ угодни, и мирни вѣтрићь дыхати почео башъ у ово

време,

време быосамъ я већь у страшно отдаленiе отъ Острова дотеранъ, и кадбы наймани облакъ или тавно време међу тимъ дошло было, тобы я доиста сугубо изгублѣнъ быо, ербо я ни еднога Компаса собомъ узео нисамъ, и небысамъ, кадбысамъ већь еданъ кратъ Островъ изъ очiю избiо быо, никадъ знати могао, какоћусе къ нѣму опетъ управити моћи. Али кадъ време чисто изостаде, то исправiосамъ я опетъ Катарку мою, и растегнуо парусъ полно на таковой, и держаосамъ всегда, колико э годъ могуће было, сѣверо-страно, дабысамъ изъ рѣке изићи могао.

Башъ кадсамъ я Катарку и платна моя уредiо, усмотрiосамъ бистроћомъ воде, да гдигодъ скоро каково премѣненiе рѣке близу быти мора; ербо гди э рѣка нагло текла, была э вода мутна. Али кадсамъ видѣо, да э вода бистрiя была, тосамъ знао, да рѣка опада; и смотрiосамъ да море едно поль мiлѣ далеко къ востоку о нѣке Седре бiе. Ове камените Клiсе, као штосамъ я нашао, учинилесу, дасе рѣка опетъ на ныма раздѣлявала, и будући да э главна матица оттудъ выше южнѣ ишла, и Клiсу сѣверо-восточно стоящу оставляла, то э друга прошивности ради пећине напрагъ

узбiяла,

узбіяла, и учинила врло велику спроћурѣку, коя э сѣ великомъ силомъ опетъ сѣверозападнѣ натрагъ текла.

Тко овде знаде, што э то већь башъ на вѣшалной Лѣствицы стоящъ изъ ненада милость добити, или отъ разбойника, башъ кадсуга убити хотѣли, освобожденъ быти, илисе у каковой другой таковой крайнѣй и смертнѣй погибели находіо, само такови може себи отъ прилике предлогъ о величини мое садашнѣ радости, и какосамъ радостно я чунъ мой, у уходъ противотекуще рѣке управіо; и вѣтаръ іошть къ тому свагда фришакъ и угодань быо, и сѣ каковимсамъ увеселеніемъ я платно мое по нѣму растегнуо, и тако полнъ храбре радости предъ вѣтромъ и сѣ нагло текущимъ припливомъ пловіо.

Ова противотекуща рѣка донела э мене на едну нѣмецку мілю далеко на мой возвратителни путь управо спроћу Острова, али више него 2 *ве* мілѣ далѣ къ сѣверу, него што э сама рѣка была, коя э мене похитила была; и я дакле, кадсамсе къ Острову приближіо, нашаосамъ, дасамъ на сѣверной страни отъ нѣ, то есть къ страни управо на противъ быо, изъ кое-самъ найпре изишао.

Послѣ

Послѣ какосамъ я сѣ помощію ове противотекуще рѣке више нежели едну мілю пута учиніо, примѣтіосамъ да э она изчезнула и мени више далѣ ніе служила, такожде нашаосамъ, да међу онима двѣма великима рѣкама (то есть: на южной страни, коя э мене похитила и ономъ къ сѣверу, коя э преко 2 мілѣ на другой страни была) вода у западнѣй страни острова сасвимъ тиха была, и никакова вѣтра ніе имала, и дасамъ я свагда помало вѣтра предъ собомъ имао, то дакле держаосамсе и управляо свагда ко острову ако башъ чунъ онако брзо и ніе пловіо, како преће.

Около 4 сата предъ вече, кадсамъ я отъ прилике іошть едну мілю отъ острова удалѣнъ быо, видѣосамъ да верхъ пећине (клисе) коя э мене, ербосе она, како штосамъ казао, къ югу простирала, и рѣку іошть више южнѣ терала, тако далеко отъ острова удалила, іошть едну другу противотекущу рѣку подъ сѣверомъ чинила. Ова э была врло брза и яка, али не идяше онимъ путемъ управо, кудъ э мое теченіе было, кое э отъ части къ западу, а боля часть къ сѣверу была. И будући дасамъ я међу тимъ фришакъ вѣтаръ имао, управіосамъ и повезаосамъ упреко ове противотекуще рѣ-

ке сѣверно-западнѣ, и до полъ сата нисамъ
было далѣ, него само едно полъ мїлѣ отъ
брега удалѣнъ, гдисамъ я съ тихимъ моремъ
скоро са свимъ на суво изышао.

Какосамъ на брегъ ногомъ стао, паосамъ на колѣна доле, и съ твердимъ обѣщаніемъ Богу за спасеніе мое благодарїо, да нећу никадъ выше на то помыслити, дабы себе на моме чуну изъ тавнице мога Острова освободити хотѣо. Мало затимъ, доксамсе съ храномъ, коюсамъ имао, подкрѣпїо, увукаосамъ чунъ мой далеко на брегъ едне мале зачколыне, коюсамъ подъ нѣкима дрвећа нашао, и легаосамъ, ербосамъ отъ дѣла и путнаго труда сасвимъ малаксао было, спавати.

Алисамъ садъ опетъ у великой бриги было, како съ чуномъ моимъ опетъ кући доћи имамъ. На онай путъ, коимсамсе извезао, опетъ натрагъ вратитисе, на онай нисамъ могао по погибели коюсамъ претрпїо и коюсамъ я бѣдный добро знао, отнюдъ ни мыслити, а какобы на другой, то есть на западнѣй страни было, то знао нисамъ, а іошт къ тому волѣ нисмадо себе новимъ погибелемъ подлагати. Намыслїосамъ дакле сутра данъ подъ южну страну покрай брега проћи и разгледати, нећули гдигодъ

едну

едну зачколыну или заходъ наћи, гдибысамъ Фрегату мою (чунъ) у свободу донео, и кадбы э требовао опетъ лако при руцы имати могао. Ходећи я дакле до *3ри* мїлѣ тако по брегу, дошаосамъ дакле найпосле до едногъ лепогъ ухода или баира, кога наустіе едно полъ мїлѣ широко быти э могло, кое э обаче свагда уже башъ до едного малога поточића было, гдисамъ я еданъ врло лепъ конакъ за мой чунъ нашао, и гди э онъ тако исто безбѣдно како башъ у за то начинѣному лаћарскому убѣгу лежао. Овдесамсе увезао, и кадсамъ чунъ добро свезао и утвердїо, отишаосамъ на брегъ, дабысамъ видїо, гдисе находимъ.

Видѣосамъ дакле, да я отъ онога мѣста, нисамъ далеко, гдисамъ преће было, кадсамъ пешке на брегъ овай путовао. Предузеосамъ дакле путь мой, и нисамъ ништа изъ лаће кромѣ пушку и щитъ мой собомъ узео, ербое чрезвичайно топло было. Послѣ оваковога пута, когасамъ я учинїо, ходїосамъ іошт доста добро, и къ вечери найпослѣ опетъ дошао къ моей старой сѣницы, гдисамъ я іошт све онако нашао, какосамъ и оставїо; ербосамъ я ту све свагда у доброму порядку содержавао, зашто э она, као шпосамъ

казао,

казао, кѣ моему лѣтному мѣсту ради увеселенія опредѣлена была.

Овде прешаосамѣ преко плота, легаосамѣ у ладакѣ, дабы отпочивао (зашто-самѣ крайнѣ утрудженѣ быо:) и скоро за тимѣ заспао, али сваки кои повѣсть ову чита, нека себы страхѣ и ужасѣ представи, ако може, кадсамѣ я на еданѣ кратѣ отѣ сна мога нѣкимѣ гласомѣ пробужденѣ быо, кои э мене много кратн по имени викнуо: *Робїнѣ, Робїнѣ, Робїнѣ Круссе! ты сирото Робїнѣ Круссе, гдиси ты? гдиси ты быо?*

Крайнѣ утрудженѣ возніомѣ и весланѣмѣ перву половицу дана, и отѣ ходу другу, я у тако дубокѣ санѣ погруженѣ, дасе я отѣ нѣга сасвимѣ нисамѣ пробудіо, него мислю мѣшу сномѣ и будньомѣ у самѣ себи, я снивамѣ, да ткогодѣ самномѣ говори. Кадѣ гласѣ непреривно викаше: *Робїнѣ Круссе! Робїнѣ Круссе!* и повторителнo, то найпослѣ пробудіосамсе сасвимѣ отѣ сна и скочіо смертнимѣ ужасомѣ обятѣ отѣ мога ложа горе. Али едва щтосамѣ я очи мое отворіо, усмотріосамѣ я мога Пола горе на плоту сѣдяща, и познадега абіе, и да э то онай человѣкѣ, кои э самномѣ оворіо; ербосамѣ я башѣ овимѣ тужителнимѣ

телнимѣ говоромѣ обыкновено сѣ ныме говоріо и обучаваога. И онѣ э то тако совершено научіо, да э онѣ на мое прсе сѣо, и клюномѣ нѣговымѣ око образа мога умыляваосе, и све непреривно *Робїнѣ!* сирото *Робїнѣ Круссе!* гдиси ты? гдиси ты быо? отѣ кудси дошао! и тако далѣ, што э отѣ мене научіо, преклапао.

Несматраюћи нато акосамѣ я башѣ и абіе знао, да э то папагай быо, и доиста нитко други и быти ніе могао, то опетѣ прошло э доста дуго часа, доксамѣ я опетѣ право кѣ себи дошао. Зашто я перво знати нисамѣ могао, како э та птица овамо дошла, и како башѣ на ово а не на друго кое мѣсто. А кадсамѣ већь еданѣ кратѣ башѣ увѣренѣ быо, да то нитко другіи нежели мой любезный попѣ быти неможе, тосамсе я дакле абіе примиріо. Ясамѣ нѣму пружіо руку, и зовнуосамга именемѣ полу! онда э скочило и дошло то дружебно созданіе, сѣло на мой палацѣ и спрдало іоштѣ свагда: Сирото *Робїнѣ Круссе!* а какоси ты овамо дошао? и гдиси ты быо? башѣ тако, као дабы онѣ отѣ радости што э мене видіо, сасвимѣ раздраженѣ, и размаженѣ быо.

было. И такосамъ я нѣга опетъ собомъ кући узео.

Овако дуго време по морю блудећи имаосамъ дакле и многе дневе мирно сѣдити, и о погибели, у коіойсамъ было, разсуждавати. Истина дабы мы верло драго было, кадбысамъ чунъ мой на овой страни, гди живимъ, имати могао, али нисамъ знао какоћу то учинити. На восточной страни острова, коюсамъ я обилазіо, знаосамъ какое, и да могуће ніе, ербо кадсамъ я само на то помыслio, то трепеташе сердце у мени и кровь сва у жилахъ стаде; а како э съ друге стране Острова было, то знао нисамъ. Незнадо н: п: да рѣка съ онаковомъ истомъ хитрости къ восточному брегу течаше, како годъ што э и на другой страни поредъ нѣга ишла; тосамъ я еднакой погибели подложанъ было рѣкомъ доле отеранъ быти, као штосамъ преће отъ острова отеранъ было. Съ таковима мислима примиріосамсе я и безъ чуна быти, ако э онъ мене башъ и толико мѣсяцы и времена стаяо, доксамъ нѣга начиніо и іоштъ толико, доксамга на воду донео.

У овой душевной мысли пребываосамъ я скоро едну годину дуго, и живіосамъ тако

тако тихо и самоћно за себе; и будући да э душа моя въ смотреніи мога стања, и отдзніемъ воли Божіей укрѣплѣна и у тѣшена была, тосамсе дакле содержавао и я у свима вещма, кромѣ што нисамъ имао человѣческаго содружества, сасвимъ срећанъ и благополучанъ.

Међу тимъ предуспѣваосамъ я у свима Механическима художествы и занати, кое э мене нужда радити научила, свагда болѣ; и доиста мысліосамъ, дабысамъ у каковомъ нуждномъ случаю доста добаръ дунћеринъ быти могао, особито кадъ помыслимъ, какосамъ я мало халата имао.

Преко тога довеосамъ я у неожидаемо совершенство мое лончарство, и пошломи э доста добро съ еднимъ кружнимъ стаклетомъ, съ коимъ э мени све болѣ и лакше чинити было, садсамъ већь могао вещь какову округлу начити, и ніойзи порядочни видъ дати, ербо прећашны кое какви гадни крпежъ већь нисамъ могао самъ гледати. Али никадъ нисамъ съ моіомъ способности што годъ выше себи поволніе начиніо, и никадасе ни о едномъ моему изобретенію тако верло возрадовао нисамъ нежели о томъ, штосамъ већь у состоянію было себи едну лулу начинити. Истина,

на, она э была една верло ружна и несгратна вещь, кадъ э већь готова была, и само червена и као други лончарски хеспапъ ожежена; али кадъ э она доста тверда и димъ пущати могла, тосамсе я о томъ безпредѣлно возрадовао; ербосамъ я пушити было навыкао, и былое нѣколико лула на лаћи, изъ почетка заборавіосамъ на ны, ербо нисамъ знао дувана на острову наћи моћи, а кадсамъ послѣ опетъ ихъ тражіо, я выше никакови лула наћи.

Такожде и у моме занату кошаре и котарице плести дошаосамъ я доста далеко и начиніосамъ нуждни котарица множество, коликолими годъ моя сила изобретеня на руку дала; Истина да оне небыше верло лепе али доста алватне мое вещи у себи храниши, или штогодъ у нима куѣи донести. н: п: кадсамъ на полю козу убіо, могаосамъ ю на дрво обесити, одрести, расправити пакъ у комаде изсећи, и у моме кошару дома отнести, а тако исто и корняче. Могаосамъ ню разсећи, ясти и два тры комада меса што э за мене доста (отъ нѣ узети, то у кошару моме куѣи донести, а друго што э отъ выше оставити. Велики дубоки кошари

шари служилису мени житто у ныма хранити, коесамъ я, како э оно зрело было, отукао и осушіо, пакъ послѣ у велике кошаре на мѣсто амбара сасуо. Ясамъ примѣтіо, да већь и барутъ мой на манякъ иде, и ово э быо еданъ недостатокъ, кога я никоимъ начиномъ попунити могу. Я нисамъ знао о томъ башъ озбилски размышляваши почео, штобысамъ чинити имао, кадбы већь баруша мога нестало, то есть: какобысамъ кою козу убити могао. Ясамъ у трећему лѣту мога овде бытія, како штосамъ горе казао, младо яре добіо и нѣга питомо воспитао, такожде едногъ ярчића за мою упитомнѣну козицу добыши, али іошшъ никада до тога доћи нисамъ могао; докле годъ ніе отъ мога яреша стара коза была, и сердечно сожалѣніе мое ніеми ню допустило никада заклати, докле годъ она найпослѣ отъ саме дубоке старости сама ніе манкала. Кадсамъ я већь еданаесть година на овомъ острову провео, и барушъ мой почео исчезаваши, даклесамъ отомъ башъ озбилски мыслити почео козе узамке ваташи, особито быосамъ радъ едну стару носећу уватити.

На тай конацъ пометаосамъ я ныма замке, дабысе козе у ны запетляле; и билебысе

лебысе више него една у замку уваπиле; Али моя замка ніе была много вредна; ербо я живе (драта) неимадо и такосамъ свагда замку потергану и храну поедену нашао.

Напослѣдокъ намысліосамъ за паданъ яму (ровъ) ископати и съ тимъ искушеніе учинити. Ископаосамъ дугачке ровове у земли и на онакови мѣсти, гдисамъ знао, да козе обыкновено пасу. Верху ови ровова лѣсицу отъ фашина, коюсамъ самъ исплео, и на ню отъ озгорь едну тешку претегу метнуо, такожде кадъ кадъ разбацыо ечмене класе овде и онде, и то да небы замка пала, и онда могаосамъ ясно изъ нынога трага видѣти, дасу козе у нутра быле, и житто све изѣле, напослѣдокъ намѣстіосамъ три ловке у едной ноћи, и кадсамъ у ютру отишао да видимъ, нашаосамъ да іошть све стое, али намама (житто) сва оттудъ извучена была. Овоми э бодрость врло отузело: абіе премѣніосамъ и мою лову, и нашаосамъ съ едномъ речи, да еданъ кратъ у ютру у едной еднога старога ярца, и у другой три млада ярета едно мушко и двое женско.

Са старимъ нисамъ знао штоћу чинити, ербо э онъ тако дивіи и плашливъ быо,

дасе я несмедо усудити къ нѣму у яму ићи, дабыга жива оттудъ извукао, ербое то было, башъ штосамъ я имати хотео. Убитисамга врло лако могао, али э то противъ намѣренія мога было. Испустіосамга дакле радіе на полѣ, и онъ э отъ страха како бесанъ оттудъ побѣгао. Онда іошть нисамъ знао, штосамъ текарь после научіо, да гладъ и саме Лавове укрочава. Даму нисамъ само едно три четыри дана ништаести дао, нѣга онда къ води довео, и после мало жита дао, тобысе онъ тако исто, како и мои ярчићи питомъ учиніо, ербосу то врло обучаема и питома зверчадъ, кадъ тко съ ныма разумно поступити знаде.

Но преко свега ясамъ за садашни кратъ нѣга испустіо, заштосамъ іошть онда стварь болѣ разумѣвао; онда отишаосамъ къ онима малима, извукаосамъ едно за другимъ на полѣ, свезаосамъ ихъ съ уженцемъ заедно, и довеосамъ ихъ тако ако и не безъ труда кући.

Дуго э времена прошло, докле они ясти хотеше; али кадсамъ я ныма малко сладка жита дао, дадошесе съ тимъ къ елу раздражити, и стадоше питоми бывати. Садъ видѣосамъ, да кадъ већь нитыбы баруша ниши олова имао, и козіега меса има-

ПЕШКА БИБЛИОТЕКА

тибы хотео, никаковога другога средства ту ніе было, нежели нѣколико коза питомо воспитати, и онда бы ихъ доиста као едно стадо ована около куће мое имао.

Али э мени опетъ абіе на паметъ дошло, дабы такожде питоме отъ дивіи особито држати морао, иначе оне, кадбы отрастле, іоштъ свагда опетбы подивяле. Къ тому никаково друго средство ніе было, нежели ограђенъ еданъ комадъ землѣ съ прошћемъ и колѣмъ утвержденъ, да небы ове изнутра на полѣ, нити оне дивіе унутра продрети могле.

За еданъ паръ руку было э то доиста велико предвзяттіе, а кадсамъ видѣо, да то еданъ кратъ башъ нуждно быти мора, то э мой первый посао быо, къ тому способанъ еданъ комадъ землѣ изабрати, гди наимено стадо мое праву, воду, и заклонъ отъ солнца иматибы могло.

Они, коисе о таковима оградама разумѣваю, мениће̂ду врло мало мудрости приписати, дасамъ я као едно сва ова свойства имуће̂е мѣсто сасвимъ алватно равни комадъ ливаде или отаве (како што наши жителі у западной Індіи зову) избрао, на коему два или три извора фришке воде, и на едной странн доста велика и густа шума была. И грохотомъ хоће̂дусе о моему разуму смѣяти, кадъ имъ кажемъ, дасамъ я ограду овога парчета землѣ тако започео, да мой опъ прошћа и коля состоящи плотъ найманѣ 2 мілѣ унаоколо имати э морао. Пакъ іоштъ и ограда ніе была отъ цѣле ствари штогодъ найлуће, ербо акобы я ню и 10 міля велику начинити хотео, тобы я іоштъ свагда къ тому доволно времена имао: али у тому э свойственно луди поступакъ состаяо, да я промыслю нисамъ, да козе у овако пространному мѣсту тако исто дивіе быти мораю, како дабы и цѣлый Островъ предъ собомъ имале, и да я толико далеко за ныма терчати морамъ, и да ны никадъ ни едну стигнути немогу.

Но опетъ преко свега, то э доста паметно раћено было, и ясамъ живо предузео дѣло ово.

Моя ограда была э већ започета, и до 15 рифи далеко проведена, кадсу мене мысли ове на паметь дошле. Престаосамъ дакле абіе, и намыслiосамъ къ первому почетку еданъ комадъ землѣ отъ 150 кораклаи у дужину и 100 у ширину оградити, у коейће толико, како што я у нѣколико времена по прилицы имати, мѣста доста имати, и акосе умножи стадо мое, то

то могу я іошть свагда ограду мою распространити.

Но опеть преко свега то э доволно паметно рађено было, и ясамь живо предузео дѣло. Ясамь съ тимь три мѣсяца провео, докь э первый плотъ готовъ быо, пустіосамь она три ярета на найболѣй части, и даосамь имь близу около себе пасти, колико возможно было, дабы ихъ препитоміо. Такожде донесаосамь имъ многократно нѣколико ечмени класова, или едну шаку пиринча, и даосамь имъ изь руке ясти, и такосусе они препитомили, да они кадсамь и вечь съ оградомъ готовъ быо, и ны испустіо, замномъ горе и доле шетали, и само за едну шаку жита блекетали.

Тое башь было оно, штосамь я хотео, и за полъ трећу годину имаосамь я два туцета коза старе и младе за едно броећи, после две године имаосамь я вечь 43 козе, окромъ нѣкои, коесамъ изузео и за мою потребу заклао. Послѣ оградіосамъ различне комаде ныва за ныну пашу, тако съ прошћемъ ны унутра утеривати, гдису оне свагда изъ едне ограде у другу крозъ враташца ходиле.

Но и то іошть све ніе быо, ербо не само штосамь я козіега меса за ело доволно имао,

имао, него іошть и млека, една вещь о коей съ почетка воистину ни помыслio нисамь, и о коейсамсе я, кадми э на умъ пала, нѣкимъ верло радостнимъ образомъ чудіо, садъ мораосамъ млечарницу начинити, и имаосамъ многократно до 2: акова млека у еданъ данъ ако не выше.

И тако како што естество свако созданіе съ храномъ снабдѣва, и равно тако пристойно употребленіе отъ тога чинити учи, то исто дакле учиніосамъ и я, кой никада краве а іошть манѣ козе музао, или сирь, или младо масло правіо нисамъ, верло упутно и лепо, ако башъ и послѣ нѣколико несрећни проби, сирь и младо масло правіо, и после выше никадъ недостатка на томъ нисамъ имао.

Колико много добра и благодѣянія можетъ великіи создатель своимъ созданіямъ и у самому оваковому стаю учинити, гди они себе у крайнѣй нужди быти мысле! и како неможе онъ и найгорчайше посланіи нѣговихъ усладити, и нами причину дати нѣга башъ и у самой тавници и окову хвалити! И какова трапеза ніе овде у пустыни за мене уготована была, гди я съ почетка ништа друго него саму

погибель отъ глада умрети предъ собомъ видѣо нисамъ.

Еданъ натуралиста Стоïкусъ мораобысе смѣяти, кадбы онъ мене съ моïомъ маломъ фамілïомъ кодъ трапезе сѣдяща видѣо. Овде э перво сѣло, мое Величество, Князъ, и Господинъ цѣлога предѣла. Имаосамъ неограничну власть отъ смерти и живота свïю моихъ поданиковъ. Могаосамъ вѣшати, разтерзавати, животъ и свободу дати и узети, и нисамъ имао ни едного бунтовчика меѣу мои подданицы.

Садъ кадбы ткогодъ само видѣти могао, какосамъ кралѣвскій я обѣдовао сасвимъ особно моими стоящими служители окруженъ! Поль мой быо э первый любимацъ, кои самномъ говорити дозволеніе имадяше. Мой пасъ, кон э веѣнь доста старъ и немощанъ быо, и што себи подобнога пара ніе нашао, поколенѣ свое расплодити ніе могао, сѣдяше одесную мене, и две мачке, една на едномъ а друга на другомъ краю трапезе сѣдећи, вребалесу на онай ныма кадъ кадъ отъ мене бачени залогаяцъ аки на знакъ нѣке особне милости мое.

Ово нису быле веѣнь оне две перве мачке, коесамъ я найпре изъ лаѣе на суво донео,

донео; ербо обадвесу веѣнь манькале быле, и моими собственими руками близу обиталища мога погребене. Една отъ овихъ незнамъ коимъ образомъ и отъ какова зверчета добыла э младе, и отъ овихъ млади мачића двоесамъ припитомïо; а проче ходилесу као и дивïе по шуми и мени доиста найпослѣ на тяготу быле. Ербосу оне често у мой домъ долазиле и мене сасвимъ опустиле; докъ я найпослѣ принужденъ быо нисамъ ны потуѣи, коïомсамъ прилікомъ я ныно множество истребïо. Садсамсе освободïо отъ ови гостïю сасвимъ и само оне две за послугу мою удержао. У овой обилности живïосамъ я дакле тако, и содружество точïю было э само една вещь, о чемусамъ сказати могао, да э неимамъ, а и тогасамъ веѣнь скоро у кратко време много добïо быо.

За чуномъ моимъ имаосамъ веѣнь о давно, као штосамъ сказао, верло велику желю, ако э башъ мени сва желя и прошла была себе на таковому їоштъ далѣ погибелемъ отдавати. Ясамъ помышлявао опетъ кадъ кадъ на средства и путь, какобыга около острова овамо донети могао; а кадъ кадъ быосамъ я и безъ нѣга удоволянъ. Али преѣе мира имати ни-

самъ могао, докле годъ опетъ ко ономъ верху острова не отидо, гдисамсе кодъ мога послѣднѣга путованя на оно бердащце попео быо, дабы положеніе брега и качество рѣке видѣти, и послѣ себе по тому управляти могао. Овай немиръ умножаваосе сваки данъ кодъ мене, доксе напослѣдокъ склоніо нисамъ путь онамо сувимъ учинити, и то покрай брега; коесамъ такожде и учиніо. Али ткобы оваковога человѣка у *Англіи* гдигодъ сусрео, како штосамъ я быо, тайбысе морао полакъ мертавъ отъ страха уплашити или отъ смея прекинутисе. Ясамъ кадъ кадъ стао и себе разсмотріо, нисамсе могао отъ смѣха удержати, и кадсамъ помыслію, кадбысамъ у оваковому одѣянію крозъ сокакъ у *Іорхширу* прошао. Хоћели ткогодъ описаніе отъ онога вида у коемусамъ я онда быо? овде э дакле.

На глави имаосамъ велику незграпну капу отъ козіе коже съ напрагъ висящимъ заклопцемъ, съ коимъ како годъ солнце, тако и кишу отъ леђа хранити и удержавати могаосамъ, ербо подъ овомъ Небесномъ стрѣкомъ ни э ништа тако убиточно было, каок адъ э киша подъ халине на голо тѣло дошла.

Далѣ

Далѣ имаосамъ кратки перслукъ съ рукави отъ такове исте козіе коже, коими э башъ до полакъ колѣна висіо, и отъ такове исте матеріе чакшире отворене кодъ колѣна. Ове чакшире былесу отъ коже едногъ старога ярца начинѣне, отъ коесу длаке съ обадве стране толико дугачко висиле, дасу оне мени башъ као дугачке гаће до полакъ голени досязавле. Чарапа и цыпела имао ниеамъ; алисамъ опетъ штогодъ на подобіе цыпела начиніо, што самъ незнамъ, што э, или какоћуга назвати, тако отъ прилике као подплате, коесамъ преко ноге отъ озго преплести, и као яхаће чарапе стегнути и закопчати могао и кое э сасвимъ гнусно и гадно, као и све мое халине было.

Преко халина имаосамъ еданъ широкъ поясъ отъ суве козіе коже, когасамъ съ двима каишчићи отъ такове исте коже на мѣсто сапонца утврдіо и скопчао. За овимъ имаосамъ намѣсто саблѣ съ едне стране тестеру а съ друге сатару задевену, другій мало узши таковимъ истимъ начиномъ скопчани попругъ или упрта висящеми преко леђа, и на нѣму подъ левимъ раменомъ (пазухомъ,) две кесе обадве

две отъ козіе коже, отъ коихъ у едной барутъ а у другой олово стаяше.

На леѣи имаосамъ мой кошаръ, преко рамена пушку, и надъ главомъ велики незграпни, гадни козіекожни отъ кище щитъ, кои э мени тако исто као и пушка моя потребна вещь быо, коюсамъ кодъ себе имао. Штосе фарбе мое у лицу дотицало доиста верло церна, као што ніе была отъ еднога человѣка, кои такову ніе нинайманѣ чувао и подъ деветимъ до десетимъ степеномъ ліпе живіо, надаписе могло. Браду мою пустіосамъ кадъ кадъ читавъ четверть рифа нарастити; али кадсамъ бритава и маказа доволно имао, посамъ я ню подсѣкао досша кратко, кромѣ онога што э на горнѣй наустпицы растло, коесамъ я за еданъ паръ *махометанскій* мустаћа подсекао, као штосамъ у нѣки турака у Салеи видѣо; ербо само ови а не другіи смѣлису такове носити. Да э овай мустаћь кадъ кадъ тако великъ и дугачакъ быо, дасамъ на нѣга слободно шеширъ мой обѣсити могао, нећу ни да кажемъ, али э онъ у дужини и виду быо найманѣ тако верло великъ, дабысе у *Англіи* сватко отъ тогъ уплашіо.

Но све ово мимогредъ; ербо э видъ мой мало очію видѣло, да башъ зато ништа ніе

ніе было, какавъ я быо да быо. Дакле далѣ о томъ нећу ништа говорити, него дасамъ я у овой галли одѣянію мое ново путешествіе предузео, и *5 тъ* или *6 тъ* дана на путу быо. Ишаосамъ съ почетка по край брега у право къ оному мѣсту, гдисамъ чунъ мой найпре на мачки держао, дабысе на верхъ оне гудуре попео. А будући да за чунъ никакове бриге имао нисамъ, то дакле прекимъ путемъ преко сува управо къ оной высини, гдисамъ преће быо пошо, и кадсамъ вышеречене узвышене пећине верхъ видѣо, око коесамсе съ чуномъ моимъ обвести морао, зачудіосамсе отвыше, да э море совершено мирно и равно было; ербо ту башъ ни найманѣ уке, движенія, или рѣке, као на други мѣсти осетити небы.

Какоћу то себи понятно учинити, то знао нисамъ, и намыслiосамъ нѣкое време на то употребити ту вещь ближе и ясніе познати, и дабы видѣо, ніели препливъ, или отпливъ моря къ тому причина было. Ясамсе о томъ скоро увѣріо, како э то было, да э башъ препливъ, ербо э онъ отъ западнѣ стране, и съ нагло текућомъ водомъ едне велике рѣке кодъ Седрахъ соединяваосе, узрокъ ове велике рѣке быти э морао, и да, како што э

вѣпаръ

вѣтаръ яче изъ запада или сѣвера дыхао, ова рѣка или къ брегу приближитисе, или отъ нѣга удалитисе морала. Чекаюћи я овде башъ до предъ вече, попеосамсе опетъ на онай верхъ Клисе и видѣосамъ послѣ отплива ону рѣку сасвимъ ясно, као и преће, но само у већему одалѣнію, то есть скоро едно полъ мілѣ далеко отъ брега текућу; коя э обаче при моемъ путешествію сасвимъ покрай брега ревла, и мене съ чуномъ моимъ са собомъ похитила, кое она у друго кое време небы учинила была.

Ово э примѣчаніе увѣрило мене, да и само препливъ и отплив позорствовати потребуемъ, и чунъ мой сасвимъ мирно около Острова довести могу. Али кадсамъ я помыслію на то, да то у дѣло ставимъ, то э напао мене при упомени погибели, у коейсамъ было, такови страхъ, да и помысль ту терпити нисамъ могао; ясамъ о томъ други совѣтъ учинію, кои э много безбѣдніи, ако э онъ башъ и тежи было; себи іоштъ едънъ чунъ начинити, и на свакой страни по еданъ имати.

Садъ валя знати, дасамъ я садъ већ зданія на Острову имао. Едно э было мой мали градъ, съ зидомъ подъ пећиномъ окруженъ

женъ, и ямомъ или подрумомъ за собомъ, коюсамъ я у то време распространіо и у разна раздѣленія или подруме раздѣліо; едно отъ овыхъ раздѣленіяхъ, то есть найсувлѣ и найвеће, у коесу врата съ оне стране мое ограде, то есть гди э зидъ до пећине достизавао, ишла, было э све съ великима земляними лонцы, о коимасамъ казао, и съ 14 *тъ* или 15 *тъ* велики кошара напуњено, отъ коихъ сваки 5 или 6 кила у себи содержавати э могао, у коимасамъ я храну мою особито жито нѣколико класова кратко отъ сламе отсечени а другого рукама моима истрвено сохранявао.

Шипосе ограде мое достицало, та э како шипосамъ казао, отъ дугачки шачака и коля начињена была, коесе све послѣ у сталнa дрвета премѣнило, и шакосусе далеко и дебело разширили, да никаково око человѣческо, никакова обиталища за ньіомъ ниши видѣши, ниши мыслиши бы могло.

Не врло далеко отъ овога мога обиталища, али мало далѣ унутра, и на нискомъ мѣсту лежаласу моя два комада ныве; коесамъ я свагда лепо урађене и посѣяне содержавао, и коесу свагда трудъ и прилѣжаніе мое у време свое съ богатомъ жетвомъ платиле. Требовали я жита выше

ше, то имаосамъ и землѣ выше къ тому и тако исто добре као и ова.

Кромѣ овога имаосамъ такожде іошть едно лѣтно мѣсто увеселенія, и кое э такожде сасвимъ добру и цвѣтующу ограду имало. Ербо перво имаосамъ я ту мою малу благосѣнолиствену сѣницу, као штосамъ ю називао, око коесамъ я ограду, коя э ню окружавала, свагда у обикновеной висини содержавао; и лѣствица остаяше свагда унутра. Дрвета, коя съ почетка ништа далѣ него само тачке быше, а садъ већь тврдо и постояно нарастоше, подсѣкаосамъ свагда тако, дасусе она у многе, и аки дивіе сведено гране разширила, и какосамъ я башъ желіо, преизрядни сѣнь давала. Усреди нѣ стаяо э свагда шаторъ мой, кои э изъ еднога комада преко мотака разапетъ отъ парусовъ платна состояо, и коме я нужна поправленія чинити никадъ нисамъ изостављо. Подъ овимсамъ я себи креветъ отъ звѣровски кожа, и други мекани вещи начиніо, и едну перину, коя э пре наша лаћарска была, и коюсамъ я съ лаће донео, и іошть еданъ отъ они велики кабата отозго прострео, съ шимсе покривати; и овдесамъ я, колкосамъ годъ кратн отъ главнога мога обиш-

талища отсутствующъ быо, за мой увеселителни конакъ уредіо.

Не далеко оттудъ было э мое марве воспитаніе, то есть козе. И тако, као што э то мене неисказаногa труда стаяло овай комадъ землѣ затворити и оградити, тако исто имаосамъ я бригу то све у цѣлости содержавати, да небы козе нигди продрети могле, и я мира имао нисамъ, докле годъ съ неисказанимъ дѣломъ и трудомъ сву внѣшну страну плота съ толико много мали тачака, и тако густо едну до друге утвердіо, да э то выше тараба него плотъ была, и едва э толико мѣста изъ међу ны было, дабы человѣкъ руку унутра утиснути могао, кое э послѣ, кадсу тачке ове при первомъ кишномъ времену пробиле и прорастле, овасе ограда тако яка као еданъ зидъ или башъ іошть яча него икакавъ зидъ быти може, учинила.

Отъ овудъ видитисе може, да я нисамъ безпосленъ быо, и да никаковаго труда штедіо нисамъ све у состоянie довести, што э надежда и угожденіе мое изыскавало, ербосамъ я помыслio, да э гуля пипоме марве овако при руцы еданъ живи домъ имутка отъ меса, млека и масла за мене, докле

годъ

годѣ я на острову овоме живимъ, башъ акобы и 40 година дуго траяло, да я ню обаче свагда при руцы удержимъ, тосе башъ у томе состояло, да я плотъ или ограду тако тврдо начинимъ, да оне башъ све заедно стаяти мораю.

У овому предѣлу имаосамъ я такожде мой виноградъ, на когасамсе я особито ради мое зимнѣ хране, суварка ослоніо, и когасамъ я како найболи и найугодніи сладки залогаи отъ свію други за ело вещи врло попечително содержавао, ербо доиста ніе было онъ само изряданъ, него такожде и нѣкое лѣкарство крайнѣ здраво, сито и увеселяемо.

Ово э было башъ на полакъ пута меѣу моимъ постоянимъ обиталищемъ и онимъ мѣстомъ, гди э мой чунъ стаяо, овдесамъ свагда обыкновено, кадсамъ пуповао до мога чуна нѣкои часъ остао и отпочивао, ербосамъ чунъ мой врло прилѣжно походити обычествовао, и держаосамъ све што э къ нѣму принадлежало у добромъ порядку. Кадкадъ такожде и возіосамсе на нѣму увеселенія ради, алисамсе чувао отъ погибелногъ пута, и едва на две пустимице отъ брега далеко удалитисе смѣо, такосамъ устрашенъ я было, да небы рѣкомъ, вѣтромъ, или

дру-

другимъ каковимъ случаемъ, опетъ на пучину моря похищенъ быо. Садъ обаче долазимъ на нѣки нови поступокъ, или путъ мога живота.

Кадсамъ еданъ кратъ башъ около полъ дне къ моме чуну ишао, усмотріосамъ за велико чудо мое трагъ или стопу босе человѣческе ноге на брегу, коясе у песку башъ ясно и добро видѣти могла. Алисамъ я аки стрѣломъ пробіенъ, или како дабы какову аветъ или утвору видіо, стао овде, вребаосамъ и сматрао свудъ около себе, нисамъ могао обаче ни найманѣ штогодъ нити чути, нити видѣти. Попеосамсе на едно бердашце, дабы я далѣ што видѣти могао, пролазіосамъ по брегу горе и доле, али то ништа неползова, я немого никаковаго трага далѣ наћи, него овай еданъ. Отишаосамъ опетъ къ нѣму онамо, да видимъ, неимали онде іоштъ выше каковаго трага, илисамъ я можетъ быти само штогодъ привидѣо: алисе помыслити неможе, ербо э трагъ ноге быо свагда свойственъ видѣти, персти, пета, и све друге части едне босе ноге, али какое та овамо дошла, то нисамъ я знао, и нисамъ могао то себи никоимъ начиномъ представити. После неизброени разсѣянія мысли дошаосамъ найпосле како еданъ, кои

в сасвимъ смущенъ, или изванъ себе у мой градъ дома, неосећаваюћи землю подъ собомъ, по коейсамъ ходіо, него у крайнѣму страху и трепету, свака два корактяя освр-ћаосамсе натрагъ, уплашіосамсе отъ свакога кустрника и дрвета, и мысліосамъ сваки пань у одалѣнію, да э человѣкъ. Ніе можно описати, у коликое многоставними видови моя уплашена убавленія сила мени штосамъ годъ видѣо, представляла, коликое много дивіи предмѣта сваки часъ мене окружавало, и какова непонятна рѣдка страшилища мени путемъ идући на паметъ нису долазила.

Кадсамъ я къ моему граду (ербо такосамъ я нѣга после свагда называо,) дашао, отплетіосамъ у нѣга тако фришко, како дабы остратъ отъ кога теранъ быо. Ели преко лѣствице или на врапшца пећине уђо я у нутра, то ни до данасъ незнамъ, ербо съ већимъ сердечнимъ ужасомъ ніе могао никакови зецъ у свое ложе, никакова лисица у свою яму, како штосамъ я у ово мѣсто прибѣжища утекао.

Нисамъ могао цѣлу драгу ноћь спавати, ербо коликосамъ манѣ причине за страхъ имао, толикое већа была моя старость узрокъ къ тому имати. Чинимисе, да то про-

тиво-

тиворѣчно, противо обичая свію други твари быва, кадсе плаше и бое. Алисамъ я быо отъ моихъ собственныхъ представленія вещей тако уплашенъ, да я ништа друго него сама страшилища предъ очима видѣо нисамъ, башъ акосамъ отъ ныхъ и далеко удалѣнъ быо.

Кадъ кадъ помысліосамъ, да то мора башъ сами дяволъ быти; и паметъ стала э мене у овой мысли укрѣпляваши: ербо како бы штогодъ у человѣческому образу овамо доћи могло? гди э была та лађа, у коей э то овамо дошло? гди быше знацы отъ какове друге стопе? и како э могуће было да ткогодъ овамо доћи може? Али съ друге стране нисамъ могао себи башъ ішшъ манѣ представити, дабы сатана овде на едно мѣсто, къ чему онъ нинайманѣга повода ніе имао, видъ человѣческій на себе узети, дабы само стопу свою засобомъ оставіо, а то безъ намѣренія, ербо онъ и то знати ніе могао, хоћули я ню и видѣти моћи; онъ э могао сасвимъ другій путова доволно наћи, помысліосамъ я, мене уплашити нежели овомъ едномъ стопомъ. И дабы онъ тако лудъ быо знакъ на онаково мѣсто метнути, гди будући дасамъ я сасвимъ

на

на противо стоящей страни острова живио, свагда съ тысящомъ спроћу еднога окладитисе могао, да я ню никада видѣти нећу и іоштъ къ тому у песку, гди она при первомъ припливу моря точію мало дыхающимъ вѣтромъ могла э оплинута быти? то све чиняшесе съ вещи самомъ, и са свима онима поняшіяма, кое мы обыкновено о лукавству дивола имамо, сравнено не быти.

Такови коекакви причина паломи э іоштъ множество на умъ, напослѣдокъ да э то диволъ было, отъ свега страха освобо дисе; но ясамъ абіе съ шимъ готовъ совѣтъ учиніо, да э іоштъ то една страшніе создана вещь была, то есть еданъ отъ дивяковъ са суве землѣ спроћу мене быти морао, коису преко моря у нинымъ чунови возећисе или рѣкомъ, или противнимъ вѣтромъ похищени на ову пустыню бачени, и на брегу моралису быти, али опетъ на море отишли, ербо э ныма можетъ быти, ова пустыняя самоћность онако исто неповолна была, како што бы оны мени непріятни были.

Доксусе ове мысли по моей глави мутиле, благодаріосамъ я самъ у себи отъ сердца Богу, да я срећомъ башъ у оно

време

време онде было писамъ, или да оны чунъ мой видѣли нису, изъ чегабы дознати могли, да жителя на Острову имаде, и можетъ быши далѣ мене потражили были. За тимсу мене опетъ на ново мучиле мысли, кадбысу они башъ и чунъ мой, и да люди овде имаде, дознали, и случилобысе то, тобы они можетъ быти скоро и у већему числу опетъ доиста овамо дошли, и мене изѣли. Мећемъ случаи да башъ мене самога и небысу наћи могли, тобысу они опетъ мою ограду нашли све жито мое уничтожили, и мое цѣло стадо питоми коза отерали, то бы я дакле отъ глада опетъ найпосле погинути морао.

Тако дакле растерао э страхъ мой сву надежду, коюми э законъ дао. Исчезнуло э све оно прећашнѣ упованіе на Бога, коесе на овако чудесномъ искусству, коесамъ я отъ нѣгове благости имао, основавало: како да небы онай, кои э мене досадъ чудесно храніо, мени такожде власти своіомъ имутакъ мой сохранити могао, кога э мени благость нѣгова даривала, садъ чиніосамъ самъ себи угризенія о моей угодности, да преко године жита выше сѣяти нисамъ хотео, него башъ коликосамъ до найближнѣга времена нуждно имао, и како да небы никакови случаи мећу

шимъ дошао, и мене уживаня онога, кое э у земли лишити могао. И ову укоризнь держаосамъ башъ за достойну, дасамъ твердо намыслїо у напредакъ на две или три године имутакъ ране скупити, да небы у случаю недостаткомъ хлѣба, умрети морао.

Какосу рѣдко случаи у животу человѣческомъ смѣшани. И каковими тайними и разними источницы несставляюсе желѣ у движенїя, и свудъ обтекаваю, какосе садашня обстоятелства премѣне, данасъ оно любимо, на што сутра мрзимо, данасъ тражимо оно, одашта сутра бѣжимо, и башъ одашта стрепимо, кадъ само помыслимо могућность, дасе э то случити могло. Чуданъ примѣръ отъ овога можемо привести, быосамъ я онда, ербо я, кога э една точїю брига была, дасамъ я отъ цѣлаго человѣческаго содружества себе изгнана быти мыслїо, сасвимъ самоћанъ, и безъ предѣлнимъ Океаномъ (моремъ) отъ цѣлаго человѣческаго рода отсѣченъ, и у нѣку сасвимъ смертну тихость изгнанъ быо, дасамъ я само еданъ быо, кога э Небо за недостойна держало, мећу живе причислити, или по мећу други свои созданїи явитисе нѣму ніе дало, да взоръ еднога точїю мое врсте мени Воскресенїе отъ смерти къ животу и найвеће благополучїе быти чиняшесе, кое кромѣ вѣчнаго блаженства мени нитко други него самое Небо дароваги може, я говоримъ, мораосамъ садъ дрктати и трепетати отъ самога страха каковаго человѣка видѣти, и мало нисамъ отъ самаго сѣна или тихаго привидѣнїя человѣческе стопе отъ страха бѣжећи у землю пропао.

Тако э мало станѣ живота человѣческаго само себи равно, и ово э дало мени послѣ, кадсамсе опетъ отъ первога страха подкрѣпїо, къ многимъ особнимъ поводъ. Разсуждаваосамъ, да э ово станѣ живота къ коему э мене безконечна мудрость и благость провидѣнїя Божїя опредѣлила, и да я предвѣдити немого, какова Божїя премудрость при свему овому намѣренїя имаде, то дакле я спроћу нѣгове верховне власти роптати нисамъ смѣо, ербо онъ верху мене и созданїя свога неограничнo владати и управляти невоспятственно право имаде, и такожде мене аки созданїе, кое э нѣга увредило, къ свакой казни, кою годъ соизволи, своїомъ власти судейскомъ осудити може; мени надлежи дакле гнѣвъ нѣговъ радостно сносити, ербосамъ нѣму согрѣшїо.

Такожде далѣ помыслїосамъ, да Богъ не само што э праведанъ, но іошть и всемо-

гуће, онако како што онѣ произволи мене наказати и оскорбѣти, мене такожде спасти, и отъ свега зла освобдити може, и кадъ што небы света нѣгова воля была, то бы дакле безъ распрѣ дужность моя была себе сасвимъ и безъ свакога противорѣчія воли нѣговой подложити, съ друге стране былабы такожде дужность моя на нѣга упованіе имати, и нѣмусе молити, и мирно изговорѣ нѣговога осужденія, и управленіе нѣговога провидѣнія очекивати.

Ове мысли упражнявалесу мене многе часе, дневе, могу казати и цѣле Недѣле и мѣсеце. Нѣкое особное дѣйство таковыхъ не могу овде премолчати. Кадсамъ еданъ кратъ уютру рано їоштъ у моме кревету лежао, и пунъ мысли о погибели ради ожидаеми дивяка быо, коесу мене крайнѣ узнемириле; дошоши на еданъ кратъ ове речи изъ свештога писма на паметъ: *Позовиме, хадси у нужди, ѣћуте избавити, а ти да имашъ мене прославляти.*

Кадсамъ зашимъ радостно изъ кревета мога устао, осѣтіосамъ, да не само што э сердце мое утѣшено, него іоштъ себе возбуждена и весела Бога искренѣ за спасеніе молити. Кадсамъ молитву мою совершіо, узеосамъ мою Библію, и перве речи,

кадсамъ ю расклопіо, коесу мени у очи пале, бяху: *Потерли на Гослода! утѣшавайсе, и не отчаявай и потерли на Гослода!* Какосу ове речи мене утѣшиле, тосе речма исказати неможе. Оставіосамъ послѣ книгу съ нѣкомъ внутреномъ благодарности и нисамъ быо выше смутанъ, а найманѣ о дивяцы.

Башъ у средъ ови мысли утѣсненія и размышленія паломи э еданъ кратъ на умъ, да э то мое собствено замышлѣнѣ и мечтаніе, и ова стопа ништа друго ніе, нежели трагъ мое собствене ноге была, кадсамъ изъ чуна мога на брегъ изишао. Такожде и овоме малко охрабрило, и я почеосамъ себе надговарати, да э то башъ ямачна превара, и то доиста ништа друго ніе, него моя собственна стопа, ербо зашто небы я могао овимъ истимъ путемъ къ чуну нѣи, како штосамъ и отъ нѣга ишао? Помыслiосамъ, да башъ извѣстно выше казати немогу, кудсамъ ходіо и кудъ нисамъ ходіо, и былабы доиста то моя собственна стопа, тобы я дакле тако учиніо быо, како простацы отъ аветиня и привидѣнія повѣсти чине, и послесе выше самъ, него сви други отъ ны бояо.

Садсамъ почео опетъ сердце вооружавати и храбритисе, ербо цѣла три дана и з.

ноћи

ноћи изъ града мога нисамъ изишао, тако дасамъ я већь започео ради недостатка хране гладовати, ербо кромѣ нѣколико ечмены пита и воде нисамъ имао скоро выше ништа кодъ куће. Садъ э было време, да и козе мое мусти морамъ, кое э обыкновенно моя вечерня забава была, и ова сиротна марва стаяла э врло зло, кадъ э то изостало, и многима такожде изъ међу ны тако верло штету учинило, дасу оне скоро многе отъ млека засушиле.

Охрабренъ дакле овимъ увѣренїемъ да то ніе ништа друго, него моя собственна стопа была, (тако дасамъ башъ истино рећи могао, дасамсе отъ собственнога мога сѣна уплашіо.) почеосамъ опетъ свуда ходити, къ моему лѣтному мѣсту увеселенія исходити, и стадо мое мусти. Али само кадбы тко видѣти могао, съ каковимсамъ страхомъ напредъ поступао, коликосамсе крати натрагъ обратіо, коликосамъ крани хотео кошаръ мой бацыти, и штогодбы болѣ могао бѣжати, то бы тай доиста мыслити морао, да мене или зла совѣсть тера, или я у кратко предъ тимъ мораосамъ кавови врло велики страхъ претерпѣти, кое а башъ и истина была.

Но

Но преко свега послѣ какосамъ я два или три дана онамо ходіо, и ништа нисамъ видѣо, тосамъ я већь почео опетъ свободни бывати и мыслити, да доиста отъ те цѣле вещи ништа друго ніе было, него само едно мечтаніе. Али я іоштъ нисамъ могао себе о томъ сасвимъ увѣрити, докъ опетъ на брегъ не отидо, ову стопу іоштъ еданъ кратъ добро разсмотраваюћи, по моей ноги мѣреће и гледаюћи, хоћели она ноги моей совершено равна и умѣрена быти, дабы вѣровати могао, да э то моя башъ собственна стопа; кадсамъ већь на брегъ дошао, тосе абіе перво очевидно показало, да кадсамъ я съ чуномъ моимъ овамо дошао, никоимъ начиномъ ніе было могуће, дасамъ я на овомъ комаду землѣ быти могао, друго: кадсамъ ногу мою спроћу оне стопе измѣріо, нашаосамъ, да э нога моя отъ стопе доста по добру часть маня была. Ова обадва примѣчанія напуниласу опетъ главу мою пуну нови замышлѣнія, и мучимога терзаня тако, дасамъ я отъ хладности како грозничавъ зуби цвокотао, и тако сасвимъ увѣренъ кући поспѣшіо, моралису дакле еданъ или выше люди на брегу быти или можетъ быти, дае башъ самъ Островъ гдигодъ поселѣнъ, могаосамъ дакле прће, него штосамсе надао,

напа-

нападенъ быти, и како за свободу мою старатисе имамъ, нисамъ знао.

Каковимъ посмѣтелнимъ поступкомъ може страхъ человѣка развратити, онъ лиши нѣга употребленія онога средства, коему иначе паметь за помоћь нѣгову даетъ. Прво штосамъ предузео, былое мою ограду срушити, и сву мою питому марву у шуму испустити, да ю непріятель небы нашао, и после у надежди оваковаго или подобнаго добитка често Островъ посѣщавао, после дошаосамъ на тай луди помысль мое обадве ныве раскопати, да небысу они жита нашли, съ тимъ раздражени небысу често на Островъ долазили, онда хотеосамъ сѣницу и шаторъ мой покварити, да небысу никаковаго трага или знака каковаго обиталища видѣли, и съ тимъ побуждени небыли далѣ што, и обитателя тражили,

Овосу быле мысли, коесу мене перву ноћь узнемириле, кадсамъ већь кући дошао, и іоштъ сасвимъ фришка уселенія страха и ужаса главу мою забунила была. Тако свагда обычествуетъ страхъ отъ какове погибели тысящу кратн ужасніи быти, неголи башъ погибель сама, кадъ ю предъ очима видимо, и іоштъ теже товари намъ бреме ужаса, нежели оно зло, збогъ когасмо

у

у страху. А што э чемерніе было, нежели све друго, было э ово: да я у овому неспокойству нисамъ ушѣху отъ мога досадашнѣга преданства воли Божіей имао, на коюсамсе надати имао. Помысліосамъ како *Саулъ*, кои не само о томъ тужаше, дасу *Філіштіани* на нѣга дошли, него іоштъ дага э и Богъ изоставіо. Ясамъ почео дакле духъ мой укрѣпляваши неправилна средства Бога у нужди моей призывати, и себе на нѣгово провидѣніе всмотреніи мога страха и избавленія ослонити, како штосамъ други кратъ у оваковомъ случаю учиніо, ербо кадбы я то быо учиніо, тобы я кодъ овога новога страха радостніи и дерзновеніи быо, али овако быосамъ све бодрости сасвимъ лишенъ.

Ово смущеніе мысли нїеми дало цѣлу ноћь очи затворити. Уютру обаче заспаосамъ мало, и спаваосамъ такожде сасвимъ утрудженъ и малаксао врло добро, и пробудіосамсе много спокойніи него икадъ преће. И садъ почеосамъ я ту ствар тише разсмотравати, и съ крайніомъ распромъ са самъ собомъ учиніосамъ напослѣдокъ совѣтъ: да овай островъ, кои э овако чрезвычайно красанъ, плодоносанъ, и недалеко отъ суве и постояне землѣ удалѣнъ быо, како штосамъ примѣтіо, не башъ овако сасвимъ

сасвимъ пустъ быти не може, како штосе чини, и да кадъ небы овде стални обитателя было, тосу могли опетъ кадъ кадъ чунови или съ намѣреніемъ или противними вѣтри доперани отъ иностранн брегова овамо доћи.

У 15 година коесамъ я овде живіо, нисамъ доиста никадъ нинайманѣ сѣнке каковога человѣка овде видѣо: и акосу кой кадъ кадъ случайно бачени были, тосу они опетъ отъ овудъ отићи морали, какосу скоріе могли, ербо досадъ, како штосамъ я видѣо, никакомусе овде окућити допало ніе.

То, отъ чегасамсе я найвеће какове погибели страшіо, былобы едно таково случайно пришествіе скитаюћисе люди отъ стални землѣ, кой кадбысу овамо бачени и доперани были, то бысу они безъ сумнѣ противо ныне волѣ овде были, и безъ дугога задержаня овде хитно опетъ отишли, и не башъ тако лако ни едну ноћь овде на брегу изостали, да небысу помоћи приплива или отплива и свѣтлости днева при ныномъ натрагъ возвращенію лишени были. Дакле я далѣ ништа чинити небы имао, нежели едно свободно мѣс-

мѣсто прибѣжища тражити, кадбы я какове дивяке овде доћи видѣо.

Садсамсе раскаяо врло, дасамъ подрумъ мой тако пространо и дубоко ископао, и дасу врата, како штосамъ казао, на другой страни была, гди э зидъ мой до пећине досязао. Кадсамъ то зрѣло разсудіо, намыслiосамъ іошть единъ вторый градъ у оваковомъ полукружному виду у нѣкоему отдалѣнію управо отъ мога зида начинити, гдисамъ преће 12: година двояки редъ дрвета насадіо, а будући дасу ова дрвета и онако густо посаћена была, то небы потребно далѣ ништа было, него дасе међу ны неколико панѣва натушка и заглави, дабы то іошть гушће и яче было, такобы дакле моя ограда готова была.

Дакле на овай начинъ имаосамъ я сугуби зидъ или ограду, и крайни быо э съ дунћерскимъ дрвети съ старима отъ лаће ужети и сасвимъ, штосамъ годъ измыслити могао, нѣга яка начинити, крѣпко утвержденъ; и у нѣму имаосамъ 7: мали рупа, не већи него као штосамъ руку мою крозъ ны провући могао. Изнутра начиніосамъ зидъ овай до 10: стопа дебео, и къ чемусамъ непрестано землю изъ мога подрума износіо, коюсамъ чело зида бацао, и

тврдо

тврдо угазіо. Крозъ ови 7 м̀ рупа хотеосамъ я они 7 м̀ пушака намѣстити, коесамъ, како штосамъ казао, изъ лађе на суво донео. Ове, како штосамъ рекао, као топове намѣстіосамъ, и начиніо подметке за ны, како што валя, гдису оне башъ како на точкови стаяле, и башъ тако, дасамъ ихъ за 2 минута све 7 м̀ опалити могао. Правећи ограду ову провеосамъ я много горки мѣсяцы преће него штосамъ съ ныомъ готовъ быо, и опетъ нисамъ држао себе ни еднога магновенія ока за безбѣднога, докле годъ ню у совершено состояніе нисамъ довео.

Кадсамъ съ тимъ готовъ быо, посадіосамъ цѣло полѣ изванъ зида мога тако густо съ тачкама и дебелимъ мошкама отъ дрвета, кое э тако добро нарастло, како годъ што э едно до другога стаяти могло, ербосамъ я такови тачака слободно до 20000. у землю ударіо. Но опетъ међу нима, и моимъ зидомъ доста велико и пространо мѣсто оставіо, дабы непріятелѣ мое видѣти могао, и они никакова заслона отъ младе шуме небысу имати могли, акобысе усудили къ зиду приближити.

И

И тако имаосамъ у времену отъ 2: године врло дебео садъ, и у 5: или 6 година башъ совершену шуму предъ обиталищемъ моимъ тако страшно дебелу и яку, да э она доиста непроходна была, и никому небы на умъ пало да и за нѣ іоштъ штогодъ имаде, а камоли каково станѣ да има. Штосе пута дотицало, коимѣу я самъ на полѣ и унутра исходити, (ербо ухода нигди нисамъ оставіо:) потребовао-осамъ дакле къ тому 2: лѣствице. Едну отъ ови на пећину, гди э она сниска была, наслоніо, и унутра уходіо, на коюсамъ ону другу наслонити могао, тако дакле, кадсу обадве лѣствице снимлѣне и уклонѣне быле, ни една жива душа, да небы вратъ сломила, доле къ мени доћи могла небы, а кадбысе и то учинити могло, тобы текаръ іоштъ свагда отъ внѣшне стране зида мога было.

Овимъ начиномъ предузеосамъ дакле сва средства, коями э годъ человѣческа мудрость икада къ моему храненію дати могла; и у слѣдству хоћесе видити, да она башъ сасвимъ безъ причине и нису была; ако я башъ іоштъ онда и провидѣти нисамъ могао, него само оно штоми э самій страхъ проузроковао.

Съ

Съ тимъ себе упражняваюћи непренебрегаваосамъ такожде и друга дѣла моя притомъ. Главно обаче мой мали чопоръ коза лежао э мени верло тежакъ на сердцу. Оне мени нису само у сви способи къ моей нужди служиле, него ми іошћъ барутъ, олово и прудъ заклоняше дивіе ловити и тражити, чегасамсе ны имаюћи свагда обићи могао. Ове прекрасне ползе и користи нисамъ радъ быо изгубити, и послѣ опетъ сасвимъ нове воспиташати.

Али ны сачуваши текаръ послѣ долгаго размышлѣнія едвасамъ два средства изнашао. Едно э то было гдигодъ на другомъ мѣсту алваћну яму у земли ископати и ны сваку ноћь у ню сатерати; а друго; нѣколико комада землѣ у нѣкоему отдалѣнію едно отъ другога и тако закривено, како што бы могуће было, оградити, отъ коихъ у свакому баремъ по полакъ туцета коза сачуваши бы могао, тако: да, акобы башъ цѣло мое стадо несрећа какова постигла, я опетъ у состоянію быши бы могао себи такове съ малимъ трудомъ и временомъ опетъ воспиташати, ако э то башъ и много времена и дѣла стаяло, ово послѣднѣ средство чиняшесе наймудріе быши.

Послѣ

Послѣ тога потражіосамъ дакле нѣкое време у отдалѣнимъ частемъ острова едно къ тому способно мѣсто, и найпослѣ нашаосамга, и кое э тако закривено было, као штосамъ я и кадъ желити могао. Ово э было едно мало парче влажне землѣ у средъ нѣке просѣлине и дебеле шуме, гдисамъ я идући изъ восточне стране острова башъ скоро забасао быо. Овде нашаосамъ едно чисто парче землѣ, до 3: јутра велико, и тако свудъ унаоколо съ шумомъ окружено, да э оно башъ скоро сасвимъ естествено (нравно) ограђено было; найманѣ нисамъ требовао овде ни полакъ посла употребити, кои э мене кодъ каковогъ другогъ предмѣта доста горко стаяо.

Ясамъ дакле абіе дѣло предузео, и преће мѣсяцъ дана оградіосамъ то свудъ унаоколо тако, дасамъ мое стадо, кое веће ніе было выше онако дивячно како преће у ову ограду сасвимъ слободно утерати могао. Я дакле незакосняваюћи довеосамъ две козе и два ярца, и упустіосамъ ихъ у нутра, и плотъ іошћъ свагда совершеніи и ячи правіо, докле годъ нѣга напослѣдокъ тако добро нисамъ утвердіо, какогодъ штосамъ и друге

начи-

начинiо, али къ тому много выше времена узео, и много дуже пословао.

Све ово дѣло предузеосамъ я изъ самога страха сбогъ оне человѣческе стопе, коюсамъ видѣо, ербо iошть и досадъ нисамъ ни еднога человѣческаго создања къ Острову идућа видѣо, и шакосамъ већь две године у овому неспокойству живiо, и кое э доиста животъ мой много ужасніе чинило, нежели што э онъ преће быо, и кое доиста сваки знати може, кои знаде штосе то зове непрестано у замки человѣческаго страха живѣти.

Iошть и кромѣ тога жалостно исповѣдити морамъ, да э мое душевно неспокойство такожде моему благоговѣйнству врло убиточно было. Ербо страхъ и трепетъ дивакомъ и человѣкоядцемъ у руке пасти већь э мене скоро надвладао быо, дасамсе я рѣдко у пристойномъ покою нашао, къ творцу моему прибѣгнути, а найманъ не съ онакомъ нѣкомъ спокойномъ тихостiю и понизностiю, као што э иначе обикновено было. Молiосамъ Бога као у великой жалости и утѣсненiю, башъ као дабы непрестано съ погибелiю каковомъ окруженъ быо, и мораосамъ сваку ноћь очекивати iошть преће сванућа убiенъ и изѣденъ быши. И овде изъ мога

мога собственаго искусства примѣтити морамъ, да э человѣкъ съ полнимъ сердцемъ покоя, благодарности, любови и склоности много способнiи къ молитви, него када э полнъ страха и немира, и да подъ непрестанимъ страхомъ близу предстояще несреће тако исто мало дужность свою радостно Богу молећисе исполнити, како годъ и на смертномъ кревету покаяніе учинити може.

Али садъ далѣ. Послѣ какосамъ овимъ начиномъ едну часть мога малога стада у свободу и безбѣдность довео, проходiосамъ дакле свудъ по цѣлому острову, дабы iошть едно оваково мѣсто за мое остале козе наћи могао. Кадсамъ овомъ приликомъ выше къ западнѣму верху острова дошао, и далѣ него штосамъ икадъ преће дошао, и къ мору горе погледао, учинимисе, да у нѣкоему великому отдалѣнiю чунъ на морю видимъ. Ясамъ у сандуцы напроски, коесамъ изъ лаће избавiо, нѣколико пусула нашао, али ихъ кодъ себе неимадо, и вещь, коюсамъ я усмотрiо, была э тако далеко удалѣна, да я нисамъ знао, штоћу свойствено отъ тога мыслити, башъ акосамъ толико дуго непренући за ньомъ и гледао, колико годъ дуго очи мое

у одер-

одержати могоше. Ели доиста чунъ было или не, сказати немогу; а кадсамъ съ брда сишао, нисамъ могао выше о томъ ништа видѣти, и такосамъ то дакле оставіо, само намисліосамъ то выше никада безъ пусула на полѣ исходити.

Кадсамъ съ брда на край острова дошао, гди доиста преће тога никадъ было нисамъ, быосамъ абіе совершено увѣренъ, да то никакова рѣдка ствар ніе была, као штосамъ я себи вообразіо человѣческу стопу на острову видѣти; и кадъ я особнимъ провидѣніемъ Божіимъ не бы на ону страну острова на брегъ баченъ было, тобы я скоро искусити морао, да ништа обыкновеніе ніе; него да чунови дивяковъ отъ сталне землѣ, кадъ мало далѣ у море заћу, на овой страни острова стану и пристанище тражу, и дасе они многократно на морю сусретну, и съ нынима чунови едни спроћу другіи біюсе, то обычествую побѣдители свое робове овамо на брегъ доносити, гди они ны по своему ужасному обычаю (ербосу сви человѣкоядцы) убіютъ и поядутъ; алиће отомъ далѣ у слѣдству сказати.

Кадсамъ већь, као штосамъ казао, съ брда на брегъ доле дошао, кои э юже источна

сточна страна верха было, абіесамъ отъ чуда и ужаса изванъ себе было. Неможесе никоимъ начиномъ страхъ душе мое представити, кадсамъ я цѣлый брегъ съ мертвими главами, руками, ногами, и членми и костми человѣческога тѣла покривенъ видѣо. Особито смотріосамъ едно мѣсто, гди э ватра наложена, и кругъ у земли обкопанъ было, гдису безъ сумнѣ ови безчеловѣчніи и гнусніи дивяцы на ныни безчеловѣчніи пирови тѣлеса своихъ сочеловѣковъ изѣли.

Ясамъ на ово позорище тако ужасненъ было, да я на погибель, отъ коесамсе самъ бояти имао, нимало помыслію нисамъ; само помысль отъ ове безчеловѣчне, и башъ пакленске гнусности, и ужасъ о овакової неваляности человѣческогъ естества прогутаоми э све друге мысли, башъ акосамъ я често што годъ о томъ и говорећи чуо, но кодъ вещи саме іошъ никадъ тако близу нисамъ было. Кратко, отвратіосамъ лице мое отъ овога гнуснога позорища, и абіе быломи э зло, и хотеосамъ скоро у несвестицу пасти, кадъ небы наравъ наглимъ блюванѣмъ къ тому помогла была, истина съ шимсамсе окрѣпіо мало, но ни едногъ часа дуже терпѣти нисамъ

могао далѣ на овому мѣсту задержатисе, пошаосамъ дакле штосамъ брже мого; опетъ преко брда горе, и послѣ къ моему обиталищу.

Кадсамсе изъ овога предѣла нѣчто мало удаліо, стаосамъ нѣко време сасвимъ устрашенъ стоящъ; послѣ какосамъ мало къ себи дошао, погледаосамъ съ внутренимъ побужденіемъ душе мое и съ плачущима очима къ Небу и благодаріосамъ Богу, дасе онъ мени у онаковой части свѣта родити дао ни э, гди я отъ такови страшни созданія преимущество имамъ, и да онъ мени, акосамъ я башъ мое садашнѣ станѣ и за крайнѣ неволно держао, опетъ мени у нѣму много благо дао, да више повода нѣму благодарити, нежели тужитисе имамъ, особито дасамъ я у овомъ бѣдномъ стању нѣговимъ признаніемъ, и надеждомъ милости нѣгове обдаренъ био. Едно блаженство, кое сву бѣду, коюсамъ я досадъ претерпіо, или іоштъ терпѣти могу, више нежели богато попунява.

У оваковомъ благодарномъ душевномъ укрѣпленію пошаосамъ я опетъ у мой градъ натрагъ, и почеосамъ ради безбѣдности мое много спокойніи бывати, нежели штосамъ икадъ прѣе био: Ербосамъ

я примѣтіо, да ови безчеловѣчницы никадъ у таковомъ намѣренію на ову самоћность недолазе, дабысу они што годъ овде за себе тражили; ербо може быти, да они ништа требовали, и такожде овде ништа наћи надалисе нису, и былису безъ сумнѣ много крати овде, у оныма съ шумомъ покривеними предѣли неналазећи нинайманѣга, чега бы они требовали, знаосамъ, дасамъ овде веће пуни 18*тъ* година био, и никада нинайманѣ што прѣе отъ каковога человѣческога трага видѣо; и тако исто могаобы іоштъ 18 други овде сакривенъ быти, какогодъ и садъ, кадъ имсе самъ небы явіо, къ чему я башъ никакове причине имао нисамъ; садъ э мени до тога было, себе сасвимъ сакривена содержавати, гди стоимъ, кадъ болю классу люди немогу наћи нежели ову человѣкоядцовъ, и хотеосамсе ныма явити.

Али э іоштъ свагда омерзеніе ови безчеловѣчни дивяка, и ныни гнусни обычая еданъ другога изѣсти кодъ мене остало, дасамъ я послѣ тога скоро 2: године іоштъ замышлѣнъ и ужасанъ остао, и себе у моему собственому кругу мирно содержавао. Подъ моимъ собственимъ кругомъ разумѣваосамъ я такожде моя 3 мѣста

и садове: шо есть; мой градъ, мое лѣпшо мѣсшо увеселенія, коесамъ сѣницомъ називао, и мое ограде у шумахъ. Ясе послѣ ни о чему нисамъ бринуо нежели о моима козама; ербо ѳ омерзѣніе, коесамъ я отъ нрави противъ ови пакленски безчеловѣчника имао, тако велико было, дасамсе тако врло страшіо отъ ны, башъ како дабы и самога діявола видѣо. Такожде за сво цѣло време нисамъ имао бриге за мой чунъ ниписамга посѣщавао, него на шо склоненъ быхъ радіе новъ начинити; ербо далѣ пробе чинити онай други чунъ около острова овамо довести, на шо выше нипомыслити немого отъ страха, да небы на нѣкое отъ ови діявола на морю ударіо и шшо бы онда случай мой было, кадбы имъ у руке пао, тосамъ іошшъ напредъ знао.

Време међу шимъ и удоволствіе да я нисамъ у погибели было отъ овога народа видѣнъ быши, учиннло ѳ, да ѳ страхъ и неспокойство ныхъ ради кодъ мене мало по мало сасвимъ изчезнуло; и я стао опетъ онимъ начиномъ мирно живити како и прѣе, само съ шомъ разликомъ, дасамсе выше осврћао и на себе позорствовао, нежели иначе, да небы коимъ начи-

начиномъ отъ ныхъ видѣнъ было. Особито узеосамсе съ пуцанѣмъ болѣ у паметъ, да небы кои отъ ныхъ на острову гласъ отъ пушке чуо. Врло ѳ добро дакле за мене было, дасамъ себе съ чопоромъ дивіи коза снабдѣо, и выше потребе нисамъ имао друге по шуми ловиши, или пуцати; и кадсамъ послѣ кою уфатіо, шое свагда было у замку или ловку тако, да послѣ чишаве 2 године, какосамъ мыслiо, ни еданъ кратъ пушку мою избацыо нисамъ, ако башъ безъ нѣ никадъ на полѣ и неизлази, и да нисамъ кромѣ тога свагда 3 пиштоля или баремъ два, коесамъ изъ лађе донео, за моимъ кожнимъ поясомъ задевена имао. Такожде еданъ отъ они велики мечева, коесамъ изъ лађе изнесао, преправіосамъ како валя, и зато каишъ или обѣсу начиніо, гдисамга заденуо, садъ да іошшъ приложимо къ прећашнѣму описанію, коесамъ о самъ себи учиніо и іошшъ два пиштоля и овай великій мечь, когасамъ у повѣсницы безъ корица при бедри моей обѣсіо, и нека себи страшни видъ, когабы я у очію свакога, койбыме видѣо, представлао, помысли.

На овай начинъ мысліосамъ я, као шшосамъ казао, отъ нѣкоего времена кромѣ велике

опа-

опасности мое, дасамъ опетъ къ моему первому тихому и мирному животу дошао. Све ове вещи показиващеми свагда више и више, колико э станѣ мое отъ тога удалѣно найгоримъ быти у сравненію нѣкихъ другихъ человѣковъ, и башъ съ нѣкими особними обстоятелстви живота, у коя э мене Богъ поставити могао, кадбы само произволео быо. Ово э довело мене такожде и на то разсмотреніе, коликосе мало тужби по между людма о качеству годъ каковога станя и живота чути може, кадъ оны станѣ свое іошть съ другимъ каковимъ горимъ сравняваю, и зато Богу благодарни бываю, него дабысе са срѣнимъ сравнявали, и о томсе тужили и роптали.

Садъ вѣкъ кадъ э у моему садашнѣму станю доиста врло мало вещи было, кое небы имао, помыслiосамъ, да э скоро страхъ, у комесамъ я ради ови дивяка быо, и брига мога ради собственога содержанія остроћу мое изобретенія силе къ нѣкимъ угодностемъ сасвимъ утупила. Изъ међу другіи вещи едносамъ добро намѣреніе изоставіо, на коесамъ я кадъ годъ мысли мое управіо быо, а то э было пробу учинити небыли отъ сема мога матеріялъ брашно

шно начиніе, и пиво куваши могао. Особито наумнѣніе было э то доиста свагда, о коемусамъ често самъ себи изобличеніе учиніо; Ербо при томъ ніе было само то, што я много вещи неимадо, кое къ пиву куваня необходимо нуждне бяху. Као штоми э н: п: абіе немогућно было бечке начинити, дабыга у ны салити и оставити могао; ербо ово, како штосамъ казао, немого никоимъ начиномъ у состояніе довести; акосамъ башъ многе дане недѣлѣ и мѣсяце, али свагда всуе и а то употребіо. Къ тому нисамъ имао млѣха, съ чимбысамга начиніо, дабысе держати могло; никаковога квасца нѣга у движеніе довести; накаковога великога котла, у коемубысамга кувао. И несмаграюћи на то све кадъ небы страхъ и ужасъ ради дивяка међу то дошао, то бы я опетъ то дѣло предузео быо, пакъ можетъ быти, дабысамъ и у томъ преуспѣо. Ербо често, кадсамсе вѣкъ усудіо штогодъ започети, то я никадъ неостављо, докле годъ то у совершенство довео нисамъ.

Али э садъ моя сила изобретенія сасвимъ на друге предмѣте управлѣна была; ербо данъ и ноћь нисамъ могао я ништа друго мыслити, него какоћу нѣколико

ко ови безчеловѣчника кодъ ныни гнусни
крвави и торжествени ручкова напасти и
ако могуће буде, жертву, коюсу овде за-
клапи донели изъ руку ныни исторгнути
моћи. Былабы іоштъ већа книга, него што
э ова, по моему намѣренію изискивати,
кадъ бы я све оне совѣте, коисусе у мы-
сли мой излегли, овде ставити хотео; ова
свирѣпа созданія истребити или найманѣ
ны тако уплашити, дабы имъ воля опетъ
овамо доћи на вѣкъ исчезнула. Но я себе
ни къ чему извѣстному склонити нисамъ
могао; ербо ништо неможе дѣиства имати,
ако я самъ при томъ небы было, и што
бы могао само еданъ человѣкъ съ нима ра-
справити, гдибы ны, можетъ быти, 20 до
30 съ нынима копіями, и стрѣлама за
едно быти могло, съ коима они тако
извѣстно у нишанъ, какогодъ и я съ пуш-
комъ трефити могутъ.

Кадъ кадъ намисліосамъ яму подъ мѣ-
стомъ, гди ватру ложе, ископати, и 5
или 6 фунти баруша у ню метнути,
да кадъ оны ватру наложу, дабы ватра
барутъ упалила, и свію унаоколо у воз-
духъ бацыла. Али перво радъ было нисамъ
толико баруша на то потрошити, ер-
бо э и безъ тога савъ мой имуштакъ
само

само у едному буренцету состояо. Пакъ
онда нисамъ могао извѣстанъ быти, даће-
се барутъ башъ у право време упалити,
и ны у страхъ метнути моћи, и ватра
бы имъ найвыше мало около ушію удари-
ла, али не толико, дабису оны мѣсто ово
на вѣкъ оставили. Ясамъ дакле престао
отъ тога и намисліосамъ на каковомъ
приличномъ мѣсту съ моима трима сугo-
бо набіенима пушками у заклонъ стати,
и башъ у ныной крававой жертви на ны ва-
тру дати, гдибы я извѣстанъ быти мо-
гао на сваки удараџъ ны два или три у-
бити, или найманѣ раниги, а кадъ послѣ
сасвимъ съ моима трима пиштоли, и съ
палошемъ на ны нападнемъ, тоћу я ны
безъ сумнѣ моратн, башъ акобы ихъ и 20
было, свію пошући. Съ овимъ намѣреніемъ
услаждаваосамсе нѣколико неделя и тако съ
тимъ напунѣнъ было, дасамъ често о томъ
снивао, и башъ кадъ кадъ хтеосамъ изъ
самога сна устати и на ны пуцати.

Ясамъ противъ ны мою ярость толи-
ко далеко распустити дао, дасамъ съ
тимъ читаве дневе провео прилична мѣ-
ста тражити, гдибысе у заслонъ ставити
могао, дабы на ны вребао. Често отишао-
самъ къ самому мѣсту онамо, съ коимсам-

се

се већь сада болѣ познао, особито кадъ ѳ душа моя пуна отмщенія и тога помисла была, мећу 20: и до 30: ны страшно кровопролитіе учинити.

Послѣ дугога траженя нашаосамъ напослѣдокъ шаково мѣсто на страни едного бердашца, гдићу я, докъ видимъ, да чунови овамо доћу, свободно чекати, и послѣ докъ они сасвимъ на брегъ доћу, угустину шуме уклонитисе моћи, гди ѳ іошъ къ тому едно шуплѣ дрво стаяло, и хоги ѳ дуплѣ доста велико было мене сасвимъ сакрити. Овде дакле могаосамъ вребати и на сва нына крвава предвзятія позорствовати, и кадъ оны доста густо заедно у кругъ сѣдну, управо на ныне главе наприти, да небы никоимъ начиномъ могуће было фалити, или баремъ найманѣ 3: или 4: на первый ударацъ ранити.

На овому мѣсту хотеосамъ дакле намѣреніе мое произвести и већсамъ мое две мушкете и пшичарицу обыкновену къ тому приправіо. Обадве мушкете напуніосамъ сваку съ нѣколико комади гвожћа, и съ четирма и до петъ мали шанети а пшичарицу съ пуномъ шакомъ найкрупніе сачме, и све пиштолѣ мое напуніосамъ сваку съ четирма шанети: овако вооруженъ съ барутомъ

рутомъ и оловомъ къ другому и трећему набою добро учрежденъ приправіосамъ дакле себе на войску или сраженіе готова.

Послѣ какосамъ савъ совѣтъ мой у чисто довео, и у моей памети већь нѣга произвео, исходіосамъ свако ютро на верхъ онога брда, кое ѳ отъ града мога, како штосамга называо, до 3: мілѣ далеко было, дабы отудъ на море за чунови гледао нећели кои близу брега доћи, или башъ къ брегу стати. Послѣ какосамъ я 3: и до 4: мѣсяца непрестано стражу мою всуе держао, напослѣдокъ быосамъ отъ ове тяготне вещи доволно у пруженъ, ербо цѣло ово време ніе было нинайманѣга шта ити близу къ брегу ити на цѣломъ пространомъ морю, коликосу годъ далеко очи мое и пусулъ на све стране видѣти и усмотрети могле.

Коликосамъ годъ я дуго повседневни входъ мой къ брду ићи, дабы штогодъ усмотріо, чиніо, толико дуго содержавалосе и намѣреніе мое, и душа моя чиняшесе преко цѣлога овога времена у пристойномъ вооруженію къ оваковоме свирѣпому предвзятію быти, 20: до 30: голи наги дивяка ради еднога точію преступлѣнія убити, кое я у мысли моей іошше далѣ испитао

тао нисамъ, него само толико коликосе э ярость моя отъ чуда и ужаса упалила, кое э неприродни обычай народовъ ови предѣла у мени возбудило, кое э провидѣніе мудримъ управлѣніемъ свѣта допустило, што быти являшесе, да они никаковога другога вожда непознадоше, нежели ныне собствене развращене и мерзске страсти, и коису дакле — вѣк много вѣкова можетъ быти — до тогъ доведени были, овакове гнусне погрѣшке чинити, и овакове презрѣне обычае примити, у коесу они само отъ Неба каковомъ сасвимъ презрѣномъ и спроћу тога отъ нѣке пакленске невалялости побужденомъ нрави опровергнутису быти могли. Али кадсамъ я, као штосамъ казао, отъ овога повседневнога и суетнога черчаня у труженъ быо, започелосе такожде и мнѣніе мое всмотрени овога дѣла самога премѣняти, и ясамъ садъ мирніе и съ хладніомъ крви оно разсмотравао, штосамъ предузети хотео; каковосамъ я право достойнство имао себе за судію и отмстителя ови люди аки преступниковъ издати, кое э Богъ за добро пронашао толико вѣковъ безъ наказанія оставити, и ны саме за отмстителѣ нѣговогъ суда по мећу собомъ пустити; каковосу зло ови

народи

народи мени учинили, и ткоміе то право дао ны ради собственногъ кровопролитія мећу собомъ на хесапъ вући. они овде ништа противо болѣга знаня и совѣсти нечине, и совѣсть нына нечини имъ тога ради никаковога угризенія. Они ни то незнаду, да они овде каково безаконіе чине, а нечинега Божіей правди утруцъ, као што мы скоро кодъ свію наши грѣхова чинимо; ербо они недерже ни закакови већи грѣхъ едногъ свога роба како годъ и мы еднога вола убити, и месо человѣческо ясти, како годъ и мы овчіе.

Кадсамъ ово све у самъ себи болѣ разсудіо, то э сасвимъ наравнимъ начиномъ оттудъ и слѣдовало, дасамъ я врло неправо имао; да ови народи у правому разуму узимаюћи никакове убійце нису были, као штосамъ я ны преће умыслима моима осудіо, и башъ тако мало како хрістіани, кои често воене робове убіяю, или читаве чопоре люди недаюћи имъ пардона иссѣку, башъ акосу оружія своя и положили и себе предали были.

Іоштъ и кромѣ тога помыслїосамъ, акое башъ начинъ какосе они мећу собомъ предсрѣтаю и крайнѣ скотски, тосе та вещь право судећи опетъ мене ништа до-

пицала

тицала ніе: мене народи ови нису никадъ увредили. Започнули они штогодъ противъ мене, и я нађемъ, да э то ради мога собственога содержанія нуждно на ны напасти и бранитисе, тоће быти штогодъ друго; али ясамъ садъ сасвимъ изванъ ныне власти: Они доиста нису могли о мени іошть ништа знати, слѣдователно и никакови намѣренія противъ мене неимаду; неправо-бы было дакле съ овакимъ начиномъ акобы я ны преће напасти хотео. Овобы дакле поступокъ *Шпаніеровъ* у свима нынима безчествіи оправдало, коясу они у *Америіхи* учинили, гдису они миліоне овихъ народовъ потрли и истребили, кои акосу они башъ Ідолопокланцы и варвари были, и разне крваве и гнусне обычае по между собомъ имали, (Н: п: нынимъ Боговомъ живе люде ожертвовати) и всмотренім Шпаніеровъ опетъ много невини народъ были; и да Шпаніери ондашнихъ временъ о ныномъ изгнанію изъ ныне землѣ, сами съ найвећимъ омерзеніемъ и ужасомъ, и сви други хрістіаски народи оовой крвавой и безчеловѣчнойсвирѣпости говорише, коясе ништи предъ Богомъ нити человѣчествомъ отговорити неможе, и кое я ради само име еднога Шпаніера свимъ народомъ, кои человѣчество

или

или хрістіанско сожалѣніе припажаваю, страшно и ужасно есть; башъ као дабы кралѣвство *Шпанско* тога ради знаменито и примѣчанія достойно было, што э нѣку врсту люди безъ свакога чувства и сожалѣнія спроћу овихъ неволниковъ сатерло, коесе иначе за знакъ племенитога душевнога мнѣнія држи.

Ова разсужденія довеласу мене доиста отъ тога престати, и я мало по мало отъ мога намѣренія престаяти почеосамъ, и то заключеніе чинити, дасамъ верло неправо имао ове дивяке напасти, и да мени башъ отнюдъ прилика ніе съ нымасе упустити, окромъ акобы они найпре на мене напали, а и тобы морао, акобы могуће было воспятствовати гледати; аколи я дознатъ и нападенъ будемъ, тоћу я онда знати шта чинити валя.

Съ друге стране помисліосамъ, да ово никакови правилніи путь ніе себе освободити, но много выше себе башъ у извѣстну пропасть бацыти; ербо ако я небы сталанъ быо свакога убити, не само онога, коибы онда на брегу было, него башъ и онога, коибы послѣ икадъ на брегъ дошао, тобы они, акобы само точію еданъ умакао и землякомъ своимъ казао, штосе случи-

ло,

ће, и онибы извѣстно съ тысящама овамо опетъ дошли, смерть своихъ содружниковъ отмастити; и ондабы сасвимъ извѣстно башъ самомъ моіомъ кривицомъ себе у пропасть опровергнуо.

Вообще найпослѣ учиніосамъ совѣтъ, и ніе допустило мени ниши человѣчество, ниши разумъ гдигодъ на какови начинъ у ову вещь упуститисе: но много выше мораосамсе на све возможне начине отъ ны сакривати, и нинаймани знакъ оставляти, изъ когабы они мыслити могли, да гдигодъ каково живо созданіе, то есть человѣческо на острову имаде.

Сами э законъ мене у овомъ разума заключенію укрѣплявао, и быосамъ на различне начине увѣренъ, дабы овде башъ должности моей напротивъ чиніо, кадсамъ сва ова крвава намѣренія ко истребленію овыхъ невинихъ созданіи учиніо. Ербо найманъ всмотренія мене былибысу невини, и преступленія, конхсе они еданъ спроћу другога повини чине, нисусе мене нимало допицала. Нравна беззаконія наводе такожде на себе и ыину нравну казнь, и правдаће Божія такожде и безъ мене путь и средство изнаћи знати явно учинѣне погрѣшке

грѣшке явномъ правдомъ, ако за добро наће, наказати.

Све э ово тако ясно было, да мени ништа миліе ніе было, него штосамсе іошть задержао едно дѣло учинити, као штосамъ и много причина вѣровати имао, никаковъ маны грѣхъ него башъ едно самоволно убійство бытибы морало, кадбыга дѣйствително учиніо быо. Ясамъ Богу клечећи на колѣни благодаріо, кои э мене отъ оваковога крвавога грѣха сачувао; и молiосамга такожде, дабы онъ мени хранимость свога провидѣнія даровао, да я Варваромъ у руке пао небы, или на ны руку мою положіо, башъ ако и есть, да я къ тому явно званіе отъ Бога имамъ животъ мой защищавати.

Овако мыслећи пребываосамъ іошть скоро цѣло едно лѣто послѣ тога, и быосамъ отъ свега способа удалѣнъ гдигодъ ове неволнике напасти желити, да я ово цѣло време на брдо исходіо нисамъ, дабысамъ видѣо, нећули кое видѣти моћи, или знати, нисули нѣкои мећу тимъ брегъ послѣшили были, да небы у искушеніе пао мое прећашнѣ намѣреніе обновити, или гдигодъ каковомъ полъомъ, коябысе показати могла, раздраженъ

было ны напасти. Него само то учиніосамъ дасамъ чунъ мой, когасамъ на другой страни острова имао, отъ тудъ отвезао, и нѣга около восточне части цѣлога острова возіо, гдисамга у еданъ заклонъ или убѣгъ кодъ едне высоке пећине, коюсамъ нашао и приставіо, гдисамъ знао, да дивяцы рѣке ради съ нынима чамцы доћи немогу, башъ акобысу и причину имали онамо отѣрани быти.

Съ чамцемъ моимъ отнеосамъ такожде и све друго, што э къ нѣму принадлежало; то есть катарку платна (парусе) и нѣку вещь, коя э мачку отъ лаће представляла, кое доиста нити мачка нити чакла назватисе може, акое то башъ и штогодъ найболѣ было, штосамъ я на нѣки начинъ скрпити могао, тосамъ я све узео, да небы нинайманѣ сѣнке о каковомъ чамцу или обиталищу на острову дознатисе могло.

Преко тога задержаосамсе, као штосамъ казао, много покривени нежели и кадъ прећe и неизоставля никадъ иначе подрумъ, него шпосу непреривна дѣла моя изискивала, то есть козе мое мусти и мое мало стадо у шуми нагледати, кое э, ербое оно на другой страни острова было, безъ сваке погибели стояло. Ербо э то

извѣстно, да ови дивни народи, кои кадъ кадъ овай островъ посѣщаваю, овамо недолазе, дабысу овде штогодъ нашли и слѣдователно никада себе отъ брега удалявали нису.

Безъ сумнѣ былису они откакосамъ я страхъ отъ ны предупредни учиніо тако исто као преће на брегу, и доиста нисамъ безъ грозеня на то помыслію што бы отъ мене было, кадбысамъ на ны ударіо и отъ ны дознатъ и то кадбысамъ обнаженъ и безъ оружія было, кромъ едне птичарице, коя э само за птице сачмомъ набіена была, свудъ по цѣлому острову ходіо, дабысамъ гди штогодъ добыти могао. Какобы мени онда было, кадбысамъ на мѣсто человѣческе стопе 15*тъ* и до 20: дивяка видѣо, коибы мене потерали, и коихъ хитрости я никоимъ начиномъ небы избѣгнути могао.

Овесу мысли мене често сасвимъ удручиле и тако врло узнемириле, да я дуго времена къ себы доћи немого. Кадсамъ помыслію, штобысамъ онда чинити имао, и како выше небы у состоянію было нима противостати, него іошъ безъ сумнѣ доволно присутствіе духа небысамъ имао оно чинити, штобысамъ иначе чинити могао;

и много манѣ то, што сада послѣ таковога многога разсмотренія и пріуготовлѣнія чинити бы у состоянію было, кадсамъ я то све здраво разположіо; посамъ я о томъ, као штосамъ казао, често сасвимъ занешенъ было и често нисамсе за дуго отъ такови мысли освободити могао. Напослѣдокъ растопилосе то све у благодарности спрочу провидѣнія, кое а мене отъ такови падежа сачувало, отъ коихъ я самъ себе никаковимъ начиномъ освободити небы могао, ербо я нисамъ имао ни еднога помысла, да бы таково штогодъ могуће быти могло.

Овое кодъ мене разсмотренія обновило, коясу мени прећашни времена често у паметъ долазила, кадсамъ найпре принимати почео, съ каковомъ милостію Богъ у погибелемъ, кое намъ овога света прете, съ нама управля; коко чудесно мы избавлѣни и сохранѣни бывамо, башъ како да небысмо ни отдашта ништа знали, како да небысмо знали, хоћемоли овудъ или онудъ поћи нама свагда нѣки тайни знакъ на онай путь показуетъ, кадбысмо на какови другый поћи хотѣли и башъ наша паметъ, или наша собствена склоность, или можетъ быти дѣла наша насъ позываю, другимъ

гимъ каковимъ путемъ поћи, опетъ нѣкое особно удруженіе у сердцу, о коемъ мы ништа незнамо, откудъ и отъ какове выше власти оно приходи насъ башъ принуждава овимъ путемъ поћи; и гдисе послѣ често покаже, да кадбысмо мы онимъ путемъ ходили были, коимсмо хотѣли ходити, и по мнѣнію нашему такожде моралибысмо иѣи, сасвимъ извѣстно къ нашей пропасти на срѣтеніе ишли и сасвимъ изгублѣни были. Овои выше таковихъ разсмотренія даласуми поводъ, коесамъ после за постоянно правило учинію, да колико самъ крати такови тайни знакъ или побужденіе у моему сердцу осѣти ово или оно штосамъ науміо чинити, овимъ или онимъ путемъ поћи, никадъ неизоставити овимъ тайнимъ дарованіямъ сердца слѣдоваши; ако я башъ и никакову другу причину зато доказати немогу него, да то и то побужденіе, тай и тай знакъ ощущосамъ у души моей. Какосамсе добро кодъ наблюденія ови правила цѣлога мога живота находіо, отъ тога бысамъ могао доста примѣра довести, а особито тосе у послѣднимъ временамъ показало, коясамъ на овой нещастной Ади доживіо; и то многи случая неупоминюћи, на кое отнюдъ нисамъ нипозорствовао, и коебы безумнѣ опасніе примѣтити могао, кадбысамъ онда съ овима истима очи-

ма као садъ гледати могао. Али мудримъ быти ніе никадъ касно, и я зато ништа немогу свимъ разумнимъ человѣкомъ, коихъ э животъ овако чрезвичайни приключенія пунъ, као што э мой, или кадъ и то небы было совѣповатисе, такове тайне знаке провидѣнія болѣ почитовати. Отъ каковаго невидимаго существа они долазити могу, што нећу а такожде и немогу доказити; алису они доиста право доказателство о содружеству съ дуси и о тайномъ союзу съ нашима у тѣламъ живущими душами и съ онима безплотними доказателстви, коемисе башъ истино чини, и о коемућу я іошћъ способъ имати нѣколико примѣчанія достойни примѣра слѣдствомъ мога самаћнога пребиваня на овому страшному мѣсту довести.

Нећедусе читатели мои о томъ нимало чудити, кадъ имъ исповѣдимъ чисто да э овай страхъ и ужасности непрериване погибели, у коимасамъ я живіо и бриге, коесамъ имао, свимъ изобрѣтеніямъ и совѣтамъ, коесамъ я къ по правленію мои будуши уреженія и угодности имао, конацъ учиниле. Брига за мою свободу и безбѣдность лежала э мени садъ ближе на сердцу; нежели сама средства къ препитанію. Садъ отъ страха нисамъ смѣо ни чивію или ексеръ еданъ у дуваръ ударити, да-

се лупа отъ тогъ небы чула; іошћъ манѣ изъ тога узрока пуцао изъ пушке мое; а отъ свію другій вещи быосамъ у тысящи брига, кадсамъ ватру на ложіо, да мене дымъ, коисе даню верло издалека видити могао, небы издао. Изъ ове причине совершаваосамъ отъ садъ сва дѣла моя коясу ватру изискивала, као н: п: лонце и луле жећи и и прочая у моме новоме обыталищу у шуми: гдисамъ я такожде послѣ нѣкоего задержанія онде на мою неописану радость едну сасвимъ нравну яму у земли нашао, коя э врло дубоко унутра ишла и у кою доиста никакови дивякъ, башъ кадбы предъ ніомъ стаяо, сердца небы имао ући, а іошћъ манѣ гдигодъ каковіи другій человѣкъ на свѣту, кому нидошта другога тако врло ніе было, као едно свободно мѣсто наћи, гдисе сакрити може.

Шуплина ове яме была э близу кодъ края едне велике пећине, гдисамъ я точію самимъ случаемъ — да рекнемъ дошао, кадъ небысамъ толико излишни причина имао сва такова приключенія Божіему провидѣнію приписати — нѣколико дебели грана отъ дрвета отсећи и отъ ны углѣвлѣ сажећи. Али преће него штоћу далѣ поћи, морамъ съ двима трыма речма казати, на штосамъ углѣ ово употребіо.

Ясам-

Ясамсе бояо, као шпосамъ казао, димъ кодъ мога обиталища учинити; али хлѣбъ непеѣи некуваши нисамъ могао я тако живити; паломи э дакле на умъ овде, као шпосамъ у Англіи видѣо, дрва подъ лончарскомъ земліомъ запалити, доклесе годъ она у суво углѣвлѣ непретворе. За тимъ угасіосамъ ватру, отнеосамъ углѣвлѣ кући, и совершиваосамъ съ нимъ безъ погибели дима све оно, къ чемусамъ досадъ ватру потребовао.

Но то све мимогредъ сѣкуѣи и сваливаюѣи овде дрвета усмотріосамъ за нѣкомъ густомъ шумицомъ нѣки начинъ дупла. Быосамъ дакле отъ выше любопитливъ у нутра погледати, и гдисамъ, кадсамъ послѣ великога труда у яму ушао, видіо, да е доста пространа и доволно велика была, дабы я и іоштъ, можетъ быти, еданъ саминомъ у ной управо стаяти могао, али истину исповѣдити морамъ, дасамъ изъ нѣ берже излетіо него шпосамъ уню ушао. Ербо кадсамъ я дублѣ у яму погледао, гди э совершена тавность распростерта была, усмотріосамъ 2: велика горяща ока, ели дяволска или человѣческа то нисамъ знао — и коясу као 2: звѣзде трепетала; ербо

э

э помраченость свѣтлости управо, у яму падала и засѣность чинила.

Малко часъ какосамсе охрабріо и себе тысящу кратъ будаломъ наименовао, рекаосамъ у самъ себи, ткосе бои дявола видѣти, тай неваля да сасвимъ самоѣанъ 20: година на едномъ пустомъ мѣсту живи, а башъ найпослѣ ни э могло ни у ями штогодъ страшніе быти, него шпосамъ я самъ быо. Овдесамъ садъ скупіо сву сердечну мою храбрость и пошаосамъ унутра тако щастно съ горящомъ лучомъ у руцы; текаръ шпосамъ само 3: коракляя далѣ пошао, алисе я опетъ онако напуни страха као и преѣе. Ербо перво шпосамъ чуо, было э едно дубоко уздисанѣ человѣческо, конбы какову болесть терпити имао, за коимъ э смутни шумъ аки отъ полу изговорени речи и за нимъ іоштъ едно уздисанѣ и слѣдовало. Овдесамъ натраг уступіо и быосамъ тако уплашенъ, да э мене хладни зной по цѣлому тѣлу пробіо; и кадбысамъ быо шеширъ на глави имао, немогу добаръ стаяти зато, да нѣга кика, коями э у высину расла, небы съ главе свалила. Но преко свега ясамъ добіо на ново бодрость, и скупіосамъ крѣпости, коликосамъ годъ могао, и съ тимъ помысломъ себе о-

опетъ

петъ охрабріо. Богъ есть всемогућанъ и вездѣ присутствующъ, тай мене може и овде сачувати; и такосамсе усудіо опетъ 2: коракляя напредъ поступити, и тамо уємотріосамъ мою горящу лучу мало више отъ главе держећи едногъ страшногъ старога ярца у послѣднѣму издиханію на земли лежаща, и кои башъ изъ саме дубоке старости манкати э хтео.

Покренуосамга едно мало съ мѣста, да видимъ, нећулига моћи на полѣ изнети, и онсе такожде самъ трудіо, дабы устао, али ни э было у состоянію, и я самъ у себи помислїо, нека онъ ту свагда лежећи остане, гди э; и кадъ э мене онъ тако уплашіо, тоће онъ доиста и свакога дивяка, конбысе усудіо унутра ући, іоштъ више уплашити, ако онъ іоштъ узживи.

Кадсамъ отъ страха опетъ къ себи дошао, стаосамъ свудъ унаоколо разгледати, коесамъ и нашао, да э яма верло мале́на была, рецы едно 12 *тъ* стопа простра́на, али нити э округла нити четвероуголна была, и гдѣ никада рука человѣческа нинайманѣ што привредила ніе, него башъ све само дѣло естества было. Смотріосамъ такожде, да э и настражнѣй страни едно дуплѣ было, кое э у дублину далеко ишло, али

тако єниско, да я и на ногахъ и рукахъ пузитисамъ морао, акобысамъ унутра хотео; кудъ э ово дуплѣ ишло, то нисамъ знао. А садъ кадъ више свеће нисамъ имао, мораосамсе свега оканити; намыслїосамъ обаче са свећомъ и кресивомъ снабдѣнъ, когасамъ отъ фалѣ едне мушкете начиніо, опетъ овамо доћи.

Другій данъ дошаосамъ опетъ овамо са шесть велики свећа мога собствено́га дѣла (ербосамъ я верло добре свеће отъ козіега лоя правїо:) снабдѣнъ, и мораосамъ у више речену яму 10 *тъ* кораклаи четвероношке далеко ићи: но то э мимогредъ казано — доволно дерзновено, ербо знати нисамъ могао, колико́се далеко она простира́ла, и куда́ћу изићи. Послѣ какосамсе крозъ перву тѣснину провукао, примѣтіосамъ, да э кровъ или горня часть яме, све више и више а найпослѣ и до 20: стопа высокъ было. Али то казати могу, да іоштъ никада на цѣлому острову ованкова́га славнога предмѣта видѣо нисамъ, као штосамъ у стѣнамъ и крову ове яме видѣо. Више отъ стотину тисяща свѣтила бацылису свое луче изъ стѣна на мое 2: свеће ныномъ противо-свѣтлостію натрагъ. Што э то дакле у овима стѣна-

ма было ели Дїаманти, каменїе драгоцѣнно или злато, коесамъ и найпре вѣровати могао, немогу сказати.

Мѣсто, гдисамсе я нашао, была э една чрезвичайно красна яма или грота али савимъ мрачна; патосъ быо э савъ сувъ и раванъ и съ малимъ краснимъ пескомъ покривенъ, ништа гаднога видѣти небы, такожде ниши паре, ниши мокроће на стѣнамъ и крову видѣти. Овде э была само една тягота при уходу, но овосамъ я держао, даће мени мѣсто свободе и прибѣжища за едну особиту ползу быти. Ясамсе доиста о овому изобретенїю отъ свега сердца возрадовао, и намыслїосамъ безъ отложенїя нѣке отъ они вещи овамо пренети, коесуми найвыше на сердцу лежале; особито мой имутакъ барута, и мое оружїе, као: мое две птичарице ербосамъ ихъ 3: у свему имао: тры мушкете, коихъ э 8: у свмеу было, отъ коихъ э дакле само 5: у моему граду остало, и коесу као топови намѣщене къ моему защищенїю за опалѣнѣ готове стояле, и коесамъ обаче кадбы ихъ годъ требовао, отуда сни миши могао.

При овому способу мораосамъ такожде мое буренце съ барутомъ, коесамъ изъ мора

мора извадїо, и кое э веће мокро было, отворити, и видѣосамъ, да вода на свима странама унаоколо ніе выше него 4: цола у нѣга ушла, а будући дасе э внѣшнѣ у тверду кору учинило, а внутренѣ равно као езгра у люски чиставо и добро содержало: тако дасамъ скоро до бо: фунти верло добра баруша у среди буренца нашао, коеми э у оно време верло поволны добитакъ было. Ясамъ што дакле све скупа овамо пренео, и никада выше отъ 2: или 3: фунте баруша у моему граду изъ страха каковога нападенїя кодъ себе задержао. Све олово, коесамъ за кугле правити держао донеосамъ у ову яму.

Ясамъ у свачему тако преуспѣвао, као еданъ отъ етари Рисова, коису, као штосе сказуе, у яма и дупли пећина обитавали, гди къ ныма ништко живи доћи ніе могао, и ясамъ увѣренъ было, да акобы мене и 500: дивяка потерали, они мене опетъ, кадбы я веће овде было, никада небы могли наћи, и акобыме башъ и нашли, небысе опетъ усудити смѣли, мене овде напасти.

Онай сїари яракъ, когасамъ овде нашао, манькао э сутра данъ у уходу яме и верломисе лакше учинило овде велику яму ископати, нѣга тамо бацыши и земліомъ покрити

крити нежели нѣга на полѣ извлачити, и закопаосамга дакле овде, дабы носъ мой отъ свакога злога мириса сачувао.

Кадсамъ вѣкъ садъ 23: године мога живота на острову провео и мѣсто и уживанѣ мое навикао, него само дасамъ іошть извѣстанъ быти могао, да нѣкеду какови дивяцы овомо доћи и мене узнемириши, я бы доиста сасвимъ удоволянъ быо, цѣли остатокъ мога прочега живота и башъ до самога послѣднѣга мога издиханія овде провести, докле годъ небы као и онай стари вождъ стада (яраць) у яму пао, и духъ мой Богу предао. Ясамъ вѣкъ толико далеко дошао быо, дасамъ себи нѣка увеселенія и забаву прибавіо, коясу учинила, да э мени време много радостніе нежели прѣѣе пролазило. Первосамъ мога папагая говориши учіо и онъ э све тако исто правилно и ясно изговарао, дасамъ я о томъ неисказану радость имао и онъ 26. лѣта самномъ живяше. Коликое онъ послѣ тога живиши могао, то незнамъ; него толико, дасамъ у *Бразіліи* чуо, да птице ове стотину година живиши могу. Можетъ быши, да нѣкои отъ мои папагаіа іошть и садъ на острову живу, и непрестано *сироту Робінъ Круссе* вичу. Я доиста ни

едному Англезу тую несрећу нежелимъ онамо доћи и ны слушаши; али акобысе случило, тобы онъ сасвимъ извѣстно мыслиши морао, да то дяволъ овде быши мора, пасъ мой быоми э пуны 16: лѣта верло поволни и вѣрни содружникъ и отъ саме дубоке старости морао э манькаши. Штосе э мои мачака дотицало, онесусе съ почетка тако умножиле быле, дасамъ я на послѣдокъ принужденъ быо ны потући, да небысу мене самога, и све штосамъ годъ имао, изѣле. Послѣ какосамъ оне две старе, коесамъ сасобомъ донео, отерао, и друге свагда отъ себе на друго време отеравао, и оне кодъ мене за ело ништа наћи нису могле, подивячилесусе и отишле све у шуму кромѣ еднога пара мои любимій, коесамъ питомо воспитао, и ныне мачиће, кадсу кое добиле, абіе у воду бацыо, овесу такожде чиниле едну часть мога домаћега дружства. И кромѣ ови держаосамъ свагда два или три мала ярчића, коесамъ изъ руке ясти научіо. Тако дакле имаосамъ іоште выше папагая, коису сви верло добро говорили, и сви *Робінъ Круссе* викали, ако башъ не сви онако као мой первый, ербо съ ныма и толико труда нисамъ имао, као съ онимъ первимъ. Такожде морскій птица,

коихъ имена нисамъ знао, коесамъ на брегу уфатіо и припитоміо и крила подстригао, и кое послѣ кадсу тачке, коесамъ предъ зидомъ мога града насадіо, вешсе украсанъ лѣсъ премѣниле быле, све тамо живиле, и на ниски дрвепи леглесе, кое э моя велика радость была, и такосамъ, као штосамъ казао, животъ мой овде сасвимъ удоволно проводіо, кадбысамъ само отъ погибели дивяковъ свободанъ быти могао.

Али э за мене штогодъ друго опредѣлено было, и сваки, кои ову повѣсть чита, може отудъ полезну науку примити, да врло често у животу нашему оно што се найвѣма ошаяти тражимо, и да намсе кадъ вешь у то паднемо, найстрашніе чини, башъ право средство и врата къ нашему избавленію водяща есть, и да тимъ отъ свію противностей нашихъ избѣгути можемо, у коясмо пали. Я бысамъ то неизброенимъ числомъ примѣровъ мога живота освѣдочити могао: и то никадъ однако: примѣчанія достоинимъ начиномъ ніесе показало, као у послѣднимъ лѣтамъ мога самоћнога на овой Ади пребывания.

Када э вешь мѣсецъ Декемврій у мосму 23*му* лѣту было; и да э южни вѣтаръ

таръ (ербо зимомъ ніесе могло назвати:) и време мое жетве было, и вышесамъ на полю нежели кодъ куће быти морао. Кадсамъ еданъ кратъ уютру, преће него што э данъ было, на полѣ изышао, видѣосамъ за велико чудо свѣтлость отъ нѣке ватре на брегу, рецы 2: мілѣ далеко отъ мене, и башъ при краю острова, коесамъ я примѣтіо и дознао, дасу дивяцы али не на моей него на оной другой страни острова были, али э ово садъ на мою велику жалость на моей страни острова было.

Ясамъ доиста о овоме усмотреню сасвимъ уплашенъ быо, и абіе у нѣку малу шумицу фришко побѣгао, изъ кое отъ страха, да не бы нападенъ было, на полѣ изиѣи нисамъ смѣо. А и у шуми нисамъ мира имао, ербо э мене ова брига утѣсняавала, да небы мое іошть полакъ пожнѣвено жито или гдигодъ едно мои зданія или ограде видѣли, изъ чегабы абіе дознати могли, да жителя на мѣсту овому имаде, и послѣ отъ траженя небы престати хотѣли, докле годъ башъ и мене самаго небы нашли. У овой бѣди и страху повратіосамсе у мой градъ натрагъ, узвукаосамъ лѣствицу засобомъ унутра и уредіосамъ све да

дивячно и иравно буде, како штосамъ болѣ могао.

Затимъ ставіосамъ себе у возможно защищенія станѣ, дабы све мое топове, као штосамъ ихъ називао, то есть мое мушкете, коесу на моему новому граду намѣщене быле, ктому іоштъ и мое пиштолѣ, и быосамъ намышлѣнъ себе до послѣдньега часа крѣпко браниши; причему нисамъ заборавіо сердечно Бога призваши, да бы мене изъ руку ови Варваровъ избавіо. У овому стаяосамъ рецы 2: сата дуго, длисамъ я почео отъ выше несперѣливъ бываши извѣстіе добиши, како на ново стои; ербо Шпіона когабы онамо послао, нисамъ имао.

Послѣ нѣкоего часа сѣдећи и мыслећи шта у овому случаю започеши имамъ, нисамъ могао напослѣдокъ выше терпиши и дуже у неизвѣстности овой осташи; намѣстіосамъ дакле лѣствицу мою на страни брега, гди э равно мѣсто было, узвукаосамъ ю за собомъ, и намѣстіосамъ ю опетъ, и тако попеосамсе на верхъ берда. Овдесамъ извадіо мой пусулъ, когасамъ на тай конацъ съ сасобомъ узео, легаосамъ на тербу на землю доле, и гледаосамъ къ мѣсту

мѣсту оному. Абіе усмотріосамъ найманъ до десетъ дивяка, коису наги голи около ватре, коюсу наложили, сѣдили. Мыслiосамъ, ватру нису отнужде наложили, дабысе грѣяли, ербое и безъ тога чрезвичайна врућина была, него на онай конацъ, као штосамъ я мыслiо, еданъ ныни Варварски ручкова отъ меса человѣческога уготовиши, коесу они — ели живе или мертве, я знати нисамъ могао, съ собомъ овамо донели.

Ималису два чуна съ собомъ, коесу къ брегу привукли, а будући да э онда башъ време приплива было, учинимисе, да оны на отпливъ чекаю, да съ острова опетъ натрагъ отиду. Страхъ, кога э ово позорище у сердцу моему пробудило, едва се помыслити може, а особито кадсамъ ихъ на моей страни острова и іошъ къ тому тако близу себе видѣо. Али кадсамъ я већь еданъ кратъ примѣтіо, да они другоячіе нежели съ припливомъ овамо доћи немогу, тосамъ и я затимъ мирни быо, и себе увѣріо, да я преко цѣлога овога приплива и отплива времене у полной свободи по цѣлой Ади моей ходити могу, ако они већь преће тога небы на суву были. Такожде послѣ овога искуства, и ишао-

самъ

самъ на полско дѣло мое съ мирномъ душомъ, како годъ штосамъ я мыслїо, онако и было. Ербо едва штосе отплывъ къ западу кренуо, ясамъ ны свїю смотрїо у ныне чунове улазећи, и вообще отъ овудъ веслаюћи. Заборавїосамъ сказати, дасу они еданъ читавъ сатъ преће него штосу отишли, коло уватили и играли, при коемсамъ я све скокове и поскакиваня нына на мой пусулъ гледећи верло добро и ясно видѣти могао. Съ моимъ острымъ примѣћаниемъ смотрїосамъ такожде, дасу они сви наги голи были, и нинайманѣ што на тѣлу имали; есули жене или люди были, то раззнати нисамъ могао.

Какосамъ видѣо, дасу они у чунъ ушли и отишли, узеосамъ што скорїе мое 2 пушке на лећа, и заденуосамъ пиштолѣ запоясъ, припасаосамъ мой велики мечь безъ корица, и поспѣшїосамъ овако вооруженъ хитно къ оному берду, гдисамъ найпре диваке опазїо. Кокосамъ онде дошао было, коесе шекарь послѣ 2 сата (ербо акосамъ я башъ спѣшїо, коликосамъ годъ могао, то опетъ съ тешкимъ оружїемъ натоваренъ нисамъ онамо онако фришко доћи могао, као штосамъ желїо:) усмотрїосамъ, дасу іошъ и друга три чуна съ дивяцы на овому

овому мѣсту была, и кадсамъ іошъ далѣ погледао, видѣосамъ, дасу они већ сви заедно на морю были, и къ сталной земли пловили.

Овое едно страшно позорище замене было, особито кадсамъ долѣ на брегъ дошао, и гадни трагъ усмотрїо, кои э отъ ужасного дѣла, когасу они учинили, за ныма остао, то есть крвъ кости, и комади человѣческихъ тѣлесъ, коясу ови безчеловѣчницы съ полномъ радостїю и увеселеніемъ изѣли. Овое мене наново такове ревности противъ ны напунило, дасамъ я намыслїо изаклеосе первога, коими предъ очи доће, тинетомъ моимъ на хрпу стровалити, и акобы ихъ башъ толико много было, коликому драго.

Учиниломисе то башъ истино быти, да посѣщенїя, коя они овому острову чине, верло рѣдка быти мораю; ербо э прошло више отъ 15 мѣсецы, доксамъ я найманѣ што отъ нихъ чуо, или видѣо. У кишно време немогу они и безъ тога излазити а найманѣ овако далеко усудитисе. Но прико свега тога ясамъ опетъ цѣло ово време у непрестаномъ неспокойству проводїо страха ради, да не бы они изненада овамо дошли и на мене напали. Отъ овудъ ви-

дѣти

дѣти можемо, да э много горе каково зло или напасть очекивати, нежели то баш дѣйствително терпѣти, особито кадсе отъ оваког чаянія или страха никоимъ начиномъ освободити неможемо.

Ово цѣло време ходіосамъ убійства мыслими напунѣнъ, и съ тимъ многе часе изгубіо, коебысамъ на штогодъ болѣ употребити могао, и съ тимъ дасамъ размышлявао, какоѣу ихъ, кадъ ихъ первый кратъ усмотримъ, вребати и напасти, акобы они као послѣдни кратъ у две части раздѣлени были. Али притомъ непомысли, акобы ихъ 10*то* и до 12*тъ* отъ едне части убіо, то бы можетъ быти первога дана Недѣлѣ или мѣсеца опетъ други овамо дошли, коебы такожде убити морао, пакъ послѣ опетъ други, и тако на вѣкъ, докле я небы на послѣдокъ онакови убійца, као штосу и они человѣкоядцы, или можетъ быти іоштъ гори постао.

Ясамъ дакле дневе мое у найвећему страху и неспокойству проводіо, ербосе ништа другога надао нисамъ, нежели данасъ или сутра овимъ немилосерднимъ созданіямъ у руке пасти. Кадсамъ кадкадъ на полѣ изишао, тое съ великомъ бригомъ и позорностію быти морало, коясе икадъ помыслити може. Садсамъ съ великимъ утѣшеніемъ добро провидѣо, какова э то ведика срећа за мене, дасамъ я себе са стадомъ питоме марве снабдѣо, ербосе садъ већъ нисамъ смѣо усудити ни одну пушку избацити, а найманѣ на оной страни, гди дивяцы обыкновено долазу, и то отъ страха да небы мећу ныма какову буну учиніо; и кадбысу баш за садашни кратъ отъ мене умакли были, тобы я опетъ сасвимъ увѣренъ быо, дабысу они у нѣколико дана можетъ быти и съ две три стотине чунова опетъ овамо дошли, пакъ бы я онда знао за Госу.

Мећу тимъ прошло э едно цѣло лѣто и три мѣсеца, доклесамъ я опетъ еднога овихъ дивяковъ видѣо; текаръ послѣ овога времена нашаосамъ я ны опетъ, коећу садъ абіе сказати. Онису можетъ быти мећу тимъ іоштъ кои кратъ овде были, али можетъ быти, дасе они овде нису за дуго задержали, или я о ныма ништа чути нисамъ могао. Али у мѣсецу маіу по моему брою и у 24*му* лѣту мога овде пребывања сусрѣосамсе я съ ныма на нѣки особити начинъ; коећу на мѣсту гди валя сказати.

У времену ови 15*то* мѣсецы было э душевно мое неспокойство врло велико,

Ни-

Нисамъ спавао мирно, и имаосамъ свагда страшна сновидѣнія, и скочіосамъ много краћи у полноћи изасна. Даніомъ утѣсняваo э мене непреривни страхъ, а ноћомъ сниваосамъ о убійству дивяковъ и причинама, чимћусе зато оправдати. Али и то све да на страну метнемъ. Было э у средъ маіа 16 данъ, какосамъ мыслiо, ако моему сиротинскому древеному Календару повѣрити могу (ербосамъ я іоштъ свагда дневе у стубъ урезивао) дакле э то 16*ти* данъ маіа отъ придике было, када э цѣли данъ страшна муня, и грмлявина сь послѣдствующомъ олуіомъ рикала и сѣвала; и послѣ тога врло страшна ноћь слѣдовала, баш кадасамъ я незнамъ каковимъ особнимъ поводомъ Библію читао, и у сасвимъ занешене мысли о моему садашнѣму стаю углублѣнъ было; кадсамъ я на еданъ кратъ сь великимъ удивлѣніемъ *exo* или гласъ отъ топа, кои э, какосамъ мыслiо, на морю опалѣнъ было, чуо.

Ово э было, као што лако мыслити можемо, страхъ сасвимъ особногъ Качества нежели сви други, коесамъ досадъ имао; ербо э ово мысли сасвимъ другога начина у сердцу моему пробудило. Скочіосамъ, шпосамъ скоріе могао, горе, и тай

часъ

часъ средствомъ мое лѣствице на верху брда створіосе, и башъ у оному часу, кадъ э мени пламенъ втори гласъ топа возвѣстіо, когасамъ я, рецы: у полъ мінута чуо, и изъ гласа къ мене дошедшега познао, да э то на оной страни моря, гдисамъ я рѣкомъ сь моимъ чуномъ баченъ было.

Омасамъ помыслiо, да мора какова лађа на морю у нужди быти, коя э можетъ быти іоштъ какову другу сасобомъ имала, коей э овимъ нужде пуцанѣмъ знакъ дати хотѣла, да она помоћи нѣне требуе. Ясамъ у овому магновенію ока іоштъ довольно присутствіе духа имао, дасамъ помыслiо, ако онде и ништа помоћи немогу, тобысу можетъ быти они мени помоћи могли; и тако фришко и шпосамъ скоріе могао сва сува дрва на едно мѣсто скупіо, начиніосамъ отъ ныхъ доста велику хрпу, и запаліосамъ ю горе на брду. Дрва быше сува и горѣше полно свѣтлимъ пламеномъ, и башъ ако э вѣтаръ и врло яко дуао, горела э она опетъ до края, тако да лађа кадбы можетъ быти една была, вапру сасвимъ извѣстно видѣти морала, као што ю э и безсумнѣ видѣти могла. Ербо какосе э вапра моя упалила и дигла, чуосамъ я опетъ послѣ едно отъ топа *exo*, и за-

нимъ-

нымъ іоштъ различне друге, и то све отъ оне стране моря, како штосамъ казао. Такосамъ содержавао я ватру мою цѣлу ноћь, башъ до самога дана, а кадъ э башъ полни данъ было, и воздухсе исчистіо, усмотріосамъ съ ове пустинѣ у страни къ востоку у нѣкоемъ врло далекомъ одалѣніи нѣчто на води пловуще, кое башъ и на пусулъ мой разазнати нисамъ могао; ели лађа подъ растегнутимъ парусомъ, или точію разбитакъ отъ лађе было; ербо э то врло далеко удалѣно было, а и воздухъ э найманѣ на морю іоштъ свагда малко магловитъ быо.

Овако цѣлъ данъ и често онамо гледаюћи усмотріосамъ, дасе предмѣтъ тай нимало некреће. Изъ тогасамъ ома заключіо, да то мора какова годъ на мачки стоећа лађа быти; и любопитливъ, како што лако мыслити можемо, вещъ ову са свимъ дознати, шта э, узеосамъ мою пушку у руке и поспѣшіосамъ у іуже-восточну страну Острова ко оной клісси или камену, гдисамъ преће тога рѣкомъ похищенъ быо; попеосамсе горе и отовудъ могаосамъ, ербо э време чисто и красно было, башъ совершени остатокъ лађе видѣти, коисе ноћномъ на овима сакривенима седрама разлупала

пала, коесамъ я съ чуномъ моимъ идући овудъ такожде нашао, и кое онда, кадсу оне силу рѣке проузроковале, и нѣки видъ отъ противо текуще рѣке учиниле, способъ мени дале изъ найочаятелнѣга и сваке надежде лишенога стања, у коему я іоштъ никада было нисамъ, избѣгнути.

Тако есть, што едному человѣку спасеніе и щастіе быва, често другому погибель снискава. Ербомисе чини, дасу ови сиромаси люди, когасу народа были да были, кадъ већъ выше знали нису, гдисе находе, на ове морске седре, коесу сасвимъ у води сакривене быле, ноћномъ силнимъ восточно-сѣвернимъ вѣтромъ бачени были. Можетъ быти, да они Острова видѣти могли нису; ербо кадбысуга видѣли, то бысе они, као штосамъ я мыслію, потрудити морали, да бысе у чамцу ныномъ овде насуво избавити могли. Али ныно пуцанѣ, особито кадсу они, као штосамъ я помыслію, мою ватру видѣли, проузроковало э мени опетъ различните мысли. Найпре помисліосамъ, кадсу они ватру мою усмотрили, дасу можетъ быти, у чамацъ нынъ ушли, трудилисе, дабысу къ сувоме доћи могли, али када э море верло высоко нарасло, на страну бачени были. Далѣ помисліосамъ, дасу они

они можетъ бити чамацъ нынъ изгубили, као штосе то у многими случаи догодити може, особито ако таласи и волна врло о лађу удараю, гдисе често чамацъ на двое разсећи, или собственомъ рукомъ отъ лађе бацити мора. Други кратъ опетъ помисліосамъ, могли су они у каковой другой лађи или съ лађама у содружеству быти, коису къ ныма на ныно нужде пуцанъ на помоћь дошли, и ны къ себи примили. И томиисе за вѣроятно быти учинило, да сусе они сви заедно у нынимъ чамцу на воду описли отъ оне рѣке, коя э и мене похитила была, у велики *Океанъ* похищени были, гди э на ны неволя и пропасть очекивала, и гдиђеду они можетъ быти еданъ другога отъ глади извести мораш.

Но све ово далъ ништа ніе было него само едно размышлѣніе. Я дакле у овому стању, у коемусамсе находіо, ништа друго чинити нисамъ могао, нежели неволю ови сиромаха люди размышляваш, и о ныма соболѣзноваш. Случай овай имао э найманъ доброе дѣйство кодъ мене, да э онъ мене свагда выше повода дао Богу благодарити, коисе за щастіе и увеселеніе мое, такожде и у овому изостављѣному стању овако отечески побринуо, дасу већъ две лађе у

овой

овой части свѣта Кораблѣкрушеніе терпиле, и кромѣ мене еднога ни една душа ніесе спасла. Изъ овога научіосамъ на ново познаваш, да насъ провидѣніе Божіе рѣдко у онаково хрђаво станъ живота или у онакову велику неволю поставля, гди мы небы свагда многое, што нашу благодарность изискуе, нашли, и други іошт у много бѣдныма обстоятелстви стаяти могу, нежели мы.

Ово э доиста случай кодъ ови люди было, гди я ни найманіомъ сѣнкомъ истине само мыслитисамъ могао, дасе э само една душа отъ ныхъ спасла, Све штосамъ я разумнимъ начиномъ іошт желити или надатисе могао, было э то, дасу они можетъ быти отъ какове друге лађе нынога содружества примлѣни быти могли; а и то э было само еданъ могућни случай, о коему я ни найманѣга знаменія или сѣна нисамъ видѣо.

Никакове речи нису доволно силне внутреню желю и закгеванъ исказати, кое э душа моя при овому взору чувствовала, и коесусе кадъ кадъ у ове речи просуле: Кадбы само еданъ или два, ахъ! само еданъ отъ лађе избављѣнъ и къ мени дошао было! дабысамъ точію само еднога содружника,

едно

едно созданіе мое врсте имао, съ кимбысамъ говорити и дружитисе могао. Цѣло э време мога самоѣнога живота нисамъ іошъ никада овакову озбилску топлу желю за содружествомъ мое врсте созданія имао, и іошъ никада овакову внутреню жалость за недостатокъ таковимъ чувствовао!

Имаду нѣки подбадачи у нашима пожеланіяма, кои, кадъ гдигодъ каковимъ предмѣтомъ близу или далеко, души силомъ, убавлѣнія крѣпости, присуствующъ быва, и у движеніе ставлясе, и душу съ таковимъ силнимъ нестерпѣніемъ за оними предмѣтомъ похищаваю, да отсуствіе таковаго предмѣта ніойзи сасвимъ несносно есть.

Оваковога истога Качества былесу оне внутренѣ желѣ: кадбысе само еданъ едини человѣкъ оттудъ спасти могао! *Само еданъ едини! Само еданъ едини!* — Ове речи: *еданъ едини!* есамъ доиста тисящу кратъ повторіо; и желя моя была э съ тимъ тако возбуждена, да кадсамъ то изговоріо, рукесамъ тако склопіо и прсте тако яко стискао, дабысамъ све оно, штобысамъ у руку имао, было здробіо; и зуби мои тако тврдо шкрипанѣмъ стискошесе, да ихъ за дуго расклопити немогу.

Све

Све то и причину и начинъ како то быва, нека естества испытатели изясне. Све што я о томъ сказати могу, есть то, да я вещь башъ самъ описуемъ, коя э вещь за мене самога доволно чудна была, кадсамъ ю примѣтіо и разабрао, ако башъ праву причину отъ тога сказати немогу; морало э можетъ быти дѣйство мои тепли и жестоки представлѣнія у моей души быти, кое э услажденіе, штобы содружество еднога моега сохрістіанина мени было содѣйствовало. Но то еданъ кратъ да рекнемъ ніе хотело быти: нынъ или мой случай или можетъ быти обоихъ судбина, ніе допустила да то буде. Ербо башъ до послѣднѣ године моего овде бытія нисамъ искусіо никада, елисе ткогодъ отъ оне лађе избавіо или не; и имаосамъ само нѣколико дана затимъ, на мою велику жалость ужасни взоръ еднога утоплѣнога Матроса на верху Острова, гдіе разбитокъ или комадъ отъ лађе лежао, на брегъ дотерана видѣти. Онъ на тѣлу ништа имао ніе, кромѣ обыкновени матроски перслукъ, платнене чакшире, и платнену кошулю; али ништа изъ чегабы я познати могао, кога э народа онъ было. У нѣгови жепови ніе было ништа другога нежели два таліра, и една

лула; коя э замене много вредныя была, нежели оно сребро.

Садъ кадъ э већь море тихо было, имаосамъ велику желю у чуну моему къ оному остатку ићи, не дабы у памети имао, даћу я тамо штогодъ наћи, штобыми отъ потребе было; и томи ніе лежало тако врло на сердцу, као могућность, него то мыслїосамъ, даћу тамо, каково живо созданіе наћи моћи, коему, несамо штоћу я животъ спасти, него башъ и мой собствени овимъ случаемъ много благополучныи учинити могу. Овай э помысль мене тако усилявао, да я данъ и ноћь мира имао нисамъ, докъ нисамъ у чуну моему къ оной разлучаной лаћи отишао, а друго како было, да было, отложїосамъ све Божїему провидѣнію; еданъ краћъ было э удрученіе, кое э ово души моей учинило тако силно, да я нѣму башъ отнюдъ противостати нисамъ могао, и нѣга за нѣки невидими знакъ држати морао, кога ако неучинимъ, хоћу врло согрѣшити.

Силомъ овога удрученія принужденъ поспѣшїосамъ у градъ мой натрагъ и прибавїосамъ абіе све што э къ путешествію моему нуждно, спремїосамъ хлѣбъ, еданъ велики бокалъ фришке воде, Компасъ, едну

флашу

флашу сладке ракіе, (ербосамъ отъ таковогъ їоштъ свагда доста имао) и едну пуну котарицу суварка. Овако сасвима потребностми натоваренъ, отишаосамъ къ моему чуну, и исплюскаосамъ воду изъ нѣга, преправїосамга за пловъ, и сложїосамъ савъ мой товаръ на нѣга, пакъ опетъ повратїосамсе кући, да їоштъ штогодъ више узмемъ, мой другїй товаръ состояосе изъ еднога великога жака пунъ пїрінча, солнечномъ обраномъ (щитомъ) їоштъ еднимъ пунимъ лонцемъ фришке воде, їоштъ изъ еданъ паръ тестета мой мали самунчића, или пита, ечменогъ хлѣба, съ едномъ флашомъ козїега млека, и еднимъ сиромъ: Све ово донеосамъ съ великимъ трудомъ и зноемъ на мой чунъ; и помолїосамсе Богу, дабыми на путу моему помощникъ быо, и отискаосамсе отъ брега. Возећи нѣкое време све покрай бреговъ дошаосамъ найпослѣ до крайнѣга верха острова на овой странѣ, то есть Сѣверно-Восточнѣ. Али э садъ нато дошло на океанъ прострэни навести и упустиписе; хоћулисе усудити или не? Промотрїосамъ издалека рѣку, коя э съ обадве стране острова непрестано текла, откоесамсе верло уплашїо, кадсамсе погибели оне опоменуо, у коейсамъ

већь еданъ кратъ овде быо, и онда изгубiосамъ сву бодрость мою; ербосамъ я iоштъ напредъ промислiо, да ако я у едну отъ овы рѣка паднемъ, даћу верло далекъ путь на море, и можетъ быти тако далеко на пучину отеранъ быти, даћу и сама острова изъ очiю изгубити, и къ нѣму выше никоимъ начиномъ досягнути моћи; пакъ онда, ербо э чунъ мой верло маленъ быо, кадбысе найманъ штогодъ вѣтра дигло, тобы я доиста безъ свакаго избавлѣнiя изгублѣнъ быти морао.

Овесу мысли мене тако убиле, да я отъ намѣренiя и предзватiя мога сасвимъ престати хтедо, и будући дасамъ чунъ мой у едну малу зашкулину къ брегу привукао, изишаосамъ на суво, и сѣосамъ на еданъ мали брежулякъ сасвимъ дубоко замышлѣнъ моћу страхомъ и желiомъ. Сѣдећи овде у таквомъ размышлѣнiю усмотрiосамъ, да э припливъ наступати почео, кои э пловитву мою за нѣколико часова невозможну учинiо. Овдеми э абiе на умъ пало, дасе на найвыши брегъ попнемъ, кои преће наћи могу, и свакимъ начиномъ теченiе и управлѣнiе рѣкахъ да примѣтимъ, кадъ припливъ наступи, дабы изъ тога разабрати могао, ако я еднимъ путемъ на море бачень бу-

будемъ, опетъ другимъ и ономъ похищаемомъ хитростiю рѣкахъ опетъ натрагъ дотеранъ быти могу. Какоме тай помысль у паметъ дошао, баџiосамъ очи мое абiе на едно мало бердашце, сь косго море на обадве стране прегледати мого, и такожде доволно ясно рѣке и времени входъ приплива, и кой путь натрагъ узети морамъ, примѣтити могаосамъ. Овде нашаосамъ дакле, да како годъ рѣка приплива сасвимъ близу отъ южне стране, тако и рѣка отплива близу брега сѣверне стране течаше, и да я себе, кадсе натрагъ вратимъ, само Сѣверо-странѣ къ острову держати имамъ, и онда хоће све добро поћи.

Овимъ примѣчанiемъ сь новомъ бодростiю одушевлѣнъ заключiосамъ дакле первога iутра сь первимъ отплывомъ отиснутисе, и какосамъ послѣ ноћь подъ великимъ кабатомъ у моему чуну преспавао, абiесамъ тай данъ себе на путь отправiо. Съ почетка управiосамсе малко на воду, то есть: сь руке Сѣверно, докле нисамъ стао праватъ рѣке примѣчавати, кои э Восточнѣ ишао, и мене по доста добаръ комадъ похитiо, али не онако верло као штое пређашня южна рѣка учинила, и да я небы у-

сосiо-

состоянію био мой чунъ управляти: него само съ весломъ остро управляюћи пловіосамъ управо къ срушенію лаће, и до 2: сата већсамъ онде био.

Воистину овое ужасни взоръ био оваково штогодъ погледати. Лаћа, коя по направи гледећи шпанска э быти морала, заглавилась э међу две камените седре крѣпко. Цѣла стражня часть или фара была э силомъ моря у комаде разлупана, а предня часть, коя э међу седрама была, морала э съ великомъ силомъ међу ны натерана быти, ербосу велика и предня капарка съ мѣста исторгнуте и доле оборене быле, а кровъ іошћъ савъ цѣлъ бяше. Кадсе већь онамо приближи, изишао э еданъ пасъ, кой кадъ э мене угледао, лаятіе и цыкати стао, и кои, какосамга вабнуо, у воду э скочіо и къ мени допливао. Ясамъ нѣга уфатіо и у чунъ мой бацыо, и видѣосамъ, да э онъ отъ глада и жеће полакъ мертавъ быо. Бацыосамъ нѣму дакле еданъ отъ моихъ сомунчића, кога э онъ съ яростію куряка, кои э 14: дана у снѣгу лежећи гладовао, изѣо. за тимъ даосамъ овому сиротному звер-чету малко фришке воде, отъ коебы онъ быо, кадбысамму допустіо, толико дуго піо, докъ небы манькао.

Сад-

Садсамсе попео на лаћу. Перво штосамъ усмотріо; быласу! два человѣка, коису у кухини или преднѣй части лаће удавлѣни были, и коисусе руками крѣпко еданъ другога загрлили были. Отъ овудсамъ дознао, као што и истина есть, дае буря морала верло высоко преко лаће укаши, башъ кадсе насукала была, и тако непрестаюћи груваши морала, да люди усостоянію нису были такову отерпѣти, и отъ непрестано нападающе воде тако исто, као дабы и подъ самомъ водомъ были, скапати морали.

Окромъ овога еднога пса, ніе выше ништа на цѣлой лаћи было, штобы животъ имало, а такожде и никаковога добра, коликосамъ я годъ видѣти могао, кое отъ воде небы покварено было. Истина, усмотріосамъ два бурета съ пићемъ далеко унутра лежаща, када э вода већь уступила была, али знати нисамъ могао, ели ракія или віно у ныма было, но бурадъ верло велика быше, да я съ ныма ништа чинити немого. Него нѣколико сандука, коису по прилицы галіашки были, узеосамъ и донеосамъ на мой чунъ неотвораюћи и негледаюћи, шта упыма быши може.

Кад-

Кадбы стражня часть лађе читава а предня покварена была, тобы мени по свой прилики трудъ мога пута верло добро плаћенъ био. Ербо по ономy, штосамъ у сандуцы нашао судећи, морала э лађа неоцѣннена богатства у свому магазину имати, и по теченію, кое э она за свой путь предузела была, безъ сумнѣ отъ тако називаемыхъ мѣстахъ *Буеносъ*, *Аїресъ*, или отъ *Рїо* дела платна у южнима частма *Америке*, преко *Бразїлїе* горе до *Хафаннаа* у *Мексиканскимъ* пристанищамъ и тако далѣ у *Шпанїю* опредѣлена быти. Коликосу велика та богатства была, да была, коя э она съ собомъ носила, то докле она садъ ни едному человѣку, кои э годъ на лађи био, накакову ползу небыше, и штосе съ прочимъ людствомъ тамо случило, іошть онда знао нисамъ.

Окромъ сандука нашаосамъ іошть едно мало буренце, рецы отъ 20: мѣра якога пића, коесамъ съ великимъ трудомъ на мой чунъ донео; у соби быше нѣколико пушака, єданъ великій рогъ за барутъ, у коему э рецы до 4: фунте баруша было. Пушке, кое нисамъ требовао, оставіосамъ онде лежеће, а барутъ узеосамъ сасобомъ. Узеосамъ такожде ватраль, клѣште, коесами

ми э верло отъ потребе было, іошть къ тому два бакрача, єданъ ибрикъ за чоколаду, и єданъ рошпиль. Съ овимъ товаромъ и съ пcомъ отправіосамсе я, ербо э припливъ опетъ растити почео, моимъ путемъ натрагъ, и дошаосамъ ту исту вечерь, но єданъ сатъ касніе ноћу, крайнѣ уморанъ и утрудженъ на островъ.

Ову ноћь преспаваосамъ у чуну и сутра уютру намысліосамъ ове добыте вещи у мою магазу (яму) спремити, а не къ сталному граду моему носити. Послѣ какосамсе мало окрѣпіо, изнесаосамъ цѣли мой еспапъ на брегъ, и почеосамъ све комадъ по комадъ разгледати. Буренце оно съ пићемъ, како штосамъ нашао, была э сладка ракія али не онаковога начина и онако добра, као наша у *Бразилїи*. А кадсамъ сандуке отворіо, нашаосамъ у ныма многе вещи, коесуми отъ потребе быле. Нашаосамъ н: п; у едному сасвимъ прекрасна канавета за флаше, отъ чрезвичайно краснога посла съ чистимъ и верло добримъ кардіаломъ напунѣна (мирислива вода отъ *Аромата и Алоева*:) у сваку отъ ови флаша могла э отприлике полдруга мѣра стати, и на верхусу све сребромъ оковане быле. Такожде нашаосамъ два лонца пуна Суккадо

до сЪ шећеромЪ начинѣне вещи тако добро затворена, да слана вода ныма никакове штете учинити ніе могла; іоштЪ такова два лонца, кое э обаче вода покварила. ДалЪ нѣколико добри кошуля, о коимсамЪ башЪ казати могао, дасуми добро дошле; и до полЪ туцета бели платнени у жепЪ, и шарени на вратЪ марама. Овесуми башЪ верло отЪ потребе и чрезвичайно угодне биле, ербосамЪ сЪ ныма, када э данЪ верло топаль быо, зной сЪ лица убрисати могао. КадсамЪ затимЪ на фіочице у сандуцьа дошао, нашаосамЪ іоштЪ три велике кесе пуне *Шпанскій* таліра, коихсе у числу до 1100: комада состояло; и у едной отЪ ови кеса 6: комада злата и нѣколико мали грудица злата, кое э рецы све заедно до едну фунту тешко быти могло, у папіеру завіено.

У другому сандуку быше, као шпомисе учинило, нѣколико комада халата али отЪ мале цѣне, изЪ свію обстоятелсьви судећи морао э онЪ настойникова остава быти, ако башЪ и никаковога другога баруша овде ніе быо, него рецы до 2: фунте фіногa у 3: флашице, кои э безЪ сумнѣ за птичарице спремљенЪ быо. Вообще нисамЪ на овому путу ништа добіо, шпобыми на

на какову особну ползу быти могло: Ербо шпосе э новца дотицало, тога нисамЪ ни на какови начинЪ употребити могао, и онисуми были толико исто вредни, како годЪ и блато подЪ ногама, какобы я сдраге волѣ све оно, шпосамЪ годЪ отудЪ донео, само за два или три пара Англійскій цыпела и чарапа дати хотѣо. Овоеу быле вещи, за коимсамЪ я отвыше гинуо, ербо ихЪ већь отЪ много година на ноге мое обуо нисамЪ. Истина дасамЪ еданЪ парЪ ципела оному утоплѣнику сЪ ногахЪ свукао, іоштЪ еданЪ парЪ нашаосамЪ у едному отЪ ови сандука, о коемсамЪ отЪ выше радоспанЪ быо; али шакове нити у доброти ни у угодности сЪ нашима Англійскима далеко сравниписе немогу, него вообще или много выше оно быше, што мы шлопаре а не цыпеле называмо. У другому матроскому сандуку нашаосамЪ 50: комада шпанскій таліра али не у злату.

И ове новце дакле скупіосамЪ и отнеосамЪ у мою магазу како годЪ и оне перве, коесамЪ на нашой лађи нашао; али э вѣчна штета была, као шпосамЪ казао, да она друга страна лађе ніе на мою ползу была: ербосамЪ то знао извѣстно, дабы я мой чунЪ нѣколико крати сЪ самимЪ

зла-

златомъ натоварити могао, и да кадбы већь єданъ кратъ у *Англію* дошао, међу тимбы оно овде већь доволно сохранѣно было, докъ бы я нѣга отовудъ опетъ узети и отнети могао.

Послѣ какосамъ све вещи мое на суво и усвободу донео, отишаосамъ къ моему чуну натрагъ, и отвезаосамга покрай брега на нѣгово старо мѣсто, гдисамга утвердіо и свезао; и шпосамъ скоріе могао опетъ къ моему старому обиталищу повратіосе, гдисамъ я све тихо и мирно и удоброму станю застао. Садсамъ започео малко отпочивати, по старому обычаю моему живити, и моя домашня дѣла прискорбляваши. Овако дакле живіосамъ нѣкое време верло мирно и угодно; само дасамъ позорніи было нежели иначе, честосамсе отвраѣао и огледао, и неисходи често на полѣ. Кадсамъ кадъ кадъ мало и безбрижніе на полѣ усудіосе, тое свагда къ восточной страни острова было, и гдисамъ извѣстанъ быо, да никакови дивяцы недолазе, и гдисамъ я безъ толике многе опасности, и безъ толикога бремена, оружія, косамъ свагда, кадсамъ другимъ коимъ путемъ ишао, собомъ узети обычествовао, уѣи могао.

У

У оваковому станю живіосамъ іошть едно 2: године непреривно. Али луда глава моя, коями э свагда примѣтити дала, да э она само зато на мени, дабы тѣло мое несрећно учинила, была э цѣле ове 2: године съ самима планови и совѣти напунѣна, небыли могуће было изъ овога острова измакнути? кадъ кадъ помысліосамъ іошть едно путешествіе къ оной разбіеной лађи учинити, акоми э башъ и паметъ моя ясно казивала, да тамо выше ништа нейма, штобы трудъ платити могло, онамо иѣи. Кадъ кадъ имаосамъ волю часъ овамо часъ онамо проходити и лутатисе, и мыслiосамъ доиста, кадбысамъ онай чамацъ имао, у коемусамъ изъ *Салее* побѣгао, я бысе у нѣму на срећу упространость моря у пустити усудіо, и башъ незнаюћи камо и на кою страну?

Ясамъ свакій кратъ, и у свима мойма обстоятелстви увѣщателни примѣръ за онакове было, койсу общомъ болестію человѣческаго рода, откуду доиста половица отъ све ныне неволѣ приходитъ, отровни; а съ тимъ найменовано, да они съ онимъ станѣмъ никада удоволни нису, у кое э ны Богъ и естество поставило. Недолазећи обаче садъ къ моему первому

станю

станю, и преизрядному совѣту отца моего натраг, (упорство, противность, спроћю коего мой наслѣдствени грѣхъ, какога башъ и назвати могу, бяше:) тосу дакле мое послѣ пришедше погрѣшке овога начина свагда средство было, чрезъ коесамъ я у ово неволно станѣ дошао. Ербо кадбы я было у благощастному станю, у кое э мене провидѣніе Божіе у *Бразилію* метнуло, мое излишене желѣ зауздати знао, и себе сопимъ у доволствовао, мало по мало далѣ доћи, то бы я онда (доксамъ на острову было:) еданъ отъ знатнѣйшихъ садовъ строителя у *Бразилій* быти могао. Ясамъ увѣренъ было, изъ подизаня и поправлѣнія, коесамъ у оному краткому времену већ учинио было и изъ далѣга доброга напредка, конбы безъ сумнѣ и слѣдовао было, судећи; могаосамъ сто тысящь *мойдоровъ*,* у моему имѣнію лако имати, што э дакле мене могло на овай несрећни случай донети, извѣстно имѣніе, добро уређени и снабдѣвни садови, консу свагда выше, и болѣ предуспѣвали, изоставити, и као терговацъ у *Гвінеу* иѣи, да

(*) Знатна Бразілска монета отъ 7мъ Таліра.

да тамо Негровъ купимъ и доведемъ, меѣу коимсамъ я терпѣніемъ и прилѣжаніемъ мой капиталъ кодъ куће толико умножити могао, дасамъ я ны отъ они, коихъ э то дѣло было, ны овамо доносити предъ моима врати купити могао. И акобыме башъ и выше штогодъ коштовало, то ніе была ова багателна разлика цѣне никоимъ начиномъ вредна тога ради овакой великой погибели себе подвергавати.

Али како э ово обыкновено млади безразсудни глава; такое исто обыкновено послѣ и разсужденіе, кое они о нынимъ будалаштинама чине, дѣло зрѣли лѣта или друго куплѣно искуство, тое исто дакле и кодъ мене было. И преко свега я іоштъ никадъ нисамъ могао, тако э дубоко ова погрѣшка у моему мнѣнію начину коренъ усадила, съ моимъ станѣмъ задоволянъ быти, него мораосамъ непрестано за средствомъ мыслити, какобысамъ могућно учинити могао изъ овога мѣста себе избавити, можетъ быти, даћеду мои читатели съ већимъ услажденіемъ іоштъ и далшей части мое повѣсти слѣдовати, кадъ я ныма о первима моима умствованіяма, коя э луди совѣтъ, изъ острова отићи кодъ мене проузроковало, и на ако-

ковомъ темелю себе оснивамъ, извѣстіе дадемъ.

Да представимо, ясамсе находіо послѣ мога послѣднѣга путешествія къ оной разбіеной лађи у моему граду, чунъ э мой на води у заклону и свободи быо, и живіосамъ као и прѣће у моему обыкновеному стаю. Имаосамъ доиста и выше новаца нежели прѣће, али съ тимъ нисамъ нимало богатіи постао, ербо я отъ тога нисамъ имао выше никакове ползе, него штосу *Індіани* у Перру имали, прѣће него штосу *Шланіери* онамо дошли.

Была э една отъ ноћи онога киш-ного времена у марту у 24 *мѣ* лѣту мога первога дошествія на Островъ ове самоћ-ности, кадсамъ я башъ у моему лађар-скому кревету лежао сасвимъ здравъ безъ печали, безъ болести, безъ неугодности ни у тѣлу, ни у души, али опетъ очи къ сну затворити нисамъ могао ни еднога часа цѣлу драгу ноћь.

Колико э неможно толико э излишно, оно неизброено множество мысли назна-чити, коесумисе цѣлу ову ноћь по гла-ви мутиле. Представіосамъ себи цѣлу повѣсть мога живота башъ до самога мо-га дошествія на овай Островъ у моему умно-

умному описанію (ако себе тако изясниши смѣмъ) и затимъ такожде време, коесамъ на овому Острову провео. Сравніосамъ благополучно качество мога станя у первима лѣти мога овде бытія съ слѣдствомъ у-жаса страха и бриге, у коимасамъ ово цѣ-ло време живіо, откакосамъ ону стопу у песку видіо. Не тога ради дабысамъ о томъ сумняо, дасу дивяцы цѣло ово време и че-сто Островъ посѣщавали, и коихъ э мо-жешь быти кадъ кадъ и стотина на бре-гу быти могло; и будући да я о томъ ништа нисамъ знао, слѣдовательно отъ то-га и страшитисе нисамъ имао, то э о-петъ удовольствіе мое сасвимъ совершено было, акосамъ я башъ и у немалой поги-бели живіо; а будући да я погибель мою нисамъ знао, тосамъ я опетъ преко свега доволно срећанъ быо, башъ као да небы таковой погибели ни подверженъ быо. Ово-ми э дало поводъ къ многимъ прехвал-нымъ разсмотреніямъ, а особито овимъ: како э іошть преко свега благо и добро провидѣніе Божіе, да э оно у управлѣнію своему съ человѣческимъ родомъ нѣговога примѣчанія, и познанства вещей такове тѣсне предѣле поставило; ербо кадъ онъ башъ често посредъ тисящу погибели хо-

 дитъ,

дитъ, кое кадъ онъ ны дозна, нѣга сасвимъ смуте и све бодрости лише, но онъ сасвимъ миранъ и веселъ остане, ербо э слѣдство вещей отъ очію нѣгови свагда сакривено и погибели, кое нѣга окружаваю, отнюдъ непознае.

Съ овима мыслима забављаюћисе нѣкое време дошаосамъ садъ баш на саму дѣйствителну погибель, у коейсамъ толико много година на овому Острову био; и какосамъ у найвећой свободи и миру свуда ходіо, кадъ э можетъ быти ништа друго него само верхъ еднога брдашца, једно велико дрво, и случайно приближеніе ноћи между мною и найгоромъ пропастію было, то есть: человѣкоядцемъ (дивякомъ) у руке пасти, коибысу мене у тому истому намѣренію напали были, какогодъ што я козу или корнячу, и низакакови већи грѣхъ небысу держали мене убити и изѣсти, него какогодъ што и я еднога голуба или морскока пѣтла. Я бы самъ себи неправо учиніо, акобысамъ рекао, да я небы изъ свега сердца моему Вседержителю и хранителю благодаріо, кога цѣлое особное храненіе, коесамъ съ глубочайшомъ кротостію признао, мени сва ова несамо еданъ кратъ познана избављенія преписати и-

мамо,

мамо, и безъ коихъ бы я сасвимъ неопходително у ныне немилосердне ногше пасти морао.

Кадъ већ ове мысли прођоше, имаосамъ за нѣкое време разсмотренія о качеству ови гнусни созданія, то есть дивяковъ, како то быти можетъ, да мудри Владѣтель свію вещи само нѣкое своихъ созданій у оваково безчеловѣчіе и доиста іошт къ чему горему, нежели штосу дивіи звѣри, то есть свою собствену браћу изѣсти предати э могао? А кадсе ово съ нѣкоима онда іошт сасвимъ неполезнима мыслима и планови окончало, дошаосамъ већ на то баш извидѣти, у коей части свѣта ови безчеловѣчницы живѣши мораю? Коликобы далеко было до онихъ бреговъ, отъ кудъ они долазе? Шта раду они, када тако далеко изъ землѣ изилазити усуђуюсе? Какови начинъ чунова они имаду? и немогулисе и мое вещи тако уредити, дабы я тако исто онамо ићи могао, као што они овамо приходе?

Штобы онда чинити започео, кадбы већ онде было? И штобы отъ мене было, кадбы дивякомъ у руке пао? И какобысамъ умакнути могао, кадбысуме они потерали? и то све ніе учинило мени никакове бри-

ге. Я ни помисліо нисамъ никадъ на то, ни какобыми могуће было брегъ нынъ досагнути, а ныной потери и вребаню неподлежати, и отъ ны избѣгнути моћи. Међемъ и тай случай, башъ ако небысамъ у нынѣ руке и пао, отъ кудбы што за храну добіо, и кудабы теченіе мога пута управіо? Отъ свію ови мысли могу казати, ніеми дошла ни едина у паметъ; него само душа моя съ тимъ э напунѣна была, какобы я съ чуномъ моимъ гдигодъ къ сталной земли приплити могао. Садсамъ стао опетъ на мое садашнѣ станѣ и живлѣнѣ гледати, као на каково найневолиіе и найгоре, коесе икадъ помислити можетъ, и да кромѣ смерти саме я ни у каково веће зло пасти немогу. Дошаолибы я еданъ кратъ къ сталной земли, тобы могао можетъ быти онде какову помоћь наћи, илибысамъ могао, као штосамъ кодъ бреговъ *Афріканскихъ* учиніо, по край брега пловити, докбы гдигодъ къ каковой обитаемой земли дошао, гдибысе какове помоћи надати могао. Можетъ быти, шко зна? дабысамъ гдигодъ на какову хрістіанску лађу ударіо; коябыме примила и акобы зло на горе дошло, то небы далѣ ништа могло быти, нежели умрети, и ондабы сва моя

неволя

неволя на еданъ кратъ совершени конацъ пріимила. Прошу примѣтити, да э свеово страхъ смутне душе, и нестерпѣливога мнѣнія быо, кои э долгимъ траянѣмъ мое неволѣ у отчаяніе доведенъ быо; къ чему э іошт и преварена надежда дошла, гдисамъ я већь оно, штосамъ найвећма желіо, близу быти мыслio, то есть на оной разбіеной лађи кога годъ наћи, съ кимбысамъ говорити и дружитисе могао, и отъ когабы я извѣстіе о мѣсту мога пребыванія и о средствахъ себе освободити искусити могао. Чрезъ све ове мысли, говоримъ, дошаосамъ у велико неспокойство сасвимъ. Све мое душевно спокойство при преданію воли Божіей, и очекиванѣ края о судбинамъ Небеснимъ садъ э на еданъ кратъ престало, и да тако рекнемъ, сва сила былами э отузета, дабы мысли мое гдигодъ на штогодъ друго управити могао, него башъ на само путешествіе онамо къ сталной земли, кое э мене съ таковомъ пагло-стію и съ таковомъ нестерпѣливомъ желіомъ пресмлявало, да я тому никоимъ начиномъ противо стати нисамъ могао. Кадъ э већь све ово читава два сата дуго мысли мое съ таковомъ жестокостію узнемирило, да э крвъ моя отъ чрезвичайне

тепло-

теплоте, у кою э душа моя тога ради пала
была, започела дизатисе, и жила моя тако
нагло као у грозници ударала: занесло э
мене само естество, као дабы оно отъ
сами ови мысли утруждено и почерплѣно
было, у нѣки здрави и кротки санъ. Садъ
да помыслимо, ябысамъ отъ тога снивати
морао, али я нити отъ тога, нити отъ
шта другога, штобы съ тимъ у каковомъ
союзу стаяло, саня; негосамъ снивао, да-
самъ я уютру као што э обыкновено изъ
мога града на полѣ изишао, и на еданъ
кратъ кодъ брега 2ва чуна и 9тъ дивяка
усмотріо, коису на суво излазили, и
іоштъ други дивяка съ собомъ донели, кое
су они баштъ заклати и изѣсти хотели.
Кадъ на еданъ кратъ али изтржесе и иско-
чи баштъ онай дивякъ на страну, когасу уби-
ти хотели, и бѣжао э штогодъ э могао,
дабы животъ свой спасао. Менисе учини-
ло у сну, да э онъ управо къ моей малой
шумици, коя э предъ градомъ моимъ ста-
яла, бѣгао, дабысе тамо сакріо, и я кад-
самъ нѣга сама видѣо, а не смотріо оне,
коига тражише, показаосамсе нѣму, и гле-
даосамъ нѣга моимъ дружескимъ осмѣяніемъ
бодростію напоити. Онъ э пао предамномъ
и являшесе мене молити, даму помогнемъ.

Затимъ

Затимъ показаосамъ я нѣму мою лѣствицу,
даосаму дасе попне горе, отвеосамга у мою
магазу, и онъ э постао моимъ слугомъ.
Какосамъ овога человѣка добіо, рекаосамъ
самъ у себи; садсе могу слободно къ стал-
ной земли усудити; ербо овай юноша хо-
ћеми за корманоша служити, и мени кази-
вати што я чинити, и куда иѣи морамъ,
дабы средства къ препитанію добіо, и кудъ
валя да неидемъ, да небы изѣденъ быо; къ
коима мѣстма смемсе усудити и коихсе
ошаяваши имамъ. Башъ у средъ ови мысли
пробудіосамсе, и чувствовао неисказано у-
дручені радости о близъ стоящей наде-
жди мога избавлѣнія у сну, кадъ небы неу-
доволствіе, коесамъ я осѣшіо, кадсамъ већь
къ себи дошао, и видѣо, да э то све точію
еданъ санъ, съ друге стране опетъ толи-
ко невоздержливо было есамъ, и себе у найве-
ће отчаяніе бацыти.

Међу тимъ изъ овога учиніосамъ я
опетъ совѣтъ, да едно едино средство
отовудъ избѣгнути есть еднога дивяка у
власть мою добити; а наимено, ако могуће
буде, онаковога, когасу они опредѣлили изѣ-
сти, и овамо донесли нѣга овде убити.
Но ове мысли быше свагда съ теготомъ
спрегнуте, да неће можно быти то у дѣ-

ло

ло ставити, да небы цѣли полкъ нынъ напасти валяло, и ны свїю пошуѣи. И ово небы само очаятелно предвзятїе точїю было, него може їошть и врло лако несреѣомъ фалило. На другой страни имаосамъ такожде велику сумню, о правди оваковога поступка, и сердце мое при оваковомъ помыслу трепеташеми у перси толико много крви пролити, акобы то башъ и за избавлѣнїе мое было. Причине, коесуми на противъ тога на умъ пале, нећу овде да повторавамъ, ербосу то быле башъ оне исте, о коимасамъ већь преће говорїо. Али преко свега акосамъ я башъ и друге причине на противъ тога ставити имао, него само дабы ови люди непріятели мога живота были, и менебы доиста изѣли, кадбысу само могли; и дабы я овде тако добро къ моему собственому защищенїю чинїо, како дабысуме они башъ дѣйствително напали были, и прочая. Говоримъ, ако башъ и све ове вещи за мене говоре, то опетъ помыслъ за мое освобожденїе крвъ человѣческу пролити быо э ужаснъ, и нисамъ могао за дуго времена о томъ нинакои начинъ самъ сасобомъ уединитисе.

Послѣ многе тайне распрѣ у самъ себи, и послѣ многога неспокойства и скаћ-

нывања (ербо све ове причине една спроћу друге дуго времена по моей глави боришесе:) одержало э напослѣдокъ усиляемо желанїе за моїомъ свободомъ надъ свему другому побѣду, и намисліосамъ ако могуће буде, еднога овыхъ дивяковъ у руке мое добити, шша стаяло да стаяло. Перво, штосамъ учиніо, былое мыслити какоћу то учинити? Али доиста то э доста тешко было, и я башъ право средство къ тому изнаћи нисамъ могао. Заключїосамъ дакле стражу чувати и гледати, кадћеду они на брегъ доћи; а у прочему слѣдство очекивати, пакъ онда онакова умѣрена правила узети, каковами годъ способъ собомъ донесе, была она каковаму драго.

Съ овимъ намѣреніемъ у самъ себи ставїосамсе тако често, како што э годъ могуће, на мотреніе и вребанѣ, и то доиста тако често, дасамсе отъ нѣга сердечно утрудїо быо. Ербо э то скоро полъ другу годину траяло, дасамъ я непрестанно вребао и найболю часть времена ишаосамъ скоро сваки данъ къ заднѣму краю, и къ Южнѣ-западнѣму верху острова, дабысамъ чунове видїо, али никакови чунъ нїесе дао усмотрити. Ово э мени на послѣдокъ бодрость отузело, и почеосамъ мирни бывати, али то засадашни кратъ онакога

кога дѣйства кодъ мене ніе имало, кое э иначе у шаковимъ случаямъ имало, то есть наглость за вещи самомъ угасити; него э оно іоштъ свагда много яче бывало, коликосе дуже задоволность таковога продужавала. Кратко я нисамъ было съ почетка вѣнь одавно тако забринутъ взорь овихъ дивяковъ ошаяти, и себе чуваши, отъ ны невидѣнъ быши, као штосамъ садъ желателанъ было на ны ударити.

И преко тога ставіосамъ себи у паметь: съ еднимъ дивякомъ кадбысамга имао, и акобы два или три были, съ нимабысамъ фришко готовъ біо и ны надвладао, дабысу они сасвимъ мои робови были, и све што имъ заповѣдимъ, чиниши морали; а притомъ іошть и воспатсшвовао, да они мени никаковога вреда учиниши небы могли. Съ представлѣніемъ ове вещи питаосамсе дуго времена, али іошть свагда ништасе ніе появило, и то іошть свагда у мышлѣню и совѣту остало, ербо отъ долгога времена немогошесе никакови дивяцы видѣти.

Послѣ полъ друге године какосамсе съ овима мысли забаляо, и ны съ таковомъ долгомъ главоболіомъ вѣнь скоро къ ничему излѣши нисамъ могао, ербо никадъ способа неимадо то удѣйство ставиши, сумотріосамъ на еданъ кратъ уютру за

велико чудо найманѣ 5: чунова сви на моей страни острова кодъ брега, изъ коихсу люди сви изашли были, и вечь изъ очію мои изгубилисе. Множество ныно покварило э сва моя предузета правила. Ербо кадъ э чунова толико было, и ясамъ знао, да свагда 4: 6: а другій кратъ и више у едному чуну быши обичествуетъ, то знао нисамъ, шта съ таковомъ вещи мыслити имамъ, и какоћу као еданъ самацъ человѣкъ, ны 20 тъ и до 30 тъ на едзнъ кратъ напасти. Заостаосамъ дакле сасвимъ смутанъ и неутѣшенъ у моему граду. Али абіе свесамъ ставіо у приправность, како годъ штосамъ и преће уредіо было, ако случайно нападенъ будемъ, и быосамъ къ свему, штобысе приключити моглао, готовъ и приправанъ. Послѣ какосамъ позадуго чекао и вребао, нећули какови шумъ отъ ны чути моћи, быосамъ найпослѣ нестерпѣливъ, метнуосамъ мою пушку доле на лѣствицу, и попеосамсе као обыкновено преко обадва члена на бердашце горе, алисамсе абіе тако ставіо, да не бы глава моя выша отъ берда была, тако да они мене никоимъ начиномъ небы опазити могли. Отъ овудсамъ средствомъ мога пусула абіе видѣо, да ны скоро до 30:

имаде

имаде. Коису већь ватру наложили и ручакъ сготовили были, какосу ручакъ готовили и изъ чега э онъ состояо, то видѣти нисамъ могао, али то, дасу они различними варварскими скокови по ныномъ начину около ватре играли, усмотріосамъ.

Доклесамъ я ны овако вребао, усмотріосамъ на пусулъ мой двоицу ови нещастни изъ чунова, гдису они, како штосамъ мыслїо, чувати были, на брегъ влекоме, и тамо на клупу заколѣнія доведене. Еднога отъ ови усмотріосамъ абіе погружена, кои э безсумнѣ батиномъ или дрвеним мечемъ (ербосу они такове правити обычествовали:) могао э убіенъ быти, и двоица или троица абіе предузелису дѣло нѣга за куванѣ или печенѣ исећи, а међу тимъ друга жертва толико дуго онде стаяла э докле на ню редъ недоће. Башъ у оному магновенію ока, кадъ э овай други нещастни себе малко отвезана и свободна осетїо истергаосе, естествомъ, съ надеждомъ къ животу возбужденъ на еданъ кратъ отъ ныхъ, и бѣгао э съ неописаномъ хитростію покрай брега у право на мене, на ону часть брега, гди э мое обиталище стаяло.

Испо-

Исповѣдити морамъ, дасамсе я отъ тога верло уплашїо, кадсамъ нѣга тако близу къ мени терчећа видѣо, а особито кадсамъ нѣга, такомисе учинило, отъ цѣлога онога полка потерана видѣо, садсамсе опоменуо доиста, да већь извѣстно ова часть мога сна у исполненіе долази, и онъ хоће башъ извѣстно у моей шумицы убѣгъ и отбрану тражити, али у прочему нисамъ могао я сну моему никоимъ начиномъ вѣровати, дакеду дивяцы нѣга доонде терати, и нѣга тамо наћи. Ясамъ међу тимъ стаяо вооруженъ и стаосамъ себе опетъ укрѣпляваши, кадсамъ усмотріо, да више дивяка за нимъ у потеру нетерче него троица, и іоштъ више храбрости добіо, кадсамъ смотріо, да э онъ у терчаню отъ ны далеко претежніи и већь э напредъ толико далеко био, и такосамъ видѣти могао, да бы онъ ныма, акобы іоштъ полъ сата тако одержати могао, срећно умакнути могао.

Садъ э стаяо међу мномъ и ныма еданъ савитакъ, о коемусамъ я у первой части мое повѣсти честио опоминаніе чиніо, кадсамъ о моему путешествію къ разбіеной лађи говоріо. Преко овога знаосамъ, да э овай сирома человѣкъ нуждно пливати

мора

мора, ако неће уфаћенъ да буде. Али кадъ
э већь и на то дошло, то нѣму ништа
небы, акое башъ онда и припливъ было,
него скочіо э у воду и препливао э рецы
у 3от5 размаовъ, изишао э срећно на дру-
гу страну брега, и бѣжао э сасвимъ чрез-
вичайномъ якостію и хитростію опетъ отъ
брега. А кадсу она тройца, коису за нимъ
употеру терчали на брегъ свитка дошли,
усмотріосамъ двойцу отъ ныхъ да пливати
знаду, а трећи ніе знао, него стоящъ о-
стао, и мотряше за другима двойномъ,
пакъ затимъ повратіосе мирно натрагъ;
кое башъ и за нѣга верло добро было,
какоћесе послѣ казати.

Овдесамъ примѣтіо, да она двойца, кои-
су пливали, выше него іоштъ два кратъ
толико требовалису преко воде пливати не-
жели онай юноша, кои э имъ утекао. Сад-
самъ осѣтіо верло жестоко и непротивно-
борно побужденіе, да э садъ већь време
себи слугу, и можетъ быти содружника
и помощника прибавити, и дасемъ отъ
провидѣнія башъ ясно позванъ животъ о-
вога сиротнога человѣка спасти. Абіе сни-
шаосамъ съ лѣствице са своимъ возмож-
номъ поспѣшностію доле узеосамъ мое две
пушке, коесу чело лѣствице прислонѣне
было,

было, попеосамсе съ таковомъ истомъ хи-
тростію опетъ на бердо горе, потекаосамъ
управо къ морю, и дошаосамъ ербое путъ
верло кратакъ было, и све низъ бердо было
међу бѣгунце и тераоцы. Повыкаосамъ ово-
му первому ясно. Онсе э осврнтіо на-
трагъ, могао э обаче съ почетка отъ мене
тако исто, како годъ и отъ нѣгови непрія-
теля уплашенъ быти. Алисамъ я на нѣга
абіе рукомъ мануо, дабы онъ малко натрагъ
уступіо, и поступіосамъ међу тимъ са-
свимъ полагано на нѣгова обадва тераоца,
напаосамъ на еданъ кратъ изненада на ово-
га преднѣга, треснуосамга съ кундакомъ
отъ пушке, и оборіосамга къ земли, ер-
бо пуцати нисамъ было радъ, да они дру-
гіи небысу чути могли, као што у ова-
ковомъ отдалѣнію и нису могли, и да имъ
такожде видѣти нису могли, то дакле ни-
знати нису могли, штобысу изъ тога чи-
нили. Кадсамъ овога первога утукао, остао
э онай другіи нападатель стоећи, као да
отъ страха небы далѣ бѣжати могао, ясам-
се абіе на нѣга устреміо. Али кадсамъ
ближе нѣга дошао, усмотріосамъ абіе, да
нѣму стрѣла преко рамена виси, съ коіом-
се онъ приправляо башъ на мене бацати.
Ясамъ себе дакле принуждена видѣо преће

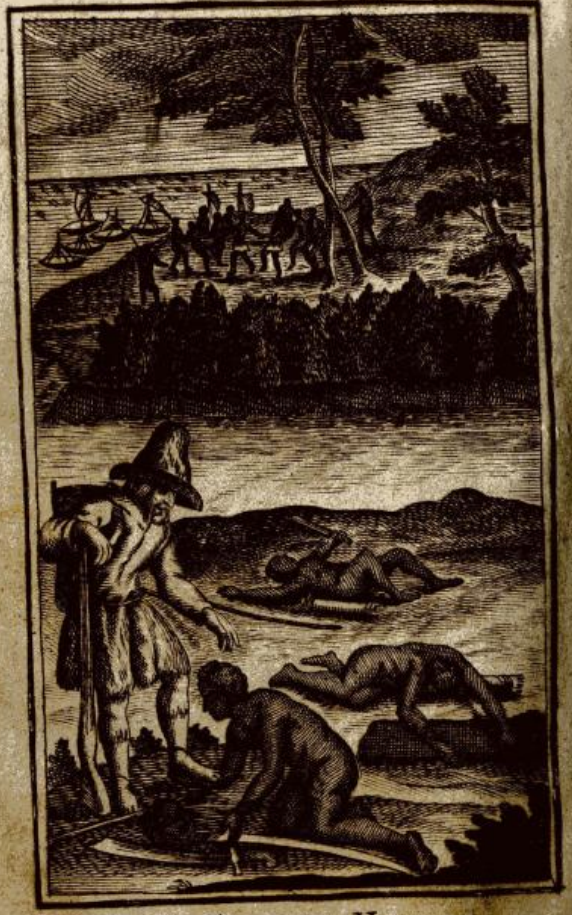
на

на нѣга пуцати; тосамъ дакле учиніо, и на первій удараць пао э дивякъ къ земли. Овай бѣдни дивякъ кои е бѣжао, меѣу шимъ мирно стояше, ако э онъ башъ (по нѣговому мнѣнію) и мертве свое непріятелѣ видѣо, но опетъ ватромъ и гласомъ пушке мое тако верло уплашенъ, э быо, да э онъ као пањ стоећъ остао, пакъ нити напредъ нити натрагъ поступіо, ако э онъ башъ іоштъ свагда къ бѣжаню, выше склонѣнъ быо, нежели дабы къ мени дошао. Ясамъ нѣга іоштъ еданъ кратъ зовнуо, и даосамъ нѣму знакъ дабы онъ къ мени дошао. Онъ э абіе то разумѣо и пошао э малко напредъ, пакъ э опетъ фришко стао, и послѣ поступіо опетъ далѣ, пакъ затимъ опетъ скоро стао; и садъ примѣтіосамъ, да онъ отъ страха стрепитъ, како дабы робомъ учинѣнъ быо, и башъ зато, какосу ободвоица нѣгови непріятели убіени были. Ясамъ мануо іоштъ еданъ кратъ рукомъ на нѣга, дабы онъ ближе къ мени дошао, и гледаосамъ на све возможне начине нѣга съ бодростію напоити. На кое онъ све ближе къ мени приходяше, и сваки 10: или 12: кораклія за знакъ благодарности, дасамъ я нѣму животъ освободіо и даровао, на землю клецаше. Ясамъ іоштъ еданъ

данъ путъ на нѣга мануо, и спроћу нѣга насмѣяваосе пріятна себе показивао, дабы онъ къ мени ближе дошао. Напослѣдокъ дошао э онъ къ мени, сасвимъ као валя, и клекнуое опетъ на землю, цѣливао э землю предамномъ, приклоніо э главу сасвимъ къ земли, узео э мою ногу и метнуо э себи на главу, кое э безъ сумнѣ знакъ быти морао, дасе онъ заклео моимъ вѣчнимъ робомъ быти. За коимсамъ я нѣга абіе са землѣ подигао, себе нѣму дружески показао, и мотріо свакимъ начиномъ, како годъ штосамъ болѣ могао, нѣга бодростію напоити. Али садъ имаосамъ іоштъ више посла, ербо усмотріосамъ, да дивякъ онай, когасамъ већъ утукао быо, іоштъ ніе сасвимъ мертавъ, него само ударцемъ забунѣнъ, и стао э опетъ къ себи долазити. Овдесамъ перстомъ показао на нѣга, и моему дивяку назнанѣ дао, да онъ іоштъ ніе мертавъ. Затимъ проговоріо э онъ нѣколико речи къ мени; и ако ихъ я башъ нисамъ ниразумѣо; тосу оне мени опетъ верло сладке быле, кадсамъ ихъ чуо, ербосу оне первый звукъ человѣческога гласа быле, коесамъ я кромѣ моихъ собственихъ отъ 25: година первый кратъ чуо. Али къ таковимъ разсмотреніямъ ніе садъ време-

на было. Онай дивякъ, когасамъ већь утукао био, окрѣпiосе опетъ добро, да э већь устати могао, и ясамъ усмотрiо, дасе мой дивякъ отъ нѣга бояти почео. А кадсамъ я то видѣо, дигаосамъ и управiо мою другу пушку на нѣга, као дабысе iошт̀ъ еданъ кратъ на нѣга бацити хотео. Али затимъ дао э мени мой дивякъ (ербосамга отъ садъ тако називао:) разумѣти, дабыму мечь мой узаймiо, кои э обнаженъ при бедри моей висѣо, коесамъ я и учинiо. Едва штое онъ мечь у руку имао, устремiосе абiе на свога непрiятеля, и на еданъ удараць нѣму тако лепо главу отсѣкао, да никакови желать у цѣлой Нѣмецкой то хитрiе и лепше небы учинити могао. Отъ овога дивяка, о коемусамъ я полну причину вѣровати имао, да онъ кромѣ ныни дрвени сабзля свога живота овакови мечь видѣо нiе, учинимисе отъ нѣга верло много бити; али ясамъ послѣ искусiо, да они ныне дервене саблѣ тако изострити знаютъ, и дасу оне отъ таковога тврдога дервета, и тако тешке, да они съ нима на еданъ удараць главу или руку отсѣћи могу. Када э онъ то совершiо, дошао э съ знакомъ побѣде смѣюћисе къ мени, дао э мени мой мечь опетъ натрагъ

Pag: 419.



Освобожденіе Петково.

трагъ, и положіога э съ множествомъ разни изображенія, кое я нисамъ разумѣвао, кодъ главе онога дивяка, кога э посѣкао, управо предъ мене.

О чемусе онъ найвыше чудіо, и што онъ отнюдъ поняти ніе могао, было э то, какосамъ я онога другога *Индіанца* у овакому одалѣнію убити могао. Онъ э дакле показао на нѣга онамо, и дао э мени знакъ да нѣму дозволимъ онамо ићи. Коесамъ я нѣму, како штосамъ могао, показао да може свободно онамо поћи. Када э онамо дошао, стао э сасвимъ као изванъ себе, разгледао э све опасно около нѣга, окренуога э найпре на едну пакъ послѣ на другу страну, промотріо э ране, кое э тане начинило, кое э башъ у перси было, гди э оно рупу начинило, отъ коихъ э онъ мало съ поля али многовыше изнутра крвъ излїо; ербо э абіе мртавъ остао. Затимъ узео э мой дивякъ съ нѣга стрѣлу, и дошао э натрагъ; садсамсе окренуо, да отповудъ поћемъ ману главомъ на нѣга, да замнмъ слѣдуе, нѣму знакомъ казуюћи, даћеду іоштъ выше дивяка доћи.

Затимъ э онъ мени знакъ дао, даће онъ ове убіене у песакъ закопати, да они други, акобы кои овамо дошли, ове небысу

видѣти могли; ясамъ нѣму съ персти и знаками изобразіо, да онъ ны закопа у песакъ. Онъ э абіе предузео дѣло, и за єданъ живи часъ съ руками яму у земли ископао, коя э доста велика была єнога у ню закопати моћи, кога э затимъ у ню баціо, и пескомъ засуо, пакъ онда и съ онимъ другимъ то исто учиніо. Мыслимъ, да э онъ съ обадвоицомъ, преће него што э ферталь сата прошао, готовъ быо. Садсамга позвао и повео не къ моему граду, него много далѣ къ моей новой магази на оностраной части Острова. У овой части дакле, да э онъ заклонъ и брану у моей шуми тражіо, непроизиће сцена по моему сновидѣнію.

Овдесамъ дао нѣму хлѣба и єдну киту суварка да еде, и єданъ нанитакъ фришке воде, коју э онъ, како штосамъ видѣо, ради многога трчаня врло отъ потребе имао. Послѣ какосамъ нѣга овако храномъ подкрѣпіо, даосамъ нѣму знакомъ разумѣти, да можетъ легнути и спавати показивајући на єдно мѣсто, гдисамъ я єданъ велики снопъ пірінчне сламе и преко нѣга єдну поняву прострео быо, на коемсамъ и самъ кадъ кадъ спавати обычествовао. На

коесе

коесе ово сиропшо созданіе сложило на землю и заспало.

Овай дивякъ быо э єданъ прекрасни учтиви юноша совершено возрастанъ, съ долгими и сасвимъ здравими удови, и членови тѣла, не неотесанъ, него высокъ и благоустроенъ, и по моему мнѣнію до 26 тъ година старъ. Нѣговъ изгледъ быо э врло благъ, и ніе имао ништа дивіега или мрскога, но многовыше мужественога знака у нѣговому лицу, и іоштъ къ тому сву благопріятность и благость єднога *Европейца* у своему образу, особишо кадсе смѣяше. Власи нѣгови былису черни и долги, и не кудрави као вуна; чело высоко и широко; очи врло живошне, и взоръ или погледъ нѣговъ полнъ жеравичне остроте. Фарба нѣгове коже ніе сасвимъ черна, него врло жуточерна была, и не онако као шпосу *Бразіліани, Віргініани*, и други рождени *Американ*; него свѣтлогъ вида нѣке загасите зейтинъ фарбе, коя э нѣчто врло угодно на себи имала, коесе лако описати неможе. Лице нѣгово было э округло и пуно; носъ э нѣговъ маленъ али не онако пльоснастъ као другихъ Негровъ бію, уста нѣгова врло лепа и устне врло танке; зубы нѣгови былису лепо посаѣени, и тако бѣли, како

годъ

годѣ кость *Елефантовѣ*. Послѣ, реци: едно полѣ сата, како э онѣ више куняо него што э спавао, пробудіосе опетѣ и изишао э изѣ магазе кѣ мени на полѣ; ербосамѣ я мећу шимѣ козе мое музао, коесамѣ у тору близу магазе имао. Како э онѣ мене усмотріо, поспѣшіо э абіе кѣ мени, пао э опетѣ на землю, и сасвима возможнима знацы кроткога и благодарнога наумнѣнія, и учиніо э многе и редке церемоніе мени таковое показати. Найпослѣ приклоніо э онѣ іоштѣ еданѣ кратѣ главу свою кѣ земли, и мени сѣ тимѣ сасвима возможнима знаками покорности робства и подданства разумѣти дао, даће онѣ мене докле годѣ живи, служити. Ясамѣ нѣга у многима вещма разумѣвао, и даосамѣ нѣму опетѣ возвратително разумѣти, дасамѣ я сѣ нимѣ врло удоволянѣ. Мало затимѣ почеосамѣ сѣ нымѣ говорити, и обучаваосамга самномѣ бесѣдити. Найпре даосамѣ нѣму то разумѣти, даѣесе онѣ *Петхо* звати, кое э онай данѣ быо, кадсамѣ животѣ нѣговѣ спасао. Такожде обучаваосамга ову речь: Господинѣ изговарати, и даосамѣ нѣму разумѣти, да онѣ мене тако звати имать, равно и ове речи: есть и ніе, и што оне значе. Даосамѣ нѣму нѣчшто мало млека у едному земляному

земляному лонцу, и казаосамѣ нѣму, да онѣ добро мотри, како я піемѣ, и хлѣбѣ у нѣга дробимѣ, затимѣ даосамѣ нѣму еданѣ лебчићь и сѣ нимѣ то исто учинити, све э онѣ то хитро урадіо, и дао э мени знакѣ, да э нѣму то све врло угодно, и вкуса полно было.

Овдесамѣ сѣ ниме цѣлу ноћь провео. Кадѣ э свануло, даосамѣ нѣму разумѣти да самномѣ поће, и дањуму нѣкое халине дати, о чемусе онѣ, какомисе учинило, врло возрадовао, ербо э нагѣ голѣ быо. Кадсмо башѣ идући путемѣ кодѣ онога мѣста были, гди э онѣ ону двоицу закопао, показао э онѣ опасно башѣ на оно мѣсто погребеныхѣ, и дао э мени знакомѣ разумѣти, да ихѣ опетѣ ископамо и изѣдемо. На то учиніосамсе я врло разсрћенѣ, и показаосамѣ нѣму знакомѣ мою гнусность и гадность отѣ такови вещи, и учиніосамѣ као дабы при самомѣ овомѣ помыслу блювати хотѣо, и мануосамѣ на нѣга рукомѣ, дасе абіе отѣ онога мѣста удалити имать, кое э онѣ абіе сасвомѣ покорностію учиніо. За тимѣ отвеосамга на верхѣ брда, да видимо, есули нѣгови непріятели већь отишли; извадіосамѣ овде мой пусулѣ, погледаосамѣ свудѣ у наоколо, и усмотріосамѣ

самъ ясно оно мѣсто, гдису они были, али отъ ны самихъ или ныни чунова не бы ништа выше видѣти; дакле э садъ сасвимъ извѣстно было, дасу они отишли, и обадвоицу свои содружниковъ овде оставили далѣ ны нетражећи.

Но съ овимъ извидѣніемъ нисамъ могао я іоштъ удоволянъ быти. Садъ кадсамъ выше храбрости, слѣдовательно, и выше желанія имао, узеосамъ мога Петка сасобомъ, даосамъ нѣму мой мечъ у руку, стрѣлу и ударце, съ коіомъ э онъ, како штосамъ видѣо, врло хитро и упутно поступити знао, на лѣва, дадому іоштъ и мою пушку, да понесе, ербосамъ я две носити имао, и такосмо пошли къ оному мѣсту, гдису ови люди были; ербосамъ я свагда волю имао, себе іоштъ опаснѣе о ныма извѣстити. Али э крвъ моя абіе сва у жилахъ моихъ стала и умрла, кадсамъ на мѣсто ово дошао, и сердце хотѣшеми у перси о взору овога гнуснога позорища, когасамъ овде видѣо, пући. Ужасни, мерзости и запустѣнія полни взоръ, доиста! За мене найманѣ, ако Петко башъ о томъ нехтеде ништа низнати. Свудъ быше кости человѣческе разсѣяне, земля съ крови офарбана, овде и онде велики

комади,

комади человѣческога меса разбачени, полакъ изѣдено растргано, и одрто, кратко, сва знаменія едногa побѣдоноснога обѣда, когасу они послѣ одержане побѣде ныни непріятеля овде держали. Усмотріосамъ три мртве главе, петъ руку, и кости двѣю трію кукова и ногу; и Петко дао э мени съ знакомъ разумѣти, дасу они 4ри роба овамо за ручакъ донели были. Троицу отъ овыхъ есу изѣли, а четврти (показиваюћи на самъ себе) быо э онъ. Да э мећу ныма и еднимъ близъ граничнимъ Кралѣмъ, къ коего подданикомъ отъ прилике и онъ надлежаше, велика битка быти э морала, и дасу они много робова учинили, консу сви отъ они, консу ны у бѣгству пофатали, на различна мѣста отведени были, дабысу тамо отъ ныхъ обѣдъ готовили и держали, како штосу и ови безчеловѣчницы, консу овде были, съ онима учинили коесу овде донели.

Ясамъ заповѣдіо Петку абіе све пикве, кости, месо, и што э годъ друго ту было, собрати, то на едну хрпу сложити, пакъ подъ тимъ велику ватру наложити, и све вообще у пепелъ премѣнити.

Овдесамъ примѣтіо, да Петко іоштъ свагда велику волю за месомъ человѣческимъ

скимъ има, и іошть свагда человѣкоядацъ есть. Но ясамъ нѣму показао толико много гнусности о самомъ помыслу или сѣну отъ шта годъ таковаго, дасе онъ више ніе усудіо себе о таковомъ чему показати; ербосамъ я нѣму нѣкимъ извѣстнимъ образомъ разумѣти дао, дагуга абіе утуѣи, ако онъ икадъ о таковомъ чему и помыслити усудисе.

Кадсмо ово совершили, дошлисмо опетъ у нашъ градъ натрагъ, и садъ стаосамъ я за мога Петка бринутисе и уредбу чинити. Преѣе свію вещи даосамъ нѣму еданъ паръ плашнени гаћа, коесамъ у настойниковомъ сандуку нашао, и кое нѣму послѣ нѣке мале поправе сасвимъ добре быше. Затимъ начиніосамъ нѣму едну опаклію отъ козіи кожа тако добро, колико годъ способность моя допустила, и ясамъ постао отъ садъ већь доста добаръ крајачъ. Дадому іоштъ едну капу, коюсамъ отъ зечіе коже начиніо, коя э іоштъ къ тому алватна и доста порядочна была. Овимъ начиномъ быо э онъ дакле іоштъ засадъ, доста добро одѣвенъ, и врло удоволянъ съ тимъ, видеѣи себе тако исто добро како годъ и свога Господина одѣвена. Истина съ почетка, када э онъ ове халине, обу-

обукао, дасе доста дедачки показивао, чакшире или гаће носити былому э верло несносно, и рукави отъ кожуха тишталису нѣму плећа и рамена. Али кадсамъ я то онде, гдисе онъ найвећма тужіо, дага тишти, попраіо и шире начиніо, то э облачіо онъ послѣ све верло радо.

Другій данъ кадсамъ съ нымъ куѣи дошао, стаосамъ о томъ мыслити, гдиѣу нѣму мѣсто законакъ назначити. Дабы онъ сву возможну угодность, и я шакожде отъ нѣга нинайманѣ ништа бояшисе небы имао, начиніосамъ дакле на оному чистому мѣсту меѣу моима двима градови еданъ мали шаторъ, увнутренѣй страни послѣдњега а у внѣшнѣй первога. А будуѣи дасу овде врата или уходъ къ моей магази была, то дакле начиніосамъ порядочни перваъ, и на нѣга врата отъ дасака, и намѣстіосамъ ихъ мало далѣ унутра у уходу, заключаосамъ ихъ, ербосусе унутра отворала, пакъ затимъ и мою лѣствицу унутра увукао. Петко дакле ніе могао никоимъ начиномъ у внутреню страну мога внутренѣга зида уѣи, да небы толико много луке учиніо, дасе я небы нуждно пробудити морао. Ербо э первый зидъ мой имао совершени кровъ надъ собомъ отъ

они

они дугачки чамчића, коесамъ преко шатре на страну брега препречіо и съ малима тачкама на мѣсто летви опетъ препречіо, кое э верло яко было, кадъ э трска на то дошла. На ону рупу или мѣсто, коесамъ оставіо, дабы преко лѣствице на полѣ и унутра улазіо, начиніосамъ врапанца, коя кадбы ткогодъ съ поля унутра хотео, дигнувшисе небы могла, него бы унутра пасти и велику ларму учинити морала. Преко ноћь такожде оружіе свое унеосамъ къ себи унутра.

Али доиста да рекнемъ, то э све безъ ове позорности быти могло; ербо на свѣту ніе нитко могао вѣрніега, честніега и свога Господина више любящега служителя имати, као штосамъ я мога Петка имао; ербо у нѣму ніе было никаковога самоумія никакове упорности, никакове преваре, него сама доброхотность и поданство спроћу мене. Онъ э мене съ полнимъ сердцемъ као чадо отца свога любіо; и смѣемъ свободно рећи, онъ бы быо при сваком способу сдрагомъ душомъ свой собствани животъ жертвовао, гдибы мой искупити могао. И отомъ нису дале мени оне многе пробе о любови нѣговой спроћу мене нинайманъ сумняти, и скоросамъ сасвимъ увѣ-

ренъ

ренъ быо, да я всмотреніи мое безбѣдности нѣга ради нинайманѣга позорства отъ потребе имао нисамъ.

Ово э мени често поводъ дало, примѣчаніе, а наймено съ удивлѣніемъ учинити, да акое Богъ башъ при путѣхъ своего провидѣнія и управлѣнія дѣлъ руку нѣговихъ соизволіо, оваковой великой части своихъ созданій у свѣту найлепше употреблѣніе къ коему моей крѣпости и способности душъ нынихъ способне есу, украшити, онъ э ныма опетъ онакове исте душевне силе, онакови исти разумъ и склоность, онакова иста чувствованія благостоянія, и союза, оне исте страсти и чувства о неправди, оно исто чувство благодаренія, искрености и вѣрности, и све способности доброе творити и доброе примати даровао, коя э и нами дао; и да акобы онъ соизволіо ныма способъ дати све ово показати, они све тако исправно, и іошъ исправніе нежели мы ова свойства сва ко истиному и правому употребљѣнію уредити, къ чемусу она ныма и дарована. И овое мене често сасвимъ смутило; кадсамъ то овако промыслio, каково злоупотребљѣніе мы отъ свію ови естествени дарова чинимо, акосу башъ кодъ насъ ове силе и

крѣ-

крѣпости великимъ свѣтомъ наставлѣнія духа Божія и познанства міра много више просвѣщене и подкрѣпленє, и зашто э Богъ соизволіо оваково благощастно познанство отъ толико много міліона душа сакрити, кои судећи по овому сиротному дивяку, можетъ быти, бы могли много болѣ употреблѣніе отъ тога учинити, нежели мы.

Ова размышлѣнія многократно далекосу мене съ пута развратила и безпредѣлному Господству провидѣнія близу ступити дала; ербосамъ я нѣга равнѣ и нахесапъ таковога ради самоволнога уређенія вещей позвао, зашто э оно свѣтъ овай отъ нѣкой сакрило, а другимъ открило, и явило и еднаку должность и покорность отъ обоихъ изискуетъ. Но ясамъ ове занешене мысли, опетъ скоро съ тимъ заключеніемъ удержао: перво што мы знали нисмо, каковимъ просвѣщеніемъ или каковимъ закономъ они суђени будутъ, него да Богъ нужднимъ начиномъ естествомъ своего существа безконечно святъ и праведанъ быти мора, но дакле ніе могло иначе ни быти, акобы сва ова созданія нѣгово лице невидѣти осуждена была, то

они противо онога свѣта погрѣшили, кои э као што писмо говори, ныма сами законъ быо, и дакеду они поправиламъ таковимъ суђени быти, коя э совѣсть нына сама за достойне и праведне признати морала, ако намъ башъ отъ тога истина права откровена и ніе была. Друго: да мы сви ништа друго нисмо были, него само земля или блато у руку лончара, и никаковій лонацъ ніе нѣму казати могао: Зашпоси ты майсторе лончару мене шаковога начиніо?

Али садъ опетъ дасе моему новому содругднику возвратимъ, имаосамъ велику радость о нѣму, и учиніосамъ себи за должность нѣга обучаваши, што нѣга мени полезна спомогателна и содѣйствителна учинити може, прећи свега о томесамъ имао дѣло, да онъ говориши и мене разумѣвати може, кадбы снимъ говоріо, и имаосамъ у нѣму просвѣщенога ученика, коисе икадъ помыслити може, и при томъ быо э онъ тако веселъ, тако непреривно прилѣжанъ, и тако удоволянъ о томъ, кадъ э само мене разумѣти или учинити могао, да я нѣга разумѣмъ, дасамъ доиста верло велику радость о томъ имао съ ниме говориши. И сада э животъ мой почео тако сладакъ бываши, дасамъ често у самъ себи

би рекао: кадбысамъ само отъ више дивяка свободанъ быти могао, то я о томъ никада запитао не бы, кадъ небысамъ никада выше докле годъ живимъ изъ овога мѣста отишао.

Послѣ два дана бываюћи у моему граду помыслiосамъ, дабы мога Пешка отъ нѣговога мерскога обычая месо человѣческо не ясти и отъ нѣгове человѣкоядне волѣ сасвимъ отвратити могао, мораосамъ нѣму дакле другога меса ясти дати. Повеосамъ нѣга дакле еданъ кратъ уютру сасобомъ у шуму. И ясамъ башъ у тому намѣренiю изишао на полѣ едно яре изъ мога собственога чопора заклати, и сготовити. Идући путемъ усмотрiосамъ едну козу и два ярета кодъ нѣ у ладку лежећа: Стани! рекаосамъ я моему Пешку уфатећи нѣга рукомъ, и даосамъ нѣму знакъ съ мѣста некренутисе, и стао э, запимъ напегнуосамъ мою пушку, и ушукаосамъ едно яре отъ они млади. Овай сирома юноша, кои э већь видѣо, какосамъ я изъ далека онога дивяка нѣговога непрiятеля убiо, али о петъ, ніе знао нити э себи представити могао, како э то было, уплашiосе о томъ да э онъ отъ страха дркшао и трепшао, и тако уплашенъ было, дасамъ я свакога

кога часа мыслiо, даће онъ отъ страха мертавъ на землю пасти. Онъ оно младо яре ніе видѣо, коесамъ я убiо, такожде ніе примѣтiо, да э оно већь мертво, него э свукао кожухъ свой и стадесе пипати, да ніе гдигодъ ранѣнъ было, и мыслiо э дѣйствително, коликосамъ я примѣтiо, дасамъ я нѣга убити хтео. Ербо э онъ абіе къ мени припао, клекнуо предамномъ и говорiо мени обимаюћи колѣна моя велику хрпу кое какови речи, кое я нисамъ разумѣо, али откудъ я баремъ толико погодиписамъ могао, да э онъ мене молити хтео, дага небы живота лишiо.

Алисамъ я абіе средство нашао, коимсамъ я нѣга совершено увѣрiо, да я нѣму ништа убиточна учинити нисамъ мыслiо. Узеосамга за руку и смѣаосамсе дружески къ нѣму, показуюћи нѣму на яре рукомъ, коесамъ убiо, и даосамъ нѣму разумѣти, да онамо отиде и дага донесе. То э онъ сраге волѣ учинiо, доклесе онъ чудiо и удивлявао, какосамъ я то зверче убити могао, набiосамъ я мою пушку по другiй кратъ видећи едну велику птицу ястребу подобну на нѣкоемъ дрвету сѣдящу, да ю убити могу. Дабы я дакле моему Пешку о томъ нѣчто мало поняшно учинiо,

штоћу я чинити, зовнуосамга опетъ къ себи и показаосамъ нѣму на птицу (коя э папагай была, акосамъ ю я башъ и за ястреба держао:) на мою пушку, и на землю подъ птицомъ, дабы нѣму разумѣти дао, даћу ю доле свалити; избацыосамъ пушку затимъ на птицу, и рекаосамъ нѣму, да гледа и позорствуе, и онъ э такожде птицу доле оборену видѣо. Но несматраюћи на све то штосамъ я нѣму казао, стаао э мой сиромахъ Петко іоштъ свагда верло устрашенъ, и тосамъ примѣтіо, да э онъ іоштъ выше уплашенъ быо, ербо видѣо ніе, штосамъ я у пушку мешнуо. Онъ э мысліо дакле, да мора гдигодъ какови чудесни имутакъ отъ смерти и запустѣнія у овой вещи стояти, съ чимсе люди, звѣрови, птице и све штогодъ дыханіе имаде, было оно близу или далеко, убити може. Страхъ, кои э то нѣму прозроковало, быо э тако великъ, да онъ задуго къ себи доћи ніе могао, и кадбы я допустіо быо, онъ бы дойста и мени и пушки моей кланяосе и жертву приносіо. А пушке самѣ ніесе задуго време ни додирнути смѣо, негосе разговарао и забаляо съ ніомъ, кадъ э самъ быо, као дабыму она какови отвѣтъ дати знала, и то све како штосамъ

я послѣ отъ нѣга искусіо, да э пушку моліо, дага убила небы.

Када э већь овай страхъ малко прошао, даосмаъ нѣму разумѣти, да оттрчи онамо и донесе ону птицу, коюсамъ убіо. Онъ э и то дрговолно учиніо, али э задуго изостао, ербо э папагай, кои ніе сасвимъ мертавъ остао, доста по добро парче отъ онога мѣста, гди э пао, быо отишао. Најпослѣ нашао э онъ папагая и донеога э къ мени. Кадсамъ невѣжество нѣгово всмотреніи пушке примѣтіо, учиніосамъ нѣгово отсутствіе фришко на ползу мою и набіосамъ мою пушку іоштъ еданъ кратъ, недаюћи нѣму видѣти, да бы опетъ, акосе прилика какова укаже, бацыписе могао, но за садашни кратъ непоявисе ништа. Донесосмо дакле яре кући, коемусамъ я іоштъ ону вечерь кожу свукао, расправіосамга, како штосамъ болѣ могао, и стаосамъ месо куваши, ербосамъ лонацъ къ тому имао, отъ кога э врло добра чорба произишла. Кадсамъ отъ тога малко ео, даосамъ и моему Петку ясти, кои э о томъ врло удоволянъ быо и врло добро и сладко ео. А штосе нѣму врло чудно и рѣдко при томъ учинило, да э онъ мене месо съ солію ядуша видѣо. Онъ э мени абіе зна-

комъ показао, да соль ясти ніе добро, и учиніо э, када э малко соли у уста узео, као дабы отъ нѣ велику гадливоеть имао и исплувао э ю съ великомъ гнусностію изъ уста, пакъ съ чистомъ водомъ уста и зубе изапрао. Затимъ узеосамъ я еданъ залогай меса безъ соли, и учиніосамъ, као дабысе и я тако исто гадіо и исплювати морао, ербо э неслано, као што э онъ прѣе съ солію учиніо. Но то све ништа ніе ползовало, онъ ніе хотео нити меса ниши чорбе съ солію вкушати; и то тако дуго времена траяше, пакъ э и послѣ отъ нѣ врло мало употребляваo.

Ясамъ нѣга за садашни кратъ само съ обаренимъ месомъ и чорбомъ частіо, а сутра данъ намисліосамъ нѣга съ ярѣнимъ печенѣмъ частити. Обѣсіосамъ дакле еданъ комадъ меса на едному ужету предъ ватромъ, као штосамъ отъ многи люди у Англіи видѣо, и кои са обадве стране ватре по еданъ Колчичь ударе, и отозго еданъ попреко мешну, на кои уже свежу и тако печенѣ све дурма окрећу. О томсе е Петко врло чудіо, а када э послѣ меса окусіо, дао э онъ мени съ многима знацы разумѣти, какому то врло добро и сладко пада, и заглеосе напослѣдокъ мени, да неће више ни-

никада человѣческога меса ясти, кое е мени врло драго розумѣти было.

Други данъ даосамъ нѣму штогодъ пословаши, и даосамъ нѣму по моему начину мало жита истерти и истући. Онъ э абіе поняо, какосе то чиниши мора, тако добро како годъ и я самъ, особито када э видѣо, штаће значити и къ чемуће то быши, и штаће изъ тога быти, ербосамга абіе привео и даосамъ нѣму гледаши, какосе хлѣбъ меси, пакъ послѣ какосе и пече, и украткому времену быо э мой *Петко* тако способанъ све ово за мене тако добро радити, како годъ штосамъ я прѣе сваґда за самъ себе чинити морао.

Далѣ помисліосамъ, да я отсадъ двоя уста храниши имамъ на мѣсто досадашни едныхъ, слѣдователно више ныве копати, и више жита сѣяти морамъ, него штосамъ досадъ сѣяти обычествовао. Измѣріосамъ дакле еданъ великій комадъ земдѣ, и стаосамъ нѣга као и друге плотомъ ограђиваши, при коему э дѣлу *Петко* не само прилѣжно и охотно, него такожде съ радостію и веселіемъ изъ свію крѣпости мени радити помогао. Ясамъ нѣму казао, къ чемуће то быши, то есть дабысмо жита добыли, ербо я, будући да нѣга садъ

кодъ себе имамъ, выше и хлѣба имату морамъ, да не бысмо и я и онъ никаковога недостатка о хлѣбу имали. О томъ учиніосе онъ врло возбужденъ быти, и рекао э мени, дасе нѣму види, да я нѣга ради садъ више дѣла имамъ, нежели за себе; и да хоће съ радостію много више за мене радити, ако я нѣму само кажемъ, шта онъ радити има.

Ово э лѣто найкрасніе и найизрядніе было, коесамъ я цѣлога мога живота на овому острову доживіо. Садъ э *Петхо* започео доста прилично говорити, и имена скоро свію вещи, коясамъ я отъ потребе имао, и отъ свакога мѣста, гдисамга годъ шиляти морао примѣчаватн. И тако за дуго ніе траяло, да мени языкъ мой опетъ къ чему полезанъ не бы было, отъ когасамъ доиста досадъ врло мало употребленія чинити могао; то есть на разговоръ. И кромѣ услажденія съ нимъ говорити имаосамъ такожде о овомъ юношы велику радость. Нѣгова просподушна искренность и честность откривалаосе мени сваки данъ више тако, дасамъ я нѣга башъ отъ свега сердца миловати стао; и онъ съ нѣгове стране, како штосамъ я причину мыслити имао, мене више любяше, него што э пређе

тога

тога икадъ штогодъ друго свога живота любіо.

Еданъ крапіъ добіосамъ волю нѣга на пробу узети, нетужили онъ опетъ за своимъ отечествомъ натрагъ. И будући дасамъ я нѣга већъ толико Англійски научіо, да онъ скоро на све вопросе отговорити э могао, запитаосамга, учинили народъ онай, къ коему онъ принадлежи, кадъ годъ какову побѣду? О: Есть Есть! рече онъ смѣюћисе, wir allemal beſten fechten мы свагда юначки воюемо, и такосе започео слѣдующій разговоръ међу нами.

Петко кои іошъ Англійски речи нити Грамматически слагати, нити совершено изговарати знао ніе, опетъ э съ Робінзономъ доста приличанъ разговоръ водіо. Петко. Mein Nation gut fucht das mag nun ſein, wies will. Мой народъ добро воюе, може то быти какому драго.

Робінзонъ. Кадъ э то тако, какое дакле могло быти, да ты заробленъ будешъ?

Петко. Sie mehr waren an dem Orte denn, mein Nation; ſie fangen einen, zwey, drei und mich. Mein Nation ſie ſchlug an ein ander Ort wo mich nicht war, da mein Nation gefangen, eine zwei, große Tauſende.

Не-

Непрїятеля было э више на оному мѣсту, нежели мога народа, они заробише еднога, двоицу, троицу и мене. Народъ е мой опетъ на другомъ мѣсту, гди а нисамъ быо ны избїо, гди э народъ мой заробїо еднога, двоицу и велике тысяще.

Робїнзонъ. Али зашто твоя страна тебе изъ руку твои непрїятеля ніе избавила?

Петко. Sie liefen einer, zwey, drei, und ich; in das Kann mich brachten; meine Nation nicht hatte Kanen damals.

Онису терчали еданъ, двоица, троица, и я у чунъ мене увукоше, мой народъ ніе имао онда чунова.

Робїнзонъ. Добро Петко, Ашта чини твой Народъ съ своима робови? валя да ихъ отведу куда годъ на страну, пакъ изѣду, као шпосу и ови овде учинили?

Петко. Ja, meine Nation auch Menschen essen, alles aufessen. Есть мой народъ изѣде такожде люде, све прождре.

Робїнзонъ. Куда, и на кою страну доводе они робове?

Петко. Gehen an ein andern Ort wo sie Lust haben.

Идутъ гдигодъ на друго мѣсто, гди увеселеніе имаю.

Ро-

Робїнзонъ. Долазели они такожде и овамо?

Петко. Ja, ja, kommen auch hieher; kommen, auf einer andern Seite hier. Есть, есть, долазу такожде и овамо, долазу съ друге стране овамо.

Робїнзонъ. Нисили и ты съ ныма кои кратъ овде быо?

Петко. Ja, ich bin auch schon hier gewesen (Er zeigt gegen die Nordwestseite, welches wie es scheint, ihre Seite war).

Есть, и ясамъ већь овде быо (и показао э рукомъ къ сѣверо-западнѣй страни Острова, кое э по свой прилики нына страна была)

Изъ овога разговора видѣосамъ, дае и мой Петко прѣе съ дивяцы овде быо, коису на отдалѣнимъ частемъ острова башъ таковога истога человѣкоядства ради, кога э ради и онъ овамо донешенъ быо, на брегъ долазити обычествовали. И послѣ нѣкоего времена, кадсамъ опетъ храбрость добыо Петка на другу страну острова отвести, кое э она иста была, како шпосамъ горе рекао, познао э онъ абїе башъ мѣсто, и рекао э мени, да э онъ еданъ кратъ овде быо, кадсу они 20. люди, две жене и едно дѣте изѣли. Двадесетъ ніе

знао

знао Англійски изброити, али э онъ и то изброіо, ербо э онъ нанизао уредъ толико пиляка, имени показао да ихъ изброимъ.

Ясамъ то тога ради овде увео, ербоће то за вступлѣніе къ слѣдующему служити. Кадсамъ већь съ ныме тай разговоръ имао, запитаосамъ нѣга, коликобы далеко отъ наше пустынѣ до брега сталне землѣ было, и нисули често чунови у море пропали? онъ э дао мени разумѣти, да ту никакове погибели нейма, и да ніе ни еданъ чунъ никада пропао; него само кадсе малко далѣ у море завезе, да э тамо нѣка рѣка, и нѣки извѣстни вѣтаръ свагда до полъ дна, а други послѣ полдна дыхао.

Ово низашто друго держати нисамъ могао, него за обыкновено време приплива, и отплива морскаго, Али послѣсамъ искусіо, да э ово отъ оне яке матице и нарастѣнія велике рѣке Ороунока долазило, у коея наустію, како штосамъ послѣ и держао зато, нашъ островъ лежи, и да земля, коюсамъ я къ западу и сѣверозападнѣ видѣо, велики островъ *Санитъ тринидадъ* на сѣверномъ верху ове рѣке была.

Ясамъ выше отъ тысящу вопроса моему Петку задао о земли, о жители, о морю, о брегахъ, и какови народи на близу

зу около насъ живу и све што э годъ онъ знао, исказао э онъ съ найвећимъ простосердечіемъ, коесе и кадъ помыслити може. Запитаосамга о именахъ разныхъ народовъ, о той класи людства, къ коей онъ надлежаше, нисамъ могао обаче никаковога другога имена искусити нежели *Карибей*. Откудсамъ абіе и дознао, дасу то Карибен, кое наша землеописанія карта на оной частни Америке ставля, коя э отъ наустія Ороокова до *Гвінее* и тако далѣ до святе *Марое* досязавала. Онъ э показао мени такожде нѣки далеки путь чакъ преко мѣсяца онамо (онъ э хотео казати съ ону страну мѣсечнога захода, кое э у ныной земли у западу быти морало) обитаваю, люди съ белима брадама као и я (онъ э затимъ показао на мой велики бркъ, когасамъ я горе описао) и дасу они много шикови люди (такосе онъ изясніо) убили: Изъ овагасамъ я абіе дознао, да онъ за Шпаніере говори, конхъ безчеловѣчіе и мерзость у цѣлой Америки и свимъ предѣламъ былое разширено и извикано, и конхсе споменъ между свима народи отъ отца на сына содержава.

Далѣ запитаосамга, не были онъ мени казати могао, какобы я изъ овога острова къ онима белима людма доћи могао. Есть,

есть,

есть, ты можешь у двима чунови онамо доћи, я нисамь могао знати, шта онь хоће съ нѣговима двима чунови да каже, докле я найпослѣ съ многимь трудомь нисамь изнашао, да то толико значи, да я морамь у едному великому и широкому чамцу поћи, коибы толико велики было као два чуна.

Ова часть Петковога разговора биламіе чрезвичайно поволна, и отъ овога времена почела э надежда у мени наново расти, да я данасъ или сутра іошть способъ изъ овога мѣста себе избавити наћи могу, и овай сирома дивякъ може средство быти и мени къ тому помоћи.

Цѣлога овога времена, кое э Петко кодъ мене было, и онь самномъ говорити и мене разумѣвати почео, нисамъ я такожде изоставіо нѣкое основаніе о познанству закона у сердцу нѣговомъ насадити. Особито запитаосамъ я нѣга еданъ кратъ, ткое нѣга сотворіо? али ово бѣдно созданіе мене нинайманѣ ніе разумѣло, него э помыслило: да я нѣга питамъ; ткое нѣговъ отацъ. Но ясамъ стварь съ другога края предузео, и запитао нѣга: ткое море, землю, на коей онь ходитъ, берда и шуме сотворіо? то э было, рекао э онь мени,

онай

онай стари Бенамукее, кои э найстаріи и кои э све преживіо. И далѣ никаково описаніе о овой великой Персони или лицу ніе онь мени могао дати, него да э онь врло старь, много, много старіи, рече онь, него што э море и земля, мѣсяцъ и звѣзды. Добро дакле, запитаосамъ я нѣга далѣ, кадъ э овай старацъ све вещи сотворіо, зашто се оне све нѣму немоле? о чемусе онь сасвимъ упрепастіо и узвѣріо, пакъ съ истинимъ образомъ невине простоте рекао: све твари говору о нѣму. Ясамъ нѣга далѣ запитао, хоћедули они люди кои у оной земли умиру, послѣ смерти гдигодь на друго мѣсто доћи? Есть рекао э онь: они сви опетъ къ великому Бенамукеєу идутъ. Идули дакле и ови запитаосамъ я нѣга далѣ, и они тамо, кое вы овде изѣдете? то э тако рече онь, иду да.

Затимъ стаосамъ я нѣга у познанству истиннога Бога обучавати. Показаосамъ нѣму да велики создатель свію твари онде горе обитава: (на небо показуюћи) да онь свѣтъ онаковимъ истимъ провиђеніемъ и властію управля, съ коіомъ э онь нѣга и сотворіо; да э онь всемогућь за насъ све чинити, нама све дати, и отъ насъ опетъ све изети може; и тако

отво-

отворіосамѣ мало по мало нѣгове помрачене очи. Онѣ э мене верло позорно слушао, и све радостно пріимао, штосамѣ я годѣ нѣму о Исусу Христу говоріо, да э онѣ на свѣтѣ посланѣ быо насѣ искупити, и какосе мы нѣму молити имамо, и како онѣ насѣ, башѣ ако э онѣ и у небу, чути може. Еданѣ кратѣ рече онѣ мени, да кадѣ нашѣ Богѣ насѣ чакѣ преко солнца чути може, то онѣ мора свакимѣ начиномѣ много већи Богѣ быти, него што э Бенамукее, кои башѣ отѣ насѣ далеко и необитава, пакѣ опетѣ насѣ чути неможе, доксе годѣ горе на велико брдо непопнемо, гдисе онѣ задержава. Ясамѣ нѣга запитао, ніели онѣ кои кратѣ горе на брдо ишао, да сѣ нымѣ говори. Онѣ э мени отговоріо, да ніе никада, ербо млади люди тато нѣи несмѣду. И нитко други тамо неиде, него стари люди, кое э онѣ ныне овоокакее називао, то есть, као штосамѣ отѣ нѣга разумѣо, толико, као ныни попови и монастирцы. Ови само ишлису онамо, да бы о! сказали, (тако низиваше онѣ молитву) дошлису опетѣ натрагѣ, казивалису людма, шта э Бенамукее рекао. Ошовудасамѣ абіе видѣо, да нѣкая лица такожде и мечу найслѣпіима, и найглуіпима Поганицы Господствую,

и

и да э политически поступокѣ какову Релігію учинити, дабы страхопочитаніе народа спроћу Начальствующыхѣ общаго благополучія ради содержавати моћи не само Риму свойственѣ, него можетѣ быти мећу свима закони, и можетѣ быти башѣ и мећу самима скотскима и варварскима дивяцы наћисе мора.

Потрудіосамсе я дакле моему Петку ову превару указати говорећи нѣму, да преданіе ныни стараца, да оны на бердо кѣ ныноме Богу Бенамукее отходе, да бысу онде о, сказали ніе истина, и іоштѣ ложніе дасу они отговорѣ натрагѣ донели, кога имѣ э онай Богѣ дао. Добилибысу они тамо отговорѣ, илибису дѣиствително сѣ кимѣ годѣ тамо говорили, то не бы ништа друго быти могло, него еданѣ нечистн духѣ. Овдесамсе сѣ нимѣ у пространѣ разговорѣ упустіо о дяволу, нѣговоме началу, нѣговой ребеліи противѣ Бога, нѣговоме непріятелству и враждби противѣ чековѣка, причини о тому, какосе онѣ у темнимѣ частемѣ свѣта богомѣ учиніо и као истини богѣ почитоватѣ быти хотѣо, и о многоставнимѣ лукавимѣ предпріятіямѣ, коихсе онѣ послужава родѣ человѣчески у пропасть навести; како онѣ

нѣки

нѣки тайни приступакъ къ нашимъ страстемъ и склоностемъ имаде, и свою замку кодъ наши пожеланія тако добро намѣстити знаде, да мы чрезъ такову наши собствени искусители бывамо, и изъ собственога избранія у нашу пропасть терчимо.

Коликосамъ примѣтіо, ніе было могуће нѣму правилна понятія о дяволу, као о бытію божіему у сердце уселити. Естество э само подкрѣплавало моя истиная доказателства нѣга башъ о нуждности велике перве причине и всеобладающе власти тайно дѣйствующега провидѣнія, и о праведности и должности нѣму, кои э насъ сотворіо вѣровати и молитисе и: т: д: очевидно увѣрити. Али отъ свега тога ніе было ништа, при понятію отъ нечистога духа, нѣговога естества и качества, и особито нѣгове склоности злое твориши и іошть насъ на таковое навести; и еданъ э кратъ мои добрыи Петко съ самими естественими и невиними вопроси мене у такову тѣсноту доперао, да я писамъ знао, штоћуму већъ на то отговорити. Ясамъ съ нымъ много о власти божіей, нѣговой весмогућности, нѣговому омерзѣнію противъ грѣховъ говоріо; и нѣму казао, каковъ

ковъ э онъ страшный у снѣдающи огнь свимъ злочинцемъ; како э онъ, када э насъ свію сотворіо, насъ и цѣли свѣтъ у едному магновенію ока опетъ уничтожити могао, и Петко слушао э мене ово цѣло време съ великимъ позорствомъ Затимъ казаосамъ нѣму, каковъ э дяволъ непріятель Божій у сердцахъ человѣческихъ, и сву свою злобу и коварство употреблява, да бы блага намѣренія провидѣнія опровергао и царство христово разоріо, и: т: д: Добро дакле рекао э Петко, ты кажешъ, да э Богъ тако силанъ, тако великъ; ніели дакле онъ выше силніи, много већи нежели дяволъ? Всячески Петко, рекаосамъ я нѣму, наравно э Богъ крѣплшіи и силніи нежели дяволъ; Богъ есть и верху дявола и зато мы молимо Бога, да бы нѣга подъ ногама нашима сокрушили, и себе укрѣпили, нѣговимъ искушеніамъ противостати, и нѣгове разжжене стрѣле угасити могли. Али (рекао э онъ возвратително) ако э Богъ выше силніи, выше крѣплшіи нежели дяволъ, зашто Богъ несокруши и неубіе дявола, да онъ выше зла чиниши неможе?

Ясамъ доиста о ови вопроси доста забунѣнъ быо, ербо воистину акосамъ я већъ и доста старъ человѣкъ быо, тосамъ я

опетъ къ таковому чему врло младъ богословъ быо, и быосамъ доста врло мало къ тому упутанъ овакова Богословна сумнѣнія изяенити. Съ почетка башъ нимало нисамъ знао, штаћу на то казати, учиніосамсе дакле, као да небы нѣга разумѣо и чуо, и запитаосамга штогодъ друго, али ево бѣде, онъ э башъ отговоръ захтевао, вмѣсто дабы вопросъ нѣговъ тако фришко заборавіо. Онъ э повторіо нѣга съ онима истима несовершенима речма, као штога э найпре учиніо. Међу тимъ ясамсе окрѣпіо опетъ малко и рекао нѣму: Богъ хоће нѣга найпослѣ опетъ остро казнити, онъ есть къ суду опредѣленъ и бытиће баченъ у бездну, гди края и конца неима; и даће огню вѣчному преданъ быти. Али и съ тимъ ніе мой Петко іоштъ даволянъ быо; него повторіо э мое речи и рекао, до найпослѣ удержанъ и опредѣленъ? неразумѣвамъ я то, него зашто онъ неубіе дявола? И зашгога већъ отъ давно ніе убіо? — Тыбыси могао равно и мене питати, рекаосамъ я, зашто Богъ мене и тебе не убіе, кадъ мы нѣга нашими злими дѣли вређамо. Него насъ чува, дабы мы покаяніе учинили, и отпущеніе грѣховъ добили. Отомусе онъ молко промысліо. Добро, до-

бро

бро рекао э онъ сердечно возбужденъ, то э добро што ты, я, и даволъ зло чинимо, свисмо дакле опредѣлени покаяніе учинити и свимъ намъ хоће Богъ све опростити. Овдесамъ я дакле по други кратъ опетъ изъ нѣговога реда и членова совершено избаченъ быо, и овоми э доказателство было, ако башъ сама естествена понятія разумне твари къ познанію Божію и къ прославлѣнію, и подданству, кое мы высочайшему существу аки слѣдство нашега естества дужни есмо, доводе: то дакле божествено сасвимъ само откровеніе може у нама познаніе Исусъ Христово утемелити; оно само насъ о нашему спасенію и искупленію извѣстити, о посредственику новога завѣта, и о молителю кодъ престола Божія и: п: само едно откровеніе небесно, само оно едно, говоримъ, можетъ ова понятія у сердцу нашему изобразити. Евангеліе и благодать Господа нашего и спасителя Исусъ Христа (я мыслимъ слово Божіе) и духъ святи, кога э онъ достоянію своему за вожда и утѣшителя обѣщао, есу дакле необходимо нуждни наставницы душъ человѣческихъ у спасаемому познанію Божію и средствахъ нашего спасенія.

Садсамъ тога ради нашъ садашни разговоръ самномъ и Пешкомъ моимъ на еданъ кратъ претергао, ербосамъ я нагло устао, као да бы фришко на полѣ иѣи морао. Зашимъ послаосамъ нѣга подалеко на страну, и молiосамсе мећу шимъ сердечно Богу, да бы мене упутiо овога сиротнога дивяка къ нѣговомъ спасенiю наставити и овому нищему глупому созданiю помоћь святаго своего духа даровао, да бы онъ свѣтъ познанства Божiя у Исусъ Христу пpiимiо, нѣга съ овимъ примирiо и мене упутiо о слову Божiю съ нимъ тако говорити, да бысе совѣсть нѣгова у вѣрити могла, очи нѣгове просвѣтилесе, и душа избавлѣна и спасена быти могла. Кадъ э мой Пешко опетъ натрагъ дошао, упустiосамсе съ нымъ у еданъ долги разговоръ о искуплѣнiю человѣка съ спасителѣмъ мiра, о науки Евангелiа, кое э отъ Небесъ возвѣщено было, а наимено о познанiи къ Богу и о вѣри къ нашему всехвалному спасителю Исусъ Христу. Овде изясниосамъ нѣму, како годъ шпосамъ болѣ могао, зашто нашъ всеблаги спаситель ніе естество Ангела него сѣмя Авраамлѣ на себе пpiимiо, и како изъ ове причине оппадши Ангелъ никакова участiя на избавлѣнiю ніе имао, него да

да э Христосъ само зато дошао изгублѣне овце изъ дому Израилева искупити и: т: д:

Дасамъ я кодъ свiю ови разни прописа, коесамъ за наставлѣніе овога сиротнога созданiя употребiо, выше простосердечiя нежели науке имао, то Богъ знаде, и я исповѣдити морамъ, штобы и сви други, кои бы овакимъ начиномъ искусили, примѣтити могли, да кадсамъ нѣму какову вещъ ясну и понятну учити гледао, дасамъ самъ себе у многима частма обучавао и наставлявао, кое преће тога можетъ быти башъ нисамъ знао, или поне доволно размыслiо; коесу мени садъ обаче сасвимъ наравно на паметъ дошле и ясне быле, нежели онда, кадсамъ ихъ за наставленіе мога дивяка испитивао. Такожде нашаосамъ много выше услажденiя у тому овимъ способомъ вещь какову болѣ испитати, нежели штосамъ и кадъ преће чувствовао. Могло э ово мое наставленіе овому сиротному дивяку выше или манѣ ползовати, тосамъ я опетъ велику причину имао Богу благодарити, да э онъ нѣга мени послао. Моя жалость была э съ шимъ врло облакшана, мое обиталище было э мени чрезвичайно сладко и угодно, и кадсамъ помы-

мислїо, да у овому самоћному животу, у коисамъ я поставленъ био, не само дасамъ я само возбужденъ био къ небу горе погледати, и руку ону потражити, коя э мене овамо довела, него їоштъ да я и самое дѣйство провидѣнія Божїя будемъ, животъ, и како шпосамъ мислїо, такожде и душу еднога бѣднога дивяка избавити и спасти, и нѣга ко истиному познанству закона и Хрїстїанске науке довести, да бы онъ Исусъ Хрїста познати могао, кога познавати есть истини животъ вѣчни; кадсамъ ово све размислїо, говоримъ, шо просѣкоше тайне радости цѣлу душу мою; и ясамъ о томъ често внутренѣ радостанъ био, да э мене провидѣніе на ово мѣсто донело, коесамъ я тако често као найвеће мѣсто страданія мислїо быти, коебыме икадъ постићи могло.

У овима благодарнима наумнѣніяма остаосамъ я толико дуго, доклесамъ годъ овде био, и забава и разговоръ съ Петкомъ, кое э наше празне часове испуняло, быомїе тако у годнѣ, да э онъ мени оне три године коесмо мы овде за едно проживили, сасвимъ и совершено благополучна учинило, ако иначе совершеное благополучїе гдигодъ подъ солнцемъ наћисе може.

же. Дивякъ э постао већь добримъ хрїстїанином, и боли їошъ него шпосамъ я самъ био, акосамъ я башъ и причину нада писе и Богу благодарити имао, дасмо мы обадвоица покаянія и утѣшенія, кое э покаянію готовимъ опредѣлено, уживали. Мысмо имали овде слово Божїе читати, и духа нѣговога насъ наставляюща тако близу, како годъ да бысмо у Англїи были.

Ясамъ свагда самъ Бїблїю прилѣжно читао и трудїосамсе разумъ читанаго моему Петку тако добро, како што э могуће было, у сердце уселити. Онъ э напротивъ тога своимъ постоянимъ испазиванѣмъ и вопроси, као шпосамъ сказао, мене много болимъ книжникомъ него што бы икадъ собственимъ читанѣмъ быти могао, учинїо. Їошъ и зато немогу ништа, што овде изъ собственога искуства у моей самоћности назначити морамъ, то есть: какова э то безконечна и неисказана блаженость, да познаніе Божїе у науки о нашему спасенїю Исусъ Хрїстомъ тако ясно у слову Божїему описано и тако лако прїимити и разумѣти есть, дасамъ я само чтеніемъ свящаго писанія доволно должности мое рязумѣвати научїо, да бы велико дѣло искреняго покаянія моихъ грѣховъ предузео

и

и себе ко искупителю спасенія держати, и непреривному упражненію богоспасаемости и покорности спроћу Бога безъ икаковога (разумћвамъ человћческога) учителя упутитисамсе могао, то э дакле такожде ово ясно наставлћніе совершено доволно было ово дивіе созданіе просвћтити, и нћга таковимъ Христіанином учинити, каковихсамъ доиста мога живота мало познавао.

Сви разговори хинати, распрћ и несогласія, коису кадъ годъ ради закона на свћту родитисе могла, могласусе она отъ остроизобрћтенія у науки или уставовъ церковнога полка дотицати, былаcу овде за насъ сасвимъ непотребна и неполезна, како шпосу, као штосамъ самъ и до садъ отъ тога разумћвао, такожде на вћкъ и за савъ прочи свћтъ быти могла. Мыcмо имали истинога путевожда Небо, то есть слово Божіе и уживалисмо — Богу буди благодареніе зато! — помощь святаго духа, кои э насъ своимъ словомъ учіо и наставляо, и ко свакой истини водіо, и насъ у наставлћнію слову нћговому слћдовати доброхотне учиніо; и овдесамъ видћо, штабы найвећа наука и знанство свію хинатнихъ пунктовъ и членовъ у закону, коису толика

ка смущенія у свћту учинили, нами ползовати бы могла, башъ акобысмо ихъ и знали. Али садъ морамъ опетъ у повћсть вступити и све порядочно исказати.

Кадсмо садъ већь я и мой Петко мећу собомъ іоштъ повћрителніе познализе, и онъ э скоро све, штосамъ нћму сказао, разумћвао, такожде и самъ, ако башъ и несовершено Англійски, доволно плавно самномъ говорити э могао: учиніосамъ нћму повћсть мою или найманћ толико отъ нћ познато, коликосе мога дошествія на ово мћсто дотицало, и каковимъ начиномъ и коликосамъ дуго овде живіо: Ясамъ нћму откріо такожде и таинство (ербо э то за нћга све едно было) танета и обучаваосамга пуцати; даосамъ нћму такожде еданъ ножъ, о чемусе онъ врло возрадовао, и начиніосамъ нћму поясъ и каишъ, као што мы у Англіи кратке саблћ у ныма носимо, да бы за нћга сатару или брадву заденути могао, коя несамо што э у многима случаи добро оружіе, него такожде у многима способи іоштъ и много полезнія есть.

Садсамъ нћму землћ Европейске особито обаче Англію, изъ коесамъ я, описао, како мы тамо живимо; како ми Богу служимо,

жимо, и какосе мы єданъ спроћу другога обходимо, и како мы съ нашима Лаћама у свима обитаемима частма свѣта тергуемо; казаосамъ нѣму такожде о сокрушеной лаћи, на коейсамъ я было, и показаосамъ нѣму тако близу, како што э могуће было, мѣсто, гди э она лежала; али већь одавно све у комаде разлупано и нинайманѣ штогодъ отъ нѣ ніе видѣти было.

Такожде срушенїа или остатке нашега чамца показаосамъ нѣму, у коемусмо хтели насъ изъ лаће на суво избавити, и кога я їоштъ онда са свима моима крѣпостми ни мѣста кренути нисамъ могао, а садсе већь савъ у комаде распао. При усмотренїи чамца стао э Петко по добаръ часъ замышлѣнъ ни едну речь неговорећи: а кадсамъ я нѣга найпослѣ запитао, о чемусе онъ тако замыслїо? отговорїо э онъ мени: „Solch Boot gesehen hab kommen an den Ort meiner Nation“ „Овакови чамацъ видїосамъ, да э на мѣсто мога народа дошао.“

Я нѣга за дуго нисамъ разумѣти могао, али кадсамъ я ствaръ опаснїе извидѣо, тосамъ изъ тога дакле дознао, да э оно овакови чамацъ было, и бурѣю къ брегoвомъ нѣговога отечества дотеранъ и баченъ было. Ясамъ абіе помыслїо, да э какова Евро-

Европейска лаћа, кодъ ныни брегова разбитисе морала, и чамацъ могаосе отрѣшити и къ нынимъ брегoвомъ дотеранъ быти; алисамъ тако глупъ было, да башъ и непомысли нѣга запитати, нисули такожде люди отъ разбіене лаће онамо дошли и избавилисе, и їоштъ манѣ откудабы они могли тамо доћи; него само описанїе чамца отъ нѣга испитао есамъ.

То э онъ доста добро описао и къ тому їоштъ э и мени болѣ помогао нѣга разумѣти, садъ э онъ съ нѣкомъ топлотомъ їоштъ къ тому приложїо: Wir erretten gethan die weiße Manns vom Ersauf, мысмо избавили оне бѣле люде отъ утоплѣнїя. Ясамъ нѣга абіе запитао, ніели было бѣли люди, како онъ ны називаше, у чамцу? Ja wohl sagte er, der Boot voll von die weiße Manns. „Есть рекао онъ; чамацъ э пунъ бѣли люди было. Колико ихъ э могло быти, запитаосамъ я далѣ. И онъ э у прсте изброїо 17тѣ. Пакъ послѣ кудасу доспѣли? предначеосамъ а далѣ. Sie leben, sie geblieben bei mein Nation. Онису живи и осталису кодъ мога народа.

Ово э мени нове мысли у главу ставило, ербосамъ я абіе помыслїо, дасу то они люди, коису къ оной лаћи принадлежали, коя

коя э кодъ мога острова (ербосамга я тако називао) насѣла, и коису, кадсу слаћу ныну на седре насукану и себе неошаштелно изгублѣне видѣли, себе у чамцу избавили и къ бреговомъ мећу дивяке стигли.

Затимсамъ я нѣга опасніе и обстоятелніе испитао, штасе онде съ онима людма случило? и онъ э мене увѣріо, дасу они іошћъ свагда живи, и дасу већь 4 године онде, и да ныма диваци никакове пакости нечине, него іошћъ ныма и средства къ препитанію даютъ. Али како э то могло быти, запитаосамъ я нѣга далѣ, да они ны нису убили и изѣли? нису рекао э онъ, sie mach Bruder mit ihnen, негосе друже съ ныма, то есть коликосамъ я разумѣти могао, еданъ союзъ држе, іошћъ рекао э къ тому, Sie eſſen kein Manns, auſſer wenn macht der Krieg fechten, то есть: они неядутъ люде окромъ кадъ войну имутъ.

Затимъ позадуго времена кадсамъ, я еданъ кратъ на оному брду на восточной страни острова было, съ коегасамъ, како штосамъ казао, при чистоћи дневной сталну землю отъ Америке усмотріо, погледао э мой Петко — време бяше чрезвичайно чисто — врло опасно къ сталной земли онамо, и на еданъ кратъ стао э отъ радо-

радости играти скакати и повикао э изъ гласа къ мени, ербосамъ я у нѣкоему удалѣнію отъ нѣга было, а кадсамга запитао, штаму э; O Freude, рече онъ o froh! dort ſieh mein Vaterland mein Nation. О радости рече онъ, о радости и веселія! онде видимъ мое отечество! онде мой народъ!

Садъ на лицу нѣговомъ видіосамъ чрезвичайну радость, очи нѣгове чистосу као ватра горелє, и цѣли нѣговъ изгледъ показао э жестоку желю опетъ у нѣговомъ отечеству быти. Ово примѣчаніе довело э мене на различна размышлѣнія, коя мени съ почетка нису дала тако сасвимъ мирнимъ отъ мога Петка быти; као штосамъ преће было: ербо ясе сумняо нисамъ; доћели мой Петко опетъ у отечество свое натрагъ, то не само штоће законъ него іошћъ и цѣли союзъ и обвязателство спроћу мене заборавити, и доволно нестерпѣливъ быти своимъ земляком извѣстіе о мени дати, пакъ онда можетъ быти съ двема стотинама дивяковъ опетъ овамо доћи, и ручакъ отъ мене сготовити, при коемће можетъ быти и онъ тако веселъ быти, као што э и кодъ ручка нѣгови непріятеля быти обычествовао, кое э у войни заробіо.

Али

Али овдесамъ я о овому сиротному и честному человѣзу врло неправо мыслїо, коеми э послѣ и врло жао было. Но мѣшутимъ да э подозрѣнїе мое свагда расло, и нѣколико недѣля траяло, то дакле мораосамъ и я малко позорнїи и опаснїи, и не онако повѣрителенъ, и дружественъ спрамѣу нѣга быши, као прѣе; у чемусамъ доиста сасвимъ неправо имао, ербо ово честно и благодарно созданїе и э имало никаковога помысла на штогодъ друго, него само оно, што э съ найболимъ основанїемъ како еднога смиренога Хрїстїанина, тако и благодарнога прїятеля соглашавалосе, како штосамъ послѣ къ моему совершеному удоволствїю искусїо.

Колико э годъ дуго мое подозрѣнїе траяло, можемо лако мыслити, дасамъ я нѣга сваки данъ опасно искушавао, да бы видѣо, нѣсли онъ гдигодъ у чему какове нове мысли изявити, коесамъ я о нѣму мыслїо: али све што э годъ онъ говорїо, нїе ништа друго было, него сама честность и невинность, да я нинайманѣ сѣнке у тому за мое подозрѣнїе наѣи нисамъ могао, и уприкосъ свега мога неспокойства учинїо э онъ мене напослѣдокъ себи опетъ сасвимъ свойствена. Онъ такожде нїе о моему не-

неспокойству ништа примѣтїо, слѣдователно нисамсе могао ни я отъ нѣга никакова хамишага или лукавства надати.

Кадсмо мы еданъ данъ за едно на оному берду были, и помраченога воздуха ради на морю сталну землю видѣти немогосмо, зовнуосамъ я Петка къ себи и рекаосамъ нѣму: Петко! нежелишли ты у твою землю и къ твоему народу опетъ натрагъ? Ja рече онъ, ich ſehr froh ſeyn, wenn ich bei mein eigen Nation. Быобысамъ врло радостанъ, кадбысамъ опетъ кодъ собственога народа быши могао. А штабыси ты онде чинїо? рекаосамъ я нѣму, нѣѣшли ты опетъ дивякъ дабудешъ и да месо человѣческо ядешъ као и прѣе? о томсе э онъ врло оскорбїо, и вертяше гловомъ говорѣи: Не: не! Freytag ihnen ſagen eſſen Kornbrod, Thierfleiſch, Milch; Menſchenfleiſch nicht eſſen wieder. Петко хоѣе ныма казати отъ жита хлѣбъ, звѣрское месо, млеко; а человѣческога меса више не ясти. Како дакле, рекаосамъ я нѣму, ако они башъ тебе самога убїю? ово э нѣга сасвимъ устрашило и узвѣрило. Nein, рекао э онъ напослѣдокъ, ſie mich nicht todtſchlagen, ſie gerne mögen lehrnen. Нѣѣду они мене утуѣи, него бы сдраге волѣ штогодъ отъ мене научили, їошъ э далѣ онъ къ

шому

тому придао, да нѣгови земляцы много отъ ини бѣли и брадати люди, коису у чамцу онамо дошли, научаваю. Затимсамъ я нѣга запитао, нећели онъ къ ныма опетъ ићи? о томсе э онъ насмѣао и ракао, да онъ толико далеко пливати неможе. Акакобы онда кадбы я теби еданъ чунъ начиніо, рекаосамъ я нѣму далѣ? онда бы онъ сдраге волѣ ишао, отговоріо э онъ, кадбы и я сныме пошао. — Я съ тобомъ да идемъ? твоибы земляцы мене абіе изѣли, кадъ бы я съ тобомъ поћи хтео. Nein, Nein, рекао э онъ, ich ſchon machen, daß dich nicht aufeſſen, ich machen, daß ſie dich viel lieb haben. Не, не ћу то учинити, да они тебе нећеду изѣсти, него много више радо имати и любити, онъ э мыслію то, даће ныма казати, дасамъ я ныне непріятелѣ потукао, и нѣговъ животъ избавіо, и тако даће онъ учинити, дањеду они мене верло миловати. Затимъ э онъ мени, као што э болѣ могао, казао, како пріятелски они съ онима 17. бѣли и брадати люди (како што э онъ ны называо) поступаю, коису у нужди у ныну землю дошли.

Отъ овога времена, то исповѣдити морамъ, добіосамъ свагда выше волю онамо къ сталной земли усудитисе поћи, и

и пробирати нећели можно быти да овима брадатима людма, коесамъ я за *Шпаніере или Поршутізе* держао, доћи, ербо кадбы я то могао, то сумняо небы, да мы средство небысмо изнаћи могли насъ послѣ отонудъ избавити. Ербо кадбысмо мы на сталной земли онде, и насъ подобро число за едно были, тобы морало отонудъ свагда болѣ поћи, нежели сасвимъ самъ и безъ сваке помоћи отъ еднога 40: міля отъ бреговъ далеко отстоящега острова. Послѣ нѣколико дана затимъ предузеосамъ я опетъ мога Петка предъ себе, и рекаосамъ нѣму, дању я нѣму чунъ дати, у коему онъ къ Народу свесму натрагъ поћи може. Отвеосамга такожде къ моей фрегати, коя э на другой страни острова лежала, и довезаосамъ ю послѣ; каковсамъ ю отъ воде испразніо (ербосамъ ю свагда подъ водомъ заливену держао:) на воду, показаосамъ ю нѣму, и тако сѣлисмо мы ободвоица у ню.

И тосамъ видѣо, да э онъ съ чуномъ и возніомъ преизрядно поступати, и нѣга скоро тако хитро повести и задержати знао, како годъ и я самъ. Кадсмо већь у чуну были, рекаосамъ я нѣму: Но Петко садћемо къ твоему народу ићи? При овому

вопросу био э онъ сасвимъ као убіенъ, кое э, какомисе учинило, отудъ э произишло, што э онъ чунъ за врло маленъ держао, шако далеко на нѣму возишисе. Затимъ рекаосамъ нѣму, де я већи чунъ имадемъ, и шакосмо сутра данъ на оно мѣсто опишли, гди э мой первый чунъ лежао, когасамъ направіо, али величине ради нѣга на воду донеши нисамъ могао. Овай бы доста велики био, рекао э Пешко, али будући да я о нѣму никакове бриге нисамъ имао, и онъ э већъ 23 лѣта онде лажао, то э онъ дакле савъ отъ солнца испуканъ, изсушенъ, и скоро савъ иструйо био, Али э Пешко мыслїо съ ованковимъ чамцемъ, могло э сасвимъ све преизрядно поћи, моглобысе у нѣга шакожде Fleiſch Brod und Trinck месо хлѣбъ и пиће, како што э онъ сказао, доволоно мешнути.

Ясамъ у ово време (да кратко рекнемъ) моюмъ главомъ зашо ставишисе могао съ ныме онамо къ сталной земли свободно поћи, и рекаосамъ нѣму: Пешко! мыћемо дакле нама други чамацъ овако исшо велики како годъ што э и овай начинити, и на нѣму можешъ ты у твою землю натрагъ вратишисе. Warum bu zornig ſeyn auf dein Freytag: Зашто, едаси ты срдитъ на

твога

твога Пешка? запитао э онъ сасвимъ сожалишелно, шпосамъ я теби согрѣшїо? — Ніе, я нисамъ на шебе срдитъ, ше, ни найманъ. — Nicht zornig? nicht zornig, несрдитъ? несрдитъ? повторїо э онъ нѣколико крати, Warum den Freytag fortſchicken heim zu mein Nation? — Зашто Пешка послати кући къ нѣговому народу? Ели дакле Пешко, нисили ты мени рекао, дабыси ты врло радъ опетъ онде быти? Ја, ја, wollte wir beide da ſeyn; nicht Herr da ſeyn, nicht Freytag da ſeyn mag. — Есть, есть обадвоица мы онде быши; не Господинъ овде быши и Пешко неће онде быши. — Кратко онъ ніе хошео о шаковомъ пушу башъ ни мыслити, ако я небы хошео съ нимъ поћи. — Я онамо ићи, рекаосамъ я Пешку? Шшаћу я онде чиниши? — Du ſehr viel gutes machen; du lehren wilde Manns gut ſeyn, Gott betten, und neu Leben leben. — Тыћешъ много добра учиниши; тыћешъ учиши дивяке да добри буду, Бога молиши, и изъ нова живошъ уживаши. — Ахъ Пешко ты самъ незнашъ што говоришъ, рекаосамъ нѣму, та и ясамъ самъ невѣжа человѣкъ. — Ја, ја du haſt gutes gelehrt, du ſie auch gutes lehren kannſt. — Есть есть, тыси мене на добро наставїо, тыћешъ и ны шакожде къ добру

наставити моћи. — Али преко свега ты Петко морашъ самъ онамо ићи. Остави мене самога овде живити, као штосамъ и преће живіо, при овима речма узвѣріосе и смутіо Петко, отрчао э фришко на еданъ кратъ, и донесао э едну отъ они сатара, кою э собомъ носити обычествовао, и дао э мени. Штоћу я съ тимъ чинити? рекаосамъ нѣму. — Du Freytag todſchlagen! ты убій Петка! — Али зашто? Warum Freytag fortſchicken, Freytag lieber lieber todſchlagen, nicht fortſchicken! — Зашто да оттерашъ Петка, болѣ утуцы нѣга, него да нѣга оттерашъ! Ово э онъ съ таковомъ жалостію изговорію, дасамъ я сузе у очію нѣгови стоеће видѣо. Съ еднимъ словомъ, ясамъ быо о нѣговой искренной спроћу мене склоности, и о нѣговомъ полномъ наумѣнію, дасе онъ самномъ никада разстати неће, тако врло увѣренъ, дасамъ я нѣму башъ онда, а такожде и послѣ често говорію, да я нѣга никада отъ себе отпустити нећу, само ако онъ волю кодъ мене изостати имаде.

Тако исто, као штасамъ я изъ свію нѣгови разговора нѣгову сердечну и непремѣнну спроћу мене любовь видѣо. и ощутіо, тосамъ дакле и видѣо, да э причина нѣговога захтеваня у отечество свое

свое моћи само у горящей любови спроћу свога народа, и у той надежди положена была, даћу я тамо кодъ ны много добра учинити: али я кои самъ о томъ доволно нисамъ разумѣвао, то дакле нисамъ нинайманѣга помысла, волѣ или захтеваня имао себе у штогодъ таково упустити, али свагда чувствоваосамъ велику склонность и волю мое бѣжанѣ предузети усудитусе; коесе у той надежди, коюсамъ изъ прећашнѣга разговора почерпао, основавало, а наимено дасе они 17 люди онде находятъ. Ясамъ дакле незакосняваюћи съ Петкомъ дѣло предузео едно велико и къ тому способно древо свалити и изъ нѣга еданъ велики чамацъ начинити, у коему можемо наше путешествіе предузети. Было э доиста на острову толико дервета, да бы отъ ны читаву флотту (галіе) а не само еданъ чамацъ (Periaguas) него читаве и велике галіе начинити могао: али главна вещь была э ова, таково древо гдигодъ близу воде добити, дабы я чунъ, кадъ готовъ буде, лако на воду донети могао, и прећашнѣ погрѣшке ошаятибысе могао.

Напослѣдокъ нашао э Петко таково едно дрво; ербосамъ я видѣо, дасе онъ у то-

тому болѣ разумѣвао нежели я, какови
э видъ древета къ тому найспособнии.
И я до данашнѣга дана сказати незнамъ,
каково э оно древо было, коесмо мы сва-
лили, него само толико знадемъ, да э оно
оному дерветy верло подобно было, кое
мы *Бразїлскимъ* дерветомъ називамо, и ре-
цы нѣка средственна верста меѣу овимъ
и тако називаемимъ *Ніхарапъ* дерветомъ
была, ербое оно такове исте фарбе и ми-
риса было. Петко э держао за найболѣ
средство нѣга ишшуплити или издубити,
и ватромъ испалити, дабы отъ нѣга спо-
собанъ чунъ начинити могли. Алисамъ я
нѣму показао, какобысмо мы то много лак-
ше съ нашимъ халатомъ издубити могли;
кое э онъ, кадсамъ я нѣму то показао, ка-
косе съ шимъ поступа, за верло добро и
способно нашао. Послѣ едно мѣсячнога и
тешкога дѣла быо э напослѣлокъ нашъ
чунъ сасвимъ готовъ, и быо э верло лепо
начинѣнъ, особито кадсмо мы съ нашима
брадьама, съ коіомсамъ я нѣга радити научіо,
внѣшнѣй страни прекрасни видъ еднога чам-
ца дали. Но то э насъ іошъ выше отъ
14: дана времена спаяло, кадсмо нѣга, та-
ко да рекнемъ, еданъ цолъ задругимъ на
великимъ вальцы на воду донесли.

Кад-

Кадсмога вечь на воду донесли были,
овдесамъ съ великимъ удивленіемъ видѣо,
съ каковимъ э вѣжествомъ и хитростію,
мои Петко нѣга несматраюћи на величину
нѣгову управляти, окренути и повести
знао. Затимъ запитаосамъ нѣга, хоћемоли-
се смѣти у нѣму онамо усудити поћи,
и ели онъ тому склоненъ? есть рече онъ,
er ſich darinnen hinüber wagen ſehr gut, obgleich
blies groß Wind. Можемосе свободно на нѣму
онамо упустити, и верло добро, башъ а-
кобы и велики вѣтаръ дуао. Ясамъ мећу
тимъ іошъ друго намѣреніе имао, кое
онъ ніе знао, то есть капарку и парусъ
начинити, и нашъ чунъ съ мачкомъ и съ
ужети устроити. Поштаосамъ дакле за-
то еданъ млади кедръ тражити, коихъ я на
острову доволно наћи было, и когасамъ
близу онога мѣста нашао. Петко дакле
морао э ово дрво подсећи, и ясамъ нѣму
показао, какоће онъ нѣму пристойни видъ
дати, и све лепо уредити моћи. Али за
платна и парусъ мораосамъ я самъ брину-
тисе и радити. Истина знаосамъ, дасамъ
старихъ парусовъ имао, или много выше
комада отъ старога платна доволно; али
будући дасу они 26: година кодъ мене ле-
жали, и я о содержанію ныномъ никаковога

осо-

особногъ покеченія имао нисамъ, ербо какобысамъ помыслити могао, даћу нѣга іошћъ овако добро требовати моћи? то дакле друго и мыслити нисамъ могао, него да э оно већь све иструнути морало. Као шпосу и многа доиста већь иструнула была: али опетъ нашаосамъ међу тимъ два комада, коисе мени іошћъ доста добри быши учинише. Овесамъ дакле абіе предузео, и найпослѣ съ великимъ трудомъ и дѣломъ, и послѣ верло неспособнога и гаднога крпежа (као што лако мыслити можемо и безъ игала и конаца) произишла э нѣка троеуголна гадна вещь, коя э отъ прилике као еданъ парусъ изгледала, на свѣтъ.

Кодъ овога послѣдньега дѣла могу свободно казати, дасамъ 2: мѣсеца времена утрошіо; доксамъ капарку и парусъ дигао, и како што валя уредіо, ербосамъ я све совершено, како што требуе, правіо, съ дебелимъ ужетомъ къ тому надлежащимъ преднымъ плашномъ, коеће намъ на помоћь служити, кадбысмо мы верло яко противо вѣтра держаписе морали, и што э выше нежели све друго было, утвердіосамъ весло на мѣсто думена на стражньій часши чамца, дабы нѣга съ тимъ по произволенію управляти

ши могао. И акосамъ я башъ само еданъ крпећіа у послу лађарскому быо, тосамъ я опетъ, кадсамъ ползу и башъ нуждиость овакове вещи провидѣо, све съ таковимъ прилѣжаніемъ начиніо, и съ тимъ доста труда имао, да э то напослѣдокъ све срећно произишло, ако э мене то башъ и толико много труда стояло, коликогодъ и самъ чамацъ.

Кадъ э то већь све готово было, научіосамъ я такожде мога Петка у кораблѣплаванію, ербо ако э онъ башъ и знао чунъ повести, то онъ отъ думена и паруса опетъ ништа ніе знао, и быо э полнъ удивлѣнія, кадъ э онъ мене чамацъ думеномъ и плашномъ по вѣтру управляема видѣо. Но коликосе э онъ о томъ чудіо, тое онъ опетъ съ нѣкимъ малимъ упражньіемъ съ тимъ верло добро поступити научіо, и постао э совершенимъ корманошемъ, окромъ еднога вѣжества у компасу, о чему я нѣму мало или башъ ништа поняшно учинити нисамъ могао. А будући да у овимъ странамъ мало тавнога времена и магле верло рѣдко или никада ніе было, то дакле и компасъ ніе отъ велике потребе быо; ербо ноћомъ свагда звѣзде, а даньомъ брегове видѣти э можно

было

было, кромѣ кишнихъ мѣсецовъ, у коима и безъ тога ніе никому на паметъ пало, ниши водомъ нити сувимъ путовати.

Садсамъ већъ 27*мо* лѣто робства на овому острову започео; ако башъ она послѣдня 3: лѣта, у коимасамъ мога Петка кодъ себе имао, свойствено къ тому причислити немогу; ербо отъ онога времена было э мое пребыванѣ овде сасвимъ другоячіе устроено, нежели цѣло прѣшнѣ време. Садсамъ торжествовао годишнѣ воспоминаніе мога овамо дошествія съ онаковимъ истимъ благодареніемъ къ Богу за нѣгова благодѣянія, како годъ и первый кратъ. И будући дасамъ первый кратъ къ тому причину имао, то садсамъ таковихъ іошъ выше имао ербосамъ іошъ и выше проби нѣговога провидѣнія и сверху мене управлѣнія и іошъ преко тога велику надежду имао већъ скоро башъ дѣйствително избавлѣнъ быти. Али међу тимъ я нисамъ изоставляо домостроеніе мое водити, копаосамъ, насађивлосамъ, ограђиваосамъ, собираосамъ, и сушіосамъ грожђе мое како годъ и прѣже.

Међу тимъ дошло э мени садъ кишно време завратъ, у коемсамъ више нежели иначе

иначе кодъ куће задержаватисе морао. Ясамъ дакле нашу нову лађу тако добро, како што э могуће было, у завѣтрину ставіо; ербосамъ я ню у онай свитакъ запкулине увезао, гдисамъ найпре съ моима сплавови пристаяти обычествовао, и при нарастѣнію воде на брегъ извукао, и Петку заповѣдіо, да еданъ яракъ ископа, гди э она равно толико мѣсто имала, и доволно дубокъ быо, да бысе она за пловитву свагда содержавала. Када э припливъ уступіо, начинилисмо съ предъ попреко еданъ яки ендекъ, да вода унутра небы ући могла; и тако э она, када э приливъ дошао, отъ морске воде свагда сува остала. Да бысмо дакле нашу фрегату и отъ кише сачувати могли, покрилисмо ю съ множествомъ грана тако густо, да э она добро како годъ еданъ домъ покривена была. И тако очекивасмо мѣсецъ Ноемверъ и Декемвръ, у коимасамъ я намѣренъ быо страшно мое путешествіе започети.

Када э лепо време мало по мало опетъ дошло, обновилесусе съ овимъ лѣпимъ временемъ такожде и мое мысли о моему намѣренію, о когасамъ произведенію я повседневно уредбу приправляо. Перво штосамъ учиніо, было э то, за наша средства къ

пре-

претпитанію за путь старатисе, пакь онда мысліосамь у 8: или 14: дана ископати, каналь отворити и мой чамаць на воду довести. Съ таковимь чимгодь едань кратъ уютру забављајућисе зовнуосамь Петка и рекаосамь нѣму, да на брегь отиде и да мотри, нећели моћи кою корнячу добити, коесмо мы сваке недѣлѣ едань кратъ, како меса тако и јета ради фатали. Петко ніе толико дуго на полю ни было, кадь э онь на еданъ кратъ нагло терчећи натрагь дошао, и преко мога внѣшнѣга зида или ограде, као еданъ кон терчећи подь собомъ землю ніе осѣћао, унутра ускочіо, и іоштъ преће него штосамь я имао времена съ ниме говорити, повыкао изь гласа кь мени: O Herr! Herr! O Jammer! O ſchlimm! — О Господине! Господине! О жалости! О бѣде! Што э Петко? штоти э: рекаосамь нѣму, Ach dorten рекао э онь eins zwei drei Kapen eins zwei drei! Ахъ ондесу, еданъ два три! изъ овога начина броя, мысліосамь я да б: чунова имаде, али кадсамь опасніе извидѣо, то ніе выше было него три. Добро дакле Петко, рекаосамь я, тога ради небойсе ты ништа, и мотріосамь, коликосамь годь болѣ могао, нѣга охрабрити. Али несматраюћи

на

на то све примѣтіосамь я, да э овай сиротни юноша сасвимь страха и ужаса напунѣнь, ербо онь у глави ништа друго ніе имао, него дасу дивяцы опетъ дошли нѣга тражити, и даћеду нѣга на комаде изсећи, и изѣсти; и онь э трепетао и тресаосе непреривио и тако верло, да я већь нисамь знао, штоћу съ нимь започети. Но дасамь нѣга мећу тимъ, колико э годь могуће было, утѣшавао и представіосамь нѣму, дасамь и я самь башь у таковой истой погибели како годь и опь, и даћеду они тако исто мене како годь и нѣга изѣсти. Алисамь я рекао нѣму, чуешь Петко, мы себе морамо приправити и съ ныма брань учинити? хоћешли ты то Петко? Ich ſchießen рекао э онь aber deren dort gar viel, viel — али ны отудь идутъ много, много! — Ништа зато отговоріосамь я, кое мы неубіемо, онимаћеду наше пушке много страха задати. И ако я обећамь тебе бранити (рекаосамь я далѣ) хоћешли и ты мене защищавати, кодъ мене держатисе и чинити оно, штоћути заповѣдати? — Ich ſterben wenn du heiſeſt Herr! Ћу умрети, ако ты заповѣдишъ Господине! рекао э онь, и съ тимь отишаосамь и донеосамь добаръ

на-

напитакъ ракіе, пакъ даосамъ нѣму; ербосамъ я ракію мою тако добро штедіо, дасамъ отъ нѣ іошъ свагда подобру часць имао, када э онъ то попіо, даосамъ нѣму оне две птичарице, коесмо свагда сасобомъ носили, и набіосамъ ны съ крупномъ сачмомъ, коя э као мала пушчана танета была. Затимъ узеосамъ оне 4 мушкете и набіосамъ сваку съ двима комади гвожђа, и съ пет другій танета, и два пиштоля свакій съ двима танети.

Кадсамъ себе већ овако вооружіо, узеосамъ мой пусулъ и отишаосамъ съ ныме горе на бердо, дабы вилѣо, шпаћу усмотрити моћи, и средствомъ мога пусула абіе усмотріосамъ, дасу онде 21: дивякъ; 3: роба, и 3: чуна были, и да они никаковога другога узрока ради овамо дошли нису, нежели нынъ побѣдоносни ручакъ отъ овихъ трію человѣческихъ тѣлесъ держати.

Іоштесамъ примѣтіо, да они садашни кратъ нису на оному мѣсту изишли, гди э нима Петко преће умакао, него ближе къ моему савитку, гди э брегъ малко низжій было, гдисе густа шума скоро до близу моря отезала. Ово дакле и іошъ къ моему омрзѣнію о безчеловѣчному намѣ-

ре-

ренію ови неволниковъ напунило э мене такове ярости, дасамъ я іошъ еданъ кратъ долу къ Петку дошао и нѣму рекао, дасамъ я већ заключіо онамо къ ныма поћи и свію потући; при чемусамъ іошъ нѣга запитао, хоћели онъ мени помоћи? Овай, коему э страхъ већ малко прошао было, и онай напиткакъ ракіе бодростъ учиніо, было э већ сасвимъ радостанъ и рекао э мени као и преће: да хоће за мене, ако я заповѣдимъ, умрети.

У овой распалѣной ярости узеосамъ найпре оружіе, кое э већ напунѣно было, и подѣліосамъ изъ међу нась. Даосамъ Петку, іошъ еданъ пиштоль, да за нѣговъ појасъ задене, и три пушке нѣму на леђа, еданъ пиштоль и оне три пушке узеосамъ я самъ да носимъ. Овако вооружени изышлисмо дакле на войску.

Ясамъ едну флашу ракіе у мой жепъ метнуо, а Петку даосамъ едну велику кесу съ барутомъ и оловомъ носити. Заповѣсть, коюсамъ я нѣму дао, была э ова: да онъ устопце замномъ и сасвимъ близу ступати имаде, некрећатисе непуцати или штогодъ найманъ чинити, докле я нѣму незаповѣдимъ и међу шимъ ни едне речи говорити. У овому вооруженію

учи-

учинїосамъ я на десну руку еданъ заодакъ, рецы скоро едно полъ Англїйске мїлъ, дабы како преко савитка воде, тако и у шуму онамо доћи могао, тако дасамъ само на еданъ пушчани хитацъ већь близу ны было, преће него штобы они мене видѣти могли, кое э како штосамъ я на пусуль мой видѣо, верло добро ишло.

Доксамъ я їошть на путу было, дошлесу мени мое прећашнѣ мысли опетъ у паметъ, и мое дерзновено намѣреніе стало э колеблемо бывати. Не тога ради штобысе я отъ нынога множества страшїо, ербосу они наги голи и невооруженi были, то бы я ныма доиста їошть самъ свагда превозвишанъ было: него э мени опетъ на паметъ дошло, какови э поводъ и нужда мене къ тому возбудила онамо ићи, руке мое у крви обливати и люде напасти, кои мени никакова зла учинили нису, нити учинити намѣренїя имаду; и коису всмотренїи мене сасвимъ невини и коихъ варварскїй обычай нына собствена несрећа есть. Ово э доиста кодъ ны явни знакъ было, да э ны Богъ їошть съ прочими народи ове части свѣта у овакову безчувственость и варварске обычае предао; али мене на то позвао ніе, Судїомъ

ныни

ныни дѣла и їошть манѣ исполнителѣмъ нѣгове правде быти. Нашели онъ то задобро, тоће онъ ову вещь у свое собствене руке узети, и народня беззаконїя народнѣю казнїю казнити: и я мећу то отнюдъ ништа мешатисе неимамъ. Петко бы у овой вещи їошть преће могао оправданъ быти, ербо э онъ познани и заклети непрїятель овога истога народа, и у явной войни съ ныма сплетенъ. Нѣмубы дакле свободно было ны напасти а я причину за себе немогу показати. Ове мысли мушилесусе цѣлога пута по моей глави, дасамъ само то намыслїо само на близу къ ныма доћи, и нынъ варварскїй ручакъ гледати, пакъ послѣ чинити оно, што Богъ опредѣли; и себе ништо упустити, него акобысе штогодъ приключило, штобы я више нежели познанїе, и све досадашнѣ мотрити могао.

Съ овимъ заключенїемъ пошаосамъ у шуму, и ишаосамъ (Петко устопце замномъ:) сасвимъ возможнимъ позорствомъ и тихостїю, докле годъ писамъ на страну, коя э къ ныма найближа была, на край шуме дошао, тако да э само една пустимица шуме мећу мною и ныма лежала. Овдесамъ верло полагано Пешка зовнуо, и

показуюћи нѣму на едно дрво, кое э башъ на верху или краю шуме стаяло, рекаосамъ нѣму, да онамо отиде и послѣ мени скаже, можели онъ ясно видѣти што они чине. Онъ э то абіе учиніо, дошао э къ мени натрагъ и казао, дасе све верло лепо видѣти може. Они сви около ватре сѣдише и ядоше месо еднога ныни робова. Недалеко отъ ны лежао э другій робъ на песку свезанъ, когаћеду, како Петко рече, за первимъ утући, о чемусе душа моя сва у саму ватру премѣнила. Онъ э рекао, да то ни еданъ ніе отъ нынога народа, него еданъ отъ бели люди, о коихъ э онъ мени сказао, дасу на чамцу у ныну землю дошли. Мерзостъ и ужасъ напуніо э перси мое, како э онъ бѣлобраде люде спомену, и кадсамъ ближе дрвету дошао, видѣосамъ дѣйствително на мой пусулъ и сасвимъ ясно еднога бѣлога человѣка на брегу лежећа, коемусу руке и ноге съ гужвицомъ или рогозомъ свезане быле, и да э башъ Европеацъ био, и халине на себы имао.

Отъ прилике 50: коракляя ближе къ нама, гдисамъ я стаяо, было э едно друго древо, и предъ нимъ еданъ мали кусторникъ, до кога я, како шпосамъ видѣо,

еднимъ

еднимъ малимъ обиткомъ лако невидѣнъ доћисамъ могао, и ондабы само едно полакъ пушчанога хитца далеко отъ ны быо. Алисамъ я гнѣвъ мой задержао, акосамъ башъ већь и крайнѣ противо ны ополченъ быо: и послѣ кадсамъ 20: корачаи за нѣки грмъ натрагъ учиніо, коисе покрай цѣлога пута отезао, доклесамъ я до онога другога древеца дошао, нашаосамъ дакле еданъ узвишакъ, откудсамъ я ны рецы едно 80: корачан далеко совершено видѣти могао.

Садъ већь нисамъ имао ни еднога часа изгубити; 19: ови страшни безчеловѣчника сѣдише сви еданъ до другога густо збіени на земли, и у тай исти часъ послалису были другу двоицу онога бѣднога хріетіанина довести и заклати, и отъ нѣга, можетъ быти, членъ по членъ на ватру метати. Већсусе они сагнули были нѣму ноге отрѣшити, кадсамсе я на еданъ кратъ къ моему Петку окренуо и рекао: Садъ Петко чини све оно, штоћути я заповѣдати. Хоћу све съ радостію, отговоріо э онъ мени. Дакле садъ Петко, рекаосамъ нѣму далѣ, чини све оно верло опасно, што годъ мене видишъ, да я чинимъ, и немой дами фалишъ или какову погрѣшку

учинишъ. Ясамъ положїо едну отъ мушкета и птичарицу на землю, и Петко э тако исто учинїо, а изъ друге пушке бацыосамъ живо ватру на дивяке онамо; и Петко э то учинїо. Затимъ запитаосамъ, ели онъ већь къ пуцаню готовъ? и када э рекао да есть, повикаосамъ я Петко бацы опетъ ватру и у едномъ часу опалисмо обадвоица заедно.

Петко э много болѣ и правилнїе бацао пушке и стрѣляо, нежели я, ербо на оной страни, на кою э онъ пуцао, былосу 2 мертва и 3 ранѣна, а на моей страни само еданъ мертавъ и еданъ ранѣнъ. Какови э ово ужасни страхъ и трепетъ међу ныма проузроковало, лако себи представити можемо. Сви они, кои танетомъ потрефлѣни нису были, скочилису горе и хтелису бѣжати, али нису знали куда; изъ узрока што нису знали отъ куда ына смерть и погибель приходитъ. Петко э свагда нетренуѣи на мене гледао, дабы, како штосамъ я нѣму заповѣдїо, на све опасно позорствовао, што я чинимъ. Како э первый ударацъ прошао быо, метнуосамъ абїе мою пушку на страну и узеосамъ птичарицу. И Петко э то исто учинїо. Кадъ э видѣо, дасамъ я натегнуо и наперїо пушку;

ку; то э исто абїе и онъ учинїо. Есили готовъ Петко, выкнуосамъ я. — Есамъ отговорїо э, удри дакле у име Божїе, повыкаосамъ я, їоштъ еданъ кратъ, и тако бацыосамъ їоштъ еданъ кратъ ватру, међу уплашене варваре, и Петко равнимъ начиномъ. А будуѣи дасу наше птичарице за садашни кратъ съ крупномъ сачмомъ или съ малима танети набїене быле; то нисмо видѣли дакле, нежели двоицу къ земли опровержене; али ренѣни было э ны много, тако] дасу они као помамни урликаюѣи и выкаюѣи свудъ терчали, и многи отъ ны крваво и смертно уранѣни былису; їоштъ затимъ скоро палису отъ ны тройца, башъ ако и не сасвимъ мертви къ земли.

Дакле Петка повыкаосамъ я метнувшїи избачене пушке на землю и набїену у руке узимаюѣи, садъ ступай замномъ! кое э онъ абїе съ великомъ храбростїю учинїо; и затимъ изъ шуме искочїо, и себе съ Петкомъ моимъ явно показао. Какосамъ примѣтїо; дасу они насъ видѣли, стаосамъ абїе изъ свега гласа выкати, и заповѣдїосамъ Петку то исто чинити; полетїосамъ затимъ тако хитро, како годъ што э могуѣе было, (кое мимогредъ говореѣи

ћи башъ и ніе верло фришко было, ербосамъ верло съ оружіемъ обтереѣенъ быо) къ оной бѣдной жертви, коя э, како шпосамъ казао, на брегу меѣу онимъ мѣстомъ, гдису они сѣдили, и моремъ лежала. Ова сбадвоица желати, консу нѣга башъ тай часъ у руке предузети хотели, былису къ морю побѣгли и съ великимъ страхомъ у ныне чунове скочили, за коима ошшъ троица отъ прочихъ слѣдоваше. Напредъ ступай! повыкаосамъ я, кадсамъ то видѣо, осврашившесе натрагъ на Петка, пакъ бацай живо ватру на ны! Онъ э мене абіе разумѣо и поступіо рецы 50 корачаи, дабы ближе къ ныма приступіо и бацыо э опетъ ватру на ны. Ясамъ дрнста мыслїо, да э онъ ны свію потукао; ербосамъ ихъ я свію у едной хрпи у чунъ падаюће видѣо, но опетъ двоицу отъ ныхъ видѣосамъ таки на ногахъ. Но меѣу тимъ онъ э ны двоицу очевидно убіо и трећега раніо, тако дасу они у чуну аки мертви лежали.

Докле э мой храбрій Петко на ны живо пуцао, извукаосамъ я ножь изапоясa и опсѣкаосамъ штранчицу, съ коіомъ э ова бѣдна жертва свезана была, подигаосамъ ю горе, кадсамъ ей већь руке и ноге освободіо

Pag: 486.

Сраженіе съ Дивяцы.

бодіо, и запитаосамъ *Португіски*, тко э онъ? и онъ э мени *Латїнски* отговорїо Хрїстїанинъ (Chriſtianus) али э онъ тако слабомощанъ быо, да э едва стояти или говорити могао. Извадїосамъ флашу съ ракіомъ изъ жепа, и даосамъ нѣму, дасе напіе, кое э онъ и учиніо. Даосамъ нѣму їошть парче хлѣба, кога э онъ такожде изѣо: и зашимъ запитаосамга каковъ э землякъ онъ? Отговорїо э онъ мени да э онъ *Шпанїеръ*, и кадсе э мало окрѣпїо, дао э онъ мени съ свима возможнима знацы, кое э годъ указати могао, разумѣти, коликое онъ мени за избавлѣніе живота нѣговога благодарно обвезанъ. Далѣ рекаосамъ я (Sennor) Господару, коликосамъ годъ у фришкоѣи *Шпански* изговорити могао, мыѣемосе послѣ разговарати али садъ морамо дасе бїемо, и бранъ одержимо. И ако їошть и мало крѣпости имате, то узмите дакле овай пишполь и мечь у руке и употребите ихъ на оно къ чемусу садъ отъ потребе. Онъ э съ великомъ благодарностїю ова оружїя прїимїо, и само шпога э у руку имао, полетїо э абїе као дабы нѣга по нове бодрости напоило было, и као фурїа на нѣгове убїице, и двоицу отъ нихъ у едному магновенїю ока све у комаде исѣкао;

као изъ узрока, што э све ово за ны крайнѣ ненадано нападеніе было, то дакле всячески и истина есть, дасу ова бѣдна созданія отъ ларме и пуцаня наши пушака у такови страхъ и ужасъ стављѣна была, дасу она башъ отъ самога страха и трепета къ земли падали, и равно тако тешко побѣћи могла, како годъ што э и нына плоть нашимъ пушчанимъ ударцамъ противостати могла. И такови э исти случай и съ онима трима было, кое э мой храбри Петко у чуну убіо; ербо кадсу троица отъ ны смертно уязвлѣни пали, то стровалилисусе и она друга троица отъ самога страха на ны.

Ясамъ пушку мою іоштъ свагда у руку пуну держао, ербосамъ свагда еданъ набой у преправности держао, заштосамъ Шпаніеру мачъ и пиштоль мой дао было. Садсамъ повикао Петка, и рекао нѣму, да оттрчи къ оному дрвету, отъ кудасмо најпре на дивяке ватру дали, и да донесе оно испукнуто оружіе, кое онде лежи; кое э онъ абіе съ великомъ хитростію учиніо. Мећу тимъ даосамъ нѣму мою набіену пушку, и сѣосамъ на землю, да све проче оружіе набіемъ говорећи ныма, дабы овамо дошли, кадбы оружія отъ потребе имали.

ли. Набіяюћи я пушке, то започесе мећу Шпаніеромъ и еднимъ дивякомъ, кои э на нѣга съ еднимъ нынимъ дрвенимъ мечемъ ударіо, страшна битка; съ онимъ истимъ оружіемъ, съ коимъ бы онъ живота свога лишенъ быо, кадъ я срећомъ нѣговомъ то небы воспятствовао быо. Шпаніеръ, ако э башъ іоштъ слабомоћанъ было, но опетъ тако дерзновенъ и храбръ бише, како штосе помыслити може, тукаосе доста дуго съ овимъ *Індіаномъ*, и у глави нѣму две велике ране учиніо; дивякъ обаче, кои э крѣпокъ и свободанъ человѣкъ быо, уфатіо э Шпаніера у руке и нѣга (ербо э іоштъ слабъ быо) на землю баціо, и башъ хтео э нѣму мачъ изъ руку исторгнути, кадъ Шпаніеръ, ако э башъ и на земли лежао, мачъ мудро изъ руке избаціо, пиштоль иза пояса извукао, и съ нимъ дивяку утробу провалiо, кои э абіе и преће него штосамъ я къ Шпаніеру на помоћъ поспѣшити хотѣо, мртавъ остао.

Храбри Петко, кои э већь садъ чинити могао, што э годъ хтео, потерао э бѣгунце никаковимъ другимъ оружіемъ, нежели съ сапаромъ у рукахъ, и съ таковомъ онима трима, како штосамъ преће рекао, дасу преће ранѣни пали были, пол-

но

но остатокъ дао, и свимъ прочимъ, кое э годъ достићи могао, жизнь окончао. Шпаніеръ дошао э къ мени, да пушку узме, и даосамъ нѣму птичарицу, съ коіомъ э онъ за двоицомъ дивяцы у потеру полетіо и обадвоици ране задао, а будући да ніе већь могао трчати, то дакле сакрилисусе обадвоица у шуму отъ нѣга, на кое э мой храбри Петко за ныма потеру учиніо, и еднога отъ ныхъ утукао. Други обаче очистіо э чувствія. И башъ ако э и ранѣнъ быо, скочіо э онъ у море и сасвима крѣпостми, кое э іошъ имао, за онима пливао, коису већь у чуну были, дакле ова троица у чуну іошъ съ еднимъ ранѣнимъ, о коемъ нисмо знали, ели быо већь мртавъ, или не, былису сви, коису отъ 23ри изъ руку и жестокихъ нашихъ оружіи умакнули.

ОПИ-

ОПИСАНІЕ ПРОЧИХЪ ЕСТЬ СЛѢДУЮЩЕЕ

мертвыхъ.

На нашъ первый удараџаћ			
Кодъ древета	—	—	3.
На другіи	—	—	2.
Отъ Петка у чуну		—	2.
Опетъ отъ Петка отъ они			
первый уранѣни	—	—	2.
У шуми отъ Петка		—	1.
Отъ Шпаніера	—	—	3.
Сѣмо, и овде отъ рана померли,			
и отъ Петка у потери убіени			4.

Подъгшій.

У чуну меѣу коима еданъ ра-			
нѣнъ или мертавъ		—	4.

Сумма у свему 21.

Они, коису у чуну были, веслалису изъ свію крѣпости, дабы отъ нашихъ пушчанихъ удараџовъ умакнути могли, и акое Петко два или тры кратъ на ны пуцао, то я видѣти нисамъ могао, дае онъ бэшъ и еднога потрефіо. Петко э радъ быо, дабысмо еданъ отъ ныни чунова добыти могли, и на таковому за ныма у потеру повезли, и истину да рекнемъ, дасамъ тога ради, штосу они побѣгли, доста оскорблѣнъ быо, да нећеду они Народу своему,

кадъ

кадъ дома дођу, о нама извѣстіе дати и послѣ можетъ быти съ две или три стотине чунова овамо натрагъ доћи, и множествомъ своимъ насъ у прахъ учинити. Ясамъ дакле позволіо, да ны на води потерамо, отишаосамъ къ едному чуну, скочіосамъ у нѣга и заповѣдіосамъ Петку замномъ слѣдовати. Али кадсамъ у чунъ ушао, зачудіосамсе отъ выше видѣвши іошъ едно бѣдно созданіе лежеће, кое э, као и Шпаніеръ, на руку и ногахъ на заколѣніе свезано было, и незнаюћи штосе на полю случило, скоро э мертво отъ страха было, ербо изъ чуна на полѣ ніе видѣти могао; ербо э онъ у врату и ногама у кругъ тако тирански свезанъ, и већь толико дуго у кругу стегнутъ лежати морао, да э доиста іошъ врло мало живота у нѣму было

Ясамъ нѣму абіе ону отъ выше стегнуту штранчицу, съ коіомъ э онъ свезанъ быо, разсѣкао и радсамъ быо, дага подигнемъ; али онъ ніе могао нити стоятн нити говорити, него сожалително јучући и іошъ свагда мыслећи да э онъ већь на заколѣніе отрѣшенъ быо, лежао..

Али кадъ э Петко къ нѣму дошао, заповѣдіосамъ нѣму съ нимъ говорити, и нѣму

нѣму освобожденіе нѣгово явити, и извукаосамъ мое стакленце съ ракіомъ изъ жепа, да онъ овому сиротному человѣку еданъ напиткъ дадетъ. Ово дакле и извѣстіе, да э онъ отъ смерти освобожденъ, содѣйствовало э да э онъ опетъ на ново оживіо и у чуну сѣо. Али кадъ э Петко нѣга говорећи чуо, и нѣму болѣ у очи погледао — могу казати, до сами суза моралобы то найнечувственіе сердце возбудити. Како э Петко нѣга лю біо, обнимао, къ себы пригибао, выкао, восклицавао, скакао и играо, пѣвао, и паки подвикивао, руками плѣскао, и самъ себе по лицу и главы тукао, и послѣ опетъ аки безуманъ пѣвао и играо. Траяло э то дуго времена, доксамъ я съ нимъ говорити или нѣга къ тому склонити могао, дабы онъ мени причину нѣговога рѣдкога поступка сказао, и кадъ э онъ опетъ къ себи дошао, рекао э онъ мени, да э то нѣговъ отацъ.

Ніе могуће тако ласно исказати, кадсамъ видѣо, у какову э радость дѣтинска любовь овога сиротнога дивяка при познаніи нѣговога отца, и того отъ смерти избавлѣніе ставило. И доиста немогу ни полакъ отъ оне радости нѣговога послѣ бывшега утончанія и любезности о-

пи-

писати, ербо неизброено крати ишао э онъ у онай чунъ, и опетъ изъ нѣга на полѣ, сѣо э, кадъ э къ нѣму дошао, кодъ нѣга на землю, отворіо э халину свою на персѣхъ, и держао э главу отца свога по читаво полъ сата на перси свои, дабы съ тимъ нѣга угрѣяо. Затимъ узео э нѣгове руке, коесу отъ ширанске свезе сасвимъ удручене и утрнуте быле, и протирао э ны своима рукама; а кадсамъ я то смотріо, даосамъ нѣму изъ флаше ракіе, да съ ніомъ удрученія и ране испере, кое э бѣдному старцу врло ползовало.

Ово приключеніе учинило э нашой потери за другима дивяцы, коису намъ вѣкъ сасвимъ изъ очію умакли были, конацъ, и срећа э за насъ была, дасе э то тако случило; ербо послѣ 2: сата и преће неголи шпосу они єдну четверть нынога пута учинити могли, дигаосе врло нагли сѣверо-западни вѣтаръ, кои э ныма сасвимъ напротивъ дуао, и рикао э цѣлу ноћь тако силно, да я никоимъ начиномъ вѣровати немого, даће чунъ нынъ то одержати, или они ныне брегове достигнути моћи.

Али садъ опетъ да говоримъ о доброму Петку, онъ э около отца тако прилѣ-

лѣжавао, да я никоимъ начиномъ нисамъ могао сердцу одолѣти нѣга само кратко време отудъ исторгнути. А садъ кадсамъ већь видѣо, да онъ нѣга мало изоставити можетъ, выкнуосамга, да доће къ мени, и онъ э абіе пѣваюћи и скакаюћи скоро сасвимъ изванъ себе отъ радости къ мени дошао. Есили (рекаосамъ нѣму) твоему отцу мало хлѣба дао? онъ э протресао главомъ да ніе! Ich häßlich Hund ſelbſt alles aufgefreßen? Я мерскій пасъ свесамъ самъ изѣо? Даосамъ нѣму дакле еданъ лебчићь изъ жепа, когасамъ на тай конацъ съ собомъ понео; даосамъ нѣму іоштъ и еданъ напитакъ ракіе, кога э онъ узео, и абіе съ тимъ ко отцу своему отерчао, и све нѣму дао. Имаосамъ іоштъ две три кише суварка у жепу, и отъ тогасамъ Петку дао, да отцу своме даде. Едва што э онъ овай суваракъ отцу своему дао, скочіо э изъ чуна и отерчао э, као дабы помаманъ быо. И тако э терчао (ербо э онъ вообще найбержи человѣкъ на ногахъ быо, когасамъ я икада у животу моему видѣо:) дасе онъ за часъ изъ очію мои изгубіо; ясамъ могао выкати и звати, коликосамъ годъ хотео, то э све забадава было; отлетіо э онъ аки стрѣла хитро; али пре-

ће

ће него што э фертаљ сата прошао, дошао э онђ, ако башђ и не онако фришко, као што э отишао био, натрагђ, и када э ближе дошао, видђосамђ, да э ходђ нђговђ тога ради дужи био, ербо э онђ што годђ у рукахђ носио.

Кадђ э већь сасвимђ кђ мени дошао, видђосамђ, да э онђ мећу тимђ башђ кодђ нашега дома био, и еданђ земљани бокалђ донео, дабы отцу своему фришке воде донео; коиомђ э приликомђ онђ іоштђ и 2: сомуна хлђба донео. Онђ э хлђбђ мени а воду отцу своему дао: а будући дасамђ и самђ врло жеданђ био, то дакле напоі іосамсе и я еданђ кратђ. Ова вода укрђпила э нђговога отца много више, нежели она ракія, коюсамђ я нђму дао; ербо э онђ већь отђ жећи изчезнути хотео.

Кадђ э отацђ Петковђ воде већь довољно пио, зовнуосамђ Петка и рекаосамђ нђму, ели іоштђ штогодђ воде остало? и кадђ рече есть, рекаосамђ нђму, дабы и оному Шпаніеру напитисе дао, кои э такове исто требовао, како годђ и нђговђ отацђ. Послаосамђ такожде еданђ отђ они хлђбовђ, кое э Петко донео Шпаніеру, кои э доиста врло слабђ био, и на едной зеленой травицы у ладу едно-

га

га древета почивао; ербосу удови нђгови отђ люотога везаня сасвимђ утрнули и отекли были. Кадђ э Петко сђ водомђ кђ нђму дошао, дигаосе онђ, сђо э и напіосе воде, узео э такожде и хлђбђ и стао э јести, на коесамђ и я кђ нђму дошао и даосамђ нђму едну шаку суварка, онђ э мени сђ свима знацы внутренђ благодарности, коясе икадђ видђти може, у лице мотріо, био э обаче несматраюћи што э онђ себе у битки онако храбра показао, тако слабђ, да э онђ едва више на ногахђ стаяти могао. Пробирао э два тры кратђ дабы устао, али башђ отнюдђ ніе могао, такосу врло нђгове голени и руке отђ везаня отечене были, и нђму излишну болђзнь проузроковале. Рекаосамђ нђму дакле, да мирно сђди, и Петку казао, да нђгове голени онако исто, како годђ што э и нђговоме отцу, ракіомђ истре и испере.

И тосамђ видђо, како э благо и чувствително ово созданіе, свакога мінута и чешће іоштђ, колико э годђ дуго кодђ Шпаніера био, главу на страну искрећао, дабы видђо, ели отацђ нђговђ на оному истому мђсту и у оному истому стаю, у коему э онђ нђга оставіо. Напослђдокђ ніе могао онђ нђга усмотрити, и абіе сђ та-

Ii ковомђ

ковомъ хитростїю къ нѣму онамо оплетїо, дасамъ я едва примѣтити могао, да ноге нѣгове на землю стаю. Кадъ э онамо дошао, нашао е отца, дасе онъ къ земли сложїо, да отпочинѣ; Петко э дошао абїе къ мени опетъ натрагъ, и я реко Шпанїеру, дабысе онъ съ Петкомъ помагао, и къ чуну ишао, и отудъ къ нашему обиталищу пренестисе, гдиѣу я послѣ за нѣга бригу имати. Петко обаче аки фришки и млади момакъ узео э Шпанїера самъ на леѣа и отнесаога э до чуна, метнуо э нѣга съ ногама у нутра, и послѣ сасвимъ тихо на край чуна доле, подигаога э їошть мало, пакъ послѣ нѣга сасвимъ до свога отца намѣстїо. Затимъ изишао е фришко изъ чуна и отиснуога э съ брега, и повезао э чунъ покрай брега хитрїе нежели штосамъ я ходити могао, башъ акое и вѣтаръ доста яки быо, и овимъ начиномъ, довезао э онъ ны безбѣдно у савитакъ нашега убѣга. Овде э онъ ны у чуну оставїо, и повратїосе натрагъ, да и другїй чунъ довезе. Кадъ э башъ покрай мене ишао, запитаосамга, куда хоѣе онъ да иде? — Gehen mehr Boot holen, идемъ да выше чунова довеземъ, рекао э онъ, и съ тимъ као вѣтаръ отишао; ербо доиста ниши марвинче

винче ниши человѣкъ нису могли съ ниме упоредъ терчати, и скоро тако равно, као штосамъ я сувимъ онамо дошао, быо э веѣь и другїй чунъ у нашему убѣгу. Овде э онъ мене превезао и отишао э, да нашимъ новимъ гостемъ изъ чуна изиѣи помогне; алису они тако слаби были, да ни еданъ ходити ніе могао и сирома Петко ніе веѣь знао, штаѣе съ нима започети.

Ясамъ абїе зато мыслїо овой нужди помоѣи. Даосамъ ныма чрезъ Петка казати, да они само на брегу мирно сѣдеѣи останутъ, и кадъ э онъ натрагъ дошао, начинилисмо абїе нѣки начинъ носила, и такосмо ихъ обадвойцу отнесли. Али кадсмо веѣь къ внѣшнѣй страни зида нашега града дошли, былисмо їошть у веѣой бѣди нежели преѣе. Ербо ны преко зида пренести ніе можно было, а зидъ продрети нисамъ я никоимъ начиномъ хотео. Ясамъ дакле абїе къ тому средство изнашао, и дѣло предузео, и преѣе него штосу 2: часа прошла, скрпилисмо отъ старихъ парусовъ еданъ приличанъ шаторъ и нѣга съ гранѣмъ покрили, на ономъ мѣсту меѣу нашимъ внѣшнимъ зидомъ и ономъ младомъ шумомъ, коюсамъ я насадїо. Подъ о-

вимъ начинилисмо ныма два кревета отъ матеріала, когасмо имали, то есть отъ добре пиринчне сламе съ простирачемъ, дабы они лежати могли, и покривачемъ за свакій креветъ.

Садъ э островъ већь населѣнъ было, и мысліосамъ себе врло богата отподданниковъ быти. Веселое было оно разсмотреніе, коесамъ я често о томъ имао; и како я садъ себе едному Кралю сравнити могу. Перво: цѣли островъ было э мое притяжателсиво; тако дасамъ безсумнѣно право Господства надъ нымъ имао. Второ: народъ мой было э мени сасвимъ подложанъ. Ясамъ было Самовластни Господинъ и Законодатель; сви они моралису мени за животъ свой благодарити, и былису готови у нуждному случаю свой собетвени за мене жертвовати. Но само то што э примѣчанія достойно было, дасу мои подданицы, ако ихъ выше и ніе, нежели троица было, и сви троица различнога закона (вѣре). Мой храбри Петко было э Луторанъ (Protestant) нѣговъ отацъ Поганикъ и человѣкоядецъ (Kannibal:) А Шпаніеръ Римо-Каволикъ: но преко свега я самъ совѣсти свободу у моему Кралѣвству дозволіо; но ово мимогредъ.

Кад-

Кадсамъ већь моя два слабомощна избавлѣна роба подъ кровъ у безбѣдность донео, и ныма кревет, на коемуће ду почивати, уредіо, предузеосамъ такожде о средствахъ къ препитанію за ны мыслити. Первое э было, штосамъ учиніо, заповѣдіосамъ Петку еднога годишнѣга ярчића изъ мога особнога чопора заклати, и послѣ изсѣкаосамъ стражній трупъ на комаде, рекаосамъ Петку, да то кува и готови и тако уготовилисмо мы обадвоица нашимъ гостемъ прекрасанъ ручакъ отъ меса и чорбе (у коюсамъ я пиринча метнуо:) и почастилисмо наше слабомощне госте. И будући да э све изванъ обиталища мога готовлѣно было, (ербо у нутра мое ограде редкосамъ ватру ложіо:) тосмо дакле све ело у нови шаторъ, гдисамъ я такожде еданъ асталъ донести дао, унели, кодъ когасамъ и я сѣо и съ ныма ручао, ны понућаваюћи, како годъ штосамъ болѣ знао, дабысу охотно и сладко ручали. Петко э при ручку мой толмачъ было, особито кодъ нѣговога отца, а доиста такођеръ и кодъ Шпаніера, ербо э Шпаніеръ языкъ дивяковъ врло добро говоріо.

Послѣ какосмо ручали или много выше вечерали, заповѣдіосамъ Петку, да сѣ-

Библиотека

ине

дне у еданъ чунъ и наше мушкете и друга оружія донесе, коесмо изъ недостатка времена на военомъ полю оставили были, и сутра данъ заповѣдіосамъ нѣму такожде сва мертва тѣлеса дивяковъ закопати, коясу танети издроблѣна подъ жаромъ солнца лежада и вечь нама несносна бывати почела. Такожде да имаде и оне останке варварскога ручка, коихъ э, како штосамъ знао, тамо много разбачени лежало, закопати; ербо да то самъ учинимъ, ніе за мене башъ отнюдъ могуће было, зашто я отъ гнусности, кадсамъ путемъ онимъ проћи морао, нисамъ на мѣсто оно ни погледати могао. Ово све совершіо э онъ точно и тако добро, дасе отъ тога више ни найманѣга трага видѣти ніе могло, или дасу кадъ годъ дивяцы онде были, и я нѣга никако другоячіе нежели мѣсто запустѣнія на ћошку шуме именовати нисамъ могао, кадсамъ кадъ кадъ у предѣлъ онай дошао.

Затимъ започеосамъ све мало помало себе съ моима двѣма новима поданици у разговоръ упуштаваши. Найпре стаосамъ питати Петковога отца, шта онъ за оне дивяке мысли, коису отъ насъ на чуну умакнули, и мыслили онъ, да нећедули они

съ

съ онаковомъ силомъ, коей мы нећемо моћи противостати, опетъ овамо доћи? перво нѣгово мнѣніе было э то, да дивяци никоимъ начиномъ бурю преживити нису могли, коя э цѣлу ноћь, кадсу они отишли, траяла, него дасусе подавили, или южнѣ къ онимъ брегомъ отерани быти морали, гди они тако исто извѣстни бытису могли, дањеду изѣдени быти, како годъ да бы и моремъ похищени были и подавилисе. А што бысу чинили были, кадбысу невредими на суво дошли, рече онъ, да казати незнаде; но међу тимъ опетъ мысли онъ, дасу они средствомъ онаго начина, коимсмо мы на ны ударили, и ларомъ и ватромъ у такови страхъ и ужасъ стављѣни были, дањеду они башъ доиста народу ныному казати, да они, коису годъ остали, нису отъ руке человѣческе, него отъ саме мунѣ и грома погинули, и обадва представша лица (то есть Петко и я) былису два небесна духа или Адске Фуріе (нечисти дуси) коису свыше дошли да насъ свію у прахъ учине, а не люди съ оружіемъ. То онъ отъ туда знаде, како што э рекао, ербо э онъ то отъ свію ны у оной буни еданъ другому викаюће и говореће чуо; зашто они то себи никоимъ начиномъ нису представи-

вши

вити могли, како да человѣкъ ватру бацати и громъ испуштаваши, и руку нелижуѣи тако далеко убити можетъ, као штосе случило. И овай стари дивякъ имао э доиста право; ербо како штосамъ я послѣ другимъ начиномъ искусіо, нису дивяцы никада више къ предѣламъ оне пустинѣ доѣи усудилисе. И быѣеду о повѣсти они четворице люди (ербо какосу обстоятелства являла, онису цѣло срећно у ныну землю дошли) тако уплашени, даѣеду мыслити, да сваки, коисе годъ усуди на овай дяволскій островъ отиѣи, бытиће ватромъ и жупеломъ Боговъ спалѣнъ и истреблѣнъ!

Али да я ово баш извѣстно знати нисамъ могао, іошть дуго времена у непрестаному страху живитисамъ морао, и быосамъ непрестано съ цѣломъ войскомъ моіомъ у преправности и позорству! ербо кадсмо већь насъ четворица были, тобысе я у свако време усудіо быо ны стотину на средъ поля дочекати и побѣдити.

И будући да већь отъ нѣколико времена никакови чунови нисусе появили, то дакле и страхъ отъ ныногa овамо доласка престао э, и ясамъ опетъ на прећашнѣ мое мысли дошао путешествіе къ сталной земли предузети, къ чему э мене іошть и Пет-

Петковъ отацъ увѣріо, да я себе, ако онамо поѣи хоћу, нѣгове волѣ ради, на найкрасніе пріемлѣніе и дочеканѣ нѣговога народа свободно ослонити могу.

Но послѣ мудрога разговора, когасамъ съ Шпаніеромъ держао, попустила э опетъ мало моя прећашня теплота. Ясамъ истина отъ нѣга разумѣо, да іб: нѣгови земляка и Португиза, коису при кораблѣкрушенію тамо доперани и бачени были, съ дивяцы мирно живутъ, алиће ныма доиста доста горко пасти храну снискавати и доиста башъ и сами животъ сачуваши. Далѣ, вопрошаваосамъ нѣга о свима особнима обстоятелстви ныногa путешествія и разумѣо, дасу они отъ едне Шпанске лађе были, коя э отъ Ріо де ла Плата у Хафану ишла, онде товаръ свой, кои э особито изъ кожа и сребра состояо истоварити, и штабысе тамо отъ Европейскога добра и хеспапа добити могло сасобомъ донесла; да э она 5 Португалски Матроса (Галіаша) имала, коя э ны изъ друге пропадше лађе пріимила, и да э 5 ныни собствени люди, када э лађа найпре пропала, удавилосе; а они іб дасу съ великимъ трудомъ и погибелію, и скоро полакъ мертви отъ глади къ Каннібалскимъ бре-

га-

говомъ дошли, гдисусе свакога часа боати морали изѣденимъ быти.

Далѣ рекао э онъ мени, дасу они нѣчто мало оружія кодъ себе имали, и кое э ныма сасвимъ неупотребително было, ербо нису ниги баруга, ниги олова имали, зашто э вода савъ баругъ нынъ до само нѣчто мало покварила, и коебысу были само у едному набою, акобысу што годъ за храну добити хтели, потрошили.

Далѣ запитаосамъ нѣга, што онъ мысли, какоће до послѣдка съ нѣговимъ содружници онде быти, и нисули они іошть онда на бѣгство ныно мыслили. Онъ э казао мени, дасу они о томъ често совѣтъ держали; али да они ниги лаћу, ниги халата себи шакову начинити, ниги каковаго средства къ препитанію имали пису, то дакле ніе ништа друго, нежели сузе и отчаяніе досадъ свагда конацъ свію ныни совѣщанія было.

Шта онъ о томъ мысли, запитаосамъ нѣга далѣ, кадбы они совѣтъ ко избавлѣнію отъ мене пріимили; и не были то найболѣ пошло, кадбы они сви овамо дошли? и меѣу тимъ рекаосамъ нѣму съ полнимъ просподушіемъ, ясе боимъ, да я отъ нынога издателства невѣрности и злихъ пред-

предсрѣтеній небы свободанъ быо, кадбы животъ мой у руке ныне ставіо; ербо благодарность есть велика добродѣтель, коя обаче свимъ человѣкомъ ніе сасвимъ природна; и люди непоступаю свагда съ еднимъ онако, како што э онъ заслужіо, него много више онако, како што користь и прилика нына донесе. И то рекаосамъ я, былобы врло тешко, кадбы я орудіе нынога освобожденія быо, а они бы мене послѣ робомъ у новой Шпаніи учинили, гди еданъ Англезъ, какова быга годъ нужда или случай онамо донести могли, свагда съ животомъ своимъ опростипибысе морао. И свагда бысамъ волію себе дивякомъ предати и изѣсти дати, нежели у немилосердне ногте шпански попова пасти, и себе на Інквізіцію вуѣи дати. Далѣ рекаосамъ я, да бы зато добаръ стаяо, кадбы они сви овде были, и съ толико много руку могли-бысмо еданъ чамацъ начинити, коибы доволно великъ быо насъ свію или страноюжнѣ у Бразіліу, или страно-сѣвернѣ къ Шпанскимъ островамъ и бреговомъ донеети. Али акобы они мене за благодарность, штосамъ ныма оружіе у руке дао, съ насилствіемъ у нынъ собствени народъ отвели; што бы я за добро мое зло пріимію,

и

и мое станѣ былобы іошть чемерніе нежели пређе.

Онь э мени на то съ многимь простодушіемь и искренностію отговоріо, да э станѣ ныно тако врло бѣдно, кое они тако врло чувствую, да онь мысли, да бы они башь и сами помысль о таковому чему презирали и омерзѣвали онаковога человѣка непріятелски и враждебно предсрѣсти, кои бы ныному освобожденію найманѣ што годь помогао. Ако э мени дакле поволно, то хоће онь съ старимь дивякомь онамо къ ныма отиѣи и о томь разговоритисе, какь послѣ опетъ натрагъ доѣи, и мени отговорь донести. Они дакле да имаду уговорь съ тѣлесномь заклетвомь присагнути, кога онь съ нима учини, да они всячески подь моіомь рукомь аки верховнога повелителя и вожда стаяти, такожде съ святима тайнама и Евангеліемь заклетисе мени вѣрнимь быти ни у какову Хрістіанску землю поѣи, гди я соизволіо небы; и тако овому концу намѣренія да имаде отъ ны собственоручно подписани уговорь донести.

На то рекао э онь мени, даѣесе онь мени найпре самь заклети, да онь, докле э годь живь, мене оставити неће, ако я нѣга не

не отпустимь; и акобысе наймања невѣрность између нѣгови земляка приключила, на страни моей до послѣднѣ капи крви стаіи.

Али отъ таковога чега невалясе ништа ни страшити, рекао э онь мени далѣ, ербосу они сви избрани и честни люди, кои у найвећой нужди, коясе и кадь помыслити може, сіпеню; зашто они нити оружія нити одѣанія, нити средства къ препитанію, неимаду, кое они отъ дивяковь за милость пріимити небы морали безъ сваке надежде и кадь више у отечество свое доѣи; и да э башь о томь увѣренъ, даѣеду они, ако я освобожденіе ныно предузмемь кодь мене живити и умрети.

На ова увѣренія дакле заключіосамь напослѣдокь намѣреніе предузети ныма, ако можно буде, на помоћь доѣи, и старога дивяка съ Шпаніеромь ради уговора къ нима послати. Кадь э већь къ путу све приправлѣно было, дошао э Шпаніерь самь на еданъ помысль, изь кога э на едной страни сама мудрость, а на другой толико много искрености свѣтлило, да самь я съ тимь башь нуждно и доволнь быти и нѣговому совѣту слѣдовати, избавлѣніе нѣговихь содружниковь іошть на едно

поль

полъ године отложити морао. Случай э было овай.

Онъ э реци еданъ мѣсецъ дана дуго кодъ насъ было. И мећу овимъ временемъ показаосамъ я нѣму, каковимъ начиномъ я съ помощію провидѣнія Божія себи храну и содержаніе есмь прискорблявао; онъ э такожде велики имутакъ мога пирінча и ечма видѣо, кое э доиста за мене и излишно было; али ніе, акосе мы крайнѣ опасно неспомогнемо, за мое домаће дружство, кое э већ у 4. лица состояло, доволанъ: и іоштъ бы манѣ доволанъ было, ако бы нѣгови земляци, коихъ, како што э онъ рекао, іоштъ свагда 14. у животу овамо дошли, и іоштъ бысмо манѣ имали нашу лаћу съ шимъ снабдѣти, акобы мы какову за наше путешествіе гдигодъ у какову Хрістіанску землю отъ Америке начиниши хотѣли. Онъ держи дакле за мудро и паметно, како што э рекао, кадбы я нѣму и оной другой двоици іоштъ више ныве за толико сѣтве, колико я за посѣвъ отредити могу, ускопати и урадити наложіо, и да мы іоштъ едну жетву дочекамо, дабысмо, кадъ земляци нѣгови доћу, съ доволнимъ житомъ снабдѣни были; и они о недостатку хлѣба небысу у искушеніе пали отъ

отъ уговора свога отступити, или дасу изъ едне бѣде у другу дошли вѣровали. Ясамъ знао, какосу сынови Израйлеви, акосусе съ почетка и врло о избавлѣнію своему изъ Егупта радовали, но тога ради опетъ на Бога самога, кои э ны избавіо, роптали, кадсу у пустыни недостатокъ хлѣба (гладъ) терпѣли.

Ово э предупрежденіе башъ у право време доведено было, и нѣговъ совѣтъ было э тако полезанъ, дасамъ я съ предлогомъ и совѣтомъ нѣговимъ тако исто добро кагодъ и съ вѣрностію нѣговомъ задоволянъ быти морао. Мысмо дакле сви четворица абіе дѣло предузели землю копати онако, како што э съ нашимъ древенимъ халатомъ поћи могло; и у едно мѣсячномъ времену, при коего э концу време сѣтве было, толикосмо землѣ прекопали и урадили, дасмо 22 мерице ечма, и 16 пуни бокала Пирінча посѣяти могли, што э дакле сѣме было, когасмо на конацъ сѣтве у потребити могли. И доиста нисмо ни ечма доволно на нашу собствену храну за 6. мѣсецы оставили, гдисмо мы башъ на жетву нашу чекати морали; отъ времена онога броећи, кадсмо сѣтву нашу особито отдѣлили, ербо мыслити

ти неваля, да жито у овой земли цѣло полѣ
године лежеће остаетъ.

Садъ, кадъ э насъ већь доволно было,
отъ дивяковъ ништа више боятисе, него
ако бы они башъ у сасвимъ чрезвичайномъ
множеству дошли, то дакле ходилисмо
безъ сваке бриге по цѣлому острову, и
гдинамъ э годъ ићи нужда была. Мысли
наше дакле былесу мећутимъ свагда на о-
свобожденіе наше управлѣне; было э дакле
найманѣ за мене неможно, да не бы я на
средства о томъ мысліо. Къ овому намѣре-
нія концу тражіосамъ я и бележіо древета,
коясамъ за наше намѣреніе услужна и спо-
собна держао и налагаосамъ Петку и нѣго-
вому отцу такова свалывати, а Шпаніеру,
коемусамъ я мысли мое о овой вещи већь
сообщіо быо, повѣріосамъ надзирателство
и попеченіе башъ самога дѣла. Показао-
самъ ныма, съ каковимсамъ я тешкимъ и
неутрудимимъ дѣломъ, каково велико дрво
у особите платине испословао, и показао-
самъ ныма то исто чинити, доксу они 12
велики платина отъ доброга растовога
древета реци 2 стопе широке и 35 дугачке
испословали. Каковога э неисказаногa трудa
то стаяло, можемо себи лако представити.
Такожде имаосамъ и за то бригу мой мали

чопорѣ

чопорѣ питоми коза, колико э годъ могу-
ће, умножити. У овому намѣренію заповѣ-
діосамъ Петку и Шпаніеру еданъ данъ на
ловъ изићи, и я и Петко (ербосмо мы по-
рядочно у свима нашима дѣли еданъ другога
меняли) ишлисмо други данъ, и овимъ на-
чиномъ прибавилисмо 20 млади коза, коесмо
съ другима питомима воспитати хотели.
Ербо коликосмо годъ крати стару кою козу
убили, свагдасмо младо яре сачували, и
у нашъ чопорѣ довели. Пређе свію други
вещи даосамъ я, ербо э садъ време грожће
сушити дошло, таковога толико множе-
ство на солнцу обѣсити, дасамъ мыслію,
мыбысмо отъ нѣга, кадбысмо у Аликанту
были, гдисе найвыше суварка прави, бо тъ
и до 80 буради напунити могли. И ово э
чинило іоштъ покрай хлѣба нашега та-
кожде едно отъ нашихъ главнихъ средствъ
препитанія, ербо э оно едно врло корми-
телно и здраво ело было.

Садъ э већь и жатва дошла, и ано и
ніе башъ найбогатія, коюсамъ я на острову
доживіо, была, тосмо мы опетъ толико
много жита добили, коликосмо годъ пре-
бовали; ербо отъ 22ва креста счма отукли-
смо мы 220 мѣрица, и спроћу тога іоштъ и
много пирінча. Отъ овага бысмо башъ до

 бу-

будуще жатве свагда доволно имали, бапъ акобы и сви они 16тъ Шпанїера кодъ мене были, и то бы такожде излишно доволно было съ тимъ къ каковомъ годъ брегу свѣта (то есть Америке) доћи, кадбысмо само къ путу сасвимъ приправни были. Кадсмо вєћь жито наше у свободу подъ кровъ донесли, то э давле валяло кошаре плести, ербосмо таковихъ много отъ потребе имали жито у такове сасути и сачувати. Шпанїерь показаосе при свому дѣлу врло фришакъ и способанъ, и мене често худяше, да я къ овому начину дѣла ништа за утверћенѣ нисамъ начинїо, къ чему э обаче никакове нуждности нисамъ видѣо. И садъ, кадсмо вєћь имушка за све наше ожидаеме госте доволно имали, да э осамъ Шпанїеру дозволеніе онамо къ спалной земли поћи, да искуша, штоће онъ онде съ своима онде оставшима земляцы расправити моћи. Даосамъ нѣму писмено умѣрену заповѣсть никога оттудъ собомъ неузети, кои не бы у нѣговомъ и старога дивяка присуствію заклетисе хтео, на острови живущему и находящемуся лицу; кое э толико благо и добро было, ны ради нынога освобожденїа овамо послати, никада никакову вредъ или убишакъ учинити, и про-

пртиво нѣга воеваши или нѣга напасти: но много више нѣму у свимъ таковимъ нападеніямъ спомоществовати и защищавати, и куда бы годъ пошли нѣга као вожда и началника свога признавати, и нѣговимъ заповѣстемъ сваку покорность отдавати. Све ово да имаде писмено сочинѣнно и отъ руке ныне подписано быти. Али какоће то быти моћи, знаюћи я да они нити пера нити мастила имаду, то э доиста еданъ вопросъ био, о коему мы отнюдъ ни помыслили нисмо.

Съ овомъ уредбомъ снабдѣни пошлису дакле Шпанїерь и стари дивякъ Петковъ отацъ у едному отъ они чунова, на коемусу они дошли, или многовише довучени были, да бы аки робови отъ дивяковъ овде изѣдени были.

Даосамъ свакому по едну мушкету съ Нѣмецкимъ Тетікомъ, и реци 8 набоя баруша и олова, и при томъ ныма препоручїо врло штедећи съ тимъ поступити, и никаковога употреблѣнїа окромъ у найнужданіемъ случаю отъ того учинити.

Све ово учиніосамъ я съ великимъ услажденіемъ, ербо э то перва прилика была, коюсамъ я отъ 27 година и нѣколико дана къ моему избавлѣнію дѣйствительно у-

чиніо. Ясамъ ны съ толико много хлѣба суварка снабдѣо, кое они у много дана потрошити нису могли, и даосамъ такожде и за ныне земляке отъ обадвога на 8. дана. И тако поздравіосамъ и желіосамъ нима благополучанъ путь и рекаосамъ, да поћи могу, послѣ какосамъ съ ныма напредъ знаменіе уговоріо, коећеду при ныномъ натрагъ возвращенію на капарку заденути и развити, да бы я іошть у отдалѣнію, и преће него штоћеду они къ брегу приспѣти, по знаменію ны абіе познати могао.

Отишлису дакле башъ онай данъ, кадъ э полномѣсячіе было, съ добримъ вѣтроиъ; и по моему численію у мѣсецу октомврію, но я себе іошть нисамъ могао на мой дневни-брой, ербосамъ еданъ данъ изгубіо было, тако сасвимъ ослонити, а такожде и у числу година нисамъ іошть онда извѣстанъ было, дабысе усудити смѣо за правилность ныну добаръ стати, акосе башъ послѣ при извидѣнію хесапа и нашло, дасу ове совершено и полно правилне быле.

Я іошть ни пуни 8 дана на ныно натрагъ пришествіе нисамъ чекао, кадсе на еданъ кратъ сасвимъ рѣдки и неожидаеми случай приключіо, какови можетъ быти іошть ни у каковой повѣсти нієсе никадъ чуо.

Еданъ

Еданъ кратъ уютру спаваосамъ мирно у моей колиби, кадъ э на еданъ кратъ мой Петко къ мени безъ душе терчећи дошао и повикао: Herr! Herr! ſie ſind gekommen, ſie ſind gekommen! Господине! Господине! онису дошли! онису дошли! Ясамъ абіе изъ кревета скочіо и безъ бриге о свакой погибели пошаосамъ и тако фришко, како штосамъ годъ могао, баціосамъ халине на себе, крозъ малу шумицу, коя э (мимогредъ говорећи) у времену пространомъ већь густа и велика шума нарасла была, на полѣ, неузевши, кое никада изостављао нисамъ, ни оружіе мое сасобомъ. Али каково э велико у дивлѣніе было то мени, кадсамъ я очи мое къ морю баціо, и чамацъ съ у правляемимъ малимъ парусомъ, реци само іошть едно полъ друге Англійске мілѣ удалѣнъ, у право къ брегу пловуіць виђо. И тосамъ абіе примѣтіо, да онъ не отъ стране сталне землѣ, него отъ южнога края острова идетъ. На то зовнуосамъ Петка и рекаосамъ нѣму, дасе сакривенъ содержава; ербо ово нису они люди, кое мы очекивамо, іошть знати не можемо, есули они друзи или врази наши.

Перво э было, штосамъ овде учиніо, узеосамъ мой пусулъ и попеосамсе по лѣ-

ствици

ствици на верхъ брда горе, какосамъ, кадсамсе штагодъ боло, свагда чинити обичествовао, да бы невидѣнъ све іошть болѣ мотрити могао.

Едва штосамъ ногомъ моіомъ на брду стао, гдисамъ абіе сасвимъ ясно едну лађу усмотріо, коя в полъ трећу мілю южевосточнѣ отъ мене, али не више него полъ другу мілю, отъ брега на мачки стаила. Ова в како, штосамъ я сасвимъ ясно видѣти могао, една Англійска лађица, или Англійски вооружени чамацъ было (Schaluppe).

Страхъ и трепетъ, кой в у овому часу мене обао, неможесе описати, и іошть манѣ радость лађу какову видѣти, а наимено такову, о коей причину вѣровашисамъ имао, и былабы съ моима земляцы а слѣдовательно съ моима пріятели поселѣна; али у равно време доћоше мени и нѣка тайна сумнѣнія у сердце, о коима никакову истину сказати незнамъ, алису она мене позоръ на себе имати поострила. Перво паломіе на умъ, штабы какова Англійска лађа у овой части свѣта тражити имала; ербо ово ніе путь было никаковой части свѣта, гди Англези какову терговину имаду, знаосамъ што, да ніе на морю никакове бурѣ было, коябы ны

ны овамо бацити могла; ако бы башъ истино Англези были, то в дакле башъ права истина, да они ни у каковому добромy намѣренію овамо неидутъ; и за мене хоће болѣ быти, да я останемъ онай койсамъ, нежели да у руке разбойниковъ и убійцахъ паднемъ.

Ништко дакле да непрезире тайне знаке увѣщанія о каковой погибели, кое онъ кадъ кадъ, башъ акосе то и немогућно быти чини, добива, да мы дѣйствително такова тайна увѣщанія имадемо, немогу я башъ нимало отрећи, коясу у себи самимъ нѣкомъ мѣромъ позорлива. Дасу она извѣстна изявлѣнія невидимога свѣта и обхожденія съ дуси о томъ сумняти неможемо, и да ныно намѣреніе ясно видитса насъ о погибели уваштавати, зашто дакле небысмо мы ны аки благодѣтелно существо держали (што она прочее была да была) и вѣровали, дасу они къ нами за нашу ползу и добро послани?

Садашнѣ приключеніе укрѣплява мене на ново у той мысли, какосу истинна моя мнѣнія о овой вещи была. Ербо кадъ я овимъ тайнимъ увѣщаніемъ небы на позоръ учинѣнъ было, што бы необходимо изгулѣнъ

и

и у далеко горему станю бити морао, нежели пређе, како штоћесе абіе видѣти.

Я нисамъ башъ на брду дуго ни био, кадсамъ усмотріо, дасе чамацъ къ брегу приближава, као дабы каковъ убѣгъ за угодно пристаніе тражіо; и будући да нису далеко горе повезли, то дакле нису онай мали убѣгъ или пристанище, гдисамъ я пређе са сплавови моими пристаяо, ни видѣли, него отишли съ нынимъ чамцемъ управо горе къ равнини брега. Срећомъ моіомъ было э то іоштъ едно полъ мілѣ далеко отъ мене; ербо и наче, тако да рекнемъ, былибысу башъ управо предъ мои врати стали, и мене затимъ скоро изъ мога града истерали, и іоштъ къ тому све, штобысамъ годъ имао, поробили. Кадсу већь на брегу были, биосамъ сасвимъ увѣренъ, дасу Англези, или найманѣ боля часть отъ ныхъ; двоицу держаосамъ за Холлендере, но послѣ показалосе, дасамъ фаліо. Ны у числу было э 11тъ люди, међу койкасу тройца безъ оружія, и какомисе учинило, свезани были; и кадсу перви четворица или петорица на брегъ искочили, то дакле узелису ову тройцу аки робове изъ чамца на полѣ. На едному отъ ныхъ могаосамъ сожалителне знаке и изображенія прошнѣ,

жало-

жалости, и отчаянія, коясу досамога излишества ишла, примѣтити; а ону другу двоицу, кои, кокомисе учинило, нису тако врло оскорблѣни были, видѣосамъ, дасу кадъ кадъ руке къ Небу дигли.

О овому взору быосамъ я сасвимъ смущенъ, и нисамъ знао башъ штаћу ошъ тога чиниши. Петко э повыкао къ мени, колико э годъ могао, Англійински: Herr! da ſiehſt du Engliſchmanns eſſen Gefangene ſo gut, als Wildmanns! — Господине Англези ядутъ свое робове, како годъ и дивяцы! — Шта? Петко шта? Мыслишъ ты, даћеду они ны изѣсти? — Ja ja werden ſie aufeſſen! — Есть, есть, хоћеду ихъ изѣсти. — Ніе, ніе Петко, него само даћеду ихъ убити; тосе боимъ я; али ны изѣсти доиста нећеду, за то теби добаръ стаяти могу.

Цѣлога овога времена нисамъ іоштъ ни еднога помысла имао, штаће та ствар свойствено значити, него само о овомъ взору отъ чуда трепещущъ стаяо и свакій часъ очекивао, кадћеду она тры роба убіени быти; еданъ кратъ већсамъ дѣйствително еднога отъ овихъ бездѣлниковъ усмотріо руку съ великимъ сѣчивомъ (како што морепловцы называю) или мачемъ вооружена на еднога отъ ови бѣ-

дни

дни люди дигнути, и нисамъ друго мыслiо, него даће онъ већь мертавъ къ земли пасти; о коемъ взору сва крвь у жилахъ моихъ тећи э престала.

Садсамъ сердечно желiо, дабысамъ Шпанiера и дивяка, кои э съ нимъ отишао, кодъ себе имао; или дабы гдигодъ какови путь знао, невидѣнъ на еданъ пушћани хитацъ къ ныма близу доћи, и она три бѣдна человѣка избавити, ербо видѣти нисамъ могао, дасу они оружiя собомъ имали. Али э то мени опетъ другимъ начиномъ по желанiю моему пошло.

Послѣ какосамъ немылостиви поступокъ ови яростни морепловцевъ спроћу они трiю бѣдны люди видѣо, тако равно и тосамъ усмотрiо, дасу ови бездѣлницы сѣмо и овамо по брегу ходили, аки дабы предѣлъ овай разсмотриши хотѣли: и преко тога и тосамъ видѣо, дасу ови троица люди свободу имали ходити свудъ по произволенiю; али они сви троица сасвимъ смутни сѣлису на землю, и былису као очаяницы.

Ово э мене на оно перво време опоменуло, кадсамъ я на брегъ овай дошао, и стаосамъ около себе гледати, какосамъ себе за изгублѣна держао, какосамъ дивячно

но около себе мотрiо, и каковасамъ страшна мнѣнiя и ожиданiя имао, и какосамъ цѣлу ноћь на дрвету преноћiо изъ страха, да небы отъ дивыхъ звѣровъ растерганъ и изѣденъ было.

Тако као што я ону ноћь ни о каковой помоћи нисамъ знао, кою э мени провидѣнiе Небесно опредѣлило, лаћу бурею и приливомъ ближе къ брегу доперало, и мене изъ нѣ толико дуго съ средствами препитанiя и другими потребностми снабдѣло: то дакле и ова троица бѣдна и изостављѣна iошће ништа о томъ нису знали, како э извѣстно, и како э близу ныхъ избављѣнiе и спасенiе ныно было, и какосу они већь башъ дѣйствително у состоянiю безбѣдности были; и то башъ у оно време, кадсу себе сасвимъ изгублѣне держали, и себе свiю средствъ ко избављѣнiю за полно лишене мыслили.

Тако мало видимо мы, што э у свѣту предъ нама, и толико много причина имадемо себе радосно, веселога сердца, великому Творцу свѣта повѣрити, кой созданiя своя никада у тако сасвимъ изостављѣному стаю изгубитисе недопушта, да они небы iошћъ свагда такожде и онда, кадъ нина обстоящелства найгора быша

явля-

вляюся, нѣму за штогодѣ благодарити причину имали, и често ближе кодѣ избавлѣнія стоятѣ, нежели штосу мыслили; и башѣ често онимѣ истимѣ средствомѣ, кое э пропасть ныну содѣйствовати мыслило, избавлѣніе свое получаютѣ.

Припливѣ быо э у найвышему степену, кадсу ови люди на брегѣ дошли, и доксу они отѣ части коекудѣ проходили, и предѣлѣ разгледали, забавилисусе они заборавлѣнимѣ начиномѣ толико дуго, да э приливѣ већь толико много отишао, да э чамацѣ нынѣ сѣдећь на суву остао.

У чамцу оставилису два матроса, коису, како шпосамѣ я послѣ видѣо, ербосу много ракіе яили, добро заспали были. Али еданѣ изѣ међу ны, коисе э преће пробудіо и чамацѣ твердо на суву сѣдящѣ видѣо, да онѣ нѣга отурити неможе, выкао э оне друге, коису сѣмо и овамо разсѣяни были, на кое они сви абіе кѣ чамцу снидошесе: али ево бѣде! на овой страни быо э брегѣ меканога и угнѣпаемога песка, и чамацѣ тако тежакѣ быо, да све крѣпости ныне нису быле доволнѣ нѣга на пловѣ довести.

Као правіи пловцы, кои изѣ међу свію други люди найманѣ мудрости и предвидѣнія ка-

каковога притяжаваю, оставилису по тако да остане, пакѣ на ново по Предѣлу блудити почели, — Last doch stehen Hanns! остави Іоанне! (чуосамѣ еднога отѣ ныхѣ изѣ чамца вычући:) Онѣ хоће сѣ первимѣ припливомѣ опетѣ кѣ пловитви способанѣ быти, као и досадѣ! и сада говорѣ нынѣ ніе мени нинайманѣ сумнѣ изостављю, башѣ сасвимѣ знати, каковису они люди были.

Цѣло ово време содержаваосамсе я сасвимѣ сакривенѣ, и никадсе усудіо нисамѣ себе далѣ отѣ града мога удалити, нежели до моега позорителнога мѣста близу верха отѣ брда; и быосамѣ сердечно радостанѣ, кадсамѣ видѣо, дасамѣ себе овако лепо и твердо оградіо. Знаосамѣ и то, да они чамацѣ нынѣ преће іо сапи на пловѣ добити немогутѣ, и даће међу тимѣ већь мракѣ быти, сѣдователно и я выше храбрости и свободе имати на нына движенія и поступке мотрити и ныне разговоре, акобы кое имали, чути.

Међу тимѣ приправіосамѣ себе сѣ већомѣ позорностію іоштѣ найпре на битку, ербосамѣ знао да я садѣ сасвимѣ сѣ другимѣ непріятелѣмѣ посла хоћу имати, нежели первый кратѣ. Даосамѣ такожде Пешку, когасамѣ већь за еногѣ произрядногѣ стрѣл-

ца

ца съ нѣговомъ пушкомъ учиніо, запо-
вѣстьсебе добро съ оружіемъ снабдѣти.
Ясамъ узео две пшичарице, а нѣмусамъ дао
3 мушкете. Видъ или образъ мой было с
доиста верло страшанъ видѣти. Быосамъ
у мое страшне отъ козій кожа скроене ха-
лине обученъ съ великомъ отъ шакове исте
коже капомъ на глави, како шпосамъ горе
описао; обнаженъ при бедри высяцъ мечь
и два пиштоля за поясомъ и на свакомъ
рамену по една пушка висяща.

Мое намѣреніе было э, како шпосамъ
казао, ништа непредузети, доклесе годъ
сасвимъ несмеркне. Али опетъ около 2:
сата послѣ полудне, кадъ э вруѣина най-
већа была, усмотріосамъ, дасу они сви у
шуму отишли, и како шпосамъ мыслio,
спавати легли. Они троица бѣдни и помо-
ћи лишени люди, консу верло о ужасному
своему случаю смутни были, нису спава-
ти могли, сѣдилису у ладу подъ еднимъ
древетомъ четверть мілѣ далеко отъ ме-
не, и како шпосамъ смотріо; подоста
отъ другихъ отдалѣни.

Овакомъ добромъ приликомъ заключіо-
самъ дакле ныма явитисе и извѣстіе о
ныномъ стању отъ ныхъ разумѣти. Абіе
пошаосамъ у горе описаному стању онамо

къ

къ ныма. Мало подадѣ замномъ ступао э
мой храбрый Петко, кои э тако исто ра-
ди многога оружія страшанъ было, али
опетъ ніе овако сасвимъ даволу подобно
као я изгледао.

Дошаосамъ дакле невидѣнъ толико
близу къ ныма, коликосамъ годъ могао, и
прѣе него шпосу они мене видѣли, повикаосамъ гласно къ ныма Шпански: Ткосте вы Господо моя? На овай гласъ скочилису сви, алисусе іошъ десетъ крати выше уплашили, кадсу они страшни стасъ вида, когасамъ я представляо, предъ собомъ видѣли. Они ни слова неотговорише, али кадсе мени учинило, да башъ они бѣжати хотѣдоше, повыкаосамъ я ныма Англійски, моя Господо! небойтесе ништа отъ мене; можетъ быти, да имате пріятеля верло близу, о коему никада помыслили нисте. — То онъ дакле мора невидимъ къ намъ отъ Неба посланъ быти, рекао э еданъ отъ ны мени доста мужествено равно и шеширъ съ главе снимаюћи; ербо люди немогутъ намъ у стању нашему ништа помоћи. — Свака помоћь съ выше отъ Неба прихо ди, мой Господине, рекаосамъ я нѣму. Али хоћетели вы едному страному лицу казати, какобысе вамъ помоћи могло? ер-

босе

босе мени доиста чини, дасте вы у великой нужди. Ясамъ васъ видѣо, кадсте на суво дошли, и какосте еднога отъ оны безчеловѣчниковъ молили, консу съ вама дошли, и тосамъ видѣо, да э еданъ башъ вечь мечь дигао быо, да васъ погуби.

Съ сузами, коесу нѣму преко лица текле, трепещущъ и аки сасвимъ изванъ себе, рекао э овай добри человѣкъ: говоримли я съ Божеством или съ каковимъ человѣкомъ? ели истини человѣкъ или Небесни Ангелъ? — Немойтесе о томъ ништа бринути Господине! рекаосамъ я нѣму, кадбы Богъ вами Ангела на помоћь хотѣо послати, тобы онъ у лепши халина, и сасвимъ другимъ оружіемъ вами предстао, нежели што мене овде видите. Само васъ любезно молимъ. Ясамъ человѣкъ и башъ Англезъ, и есамъ благонаклонъ, како што сами видите, вами помоћи. Я само еднога служителя имамъ, али оружія и што къ тому надлежитъ доволно: кажите намъ просподушно, можемоли мы вами помоћи? и како ствар съ вама стоитъ.

То э Господине, рекао э онъ, дуго казивати, а наше убійце стоятъ близу насъ. Дакле у две тры речи и кратко. Ясамъ Господинъ отъ едне лаће быо; и мои

люди скочилису, и започелису ребелію противъ мене, и едвасамъ ихъ съ великимъ трудомъ къ тому склонїо, да мене неубію. Напослѣдокъ, то есть, донелису мене овде на ово пусто мѣсто съ овима двѣма людма, отъ коихъ э еданъ корманошъ а другій э путникъ, на суво; и овде ништа другога неочекуемо нежели погинути, ербо мы мѣсто ово за пусто держимо, іошть незнамо, шта о нѣму мыслити имадемо.

Гдису дакле овы безчеловѣчницы ваши непріятели? рекаосамъ я, незнатели, камосу отишли? — Ондесу они Господине рукомъ на едну густу шумицу показуюћи; сердце мое отъ страха стрепи, ако они видѣли или насъ говореће чули будутъ; ако та несрећа буде, тоћеду они насъ башъ свію потући.

Имадули они оружія сасобомъ, запитаосамъ я. Само два комада отговоріо э онъ, а трећису у чамцу оставили. — Добро дакле, а друго све само мени изоставите. Онису сви, како што я видимъ заспали; тобы врло мало труда стаяло ны свію потући, али э болѣ да мы ны свію заробимо? — Али међу ныма имаду два верло опака бездѣлника, отговоріо э онъ мени, коима едва безбѣдность и милость позволитисе

литисе можетъ; кадбысмо само ову двоицу дочепати могли, то несумнямъ послѣ нимало, да другїи къ должносши своей вратилисе небы. Ясамъ запитао нѣга, каковису то люди? — У овому отдалѣнїю я ны описати немогу, рекао э онъ мени, али хоће заповѣдемъ моимъ у свима случаи полно послушанъ быши. — Добро! дакле, да идемо каковимъ путемъ, гди они насъ ниши видѣши, ниши чуши могушъ, дасе небы пробудили, и тако хоћемо ствар далѣ разсудиши. Такосу дакле радосшно самномъ пошли, докле э годъ насъ шума отъ очїю ныни непрїяшеля сакривала.

Али Господине, рекаосамъ я, ако я избавлѣнїе ваше на себе прїнимимъ, хоћетели вы само у два уговора самномъ ступиши? И преће него шшосамъ я нѣму то предложиши могао, пресѣкао э онъ мое слово: Онъ и лађа кадъ э опетъ предобїемо, даћеду у свима случаи самой моей заповѣсши подложни быши; аколи лађа небы обладана была, то да хоће онъ самномъ, у кою бы я годъ часшь свѣша нѣга послаши хошео, живиши и умреши; и то исшо рекоше и обећаше и она друга двоица.

Садъ дакле добро: моихъ уговоровъ есу само два. Перво доклесу годъ они овде на острову

острову кодъ мене, мораду они власши покорни быши; и ако я ныма оружїе у руке дадемъ, таково абїе, како я захтемъ, опетъ напрагъ дати да имушъ, ниши мени, ниши моимъ сожишелѣмъ на острову найманѣ шшеше или убишка причиниши, и међу тимъ заповѣдемъ моимъ покорносшь оддавати.

Второро. Будетли лађа завоевана, да имаше обѣщати мене и служишеля мога безъ сваке плаће у *Англїю* отвесши.

Отъ овога уговора дао э онъ мени све возможно увѣреніе, кое икадъ какови чесшни человѣкъ измислиши можетъ; и не само овимъ шако крайнѣ праведнимъ изисканїямъ, дањесе онъ точїю склониши дашши, него їошшъ и сами живошъ свой на вѣкъ аки даръ отъ мене почишовати, и то при свихъ способахъ докле годъ живишъ признавати.

Добро дакле, овде имаше 3: мушкеше за васъ сѣ потребнимъ барушомъ и оловомъ; али кажиши ми башъ управо, шшо мыслише; шша далѣ чиниши валя? зато показао э онъ сву возможну благодарносшь, и све проче на мене ослоня. Све шшосе овде предузеши може, рекаосамъ я нѣму, есшь доисша врло погибелно; но я међу

тимъ держимъ за найболѣ средство на еданъ кратъ на ны опалити и ватру дати, докле іошть спаваю. Ако еданъ или другій абіе на первый удараць мертавъ неостане, и хотеобысе предати, то мы нѣму животъ поклонити можемо; а проче ударце нека провидѣніе Небесно управля.

Онъ э врло смирено рекао, даѣему врло жао быти, ако ихъ убіемо, и акосе то премѣнити може; али преко свега они ободвоица былибы опетъ неисправлѣни бездѣлницы и причина и почетакъ сваке невѣрности и буне на лаѣи; и акобы ихъ живе умакнути испустили, тобысмо опетъ свагда изгублѣни были, ербо бысу они опетъ на лаѣу отишли и све лаѣаре овамо довели, и насъ свію живота лишили. Добро дакле, нуждность сама потверждава овде мой совѣтъ, и то э дакле цыгли еданъ путь и средство жизнь нашу спасти. А кадсамъ я нѣму казао, да я никада то видѣти и къ тому нисамъ склонѣнъ, кровь пролити, то рекаосамъ я нима ствариъ ныну самимъ чинити, како имъ драго, и како за добро наѣу, и да я иначе ништа чинити незнамъ.

Усредъ овога нашега разговора, чулисмо, дасу нѣкои отъ ныхъ вечь пробудилисе,

лисе, и абіе затимъ видѣлисмо, дасу двоица вечь на ноге устали. Запитаосамъ нѣга, ніели еданъ меѣу овима отъ они подбадача, кои ребелію дижу? Ніе ни еданъ, рекао э онъ. Добро дакле, рекаосамъ я нека идутъ, и ны э провидѣніе само, како мыслимъ, пробудило себе у овому часу спасти. И ако вамъ они другіи умакну, тоѣе дакле ваша сама кривица быти.

Съ овима моима речма возбужденъ узео э онъ мушкету, коюсамъ я нѣму дао, у руке, заденуо э пиштоль за поясъ, такожде и свакій нѣговихъ содружниковъ узео э оружіе у руке. Обадвоица нѣговихъ содружниковъ, консу напредъ ишли, учинилису нѣки шумъ, на коесе еданъ лаѣаръ, кои э устао было, осврашіо, и кадъ э ны идуще видѣо, къ другимъ повикао: Али э то вечь касно было, ербо у тому истому часу опалише обадвоица содружницы Капетанови, а меѣу тимъ э онъ самъ ударацъ свой мудро сачувао. Онису обаче тако добро свое предмѣте потрефили, да э абіе еданъ отъ оне двоице Ребеліантовъ на мѣсту мертавъ остао, а другій смертно уранѣнъ было. Али да онъ абіе мертавъ ніе остао, пошао далѣ и выкао э за другима жалостно за помоѣь. Али э Капетанъ къ

нѣму

нѣму говорећи фришко дошао, већ-е касно за помоћь викати; болѣ э да онь Бога на помоћь зове, дабы онь нѣму нѣгова беззаконія опростіо, и сь тимь нѣга сь кундакомь по глави тресну, да онь више никакове речи далѣ непроговори. Садсу были дакле іошть троица у содружеству, и еданъ быо э такожде, али лако уязвлѣнъ. Међу тимь дошаосамь и я на то, и кадсу они погибель ныну видѣли, да отнюдь ніе можно ныма противостати, сталису они за милость молити. Капетанъ э рекао, даће имъ животъ поклонити, ако они нѣга увѣре, даћеду они предателство и невѣрность, коимсу себе повине учинили презрѣти, и заклетисе, нѣму вѣрно спомоществовати лаћу опетъ добити, пакъ послѣ у Ямайку, откудасу и дошли, опетъ натрагъ возвратитисе. Они дакле дадоше нѣму сва возможна увѣренія свое искрености, коясусе икадъ захтевати могла, и онь э склонѣнъ быо, ныма вѣровати и животъ поклонити, на противъ чега я ништа чинити нисамъ могао; него само затимсамъ наспаво, да онъ ны, доклесу годъ овде на острову, и у ногахъ и у рукахъ свезане держитъ.

Докъ

Докъ э то све тако траяло, послаосамъ мога неустрашимога Петка сь Капетановимъ Корманошемъ кь чамцу, таковы дочепати у руке, и весла и парусь отати, кое э такожде и было. Абіе затимъ дошлису іошть троица одъ разсѣяни морепловцевь, коисусе ныномъ срећомъ отъ други отдѣлили были, на гласъ пушке, когасу чули, натрагъ, и кадсу свога Капетана, кои э мало преће нынъ робъ быо; већь аки побѣдителя предъ собомъ видѣли, былису абіе покорни себе свезати дали, и наша побѣда была э полно совершена.

Садъ већь ништа далѣ остало ніе, него да мы, Капетанъ и я наша обстоятелства ближе еданъ другому познати дадемо. Ясамъ дакле почетакъ учиніо и нѣму цѣло житіе мое исказао, кою э онъ сь таковомъ позорностію, коя э заудивлѣніе была, слушао; особито зачудіосе онъ о чудесномъ начину, какосамъ я сь средстви препитанія и барутомъ снабдѣнъ быо, и дѣйствително у-вукласе э нѣму повѣсть моя, ербо э она сасвимъ порядокъ чудесни была, дубоко у сердце. А кадъ э онъ свое разсмотреніе о мени на себе окренуо, и размыслію, дасамъ я овде, какосе нѣму учинило, башъ зато сохранѣнъ быо; дабы у овому часу животъ нѣ-

говъ

говъ избавіо, потекоше нѣму сузе преко лица аки бисеръ една за другомъ, и онъ ніе могао далѣ ништа говорити.

Кадсе већь повѣсть ова окончала, увесамъ нѣга и двоицу нѣгови люди у мое собе, и то онимъ истимъ путемъ, коимсамъ на полѣ излазіо, то есть: преко верха обиталища, овдесамъ ны съ онимъ, штосамъ кодъ руке имао, угостіо, и све показао, штосамъ себи у времену мога долгога пребыванія на овому мѣсту за мою потребу и угожденіе измыслію и начинію.

Све штосамъ я ныма показао, све штосамъ ныма говоріо, было э ныма за врло велико удивлѣніе; али отъ свію други вещи чудіосе Капетанъ о устроени мога града, и какосамъ я мое обиталище тако совершено съ лѣсомъ отъ дрвета сакріо, коя кадсу већь 20: година посаћена была, и дрвета или садъ овде много брже нежели у *Англіи* растутъ, већь у велику и густу шуму претвориласе, дасе крозъ ню нигди никоимъ начиномъ проћи ніе могло, нежели на оной едной страни, гдисамъ я мою малу скрозъ проходящую стазицу оставіо. Ово э рекаосамъ ныма, мой градъ и Резіденціа была, али я іошћъ къ тому едно другого лѣпно мѣсто увеселенія имадемъ, као што

што и многіи Прінцови имаду, гдисамъ я, кадмисе захтело, отићи могао себе увеселити, и коећу нѣму такожде приликомъ и временемъ показати. А садъ э наша вещь разсмотрити, какоћемо лаћу опетъ предобыти. Онъ э у тому согласанъ самномъ быо, али каково средство къ тому предузети валя, рекао э онъ, да башъ отнюдъ незнаде, ербо іошћъ свагда 2б: глава на лаћи имаде, кои кадсусе већь еданъ кратъ у овакову опаку ребелію упустили, чрезъ коюсу они сви по законамъ земалскимъ животъ проиграли и съ тимъ очаяніемъ быћеду іошћъ више ожесточени крайнѣ себе защищавати, ербо они добро знаду, да како у *Англію* или у кою *Англійскихъ Колоніяхъ* донешени будутъ, ништа друго нежели вѣшала очекивати имутъ; и число наше бытніе врло слабо на ны ударити.

Ясамъ о томъ, што э онъ говоріо, нѣкій часъ мыслію, и нашаосамъ, да э овай совѣтъ врло разуманъ быо, и да што скоріе штогодъ изнаћи морамо, како годъ люде на лаћи изъ ненада у замку довући, тако исто ныма къ брегу приступити и насъ надвладати всячески воспятствовати. Овоми э абіе на паметъ дошло, лаћари чудећисе, кудасу ныни содружницы съ чамцемъ

цемъ доспѣли, хоћеду башъ извѣстно на другому чуну къ брегу доћи и ны потражити, и кадбы можетъ быти вооружени дошли, тобы они отъ насъ крѣпшій были. Ово э врло паметно было, како што э онъ мисліо. Далѣ рекаосамъ я, дабы найболѣ было, што бысмо учинили, кадбы нынъ чамацъ, кои на суву лежи, разбили тако, да они нѣга выше небы потребовати могли.

Кадъ све отонудъ на полѣ узмемо, онъ може дакле свагда онако лежећь остати, кадсе онъ само нинашто више употребити не може. Отишлисмо дакле на чамацъ и узелисмо све оставше оружіе и што-мо годъ друго тамо нашли, на полѣ; едну чутуру ракіе, едну са сладкомъ Англійскомъ ракіомъ, нѣчто мало симита, еданъ рогъ за барутъ, и едну велику груду шећера отъ 5. до 6тъ фунти у едномъ комаду платна завіену. Све э ово мени добро дошло было, особито обаче ракія и шећеръ, отъ коихъ већь доста отдавно ништа имао нисамъ. Послѣ кадсмо све већь оттуда изнели на полѣ, (весла, катарку, парусъ и думенъ былису већь іошть преће снимлѣни) провалилисмо велику яму на средъ лаће, да небы они, ако бы ихъ и мно-

миого дошло, насъ преобладати и чамацъ опетъ съ мѣста кренути не бы мовли.

Доиста да рекнемъ, ясамъ іошть свагда слабу нядежду имао, дакемо мы лаћомъ обладати моћи: мое намѣреніе было э то, кадбысу они само безъ чамца отићи морали, то бысе друго све опетъ послѣ лако начинити могло, до они подъ вѣтромъ лежащихъ острова на нѣму отплити, и съ нашима пріятели Шпаніери путуюћи разговорившисе, ербосу ови мени іошть свагда у памети стаяли.

Послѣ какосмо уредбу нашу учинили, и перво са свомъ снагомъ чамацъ толико високо на суво извукли, да припливъ съ найвишомъ водомъ нѣга отплинути не може; и іошть къ тому велику рупу, коясе ніе лако зачепити могла, у чамцу провалили, и совѣтовалисе, штаћемо далѣ чинити; ондасмо чули, да э лаћа на морю еданъ топъ опалила, и видѣлисмо, да э знаменіе на полю на катарки за видѣніе изнешено было, да бы съ тимъ чамцу знаменіе дали опетъ къ лаћи натрагъ поћи, али всуе никаковъ чамацъ ніесе кренуо више!

Напослѣдокъ кадсу они видѣли, да э све ныно пуцанѣ и знаменія показиванѣ всуе было, и чамацъ никакови некрећесе,

усмотрилисмо средствомъ нашега пусула, да они други чамацъ на воду спустише и къ брегу повезошесе; а кадсу къ брегу ближе дошли, видѣлисмо ясно, да 10тѣ люди у чамцу имаде и да ови оружіе са собомъ имутъ.

И будући да э лађа нына скоро 2. мілѣ далеко отъ брега лежала, моглисмо мы ны дакле врло лако къ нама идуће видѣти, и башъ у лицу све люде познати. Ербо э припливъ ны малко восточнѣ отъ первога нынога чамца отбаціо, дакле моралису подъ брегомъ до онога мѣста возити, гдису они други пристали были и гдіе чамацъ лежао.

Овимъ начиномъ дакле ималисмо мы ны управо предъ очима и Капетанъ э све люде у чамцу познао, и мени извѣстіе о нынома карактеру и нарави дао. Троица међу ныма, рекао э онъ, дасу врло добри младићи, коису башъ извѣстно отъ они други къ овой ребеліи страхомъ, пређенѣмъ и насилствіемъ развращени и приморани были.

Али верховни корманошъ спроћу мога, кои э, како што быва, найстарій Оффіціръ међу ныма, и сви прочи такосу неваляни и опаки, коисе икадъ међу цѣлнмъ море-

пловства людствомъ наћи могу, и былибы башъ безъ сумнѣ при нынома новома предзятію до самога отчаянія доведени себе бранити, онъ дакле изъ овога узрока боисе врло, даћеду они насъ надвладати и несрећне учинити.

Ясамъ нѣму смѣюћисе рекао, люди нашега стања мораю верху дѣчиства страха превознесени быти; ербо да мы већъ садъ видимо, да свако станѣ, коесе икадъ помыслити може, болѣбы было, нежели оно, кое мы очекивати можемо, то морамо дакле слѣдство, было оно смерть или животъ, свагда аки избавлѣніе разсмотравати. Ясамъ нѣга запитао, шта онъ дакле о моему жувоту мысли, и немыслили да онъ заслужава труда нѣга на играчку метнути, и себе еданъ кратъ отовудъ избавити? Гдіе садъ Господине она ваша прећашня вѣра, дасамъ я за избавити и спасти животъ вашъ овде сохранѣнъ быо, и коя э вами у кратко предъ тимъ толико много бодрости дала? Мени съ мое стране чинисе, да само една вещь кодъ цѣле ствари недостае. Шта э то кажитеми? рекао э онъ, то штосте вы казали, да међу ныма четворица честни люди имаде, коебы сачувати валяло; ербо кадбысу сви отъ оне опаке

стра-

стране были, то бысамъ морао мыслити, да э ны свїю провидѣніе Божіе опредѣлило у руке наше предати. Далѣ ослонитесе на то, да ткогодъ отъ они люди на суво доће, тай э доиста нашъ, и мора, какогодъ што нѣгово обхожденіе спроћу насъ заслужи, живити или умрети.

И будући дасамъ я ово съ постоянимъ гласомъ и неустрашимимъ и бодримъ сердцемъ изговорїо, усмотрїосамъ, да э то нѣга чрезвичайне бодрости напоило. И тако приправилисмо себе полни радости и дерзновенїя къ нашему намѣренїю. Заключилисмо дакле, како чамацъ усмотримо, робове наше еднога отъ другога раставити, и већсмо ихъ дѣиствително у полну безбѣдность ставили.

Двоицу отъ ови, коима Капетанъ ніе повѣренїя имао, послаосамъ я чрезъ Петка и еднога отъ оне двоице избавлѣнихъ у мою яму, гдису они доста далеко удалѣни были, и мы ништа боятисе неимадосмо, даћеду они видѣни или чувени быти, или бы путь на полѣ изъ шуме наћи могли, ако бы имъ срећа послужила отрѣшитисе. Тамосу они дакле свезани спаяли, датасу ныма средства къ препитанїю и обѣщано было, акосе они за време крашко мирно содер-

держе, даћеду само за 2. дана свободу свою добити ; аколи имъ дяволъ мира недаде и ныма то у паметь доће да побѣгнутъ, тоћеду они безъ сваке сумнѣ абіе живота лишени быти. Онису дакле вѣрно обѣщали робство свое съ терпѣніемъ поднести, и признаше нѣга съ благодарностїю, дасу они тако предсрѣтени были хлѣба и свеће добити, (ербо э Петко ныма свећа дао, космо мы сами правили и ови ни о чему ништа знали нису, нежели да э Петко ны на уходу яме чувао).

Іоштсу болѣ они други робови предсрѣтени были. Двойца отъ ови моралису такожде свезани быти, коима Капетанъ савимъ вѣровати ніе хотео! двоица обаче былису на Капетанову препоруку и на ныно торжествено обѣщаніе самномъ живити или умрети, у службу мою прїимлѣни. Съ ныма и съ ономъ тройцомъ честни люди, коесамъ я избавіо, броилисмо мы сви за едно 7. люди, и былисмо сви добро съ оружіемъ снабдѣни. Садъ я дакле нинайманѣ сумняо нисамъ, да мы нећемо съ ономъ десетоницомъ, коесмо очекивали, врло добро посао совершити и особито, кадъ э Капетанъ казао, да мећу ныма 3. и до 4. честна мужа имаду.

Ка-

Какосу ови дакле на оно мѣсто, гдіе нынѣ други чамацъ лежао, дошли, дошлису сѣ чамцемъ нынимъ на песакъ горе и изишлису на суво, и чамацъ на суво насукали, коесамъ я врло радо видѣо. Ербосамсе страшіо, да они чамацъ у отдалѣнію на мачки неудержу и нѣколико люди тамо неоставу чамацъ чуваши ; гди мы небысмо у состоянію были, нынога чамца дочепатисе.

Перво штосу учинили, кадсу вечь на брегу были, было э то, дасу сви кѣ оному другому чамцу отперчали; и ласносе видѣти могло, дасусе они чрезвичайно зачудили, кадсу чамацъ отъ свега, што э на нѣму было, опустѣнъ и велику рупу у средъ нѣга нашли.

Кадсу вечь нѣкое време о томъ разсмотреніе держали, почелису два и до три кратъ изъ свега герла викати, да бы искушали, хоћедули ны ныни содружницы чути, али ево бѣде то э све всуе было. Затимъ собралисусе сви у кругъ густо, опалилису сви на еданъ кратъ пушке, коесмо и мы башъ добро чули, како отзивъ (ехо) изъ шума гласъ отъ пушака повторава. И то э врло мало ныма помогло; они штосу у ями были, нису доиста отъ шога ништа чути могли, о томусмо увѣрени

рени были, а они коису подъ нашимъ хранењемъ были, акосу то башъ и сасвимъ добро чули, усудитисе нису смѣли отговоръ на то дати.

Онису о томъ у шаково чудо дошли, дасу они, како штосу намъ послѣ казали, вечь заключили были сви опетъ натрагъ къ лађи ныной поћи, и содружникомъ своимъ сказати, дасу люди овде сви убіени и чамацъ до конца разлупанъ, онису дакле шога ради вечь чамацъ башъ дѣиствително на воду опетъ довукли, и сви у нѣга ушли.

О овому поступку ныному быо э Капетанъ крайнѣ устрашенъ и смутанъ, мислећи онићеду опетъ къ лађи ныной отићи и послѣ сѣ лађомъ на море отплити, а содружнике свое за изгубљене казати, и шако лађу свою на вѣкъ изгубити, кою э онъ мыслїо, дањемо ю задобиши натрагъ. Али э онъ и сѣ друге стране скоро опетъ у шакови исти страхъ дошао.

Они сѣ чамцемъ своимъ іошшъ нису далеко отъ брега удалѣни ни были, кадсмо мы ны опетъ свїю за едно скуплѣне видѣли. Али сасвимъ себе другоіаіе содержаваюћи; (коесу они доиста међу собомъ уговорили были) онису 3. человѣка у чамцу оставили,

а другису на брегъ изишли, и потражилису по предълу свое содружнике.

Ово э гнусни заметакъ у нашему хесапу быо, ербо садъ нисмо знали, штоћемо чинити. Ербо они *тмъ* на брегу заробити ніе намъ ни къ чему помоћи могло, акобысмо чамацъ умакнути испустили, зашто ће онъ къ лађи отићи, коя ће послѣ абіе мачке извући, и на пловъ отићи; и ондабы надежда наша лађу опетъ задобити сасвимъ изгублѣна была.

Мы дакле никаково друго средство имали нисмо, нежели терпѣливо ожидаваши и гледати, штоће намъ далѣ слѣдство на руку дати моћи. Они седморица люди изышлису на брегъ, и тройца, коюису у чамцу остали, описнулису нѣга подалеко отъ брега, и спустилису мачку, да бы на содружнике свое чекали, и тако мы нисмо могли у чамацъ къ ныма доћи.

Они, коису на брегъ изишли, содержавалисусе на близу еданъ до другога, и пошлису управо къ верху бердашца, подъ коимъ э градъ мой быо, и мысмо ны ясно видѣти, ако они насъ и нису примѣтити могли. Намъ бы врло драго было, кадбысу они ближе насъ дошли были, и мы на ны ватру дати мо-

могли; или да бысу далѣ отишли были, дабысмо мы ны на полѣ добити могли.

Кадсу они на верхъ берда дошли, гдису они далеки путь у долине и шуме, коесу къ сѣверной части острова найниже стаяле, прегледати могли; диглису велику вику, и викалису шако непрестано, доклесу годъ могли. Отъ брега удалитисе или еданъ отъ другога растатисе нису они посвой прилики хтели; ербосу они подъ едно дрво сѣли и вещь ову међу собомъ далѣ разсуждавали. Мы више ништа желили нисмо, нежели да бы они хтели спаваши лећи: али ево бѣде, онису много више отъ страха погибелію напунѣни были, нежели дабысе усудили лећи спавати, башъ ако и нису знали, какове погибели страшитисе мораю.

При способу овога нынога совѣтованія учиніо э мени Капетанъ еданъ зрѣли и мудри предлогъ. Безсумнѣ, рекао э онъ мени, дакледу они іошћъ еданъ кратъ ватру дати, дабысу содружницы ныни чути могли: пакъ онда, рекао э онъ, башъ кадъ они пушке избацу, на ны живо ударити, и такођедусе они извѣстно предати, и мы ны безъ кровопролитія заробити можемо. Овай предлогъ быо э мени поволянъ: само э

морало то быти, кадъ већь доста близу будемо, на ны ударити преће, него што бы они пушке набити могли.

Али ово ніе тако пошло, како штосмо мы мыслили, и стаялисмо дуго времена незнаюћи, штоћемо започети. Найпослѣ рекаосамъ я ныма, да бы мнѣніе мое было преће ништа непредузети, докле годъ ноћь небуде. И акосе не бы они къ чамцу ныному повратили, мы бысмо можетъ быти гдигодъ путь наћи могли, да бысмо међу ни и међу чамацъ дошли, и тако гдигодъ каковомъ ни будъ преваромъ оне изъ чамца на брегъ измамити.

Мысмо чекали ако башъ и съ великимъ нестерпѣніемъ доста времена, да бысу они отишли, и былисмо о ныномъ долгомъ закоснѣнію врло нестерпѣливи. Найпослѣ видѣлисмо, дасу они послѣ долгога совѣщанія међу собомъ сви устали, и путь свои къ морю предузели. Учинимисе, да э ны велики страхъ о погибели, коейсу они оьде подвержени были, на заключеніе довео было опетъ на лађу поћи, и содружнике свое за изгублѣне обявити, и тако свое предузето путешествіе съ лађомъ и безъ ны предузети.

Тосамъ помыслїо, како я ны видимъ, да они къ брегу идутъ, како што э и было. Капетанъ, кадсамъ а нѣму мысли мое казао, быобы скоро отъ страха о томъ у несвестицу пао. Алисамъ абіе хитрость превара измыслїо ны опетъ натрагъ домамити, кое э мени и преизрядно преуспѣло.

Заповѣдїосамъ Петку и Капетановомъ корманошу западнѣ на страну преко малога савитка или залива на оно мѣсто поћи, гдису дивяцы онда дошли были, кадсамъ я Петка избавїо; и кадъ већь едно полъ мілѣ далеко будутъ, абіе, како гдигодъ на каковъ узвишакъ доћу, изъ свега герла, какогодъ што могутъ, викати да имутъ, и толико дуго чекати, докле неусмотру, дасу морепловци башъ ны чули; и како крикъ и гласъ нынъ отъ овихъ отвѣтствованъ будетъ, опетъ викати започети, пакъ онда съ онога мѣста отступити, трагъ заметнути и свагда отговарати, кадъ годъ они вичу, и ны овимъ начиномъ толико далеко на островъ и у шуме домамити, колико э годъ можно, пакъ послѣ опетъ разними странпутицами окренутисе и къ мени доћи.

Онису башъ хтели у чамацъ ући, кадсу Петко и корманошъ изъ гласа викати спали,

ли, коесу они абїе чули, и къ ныма отговораюћи покрай брега южнѣ на гласъ, когасу чули, потекли, али себе на еданъ кратъ отъ савитка отоке удержане видѣли, преко кое они, ербо э вода врло високо нарасла была, прећи немогоше. Повикалису дакле за чамцемъ, да бы ны превезао, како штосамъ я доиста іоштъ и найпре мыслїо.

Превозећисе они, усмотріосамъ я, да, кадсу съ чамцемъ подобаръ комадъ у отоку савитка горе, и равно у нѣку зашкулину убѣга у нутра ушли были, они еднога отъ оне троице у чамцу бывше съ собомъ узеше, а другу двойцу опетъ у чамцу оставише, послѣ какосу чамацъ о едномъ маломъ паню кодъ брега свезали и утвердили.

Ово э дакле было оно, штосамъ я желїо. Абїе узеосамъ я оставивши Петка и Капетановогъ корманоша (думенћїю) кодъ нынога дѣла — проче све сасобомъ, и тако прешлисмо преко отоке тайно, да они насъ видѣти нису могли, ударилисмо на ону двоицу у чамцу преће, нежели штосу они насъ смотрили. Еданъ отъ ови лежао э на брегу, а другїй было э у чамцу. Онай, кои э на брегу было, полакъ спаваюћи а полакъ будаћ хтео э башъ устати, кадъ э Капе-

петанъ, кои э напредъ ишао, къ нѣму потерчао и нѣга абїе къ земли поразїо, и затимъ ономy у чамцу повикао: дасе предати имаде, илиће абїе животъ изгубити.

Еднога человѣка преволети дасе преда, ніе требовало много говора, кадъ э онъ 5 люди на себе и свога содружника убїена видѣо: и преко тога было э овай, каконамсе учинило, еданъ отъ оныхъ, кои ніе као прочи на невѣрству участїя имао, и даосе дакле іоштъ лакше преволети не само себе предати, него іоштъ послѣ и искрено къ нашей страни придружити.

Мећутимъ учинилису Петко и Капетановъ думенћїа свою вещь съ прочима врло добро, ербосу ови ны непрестанимъ викањемъ и отзиванѣмъ отъ еднога берда къ другому, и отъ едне шуме къ другой мамили, докле годъ они несамо штосусе ісердечно утрудили, него іоштъ и на таково мѣсто доћи премамилисе, гдису увѣрени были, да они башъ извѣстно къ чамцу своему до сутона доспѣти немогутъ. И наши люди былису доиста доволно утруждени, кадсу већъ къ намъ напрагъ дошли.

Садъ намъ већъ ніе ништа далѣ осталo, нежели у темности на ны вребати, пакъ онда сасвимъ свободно на ны ударити.

Те-

Текаръ послѣ многи часовъ, како э Петко већь къ мени натрагъ дошао био, дошлису они къ нѣному чамцу натрагъ, и моглисмо оне перве, прѣе него штосу сасвимъ онамо дошли были, стражнимъ выкаюће чути, и ове послѣднѣ моглисмо чути, како они тужећисе отговараю, какосу отъ многога хода трудни и скоро ошанташили, и како ніе можно, да бы они берже иѣи могли, кое э мени врло радостно чути было.

Найпослѣ дошлису већь къ чамцу: али чудо ныно ніе описати могуће, кадсу они чамацъ тврдо на суву у отоки сѣдяцъ, отпливъ уступлѣнѣ и обадвоицу своихъ содружниковъ оттуду удалѣне видѣли. Мысмо ны тужителнимъ начиномъ еданъ другому выкаюће и сказиваюће чути могли, дасу они на нѣку дяволску чародѣиствену Аду дошли. И или мора жителя на ей быти, отъ коихѣеду они сви убіени быти: или сами дявола и хавештиня, коиѣеду ны у воздухъ дићи и све растергати.

Онису опетъ започели викати, и викалису своимъ содружникомъ многократно, и често именемъ, али све всуе, отговоръ никаковъ на то ніе изслѣдовао. Мало запимъ моглисмо мы ны при послѣднихъ солнечнихъ

чнихъ лучахъ сутона сѣмо и овамо терчеће и равнѣ отчаяникомъ подобне руке плескаюћи видѣти, кадъ кадъ отишлису и сѣлису у нынъ чамацъ, дабы отпочинули, пакъ опетъ на брегъ дошли и терчали сѣмо и овамо, и тако непреривно часъ ово, часъ оно предузимали.

Мои люди былибысу ради, кадбысамъ я ныма допустіо био у мраку на ны на еданъ кратъ и внезапу ударити; алисамъ я то болѣ уредіо на ны съ користію напасти и съ тимъ ны уязвити, и мало убити, коликое могуће: особито нисамъ я хтео животъ ни еднога мои люди у погибель метати, ербосамъ знао, дасу сви други съ оружіемъ врло добро снабдѣни были.

Заключіосамъ дакле іошть мало чекати и видѣти, нећедулисе они растати. Поступіосамъ дакле дабысе ны іошть извѣстніе дочепати могао, съ моимъ засѣдомъ ближе, и заповѣдіосамъ Петку и Капетану, да на ногахъ и рукахъ (четвероножке) колико годъ ближе могутъ, да не бы видѣни были, онамо къ нима допужутъ, и прѣе на ны неопалити, доклесе гогъ доволно близу не прикуче.

Они у овому станю нису дуго ни были, кадъ э верховный думенѣіа, кои э найглавни

нїн коловоћа ове цѣле ребєлїе было, и себе измећу свїю найпакостнїега и невалянїега показао, іошть съ двоицомъ отъ ове чете на ны дошао. Капетанъ, кадъ э већь найвећега овако доволно у своєй власти видѣо, было э тако возбужденъ, дае едва толико терпѣнїя имао нѣму ближе приступити дати, да э онъ нѣга извѣстно трефити могао; ербосу они нѣга досадъ само поговору познавали. Али кадсу они ближе дошли, скочилису Петко и Капетанъ на еданъ кратъ и опалилису пушке на ны.

Верховный думенжїа остао э на мѣсту мертавъ; а ближи до нѣга танетомъ крозъ тербу протрескань, и пао э абїе къ земли, ако э онъ башъ текаръ послѣ 2. часа умро; и трећи э, како э годъ терчати могао, побѣгао.

На гласъ первога ударца пошаосамъ я абїе съ цѣлимъ моимъ полкомъ онамо, кои э већь садъ 8. люди было, а наймено: я аки Фелдмаршалъ, храбри Петко мой Генералъ Лаитенантъ, Капетанъ и нѣгови двойца люди, и она тройца воени робови, коимсмо оружїе повѣрили.

Колико э насъ у числу было, они нису знали, ербосу отъ насъ у мраку нападени были, и ясамъ заповѣдїо оному отъ ныхъ у

у чамцу оставшему человѣку, кои э садъ већь на нашой страни было, ны именемъ зовнути, дабы искушали, нећемоли ихъ къ разговору, и послѣ можетъ быти къ погодби приволети моћи. То э пошло дакле какосмо годъ мы желили, и моглосе э доиста при онаковомъ станю, у коемусу они онда были, такожде лако мыслити, дањеду они врло охотно приправни быти, у сваки уговоръ вступити. Онъ э дакле повикао еднога измећу ны изъ свега гласа: Ѳомъ шмїтъ! Ѳомъ шмїтъ! Ѳомъ шмїтъ отговорїо э на то абїе: и повыкао э, тко зове? Нисили ты? Робїнзонъ? — ербо, какомисе учинило, онъ э нѣга по гласу познао. Есть, есть, отговорїо э онай другїй, за име Божїе Ѳомъ шмїтъ баци твое оружїе безтрага и предайсе, или вы сви у овому часу сынове смерти будете!

Комућемо мы насъ предати? гдису они, отговорїо э Ѳомъ шмїтъ — овдесу они! овдесу! рекао э овай другїй; нашъ Капетанъ и 50. люди, кои васъ већь читава 2. сата терају. Віллъ Фрїе есть ранѣнъ а ясамъ заробљѣнъ, и акосе вы не предате, тосте доиста сви пропали.

Али хоћедули они нама пардонъ дати? рекао э Ѳомъ шмїтъ, тако хоћемосе дакле пре-

предати. — Ако вы то обѣщаете, рекао э Робінзонъ, тоѣу я дакле онамо иѣи и запитати. Онъ э дакле питао Капетана, и Капетанъ э самъ отговарао: ты Ѳомо шмѣте ты познаешъ добро мой гласъ; ако ваша оружія положите и себе предате, тоѣе вамъ дакле животъ свима поклонѣнъ быти, окромъ Віллъ Актіна.

Ахъ за волю Божію, повикао э Актінъ, Господине Капетану! штосамъ я учиніо? та и онису други сви тако опаки были као и я! — кое (мимогредъ) ніе истина была ербо овай Актінъ было э перви; кои э абіе съ почетка буне и ребеліе руку на Капетана дигао и нѣга найгоре и найнепристойніе предсрѣо, ербо э онъ нѣму многе поругателне, и безчестне речи изговореѣи руке свезао. Но Капетанъ э остро. рекао, дасе онъ абіе на милость или немилость предати и оружіе положити имаде, а друго све хоѣе на самой милости Губернера стояти, кога э мене мыслію, ербосу мене и другіи сви Губернеромъ називали.

Съ еднимъ словомъ положилису они сви оружіе и молилису за животъ свой, на коесамъ я онога человѣка, коисе съ нимо разговарао и іоштъ тройцу другу къ нима послао и свію свезапи заповѣдіо. Затимъ по-

пошла э моя велика войска отъ 50 люди, коя особито числеѣи и ову тройцу не изъ више нежели изъ 8: люди состояше, и покорила э ны свію съ чамцемъ за едно подъ свою власть, само я, и іоштъ еданъ самномъ изъ особни владѣтелни, и політічни причина себе видѣіи дали нисмо.

Перво дакле, штосмо чиниіи имали, было э то чамацъ опетъ поправити и на завоеваніе лаѣе мыслити. Капетанъ, коисе садъ съ нима сасвимъ поволи разговарати могао, баціо э ныма ныно безчеловѣчно предвзятіе и злобу нынога іоштъ далшега намѣренія на очи, и какоѣеду они напослѣдокъ башъ необходимо у нужду и неволю, и можетъ быти башъ на сама вѣшала доведени быти.

Онисусе сви врло раскаятелни показали, и молиште сердечно за нынъ животъ. Штосе тога дотиче, рекао э онъ ныма, да они нису нѣгови, него Губернатора и властителя отъ острова робови. Онису мыслили, дасу ны на какову пусту Аду довели, али э Богъ изволіо, да то тако буде, дасу они нѣга на поселѣни островъ довели, и Губернаторъ башъ прави Англезъ быти мора. Онъ можетъ ни свію обѣсити дати, ако само воля нѣгова буде, али э онъ сви-

свима ныма пардонъ дао, то дакле намѣра-
ва онъ свїю у Англїю послати, да онде
пріимутъ награжденіе, коесу нына славна
дѣла заслужила; кромѣ еднога Актїна, кое-
му онъ на заповѣсть Губернера казати мо-
ра, дасе онъ къ смерти приправити имаде,
ербоѣе онъ сутра обѣшенъ быти.

Ако э онъ то башъ и све самъ измы-
слїо быо, то э ово опетъ желаемо дѣи-
ствїе имало. Актїнъ э пао на колѣна и мо-
лїо э Капетана, да бы онъ толико мило-
стивъ быо кодъ Губернатора за нѣга мо-
лити, да бы нѣму животъ поклонїо, и сви
други молилису за волю Божїю, да ны Гу-
бернаторъ небы у Англїю послао.

Садъ э мени на паметъ дошло, да э
време мога избавлѣнїя вѣкъ кодъ куѣе, и
даѣе врло ласно быти ове лупеже до то-
га склонити, даѣеду они себе къ обладанїю
лаѣе употребити дати. Ясамъ меѣу тимъ
отстрагу у мраку стаяо, да они видѣти
небы могли, каковога страшнога Губернато-
ра они имаду, и послѣ завнуосамъ Капета-
на къ себи. Кадсамъ викнуо, кое э у доста
великомъ отдалѣнїю было, имао э еданъ отъ
наши люди налогъ Капетану казати: Го-
сподинъ нына Ексцелленціа Господинъ Гу-
бернаторъ васъ позиваю, и абїе отговорїо

э нѣму Капетанъ: Скажи ныной Ексцелленці-
ї, яѣу абїе овай часъ на служби быти.
Ово э ны їоштъ више у ныной мысли у-
крѣпило; и мыслилису сви вообще вѣкъ из-
вѣстно, да э Губернаторъ съ 50 люди
вѣкъ сасвимъ близу.

Кадъ э Капетанъ къ мени дошао, ка-
заосамъ нѣму планъ намѣренїя мога лаѣу
завоевати, кои э нѣму врло поволянъ быо,
и абїе заключїосамъ нѣга слѣдующи данъ
произвести.

Дабы дакле нѣга съ вѣкимъ вѣжеств-
омъ способности произвести, и доброга
слѣдства сасвимъ извѣстни были, рекао-
самъ я нѣму, да мы робове раздѣлити мо-
рамо. Онъ дакле да имаде онамо отиѣи,
Актїна и їоштъ найгору другу двоицу узе-
ти и свезане у яму, гди и они другїи лежатъ,
послати. Ово э было Петку и онима двои-
цы людма наложено, коису съ Капетаномъ
на суво дошли.

Онису дакле ове у яму аки у тавницу
отвели, али доиста и было э врло страш-
но мѣсто особито за люде ныноѓа станя.

Оне друге заповѣдїосамъ къ моему лѣп-
нѣму мѣсту увеселенїя, какосамга називао,
довести, о коемусамъ вѣкъ обилно описа-
ніе учинїо. Да э ово мѣсто ограѣено и

они

они свезани были, то э мѣсто дакле доста постоянo было, и они и безъ тога ради свога обхожденіа моралисусе у паметъ узети.

Къ овима послаосамъ сутра данъ Капетана, дасе съ нима разговори и ны искуша, пакъ онда мени да кажетъ, немыслили онъ, дасе ныма повѣрити може съ нима къ лаћи поћи и таковую напасти. Онъ э съ ныма говорio о увређенiю, коесу они нѣму учинили и о ныномъ садашнѣму состоянiю. Истина да э Губернаторъ ныма животъ поклонio штосе садашнѣга преступленiя допицало, аколи онъ ны у Англiю пошлетъ, тоћеду они башъ извѣстно сви обѣшени быти. Аколи они нѣму садъ у нѣговому праведному предвзятiю спомогателни будутъ лаћу опетъ завоевати, то хоће онъ дакле коди Губернатора издѣиствовати, да ныма ништа зло случитисе неће.

Ово лако представити можемо, како э радостно овай предлогъ отъ люди ныног станя прiимленъ быо. Онису пали сви предъ Капетаномъ на колѣна и обѣцалису съ страшномъ заклетвомъ, даћеду нѣму до капи крви вѣрни быти, и животъ свой аки даръ отъ нѣга почитовати, и съ нимъ до крайнѣ части свѣта поћи; и докле годъ

живутъ,

живутъ, хоћедуга за свога правилнога отца признавати.

Добро дакле! рекао э Капетанъ. Дакле я идемъ и принестићу то Губернатору, штосте вы мени сказали, да видимъ, штоћу учинити моћи, да бы нѣгово дозволенiе къ тому добити могао. Онъ э донео мени извѣстiе о наумнѣнiю, у коему э ны нашао, и да онъ башъ извѣстно вѣруетъ, даћеду они вѣрни быти. Мы обаче дабысмо сасвимъ безбѣдни были, рекаосамъ я нѣму, да онъ iошетъ еданъ кратъ онамо къ ныма отиде, петорицу отъ ныхъ отдѣли: и ныма само толико скаже: да мы о людству никакова недостатка неймамо, то вы добро видите; нѣу дакле ови 5 люди аки спомоћнике сасобомъ узети, Губернеръ обаче хоће ону двойцу и ону тройцу, коису већ као робови у градъ послани, на мѣсто овихъ 5: вѣрности ради у залогу удержати, акобысе ови усудили при нашемъ предвзятiю невѣрность какову учинити, то дакле они петорица у залогу сѣдящи поруцы хоћеду сви еданъ до другога живи на брегу обѣшени быти.

Ово э врло остри изгледъ имало и ны увѣрило, да Губернаторъ никакове шале непроводи. И међутимъ ныма никаково

 дру-

друго средство ніе остало, нежели понуѣнѣ или предлогъ овай пріимити, и ово э како робовомъ, тако іошть выше Капетану на сердцу лежало и тиштало ону петорицу преволети, дабысу они дужность свою вѣрно чинили.

Наша власть и сила къ нашему предвзятію есть овако раздѣлена была 1) Капетанъ нѣговъ думенѣіа и онай путникъ 2) Затимъ она двоица робови отъ перве чете, коимасамъ я по увѣренію Капетанову о честности ныиной свободу даровао, и оружіе повѣріо. 3) Она обадвоица друга, коесамъ досадъ у сѣницы моей свезане держао, али на рѣчь Капетанову освободіо. 4) Ова петорица, коису найпослѣ освобождени; тако да э ны 12 у числу было, кромѣ оныхъ, коису аки емцы у ями хранѣни были.

Ясамъ запитао Капетана, хоѣелисе онъ смѣти усудити съ іовимъ людствомъ на лаѣу ударити? ербо штосе Петка и мене дотицало, то дакле ради они 7: робова небы добро было, да и мы съ ныма поѣемо, и имаѣемо доста посла воспятствовати, даее они заедно собрали небы, и ны съ средствами, препитанія снабдѣвати.

Што-

Штосе оне петорице у ями дотицало, намысліосамъ такове свезане держати; и Петко морао э ны 2: кратъ съ еломъ и пиѣемъ снабдѣвати, и заповѣдіосамъ думенжіи и оному путнику, да они ело до нѣкоего извѣстнога мѣста донесу, гди э Петко то узео и робовомъ у яму уносити морао.

Было э у присутствію Капетановомъ, кадсамъ я себе оной двоицы поруковъ первый кратъ показао, кои э ныма казао, дасамъ я оно лице, кое отъ Губернатора заповѣсть имаде на ны позорствовати, и да э воля Губернаторова, дасе они бездозволенія мога съ мѣста кренути недерзну. Аколи они то усудитисе учине, тоѣеду они абіе у градъ отведени и у гвожѣе бачени быти. И будуѣи да они мене никада аки Губернатора видѣти нису могли, тосамъ я дакле свагда къ ныма у другому виду долазіо, и при свакомъ способу съ ныма о власти Губернатора, о воинству и граду говоріо: и: т: д:

Капетанъ дакле садъ всѣ никакове тягости предъ собомъ ніе имао, нежели обадва чамца приправити, рупу у оному другому запушити, и люде на нѣга уредити. Отъ онога другога чамца учиніо э онъ путника Капетаномъ и дао э нѣму 4: человѣка

вѣка. А онъ самъ, нѣговъ думенжіа, и іошть петорица другихъ ушлису у другій чамацъ. Онису ствари свое тако добро уредили, дасу башъ около полноћи къ лаћи дошли. Кадсу већь толико близу дошли были, дасу ны већь у лаћи чути могли, стао э Капетанъ къ ныма именемъ Робінзонъ выкати и казати, дасу они люде нашли и у чамацъ довели, али э дуго траяло, доксу они ны нашли и т: д: и тако непериванно съ ныма спрдати, докле годъ нису съ праве стране къ лаћи дошли. Овдесу скочили Капетанъ и нѣговъ думенћіа съ оружіемъ у рукахъ на лаћу горе, и абіе манѣга думенћію, и дунћерина отъ лаће (шектора) кундакомъ отъ пушака утукли, при коемсу люди наши ы ма изрядно и вѣрно служили. Свію другихъ, коису по крову лаће лежали, дочепалисусе они абіе, и башъ хотѣлису вратаоца отъ крова затвориши и съ тимъ оне друге, коису унутра были, задержати, кадсу они изъ другога чамца съ преднѣ части лаће продрли, и преднѣ крѣпости и враша, коясу у кухиню водила, дочепалисе, и троицу люди, коесу онде нашли, заробили.

Кадсу съ тимъ готови блыи и на крову съ поля све свободно было, заповѣдіо э Капетанъ Думенћіи съ троицомъ людма у собу

собу продрети, гдіе новый Капетанъ спавао. Али э овай, кадъ э ларму чуо, већь устао быо, и себе іошть съ трима людма покрай себе съ оружіемъ снабдѣо. Кадъ э већь Думенћіа враша съ силомъ изставіо и на землю свалiо, баціо э Капетанъ съ троицомъ свои люди ватру мећу ны, раніо э Думенћію нашега и нѣму танетомъ скоро руку смрскао, и іошть двоицу нѣгови люди, али никога ніе на мѣсто убіо.

Думенћіа э за помоћь повыкао, и несматраюћи што э уязвлѣнъ, ушао э опетъ у собу унутра, и танетомъ изъ пиштоля новому Капетану тако главу протрескао, да э нѣму тане кое э на уста ушло, кодъ уха опетъ, на полѣ изишло, и онъ далѣ ни слова говореће къ земли погрузіося. Затимъ сви другіи предалисусе абіе, и лаћа э већь дѣйствително безъ изгублѣнія выше люди преобладана была.

Како э лаћа овимъ начиномъ већь заробљѣна была, дао э Капетанъ 7 топопа аки мећу нама уговорени знакъ побѣде опалити, коимъ э онъ мени о исходу предвзятія вещи дати морао. Помыслити лако можемо, какосамъ я радостань быо знакъ овай чути башъ до 2: сата уютру на брегу стражећи и чекаюћи.

По-

Послѣ какосамъ ово знаменіе ясно чуо, легаосамъ спавати, а будући да э данъ овай за мене врло тежакъ и труда полнъ быо, спаваосамъ врло добро, докле нисамъ звукомъ отъ топа уплашенъ быо. Скочіосамъ абіе горе и чуемъ, да мене ткогодъ именемъ Губернаторе! Губернаторе! выче. Ясамъ абіе гласъ Капетановъ познао и попесосамсе на брдашце, гди э онъ стао и рукомъ лађу показујући мене загрліо. Драгоцѣнный друже и избавителю мой, рекао э онъ затимъ, онде э лађа ваша; ербо э она сасвимъ ваша, и све што э на лађи, и мы сви, и све есть ваше. Ясамъ абіе очи баціо онамо, и усмотріосамъ ю рецы едно полъ мілѣ далеко отъ брега приставшу; ербосу они абіе, какосу лађу завоевали, мачке извукли, и будући да э лепо време было, управо спроћу наустія малога убѣга опетъ мачке спустили и съ лађомъ стали, а Капетанъ, ербо э припливъ высоко ишао, съ своимъ малимъ чамцемъ близу онога мѣста, гдисамъ я первый кратъ съ моимъ сплавомъ дошао, и тако управо предъ мои врати стао.

Съ почетка быобысамъ скоро отъ ужаса и чуда у несвѣстицу пао; ербосамъ видѣо дѣйствително освобожденіе мое оче-

видно

видно у рукахъ, све къ тому готово и приправно, и велику лађу, коя э само на то очекивала мене повести онамо, куда я захтевати будемъ, и съ почетка нисамъ у состоянію быо за дуго времена ни едну речь проговорити; а кадъ э онъ мене на руке свое узео, держаосамсе добро за нѣга, иначебы доиста на землю пасти морао.

Онъ э страхъ мой абіе примѣтіо, и извадіо э флашу изъ жепа и мени лѣкарство за укрѣплѣніе сердца дао, кое э онъ къ овому намѣренію ссобомъ донео. Послѣ напитка овога сѣосамъ на землю и прошло э іошть доста часа, доксамъ опетъ кою рѣчь проговорити могао.

Цѣлога овога часа быо э овай добрій мужъ како годъ и я изванъ себе, само што ніе тако у чуду быо као я, и изговоріо э тысящу дружескихъ и пріятнихъ вещи мене разговорити и опетъ у совѣсть довести: али тако э велика и силна волна радости у персѣхъ моихъ была, да э она сва одушевлѣнія моя у смущеніе довела. Напослѣдокъ протргласе она у саме грозне сузе, и ясамъ затимъ опетъ говорити почео.

Сѣдсамъ я нѣга опетъ отъ мое страше умилно загрліо, и то аки избавителя мога, и купно обадвоица чувствовалисмо не-

о

описану сладость радости. Ясамъ нѣму рекао, да я нѣга аки мужа, кои э отъ Бога самога мене освободити посланъ; почитуемъ, и цѣла вещь ништа друго, нежели порядокъ сами чудеса быти видится. И дасу овакове вещи, као штосу ове, явна свидѣтелства, коя мы отъ тайне деснице провидѣнія имадемо, коя свѣтомъ влада и управля, и явно доказателство, да око безконечне власти и всемогућства, и у найсакривеніе затворе (уголъ) свѣта видитъ и проницаетъ, и бѣдному и страждущему помощь послати можетъ, како произволитъ.

Но я при свему нисамъ заборавіо сердце мое къ Богу благодарно возвысити. И коебы сердце изоставило было онога Бога славити, кои не само што э чудеснимъ начиномъ за еднога человѣка у оваковой пустыни и у оваковому бѣдному стању попеченіе имао нѣга съ храномъ снабдѣвати, него о коему іоштъ и признати морамъ, да свако избавлѣніе и помоћь отъ нѣга самога сасвимъ приходитъ?

Овако нѣко време еданъ съ другимъ забавляюћисе рекао э Капетанъ, да э нѣка мала укрѣплѣнія за мене сасобомъ донео, каковихъ э на лађи имао, и коя ови бездѣлницы

ницы, доклесу они нѣгови Господари были, іоштъ опустили нису. Затимъ повыкао э гласно къ чамцу, и заповѣдіо своимъ людма, дабысу вещи, коесу за Губернера опредѣлене, на суво изнели. И доиста то э такови даръ было, башъ као дабы я дѣйствителни какови Губернаторъ было, а не онакови, конће съ нима поћи, него непрестано на острову остати и ны безъ себе оправитибы имао.

Перво, донесао э онъ едну флашу преизрядне мирисливе воде: (кордіалъ) 6 велики флаша медерскаго віна свака отъ 2 мѣре, 2 фунте доброга дувана, 12 комада насолѣнаго говећега меса, и 6 комада свинскога меса, еданъ пунъ жакъ грашка, и рецы 100 фунти симита.

Донесао э еданъ велики сандукъ шећера, еданъ бѣлога фінога брашна, еданъ пунъ жакъ лімуни, и іоштъ множество други вещи. Али преко тога іоштъ и што э мени тысяцу кратн миліе и дражіе нежели све проче было, што э онъ мени полъ туцета чисти и нови кошуля, 6: врло добри марама на вратъ 2: пара рукавица, еданъ паръ цыпела, еданъ шеширъ, еданъ паръ чарапа, и едне нѣгове халине донео, коесу іоштъ врло добре и мало ношене быле, съ еднимъ словомъ онъ э мене отъ главе до ногу одену.

Лако

Лако дакле помыслити можемо, каковъ э ово благодѣтелни и радостни даръ за еднога человѣка моега стаия быти морао. Али у свѣту ништа гадніе, хатлявіе и неугодніе ніе быти могло, нежели штосу ове халине мени быле, кадсамъ ихъ первый кратъ обукао.

Кадъ э вечь ова церемонія прошла и све ове изрядне вещи у мое малое обиталище донешене быле, почелисмо совѣтъ держати, штоћемо съ робови, кое имадемо, чинити? ербо э доиста то и разсмотренія требовало, ели шакове съ собомъ узети или не: особито двоица изъ међу ны, о коимасмо знали, дасу неисправляеми и крайнѣ упорни и опаки были, и о коима э Капетанъ казао, дасу то онакови бездѣлницы, консе никаковомъ добротомъ предобити немогутъ. И ако онъ ны съ собомъ узме, то дакле иначе быти неможе нежели у творжу и свези, дабы ны у первой Англійской коллони (посслѣнію) у руке земаляской правди аки преступнике предали, видѣосамъ дакле, да и самъ Капетанъ отъ ны страха имаде.

Затимъ рекаосамъ нѣму, да ако онъ мени повѣри вещь, дачу я до тога довести моћи, дачеду они нѣга сами молити, и обо-

двоица

двоица ови люди, о коима онъ говори, овде на острову заостати. Тобы мени отъ свега сердца драго было, рекао э Капетанъ.

Добро дакле, яћу по ны послати и съ ныма у име твое говорити. Послаосамъ дакле Петка и она обадва порука (ербосу ови вечь освобождени были зато, штосу содружницы ныни обѣщаніе свое исполнили) къ моей ями или подруму, и даосамъ они 5 люди онако, како штосу свезани были, къ моей сѣницы горе довести и ны тамо чувати, докле я онамо дођемъ.

Затимъ мало времена дошаосамъ я у моему новому одѣянію онамо, и садъ опетъ називаосамсе Губернаторомъ, кадсмо вечь сви собрани были и Капетанъ кодъ мене, даосамъ робове предъ себе довести и рекаосамъ ныма: я о вашему злобному и пакостному поступку спроћу вашега Капетана полно извѣстіе имадемъ, и знадемъ какосте съ лађомъ побѣћи и іошть выше бездѣлія и убійства чинити хотѣли: Али э провидѣніе то на другу страну обратило, дасте вы у ваше собствене замке уфаћени, и сами баш у ону яму, коюсте другому копали, пали.

Ясамъ казао ныма, да э лађа на заповѣсть мою удержана была, и да она предъ

бре-

брегомъ на мачки стоитъ, и дачеду они скоро видѣти, да э нынъ Капетанъ плачу прїимїо, кою э бездѣлїе нѣгово заслужило, ербочеду они нѣга на найгорнѣй мотки среднѣ капарке высяща видѣти.

Штосе васъ дотиче, радбы я дакле знати, што вы на противъ тога отговорити знадете, да я васъ небы башъ као у самому дѣлу уфачене разбойнике обѣситидао; како што и сумнятисе неможете, да я власть къ тому имадемъ.

Еданъ отъ овихъ отговорїо э у име свю други, да они ништа далѣ неимаду казати, него кадсу заробљени были, да э Капетанъ ныма свима вообще животъ даровао, и сви дакле милости просятъ умилно. Но, ясамъ ныма отговорїо, да незнамъ какову милость ныма указати имамъ: ербо штосе мене дотиче, ясамъ намѣренъ островъ съ свима моима людма изоставити и съ Капетаномъ у Англїю поћи: а штосе Капетана касаетъ, то онъ ны иначе неможетъ, нежели аки робове у гвожђу оковане у Англїю повести, и ныма тамо ради учинѣнѣ ребеліе и бѣжаня съ лаћомъ процесъ на вратъ бацыти, изъ чега, како што и вы нужлно знати морате, есу вѣшала неошаятелно слѣдство. Я дакле незнамъ, штобы за

ны

ны найболѣ было, ако они волѣ небы имали спасеніе свое овде на острову наћи. Ако то буде, тоће дакле за то быти, дабы я свободу имао ны овде оставити. И ако они тако мысле овде заостати, тобы и я къ тому склонѣнъ быо ныма животъ поклонити. Онису сви ово съ великомъ благодарностїю признали, и рекоше, да хоћеду много радіе усудитисе овде остати, нежели себе у Англїю повести, и тамо обѣсити дати, дакле э то тако изостало.

Капетанъ э међу тимъ нѣко э тягости учинїо, аки да онъ ны овде небы оставити смѣо. На коесамъ я на Капетана себе мало сердита показао и нѣму рекао, дасу то мои а не нѣгови робови, и кадсамъ ныма већь толико милости обѣщао, то хоћу дакле и рѣчь мою да одержимъ. Недопаднелисе нѣму ово позволѣти, тоћу я ны абіе у свободу ставити, како штосамъ ихъ и нашао, и ако нѣму и то по воли ніе, онда можетъ ихъ онъ опетъ у робство узети, али ево питаня, ако ихъ уфатити можетъ.

Овдесу они сви себе врло благодарне показали, и ясамъ свима свободу даровао и заповѣдіосамъ, дасе они у шуми сви на оно мѣсто соберу, откудсу и дошли, и яћу имъ оружіе съ барутомъ и оловомъ, и нѣ-

ка

ка упутствованія оставити, какоћеду они овде сасвимъ добро живити моћи, само ако хотели буду.

Затимъ приправіосамъ себе сасвимъ на лађу поћи, казаосамъ обаче Капетану, дађу я іоштъ ову ноћь овде остати, дабы све вещи мое уредити могао, а онъ да идетъ на лађу све тамо уредити, и сутра уютру по мене чамацъ овамо послати, и такожде међу тимъ новаго Капетана на лађи обѣсити дати, дабы нѣга сви другіи видѣти могли.

Кадъ ѳ Капетанъ отишао, даосамъ я ны опетъ свію у мое обиталище собрати и упустіосамсе съ ныма у постояни разговоръ о ныному стаю. Рекаосамъ ныма, мнисе чини, дабы ово, штосамъ казао, ныно найлепше избраніе было, ербо доиста ако Капетанъ ны съ собомъ отведе, що мораю они башъ извѣстно висѣти: показаосамъ ныма затимъ ныног Капетана на лађи обѣшена, и рекаосамъ, да и они то исто безсумнѣ очекивати имутъ.

Кадсу они већь сви свою готовость овде изостати изяснили, рекаосамъ ныма, дађу имъ нѣка извѣстія о моему овде бывшему животу, и средства на руку дати, какоћеду животъ свой овде врло угоданъ учинити

Отшествіе изъ Острова.

ниши моћи. Исказаосамъ ныма цѣлу повѣсть и качество овога мѣста, мое овде дошествіе, града мога строеніе, начинъ какосамъ хлѣбъ пекао, грожђе сушіо, крашко, све шшо э годъ ныма отъ потребе овде сасвимъ угодно живѣши моћи. Такожде казаосамъ ныма повѣсть о онихъ 16 Шпаніеровъ, кое они овде очекиваши имутъ; за коесамъ я овде писмо оставіо и съ коимсу они мени торжествено обѣщаши морали брашски и единодушно живѣши.

Оставіосамъ ныма такожде све мое оружіе, то есть 5 мушкепи, 3 пшичарице и 3 меча съ еднимъ буренцетомъ баруша, коесе іошшъ нашло, ербо послѣ перве 2 године верлосамъ мало баруша требовао и о свемусамъ ныма добаръ совѣтъ дао.

Крашко да рекнемъ: ясамъ ныма цѣлу повѣсть живоша мога исказао и обѣщао ныма, даћу Капетану говориши, дабы онъ ныма іошшъ 2 буренца баруша и што годъ башченога сѣмена оставіо, даосамъ ныма такожде и онай жакъ грашка, кога э мени Капетанъ за ело донео, и наложіосамъ ныма таковъ сѣяши и умножаваши.

Послѣ како э то све овде совершено было, оставіосамъ я ны другій данъ на острову, и отишаосамъ на лађу. Съ почешка

хоте-

хотелисмо абіе пловити, но и ову ноћь іошть неизвукосмо мачке. Слѣдующи данъ врло рано допливалису двоица отъ оны пећорица, коису на острову остали кь лађи, и почелисусе о онима троицы врло тужити, и молилису за волю Божію, дабысмо ихъ на лађу пріимили, ербоћеду ихъ она троица цѣло убити.

Капетанъ э себе показао, аки да небы то безъ мене у нѣговой власти было, обаче какосу они свято исправлѣніе обѣщали, былису пріимлѣни, и послѣ затимъ живо бапинама біени, крозъ воду вучени были, за коимъ ови раскошници послѣ сасвимъ честно и мирно владалисусе.

Послѣ нѣкоего времена пошаосамъ у време приплива съ онима обѣщанима вещма на чамцу кь брегу, кь чему э іошть и Капетанъ на мое прошеніе ныне сандуке и халине издао, и коесу они съ великомъ благодарностію пріимили. Ясамъ ны бодрости налоіо говорећи ныма, акосе способъ случи, да я ныма лађу послати могу, коябы ны пріимила, то я ны заборавити нећу.

Кадсамъ већь разлученіе отъ острова мога узео, донеосамъ такожде велику бић ко зіе коже капу, коюсамъ начиніо, мою солнечну обрану, и еднога моихъ папагаевъ аки

аки святе мощи воспоминаћія на лађу; па, кожде нисамъ и новце узети заборавіо, о коимсамъ горе сказао, и коису толико дуго време сви кодъ мене неполезни лежали, дасу већь сасвимъ захерђали и поплѣснивили и едва выше за сребро познавати были, докле годъ я ны нисамъ малко протрео и очистіо, при томсу были и они новцы, коесамъ на Шпанской лађи нашао.

И тако изоставіосамъ овай островъ 19 Декемвріа (како штосамъ у лађарскому брою нашао 1686: на коемусамъ 28: лѣта 2: мѣсеца и 19: дана живіо, и наимено изишаосамъ изъ овога второга робетва у онай исти данъ мѣсеца, у коемусамъ на барки изъ *Салее* отъ морскога харамје побѣгао.

У овой лађи дошаосамъ послѣ долгога путешествія 11го Іуніа лѣта 1687: у Англію послѣ 35: лѣтиога отсутствія.

Кадсамъ у Англію дошао, быосамъ свакому странъ, аки да небы овде никада никому познанъ нибыо. Моя благодѣтелница и вѣрна хранителница, коейсамъ я новце мое повѣріо, живила э іошть, али э и велику несрећу у свѣту претрпила, была э већь други кратъ удовицомъ и врло у ницету пала. Ясамъ ню тога ради што э она мени дужна полно ушћшио, и рекао, да она о томъ ни-

какове бриге неима, ясамъ ей много више изъ благодарности за нѣзино пређашнѣ попеченіе и вѣрность спроћу мене, колико э годъ мой мали капіталъ допустіо, помогао, кои э доиста іоштъ онда врло маленъ быо. Увѣріосамъ ню обаче, да я нѣзину пређашню доброту спроћу мене никада заборавити нећу. Кое баш и дѣйствително заборавіо нисамъ, какосамъ я већ доволно имао, да ей помоћи могу, коећу на надлежащему мѣсту сказати.

Затимъ отишаосамъ у *Іорхъ Сіръ*, али родителі мои и цѣла фамілія већсу сви изумерли были, до 2: сетре и двое дѣце мое браће, коесамъ у животу застао: и будући дасу мене већ отдавно за мертва држали, и на мене отиюдъ ништа ніе броено, тако дакле да нисамъ нинайманѣ помоћи или укрѣплѣнія за себе нашао; и оно мало новаца штосамъ іоштъ имао, ніе доволно досягнути могло мене у свѣту подигнути.

Истина добіосамъ нѣку пробу благодарности, кою доиста очекивао нисамъ. Лаће Капетанъ, когасамъ я тако щастно отъ штете освободіо, и коегосамъ лађу я и нѣзинъ товаръ различними предузетими средствами полно избавіо, дао э припажателѣмъ преизрядно извѣстіе о начину и поступ-

ступку, коимсамъ я лађу и на ей животъ находящагося людства спасао, дасу они мене къ ныма доћи замолили, и мени іоштъ съ другима купцы, коису при томъ користь имали, не само велику похвалу о овой благощастно произведеной побѣди, него іоштъ и лепъ даръ отъ 200 фунти Штерлінговъ поклонили.

Послѣ какосамъ я различна разсмотренія о стаю мога живота учиніо, и какомало све ово мени помоћи можетъ у свѣту опетъ дигнутисе: заключіосамъ дакле путешествіе *у Лізабону* учинити, да видимъ, не были каково извѣстіе о стаю мога сада у Бразиліи и штосе съ моимъ оршакомъ случило, добити могао, кои э мене већ отъ много година безъ сумнѣ за мертва держао.

У овому намѣренію отишаосамъ дакле у *Лізабону*, гдисамъ слѣдующега Мѣсеца Апріла дошао. Мой храбри Петко свудъ э самномъ путовао, и у свима способи вѣрнѣйшій слуга показиваосе.

Кадсамъ већ у Лізабону дашао, нашаосамъ распитиваюћи на мою велику радость мога старога благодѣтеля Капетана, кои э мене при брегахъ Африканскихъ къ себи на лађу пріимio. Онъ э већ доста остаріо быо, отъ морскога живота престао

и лаћу сыну своему, кои такожде ніе отвише младъ быо, предао, и кои э іошть свагда Бразіліанску терговину водіо. Нась двойца едва штосмо еданъ другога познати могли; алисе онъ опетъ мене скоро опомену, кадсамъ я нѣму казао, ткосамъ я.

Послѣ нѣки сердечни поздравлѣнія нашега старога познанства извѣстіосамсе я скоро, како штосе лако мыслити може, о моему саду и моему орштаку. Овай стари мужь рекао э мени, да већь отъ 9. година скоро у Бразіліи ніе быо, него то може казати, да кдѣ э онъ послѣдни кратъ отонудъ пошао, да э нѣга онде іошть у животу оставіо; но обадвоица мое части надзиратели, коюсамъ я ныма дао, есу умерли. Међу тимъ надасе онъ, даћу я опетъ врло добаръ гласъ о расплодѣнію и напредку мога сада чути. Ербо на обще разширени гласъ, дасамъ я кораблѣкрушеніе терпіо и удавлѣнъ быо, дасу онда отъ нѣга поставлѣни надзирателі хесапъ о приходу мое части у саду Кралѣвскому хесапѣіи (численику) дали, и овай э у случаю, да ако я никада више натрагъ небы дошао и право на то учиніо, едну трећу часть отъ таковога Кралю дапи, а оне друге две части Августинскому манастиру, да бы за помоћь

ћь сирота и за обращеніе Індіановъ у Каѳолїчески законъ употребили. Али како бы я или ткогодъ отъ моихъ появіосе и право на то учиніо, то бы ове две части опетъ абіе попунѣне быле, само окромъ годишнихъ Інтересовъ, кои э на Богоугодный путь употреблѣнъ быо. Али э онъ мене увѣріо, дасу кралѣвски земни хесапѣіа и монастирскій туторъ и хесапѣіа преко цѣлога овога времена велику бригу носили; годишнѣ вѣрно и правый хесапъ о приходу мое части издавати морали, отъ чегасу такожде готовъ новацъ свагда исправно исплаћено пріимали. Запитаосамъ нѣга, незнали онъ мени казати, коликосе већь садъ мой умножити могао, и мыслили онъ, ели то труда заслужава затимъ мотрити, и нећули я, ако онамо опидемъ, какова препятствія къ притяжанію мога правилнога наслѣдія о половици наћи?

Колико э много, предначео э онъ далѣ, садъ преуспѣо, то онъ башъ истино сказати не можетъ, али толико добро знаде, да э мой содружникъ отъ оне друге половине, кою э онъ самъ у живао, сасвимъ и чрезвичайно богатъ постао, и да э онъ, коликосе опоменути можетъ, чуо, како э она трећа часть кралѣва отъ мога учасшія,

стія, коя э опетъ другому монастиру дата, на 200 годишнихъ Мідоровъ износила. Н могули я мирно къ притажанію мое части доћи, то не бы никакови вопросъ ни было, єрбо э ортакъ мой іоштъ живіо, кои бы правилно наслѣдіе мое освѣдочити могао, а и кромѣ тога морало э име мое у земному регістру записано быти. Казаоми э такожде и то, дасу насльдници моихъ обадвоице бывшихъ надзирателя врло честни и богати люди, и онъ мысли, да не само штоћеду они спомогателни быти мене у притяжаніе увести, него даћу я іоштъ и обылну сумму новаца за мой хесапъ у руку ныни наћи, како годъ и приходъ отъ киріе, кои є, доклесу іоштъ родители ныни живи были, ныма преће 12 година, колико се онъ опоминѣ, преданъ было.

Ясамъ себе о овомъ удивителна и неудоволна показао, и запитаосамъ старога Капетана, како э то быти могло, дасу надзиратели съ моимъ добромъ тако играшисе могли, на коесамъ я, како што онъ знаде, тестаментъ уредіо, и нѣга самога португискога Капетана за мога главнога наслѣдника поставіо?

То есть истина, рекао э онъ; али да моя смерть извѣстна ніе была, то дакле ніе ни онъ могао съ тестаментомъ као властникъ поступити, доклесе годъ башъ извѣстно небы дазнало, да я више у животу нисамъ. Онъ э такожде тестаментъ мой написати дао, и на нѣга право учиніо, и кадбы онъ было извѣстни гласъ о животу или смерти моей добити могао, то бы онъ Інженію (тако називаю Португалцы и Шпаніери шећерну воденицу) чрезъ полномощнике у притяжаніе узео, и нѣговому садъ у Бразіліи живущему сыну то учинити заповѣсть дао.

Али предначео э овай стари мужъ, іоштъ едну новину имамъ вамъ казати, коя вамъ можетъ быти неће тако угодна быти, као што э проче было. Вашъ ортакъ и ваши надзиратели наймено вѣруюћи као и савъ прочи свѣтъ, дасте вы већь мертви, предложилису мени у име ваше приходъ 6. или 8. первг година прорачунити, и есу менѣ исплатили; и будући да э дѣло онда велике расходе изискивало (єрбо э валяло шећерну воденицу созидати и робове купити) то дакле ніе задуго онако велики быти могао, као што э послѣ было. Но међу тимъ хоћу я вамъ о свему, штосамъ годъ пріимio и на штосамъ пріимлѣно употребіо, хесапъ дати.

Послѣ

Послѣ нѣколико дана донесао э мени овай честни пріятель исчисленіе о приходу перви 6. година отъ мога сада моега ортака и сонадзирателей подписанъ. Издатокъ земни био э свагда у добру и хеспапу, то есть дуванъ у балама, шећеръ у сандуцы, слатка ракія, сирупъ и прочая: као полза и користь шећернихъ садовъ, и видіосамъ изъ овога хесапа, да э приходъ сваке године обилно приращавао. Али како што э Капетанъ казао, да э расходъ съ почетка великъ био, то э дакле и приходъ доста маленъ быти морао. Но преко свега казао э мени мои добри старацъ, да э онъ мени іоштъ 470 Мідора дужанъ, и іоштъ кромѣ тога 60: сандука шећера и 15 сугубы бала дувана, кое э съ нѣговомъ лађомъ пропало, кадъ э онъ около 11. година моега отсутствія при нѣговомъ дома возвращенію у Лізабони кораблѣкрушеніе терпіо.

Затимъ извадіо э едну стару кесу, и дао э мени 200 Португиски Мідора у злату равно съ писменимъ изясненіемъ аки соучасника на нѣговомъ и нѣговога у Бразіліи находящагося сына лађеному участію, аки полно увѣреніе ради оставшега, штоми іоштъ дужанъ остае.

Ясамъ

Ясамъ доиста о честности и дружеству овога нищега мужа верло и возбудително сожалѣнъ быо, нежели да бы то отерпѣти могао. И кадсамсе опоменуо, шта э овай человѣкъ за мене учиніо, и како э онъ мене милостиво и искрено у сви способи предсрѣтао, а особито каковъ э онъ честни и пріятни другъ и садъ спроћу мене быо, едвасамъ себе о томъ, што э онъ мени исказао, отъ плача удержати могао. Запитаосамъ нѣга найпре, ели садашнѣ станѣ нѣгово дозволява толико наваца безъ какове нѣгове теготе издати? Нѣчто мало теготно, рекао э онъ, морамъ истину сказати; но мећутимъ туђису новци, и ћу ны можетъ быти іоштъ нуждніе требовати, нежели онъ самъ.

Све што э годъ овай честни старацъ говоріо, было э крайнѣ сожалително, и едвасамъ нѣга безъ плача слушати могао, кадъ э онъ говоріо. Кратко, узеосамъ 100 Мідоровъ, и заискаосамъ мастило и іперо нѣму квіту о томъ дати. Затимъ даосамъ нѣму остало натрагъ и рекаосамъ, ако я икада у притіжаніе моега сада и добра дођемъ, тоћу я нѣму доиста и ово све опетъ возвратити, како штосамъ послѣ башъ и дѣиствително учиніо. А преписку

ради

ради участія нѣговога сына на лаћи ни-
коимъ начиномъ узети нисамъ хтео. Ако я
новаца потребовати будемъ, рекаосамъ я, то
знамъ, даће онъ толико честанъ быти
и мене исплатити, аколи неузтребуемъ и
тако срећанъ будемъ, до онога, о чему
онъ мени надежду даетъ, доћи, то я отъ
нѣга никада више ни еднога грошића пріи-
мити нећу.

Кадъ э то већь прошло было, запитао
э мене добри стараџъ, смѣли онъ мени ка-
зати, што я чинити имамъ, да бы наслѣдіе
и право на моему саду одержао? рекаосамъ
нѣму, да бы найболѣ средство было, да я
самъ онамо отидемъ. То я учинити могу
ако хоћу, рекао э онъ; аколи нећу, то
имаде и кромѣ тога средстви доволно
моя права удержати, и себи приходъ неџо-
средствено приобщити и на мою ползу у-
потребити. И будући дасу башъ лаће
предъ Лісабономъ у Бразілію пловити го-
тове лежале, дао э онъ име мое у явни Ре-
гістеръ увести съ своимъ присягнутимъ
свидѣтелствомъ, да я іошть у животу и
оно исто лице есмь, кое э за уреждение
реченога сада найпре Кралѣвске землѣ ку-
пило.

Послѣ

После како э све ово отъ еднога Нота-
ріуса потверждено и къ тому іошть пол-
номоћіе приложено было, рекао э онъ мени,
све ово іошть съ еднимъ отъ нѣгове ру-
ке писмомъ на нѣкога купца у мѣсту, кога
э онъ познавао, послати, и учиніо э мени
затимъ понућенѣ кодъ нѣга толико дуго
остати, докле годъ о томъ извѣстіе натрагъ
не доће.

Ништо честніе помыслитисе ніе мо-
гло, нежели цѣли поступокъ на ово полно-
моћіе. Ербо преће нежели што э 7. мѣ-
сеци прошло, добіосамъ я отъ наслѣдни-
ковъ моихъ сонадзирателей, то есть онога
терговца, на коегосамъ трошакъ я на море
опишао, велику свезку, у коейсамъ слѣдующа
писма и папіре нашао.

Перво: цѣли и полни хесапъ о приходу
Кіріе мога сада отъ онога лѣта, кадсу
отцеви ныни съ моимъ старимъ Порту-
гискимъ Капетаномъ на 6. година уговоръ
заключили; и послѣ овога хесапа остало э
за мене 1174. Мідоровъ.

Второ: Хесапъ отъ 4 године, доклесу
іошть ствари у свои руку держали, пре-
ће нежели што э власть управлѣніе аки
отъ добра еднога изгублѣнога человѣка
на себе пріимила, и будући дасе сумма о мое-

му

му участію отъ онихъ мѣшутимъ умноженихъ приходовъ отъ сада на 3241 Мидоровъ относила.

Треће: Хесапъ отъ Пріора (Игумена) Августинскога Монастира, кои э користъ и ползу већъ 14. година уживао; а будући да онъ ніе у состоянію было хесапъ учинити, колико э на болницу (шпіталъ) употребіо, себе опетъ честно изясніо, да э іоштъ 872 Мидоровъ пріміо, кое іоштъ ніе раздѣліо, и кое э онъ за мой хесапъ оставіо: штосе э обаче Кралѣвскога участія дотицало, отъ тога ніе ништа повраћено.

Была э такожде една посланица отъ мога ортака приложена, кои э мени сердечно щастіе желіо, дасамъ я іоштъ у животу; и мени извѣстіе дао, какосе добро поправило и колико э годишнѣ доносило, іоштъ и съ особнимъ назначеніемъ свакога ютра землѣ, кое э къ тому приналлежало; како э раћено, и колико э робова о томъ пословало и проч. И послѣ како э 22 креста назначіо, явіо э мени, да э равно толико и Богородицедѣво очитао, да бы пречистой дѣви благодаріо, што э она мени животъ сачувала, такожде и позваоме врло молително, дабысамъ онамо дошао, и мое добро у мою власть узео, и мѣшутимъ нѣму заповѣсть послао, да бы онъ добра моя преуговорити могао, ако я скоро доћи небы могао, и заключіо э съ сердечнимъ своимъ и нѣгове цѣле фамиліе почитаніемъ писмо. Ово э писмо такожде съ даромъ отъ 7 Леопардскихъ кожа украшено было, кое э онъ, какосамъ я мыслію, изъ Африке преко друге онамо послате лаће, коя э срећніе путешествіе имала, нежели я, добіо. Послаоме такожде 5. сандука пуне израднога конфекта и 100. комада у цѣлости и нѣчто манѣ отъ Мидоровъ.

Съ овомъ истомъ флоттомъ послалису такожде и они обадвоица купци мои уређени надзиратели 1200 сандука шећера, 800 бала дувана, и проче отъ цѣлога хесапа у злату.

Садсамъ башъ истиниште казати могао, да э послѣдокъ Іова было боли, нежели почетакъ. Неможесе описати, како э мени при прочитаніи овога писма сердце играло, а особито кадсамъ я сва моя богатства тако окрестъ себе видѣо. Ербо дасу Бразілске лаће тако све у дружству дошле, тосамъ я дакле чрезъ ове исте лаће, коесу мени писма донеле, такожде и добра моя добіо, и овесу већъ невредиме преће у Тагусъ дошле, нежели штосамъ я посланице

у

у руке добїо. Кратко побледїосамъ и скоро да у несвестицу паднемъ, и кадъ не бы овай добри человѣкъ спѣшећи съ сердечнимъ средствомъ укрѣплѣнїя мени на помоћь дошао было, мыслїосамъ, ова изненада пришедша радость былабы естество мое надвладала, и я бы на мѣсту мертавъ остати морао.

Но іоштъ и послѣ тога нѣколико сати было э мени врло зло, доклесу по лѣкара послали, кои, кадъ э праву причину мое болести разумѣо, мени абіе кровь пустїо, закоимсамъ я облегчанїя осѣтїо и болѣ было; али доиста кадъ мени овимъ начиномъ не бы штогодъ помогнуто было, то бы я башъ и послѣ скоро умрети морао.

Ясамъ садъ већь Господинъ отъ 50000 фунти штерлинговъ постао у злату, и имаосамъ велико добро, како штосамъ нѣга и назвати могао, у Бразїлїи, кое э 1000 фунти на годину доносило, и тако стално и безбѣдно было, како годъ и каковъ спанлукъ гди годъ у Англїи, съ еднимъ словомъ, ясамъ себе садъ у онаковому станю видѣо, кое и самъ постигнути нисамъ могао, какосамъ у нѣга дошао, или какобысе у уживаню таковога наћи могао.

Перво

Перво штосамъ учинїо, было э награжденїе мога благодѣтеля, комесамъ отъ почетка за све благодарити имао, мога доброга старога Капетана, коисе у моей великой нужди спроћу мене сожалителанъ, и благъ у почетку, и честанъ и искренъ на концу показао; рекаосамъ нѣму, да я съ провидѣнїемъ Божїимъ, кое сасвими вещми управля, за мое цѣлое щастїе никому другому нежели нѣму самому благодарити имамъ, и да я садъ, како штосамъ отдавно желїо, у моей власти имамъ нѣму стократно све возвратити, кое и учинити хоћу. Найпре даосамъ нѣму они 100 Мїдора, коесамъ отъ нѣга прїнмїо; затимъ послаосамъ по Нотарїоса и даосамъ нѣму главно отпущенїе или Квїту отъ они 470 Мїдоровъ, коихъ э онъ мени дужанъ быти признао, на совершени и крѣпки начинъ написати; пакъ послѣ даосамъ полномоћїе сочинити, коимсамъ я нѣга за Господина и и прїемника моихъ годишнихъ приходовъ отъ мога сада наименовао, и моему орћаку даосамъ на знанѣ нѣму хесапъ отдавати и приходъ на обикновенной флоти у мое име на нѣга пошиляти, іоштъ съ придатомъ клаузуломъ, (вмѣстителномъ) да онъ, докле э годъ живъ, отъ мога добра 100

Мї-

Мідоровъ и послѣ нѣга сынъ нѣговъ такожде 50; пріимати имаде: и такосамъ квітірао мога незаборавлѣнаго и любезнаго старца о свему.

Садсамъ мыслити имао, кудаћу путь мой предузети, и штоћу съ овимъ добромъ, кога э мени провидѣніе Божіе оваковимъ начиномъ у руке дало, започети? и доиста то э мени више бриге учинило, нежели штосамъ у моему самоћиному животу на острову имао, гди ништа више нисамъ потребовао, нежели штосамъ имао, и ништа више имао, нежели штосамъ потребовао: али садсамъ већъ тако велико бреме на себи имао, и мораосамъ затимъ мыслити, какоћу то у безбѣдность донести. Садъ нисамъ имао яму, у коюбы новце мое сакріо, или каково друго мѣсто, гди бы оны безъ браве и ключа лежати, захрѣати и поплеснивити могли, нежели дабысе ткогодъ о томъ побринуо: садъ доиста знао нисамъ, гдићу ихъ метнути, или кому ихъ вовѣрити имамъ; едно прибѣжище, коесамъ іошть имао, быо э стари Капетанъ, о коегосамъ честности я башъ полно увѣренъ быо.

Абіе затимъ учинимисе, да полза моя мене у Бразілію поћи позива, али я о томъ іошть

іошть мыслити нисамъ могао тамо поћи, докле годъ дѣла моя несовершимъ и добро мое у безбѣдности неоставимъ. Съ почетка мысліосамъ на мою стару удову пріятелицу, на коея честность и искренность спроћу мене, као штосамъ знао, ослонитибысе могао: али э она была већъ врло стара и тако сиротна, и коликосамъ я знао, дугомъ обтереѣена; съ еднимъ словомъ ніе никаково друго средство за мене остало, нежели башъ самъ у Англію натрагъ поћи и добро мое сасобомъ понести.

Но међу тимъ прошло э опетъ нѣколико мѣсеци, доклесамъ себе къ тому преволѣти могао. И међу тимъ стаосамъ такожде, кадсамъ већъ мога первога благодѣтеля Капетана полно къ нѣговому удовольствію наградіо, о томъ мыслити мою бѣдну удовицу такожде съ награжденіемъ помоћи, коея мужь мой перви благодѣтель, и она, докле э годъ у власти нѣзиной было, моя вѣрна управителница и учителница была. Перво штосамъ затимъ учиніо, было э, дасамъ я на еднога Лізабонскога терговца нѣговога содружника писати дао, ніози несамо векслу исплатити, него ню іошть и потражити, ей у име мое у готову новцу 100. фунти штерлинговъ дати,

ти, и съ ніомъ самомъ башъ говорити, и у нѣзиной бѣди и нищети ню съ тимъ утѣшити, да я, ако живъ будемъ, за ню такожде и у напредакъ старатисе хоћу. У то исто време послаосамъ моимъ обадвема сестрама, кое истина да нису никакове нужде терпиле, али нису башъ ни у найбо. лѣму стаю быле, свакой по 100. фунти шперлинговъ. Една отъ ови была э удовица, а друга имала э мужа, кои ню ніе башъ найлепше предерѣтао.

Изъ међу свію мои сродника и познаника нисамъ могао ни еднога изнаћи, коему бысе усудіо капіталъ мой вовѣрити, дабы у Бразіліію поћи, и такови безъ бриге оставити могао: кое э мени много немира прозроковало.

Добіосамъ волю у Бразіліію отићи и себе, будићи дасамъ и безъ тога тамо окуђенъ быо, онде утемелити, али нѣке препоне ради закона, коесу у мени быле и о коимаћу я іошћъ выше говорити, удержалесу мене примѣтително отъ овога намѣрења. Засадъ башъ ніе законъ быо, кои э мене отъ тога удержавао онамо поћи, ербо како што я изъ тога никаковога размышлѣнія чиніо нисамъ отъ закона землѣ оне яванъ быти, коликосамъ дуго онде быо, то дакле нисадъ ни-

нисамъ отъ тога ништа мыслію, но међу тимъ мыслiосамъ отъ нѣкоего времена честно о томъ; као и пређе, и кадсамъ на то помыслію, да я међу ныма живити и умрети имамъ, ондасамсе почео раскаяваши, дасамъ себе за Римо Каѳоліка издао, и мыслiосамъ, да то ніе башъ найболи законъ, у коему умрети валя.

Али засадъ башъ да рекнемъ, ніе то главни узрокъ быо, кои э мене удержаваю, да я у Бразіліію небы отишао, него да я башъ дѣйствително знао нисамъ, кому я мой Капіталъ вовѣрити имамъ. И тако э дакле при заключенію остало у Англію поћи, гдисамъ я о пришествію моему мое какове годъ сроднике наћи надаосе, коибысу мени вѣрни были, дакле приправіосамъ себе съ цѣлимъ моимъ добромъ къ путешествію у Англію готова.

Дабы обаче све іошћъ на предъ у пристойность довео, заключiосамъ, ербо Бразиліанска флота опетъ онамо ићи хотяше, правилна и вѣрна извѣстія и хесапе, коясамъ отонуду добіо, пристойно отговорити. Писаосамъ наипре Игумену Августінскога Монастира писмо полно сердечне благодарности за нѣгово праведно поступлѣніе и за издатокъ отъ 872 мідоровъ,

кое онъ іошть ніе издао было, и отъ коихсамъ нѣга замолио 500 Монастиру и 372 по нѣговому мнѣнію нищимъ и убогимъ раздѣлити, при чему равно и себе молитви добрыхъ отцевъ препоручити нисамъ заборавіо.

За тимъ писаосамъ такожде и моимъ сонадзирателемъ благодарствену посланицу тако обвязателно, коликое годъ она почитанія пристойности и честности изискивала. Дарова никакови, ербо такови ни требовали нису, нисамъ ныма послао.

Напослѣдокъ писаосамъ такожде и моему ортаку, учиніосамъ нѣму благодарность за нѣгово прилѣжаніе, съ коимъ э садове поправіо и нѣгову честность о умноженію главнога добра, даосамъ нѣму такожде извѣстіе ради далшега управлѣнія на моему талу по указу моему старому Капетану даннаго полномоція, и на нѣга све, што годъ принадлежи, пошиляти, докле годъ онъ отъ мене далю наредбу нечуетъ, и увѣріосамъ нѣга при томъ, да намѣреніе мое ніе само онамо доћи, него іошть и на цѣли остатокъ мога живота тамо окуѓишисе. Овой посланицы приложіосамъ еданъ честни даръ отъ нѣколико комада Таліанскога свиленога матеріяла за нѣгову Госпожу и дщери,

ербо

ербо да э онъ девояка имао, чуосамъ отъ Капетановога сына) съ двима комади найлепше Англійске чое, коесамъ у Лізабони добити могао, 5 комада церне кадіфе и нѣколико драгоцѣне брабантске златне чипке.

Кадсамъ већь овимъ начиномъ све вещи мое у исправность ставіо, товаръ мой платіо, и савъ мой хесапъ у добре измѣне посланице премѣніо, было э дакле вопросъ, кои я путь у Англію предузети имамъ? и коликосамъ врло къ морю привикнуо было, то садашни кратъ имаосамъ особно омерзѣніе водомъ у Англію неићи, башъ ако отъ тога и причину никакову доказати могу, но оно э тако велико было, да я, акосамъ већь ствари мое на лађу и донео было, опетъ намѣреніе мое и два и три кратъ премѣніо.

Можетъ быти, да э то къ тому причина была, штосамъ я већь доволно на морю несрећанъ было, но я опетъ повторавамъ, штосамъ горе рекао, ништко да не презираетъ крѣпко побужденіе своихъ собственихъ мнѣніяхъ у падежахъ овакове важности. Две отъ они лађи, коесамъ я избрао было, наймено выше, нежели друге, у едну вещи мое натоварити, а у другой съ лађаромъ мое персоне ради погодбу учинити,

ништи, све обадве лађе былесу несрећне, ербо э една отъ Англійски морски харамія отяша и обладана, а друга разбиласе на тако называему мѣсту Штартъ, или сакривенима седрама кодъ Торбаїа, и сви люди подавилисе, тако дакле, дабы я на свакой овой лађи (на коей већма, тешкосе можетъ сказати) крайнѣ нещастанъ быо.

Овако себе собственима мыслима мучећи наваліо э мой стари Капетанъ, коемусамъ све повѣріо, башъ озбилски на мене водомъ у Англію неиђи, него или сувимъ у Гроїну савитка отъ Бічкаїе до Рошела, откуда э послѣ врло лако путешествіе у Галаисъ и Доверъ, или Мадрідъ узети и тако цѣли путь преко Француске сувимъ учинити.

И будући да я и безъ тога противо свакога воденога пута кромѣ: отъ Галаиса у Доверъ: преволѣнъ быосамъ, заключіосамъ дакле твердо цѣли путь преко сува учинити, и я неспѣшећи и трошкова не штедећи при томсамъ остао, и овай путь быо э врло пріятанъ и угоданъ. Дабы мени овай путь іоштъ красніи и угодніи учинѣнъ быо, довео э мени мой стари Капетанъ еднога младога Англеза сына нѣкоего у Лізабони живућега Англійскога купца, кои э радъ быо са-

самномъ путовати. И кромѣ овога прибавилисмо мы іоштъ двоицу Англійски терговаца и два Португійска млада Господина (отъ коихъ э еданъ само до Паріза съ нами путоваши хотѣо) тако да насъ у дружству 6 и 5 служителя баше, ербо она обадвоица терговцы, и обадвоица Португизи послуживалисусе паръ и паръ съ еднимъ служителѣмъ, дабысу штогодъ трошка уштедили, ясамъ обаче іоштъ еднога Англійскаго Галіяша покрай мога Петка за служителя пріиміо, ербо э Петко отъ выше странъ быо, него дабы онъ мѣсто и службу еднога служителя на овому путешествію чинити могао.

Овимъ начиномъ дакле отпшаосамъ я изъ Лізабоне на путь, и будући да э цѣло содружество наше на коны и добро вооружено было, тосмо мы дакле нѣку малу чету чинили, надъ коіомсу они мени честь показали, и мене Капетаномъ своимъ наименовали, ербосамъ я међу ныма найстаріи быо, и два служителя имао, и башъ главни поводъ овога цѣлога путешествія быо.

Онако, као што я читателю досадъ съ никаковимъ моимъ морскимъ повседневнимъ описиванѣмъ нисамъ тяготанъ быо, то дакле ненамѣравамъ и никаковимъ сувимъ пу-

путујући быти, али опетъ нѣка приключенія, коясу насъ на овому досадному и тешкому путу предсрѣла, неваля да изоставимъ.

Кадсмо у Мадрідъ дошли, хотѣлисмо, ербосмо сви страни были, нѣкое време овде задержатисе, дабысмо дворъ Шпанскій и друго, што бы видѣнія достойно было, видѣли; али будући да э лѣто већь при концу было, моралисмо далѣ поспѣшити, и оставилисмо Мадрідъ у полакъ Октомврія, али кадсмо на границу отъ Наваре дошли, былисмо на многихъ мѣстахъ съ тимъ гласомъ уплашени, да э на Француской страни толико много снѣга пало, дасу многи путници принуждени были у Помпелону натрагъ возвратитисе послѣ крайнѣ погибели и суетнога труда далѣ поступати моћи.

Кадсмо башъ у саму Помпелену дошли, видѣлисмо, да э то башъ истино тако, и мени, коисамъ я топлу кліму и у земля онакови живити навикао быо: гди доиста едва и халина на тѣлу терпитисе можетъ, была э зима ова зѣло несносна, и равно тако нагла, како годъ и вредителна за мене, коисамъ само прѣше 10 дана изъ старе Кастеліе дошао, гди э погода, не само што э топла, него іошшъ

іошшъ врло жестока была, и тако у кратко време запимъ вѣтаръ отъ пиренейскихъ планинъ чувствителанъ дуао, кои э тако остро лютъ и хладанъ быо, да человѣкъ нѣга сносити ни э могао, и быосамъ у погибели премрзнути и можетъ быти и ручне и ножне персте изгубити.

Моему сиромаху Петку было э іошшъ и горе, кадъ э планине сасвимъ великимъ снѣгомъ покривене видѣо, и хладно време чувствовао, каковога онъ іошшъ никада у своему животу нити э видѣо, нити э чувствовао.

У време нашега бытія у Помпелони почело э іошшъ къ тому тако нагло и тако дуго снѣжити, дасу люди почели говорити, зима э прѣше времена дошла, и путови, коису и предъ тимъ доста зли были, дасу већь сасвимъ непроходими. Снѣгъ э на нѣки мѣсши толико высокъ лежао, да мы башъ прѣи нисмо могли, и да онъ и кромѣ тога ніе онако, као у сѣвернимъ земляма твердо смерзнутъ быо, то дакле ніесе могло ни корачай поћи, да не бы погибели подлежали живи погребени быти. Моралисмо дакле найманѣ 20 дана у Помпелони остати. Садъ обаче кадъ э већь зима сасвимъ наступила, и никакове надежде къ болѣму времену ни э

было,

было, (ербо э садъ найлюћа зима у цѣлой Европи была, коясе отъ много година приключила ніе:) учиніосамъ я предлогъ, да мы сви у Фонтарабію и оттуду на лађи у Бордуксъ идемо, кое э едно врло мало путешествіе было.

Доклесмо мы то тако совокупно совѣщавали, д шлису двоица Французске Господе, коису на Французкой страни при уходамъ тако исто задержани были, како годъ и мы на Шпанской, коису обаче путевожда нашли были, кои э ны напречацъ преко землѣ до близу верха отъ Ланжедока чрезъ онакове путове преко планине водіо, да они отъ снѣга многога препятствія нису имали, а гдису и нашли у множеству снѣга быо э онъ, реклису они, доволно твердо смерзнутъ, да э онъ ны и ныне конѣ одержати могао.

Мысмо дакле абіе по овога путевожда послали, кои э намъ казао, да хоће то на себе пріимити насъ онимъ истимъ путемъ провести, дасе небы отъ снѣга никакове погибели страшити имали, само да морамо обилно вооружени быти себе отъ дивихъ звѣровъ хранити моћи; ербо у време овога великога снѣга даюсе често множество кураковъ при отези планина видѣти, и коису

коису изъ недостатка хране и глада, ербо э земля сва снѣгомъ покривена, сасвимъ люти и помамни. Напротивъ овакови созданія, као штосу ови, реклисмо мы, дасмо доволно и оправно вооружени, ако онъ насъ само противо нѣкоего вида отъ двоеножни курякова увѣрити можетъ, о коимасу намъ казали, дасе мы особито при отези планинъ на Француской страни врло много страшити морамо.

Онъ э насъ увѣріо, дасе мы на оному путу, коимъ поћи имадемо, ни за едну таковихъ погибелей бринути неимамо; мысмосе дакле абіе согласили овому путевожду слѣдоваши, то исто учинилису такожде и они 12 Господара съ своима служители, коису, како штосамъ казао, іоштъ преће отићи хотѣли, алисусе опетъ врашити морали.

Мы дакле сви заедно изъ Помпелоне съ нашимъ путевождомъ 5 Ноемврія на путь отидосмо, и доиста доволно нисамсе начудити могао, кадъ э онъ намѣсто, штобы у напредакъ управо путемъ, коимсмо мы изъ Мадріда дошли были, съ нама преко 20: міля опетъ натрагъ пошао, закоимъ, кадсмо већъ преко две рѣке прешли, и на равну и чисту землю дошли были, опетъ у нѣкой топлой клими, гдіе предѣлъ красанъ

и

и никакова снѣга видѣти ніе было, себе нашли. Али на еданъ кратъ окренуосе онъ къ лѣвой страни, и приближїосе нѣкимъ другимъ путемъ къ планини, и колико э страшна гудура и пропасть видѣти была, то э онъ опетъ толико заметница, странпутица и савіяня учиніо, дасмо мы башъ да рекнемъ непримѣтително преко верха планине прешли, да нама ніе снѣгъ отъ выше тяготанъ было, и на еданъ кратъ показао э онъ намъ прекрасне и плодоносне предѣле отъ Ланжедока, и Гасконе сасвимъ зелене цвѣтуще, акосу они іошъ и доста предъ нама далеко удалѣни были, и мы до ны іошъ много тешкога пута предъ собомъ имали.

Но међу тимъ было э намъ опетъ мало тешко, кадъ э еданъ кратъ цѣли еданъ данъ и цѣлу ноћь снѣжило, да мы башъ ни кренутисе нисмо могли, но путевождъ нашъ рекао э намъ, да мы тога ради свободно весели будемо, и да неће дуго трајати, пакѣемо мы већь онде быти. И доиста видѣлисмо, да мы сваки данъ выше доле и далѣ къ сѣверу долазимо, нежели преће, мысмо насъ на нашега путевожда ослонили и пошлисмо далѣ.

Было

Было э рецы 2 сата предъ вечерь, нашъ вождъ быо э нѣчто предъ нама, и намъ не башъ у очію, кадъ на еданъ кратъ три страшна куряка, и за ныма еданъ медведъ изъ нѣкога просѣлнога пута искочише, кои э до нѣке густе шуме досязавао. Два отъ куряковъ скочилису за вождомъ, и кадбы онъ само еданъ четверть сата отъ насъ удалѣнъ было, тобы они нѣга безъ сумнѣ растергали и изѣли были, и то преће, нежели штобы мы нѣму на помоћь доћи могли. Еданъ отъ овихъ обѣсіосе о нѣговому коню, а другій напао э башъ на самога нѣга съ таковомъ яростію, да онъ ніе времена или присутствія душевнога доволно имао, ни пиштоль свой извући, него само што э започео храбро выкати, и насъ звати. Ясамъ фришко Петку заповѣдіо, кои э до мене найближе было, онамо отрчати, да видитъ, штосе случило. Како э Петко вожда усмотріо, почео э выкати изъ гласа, како годъ и онай, о Господине! о Господине! но преко свега онъ аки дерзновени юноша, као што э и было, потерчао э управо онамо къ вожду и пробіо э куряку, кои э на нѣга ограисао было, танетомъ главу!

Срећа э тога бѣднога человѣка была, што э то мой храбрый и неустрашими

Петко

Петко био, ербо овай, кои э оваковимѣ звѣровомъ у земли нѣговой навыкао био, ніесе отъ ны ни найманѣ страшіо, него э юначки на звѣра пошао и нѣга, како штосмо сви видѣли, абіе къ земли поразіо; коебы кои другій у оваковому одолѣнію пуцаюћи или куряка незгодіо, или человѣка танетомъ потрефіо.

Али дерзновенiега человѣка, као мене, моралобы то зла и опака учинити, и доиста пало э све цѣло наше дружество у немирѣ и усмутню, кадсмо мы на гласъ Петковога пишіоля отъ свію страна страшнѣйше урликанѣ куряковъ, и то отъ отзива (*exo*) планинъ тако укрѣплѣна чули, данамсе учинило, кдо дабы овде излишно множество куряковъ было, и доиста морало э ихъ быти много, да мы небы узрока имали отъ ныхъ плашитисе.

Међу тимъ кадъ э Петко већь еднога куряка убіо, оставіо э онай другій коня, на кога э био напао абіе, и побѣгао э у шуму. Срећомъ да э овай другій коня кодъ главе щепао био, гдіе нѣга гвожће у зубе бо-ло, да онъ коню ніе великога вреда учиніо. Али вождъ нашъ био э већма поврежденъ, ербо э нѣга овай яростни звѣръ два кратъ угризао; еданъ кратъ из руцы, а другій мало

мало выше отъ колѣна, и онъ э башъ у оному смущенію съ коня опровергнутисе хотео, кадъ э Петко онамо дотрчао и куряка утукао.

Тосе лако помыслити може, дасмо мы сви на гласъ Петковога пишіоля, штосмо скорѣе могли, поспѣшили и тако хитро яшећи терчали, колико э годъ намъ іоштъ врло хрћави путь дозволіо, дабысмо видѣли, што э было. Какосмо крозъ дрвета, коясу намъ іоштъ видѣніе усмотрити воспятствовала, яшећи протерчали были, видѣлисмо башъ ясно, што э было, и како э храбри Петко нашега бѣднога вожда витески освободіо, колико мы башъ ома раззнати нисмо могли, какови э то звѣръ био, кога э онъ убіо.

Али іоштъ никада ніе битка тако витиски, и на овакови чудадостойни начинъ вождена была, као ова, коя э међу Петкомъ и медведомъ исльдовала; и коя э намъ свима (акосмосе башъ съ почетка и уплашили были) велику радость учинила, коясе и кадъ помыслити може. Онако као што э медведъ тешки и незграпни звѣръ, и не онако као курякъ на ногахъ берзъ, кои э лакъ и скоръ, то онъ опетъ два особна свойства иматъ, по коймасе онъ обыкновено

кодъ

кодъ свію свои дѣла и движенія управля. Перво человѣкъ ніе нѣговъ порядочни залогай или похищеніе, окромъ мораобы нѣга сасвимъ какови необыкновени гладъ къ тому принудити, и како э садъ случай, гдіе снѣгъ сасвимъ сву землю покріо быо. Пакъ іошть и онда неће онъ на человѣка тако лако ограйсати, ако человѣкъ на нѣга пређе не нападне. Срешнели нѣга тко годъ у шуми, тоће онъ нѣга и онда съ миромъ отпустити, ако тко у нѣга недирне, али опетъ мора человѣкъ спроћу нѣга врло любезанъ быти и нѣму съ пута изступити; ербо э онъ врло тугаливи Господинъ, и неће башъ и никакову пріпцу ны едну стопу съ пута скренути. И башъ акосе тко годъ отъ нѣга дѣиствително страшитъ, есть найболѣ средство кудъ годъ на другу страну гледати и своимъ путемъ управо ићи; аколи стане и почне на нѣга живо гледати, то онъ многократно за нѣко поруганіе держитъ, дакле болѣ манигасе! Бацилисе ткогодъ за нымъ и потрефига, башъ акобы то и само съ перста дебело парче штапића было, то онъ себе онда за крайнѣ поругана держи, и све оставитъ, пакъ отмщенію своему слѣдуетъ; ербо ако честь нѣгова увређена будетъ, то

то онъ всячески хоће удовлетвореніе да имять, и то есть перво нѣгово свойство. А друго у томъ состоитъ, да онъ онога, кои нѣга већь еданъ кратъ увреди, никада данъ и ноћь неоставля, докле годъ отмщеніе свое неугаси, и нѣга непреривно тера, доклега годъ не стигне.

Кадъ э већь мой храбри Петко вожда нашега освободіо, и нѣму башъ съ коня съ яшити помоћи хотѣо, ондасмо мы дошли онамо; ербо э человѣкъ како уплашенъ, тако и угризенъ, али опетъ већма уплашенъ, нежели повређенъ быо. Али на еданъ кратъ видѣлисмо, да медведъ опетъ изъ шуме идетъ. Овай быо э доиста врло страшни звѣръ и тако велики, каковога я іошть никада у моему животу видѣо нисамъ. Свисмо доста у страху были, кадсмога видѣли: али кадъ э нѣга мой витизъ Петко усмотріо, могласе башъ явно радость и храброст у лицу нѣговому видѣти. О! о! о! повикао э онъ три кратъ едно за другимъ показуюћи на звѣра, Sie geben mir die Erlaubniß, ich mit ihm anbinden, ich ſie gut was zu lachen mach, допустите ми, дасе я съ ныме счепамъ, ћу вамъ штогодъ смѣя учинити.

Чудіосамсе овога юношу тако весела видѣти, и рекаосамъ, будало! та медведѣе тебе съ кашомъ и съ кикомъ! — прогутати. Mich auffreſſen? mich auffreſſen? мене прогутати? мене прождрети? рекао э Петко два кратъ. Ich ihn aufeſſen, ich ihnen was gutes machen will zu lachen. Яћу нѣга прождрети и вамъ штогодъ смѣха учинити. И тай часъ сѣо э на землю, и свукао ципеле съ ногу. Фришко затимъ навукао э еданъ паръ шліопара или лаки ципела, кое э у жепу имао, дао э моему другому служителю свога коня, пакъ э онда као вѣтаръ съ своіомъ пушкомъ онамо отлетіо.

Медведъ ишао э сасвимъ полагано, и ніе захтевао ни съ кимъ ништа имати, докле годъ Петко, кадъ э већъ близу нѣга было, као дабы нѣга медведъ разумѣти могао, викати стао: Hör doch! Hör doch! ich mit dir ſpreche! — чуешъ! чуешъ та я съ тобомъ говоримъ! — мысмо слѣдовали у нѣкоему отдалѣнію, ербосмо већъ на Гасконской страни планине доле были, и у едну густу шуму дошли, гдіе земля равна и доста простирана была, акосу башъ древета сѣмо и овамо разсѣяна стояла.

Петко, кои э медведу све устопце слѣдовао (како што э речено) быога э већъ

ћь скоро стигао, и баціосе за нимъ съ еднимъ доста повеликимъ каменомъ, и трећіога э башъ у главу: али съ тимъ онъ нѣму ніе веће никакове штете учиніо, него толико, као да бысе башъ и на зидъ ..акови баціо; но преко свега онъ э съ тимъ опетъ намѣреніе свое постигао; ербо э Петко тако отъ страха свободанъ было, да э онъ то само изъ намѣренія учиніо, да бы медведъ къ нѣму пошао, или нѣга потерао, и онъ нами смѣя начинити могао, као што э обѣщао.

Како э медведъ каменъ ощутіо и Петка видѣо, окренуосе и абіе съ ћаволскима корачаи за нимъ терчати почео, и тако хитро ишао, да бы конъ каковій у среднѣму терчаню доволно посла имао съ ниме сравнитисе. Садъ э почео и Петко терчати, што э годъ болѣ могао, и летіо э у право къ нами, као да бы помоћи кодъ насъ тражіо; чега ради мы сви, да бы нѣга избавили, ватру на медведа бацити хтедосмо. Међутимъ быосамъ я врло сердитъ, да э онъ звѣра, кои э преће съ миромъ путемъ своимъ ишао нечинећи намъ никакову обиду, садъ нама свима на вратъ довукао, а особито разсердіосамсе на то, да э онъ садъ што э онъ предъ звѣромъ бѣжати почео,

Ты псето! ели то она забава, коюсу ты нами учинити хтео? таки да идешъ овамо, и узми твога коня, да мы звѣра на хрпу строваламо. —Nein nit ſchießen! Не, немойтега убити! повикао э онъ, кадъ э мене говорећа чуо. Still ſtehen ich za lachen machen. Мирно стойте, садћу я смѣхъ начинити, и потерчао э обикновеною хитростїю своїомъ свагда два корачая далѣ и преће, него што э медведъ ишао. Затимъ окренуосе фриико къ нами, и кадъ э еданъ велики растъ, кои э къ нѣговому намѣренїю способанъ бьо, усмотрїо, мануо э рукомъ на насъ, да бысмо за нымъ слѣдовали, ускорїо э корачае свое, оставїо э пушку реци 5 корачаи отъ дрвета на земли лежащу, и попеосе, што э скорїе могао, на дрво.

Медведъ є абїе къ дрвету дошао, а мысмо у нѣкоему отдалѣнїю за нымъ ишли. Перво э было, што э онъ учинїо, да э онъ кодъ пушке стоећи остао, онюшїо э пушку, пакъ опетъ ю онде остзвїо, пакъ несматраюћи на свою излишну тегоћу, попеосе као мачка горе на дрво. Ясамъ доиста о лудости (ербомисе тако чинило) мога Петка съ почетка сасвимъ занешенъ бьо, и свагда іоштъ нисамъ могао, кадбы башъ животъ на томъ стояо бьо, кодъ цѣле

вещи

вещи ни найманѣ што годъ смѣя достойно наћи, докле нисмо медведа на дрво пенятисе видѣли, кадсмо ближе онамо дояшили были.

Кадсмо већь къ дрвету дошли были, видѣлисмо Петка на найкрайнѣй части едне велике гране сѣдяща, и медведа рецы на половицу за нымъ. Како э медведъ далѣ онамо дошао, гдїе грана слабїя бывати почела, повикао э Петко къ нами: Ha! nu ſoll ſie ſeh, wie ich will lehrn den Bär tanzen! Ха! садћете видѣти, какоћу я медведа играти учити! затимъ стао э онъ граномъ нихати и трести. Медведъ затимъ бьо э у магазїо, стао э обаче малко мирно, осврашїосе э, да види, какоће опетъ натрагъ умакнути моћи. Садъ башъ моралисмосе доиста громко смѣяти. Петко обаче іоштъ за дуго ніе могао съ нымъ готовъ бьши. Кадъ э Петко нѣга мирна стоећи видѣо, повикао э іоштъ еданъ кратъ къ медведу; мыслећи да медведъ Англїйски говорити знаде; Was? willſt nit weiter kommen? bitte dich doch, komm näher! Шта? нећешъ далѣ доћи? та доћи баремъ ближе! затимъ престао э онъ гибати и замаивати граномъ, и медведъ, башъ као да бы нѣга разумѣвао бьо, пошао э малко далѣ; затимъ почео э

онъ

онъ опетъ нихати граномъ, и медведъ морао э опетъ стати.

Мыслилисмо ето, да э садъ башъ право време было нѣму обикновенну ѣушку дати, и повикалисмо къ Петку, дасе онъ мирно содержава, мы хоћемо, да убіемо медведа; но онъ э сердечно молити почео, да мы то неучинимо. O bitte! bitte! повикао э онъ, nicht ſchießen, ich ſelber ſchießen gleich. О молимъ васъ! молимъ! немоите пуцати, яћу самъ садъ абіе пуцати. Кратко да рекнемъ, Петко э играо толико, и медведъ стояо э тако готовъ на скокъ, дасмо мы доиста смѣха доволно имали; али себе іошть сасвимъ представити нисмо могли, штаће напослѣдокъ изъ тога да буде. Напре мыслилисмо, даће онъ медведа као крушку съ гране да стресе, алисмо видѣли, да е медведъ о томъ опетъ паметанъ было; ербо онъ ніе никада толико далеко ишао, да бы онъ съ гране баченъ быти могао, негосе іошть свагда више съ своима широкима ногама и канѣама за грану тверће хватао. Мы іошть нисмо могли себи представити, какоћесе найпослѣ ова Петкова играчка съ медведомъ окончати.

Али э Петко фришко отъ насъ сумню отузео. Ербо кадъ э видѣо, дасе медведъ врло

врло яко за грану щепао, и ніесе преволети дао далѣ доћи; рекао э онъ, Gut, gut! du nicht weiter kommſt; ich gehen, ich gehen! du nicht kommſt zu mich, ich komm zu dich. Добро, добро! Ты нећешъ далѣ да идешъ, яћу ићи, ићи! кадъ ты къ мени нећешъ, ето мене дакле къ теби. И затимъ отишао э на найкрайніи и таны край гране, коіесе савити дала, и спустіосе врло мудро и полагано преко нѣ доле и толико, докле э доста сниско быо, да э съ дервета на землю на ноге скочити могао, узео э затимъ пушку, истао э мирно подъ дерветомъ

Добро Петко, рекаосамъ, штоћешъ садъ чинити? та зашто не пуцашъ и нѣга већъ еданъ кратъ доле несвалишъ? Nicht ſchießen рекао э онъ, ich ſchießen; ich nit Tod ſchießen; ich warten noch zu lachen mach. Неваля пуцати, яћу пуцати, нећуга убити; яћу чекати, да іошть выше смѣха начинимъ. То э онъ доиста и учиніо, како штоћемо абіе видѣти. Ербо кадъ э медведъ видѣо, да э нѣговъ непріятель отишао, пошао э и онъ съ оне гране, на коіой э онъ стояо, натрагъ, али э и времена къ тому узео, и при свакомъ далѣму поступку или корачаю моштіо э около себе добро. И тако э найпослѣ

послѣ къ деблу дервета дошао, и затимъ све далѣ натрашке по деблу доле, за коесе онъ папцима добро фатао, и тако полагано свагда едномъ ногомъ движеніе чинећи. У овому стаю и башъ преће, нежели што э онъ стражнима ногама на землю стао, притерчао э Петко къ нѣму онамо, наслоніо нѣму наустіе отъ пушке у ухо и убіо э медведа на мѣсту.

Садсе Петко окренуо, да види, смѣмолисе мы, и када э изъ лица нашега видѣо, да э то нами поволно, почеосе и самъ изъ гласа смѣяти, и рекао: овако мы убіямо медведе у нашой земли. Тако убіяте вы медведе, рекао самъ я нѣму, та вы неймаше никакови пушака. Истина неимамо пушака, рекао э онъ, али имамо много велики стрѣла.

Истина да э ово за насъ лѣпа забава была, алисмо мы іоштъ ссагда у дивячному предѣлу были, и нашъ вождъ быо э врло уязвлѣнъ шако, дасмо едва знали, штаћемо започети, шакожде и урликанѣ куряковъ мутилосе по моей глави врло крѣпко, и доиста шумъ, когасамъ я кадъ годъ при брегахъ Африканскихъ чуо, и о чемусамъ већ што годъ казао, ніесе съ овимъ ни сравниши могао.

Ово

Ово дакле и приближеніе ноћи позвало э насъ поћи, иначе бысмо морали, као што э Петко хтео, кожу овога великога звѣра съ собомъ узети, коя э и доста вредна была сохранѣна быти. Но мы ималисмо іоштъ три мілѣ пута, и нашъ вождъ наваліо э быо на насъ, да идемо: мысмо дакле то оставили шако, и предузелисмо нашъ путь далѣ.

Земля э іоштъ свагда снѣгомъ покривена была, ако и ніе башъ онако високо и погибелно, као у планинама, и скитающися звѣри былису, како штосмо послѣ чули, доле у шуме на равнину дошли, да бысу отъ глада принуждени што годъ хране нашли, и многосу несреће у сели и мѣсти учинили, гдису они жителѣ напали, много ныни оваца и коня и шакожде и сами люди подавали.

Моралисмо іоштъ еданъ врло погибелни предѣлъ проћи, како што намъ э нашъ вождъ казао, и ако іоштъ курякова у земли имаде, то мы ны доиста наћи морамо. Ово э была една мала съ обадве стране съ горама окружена равница, и дугачки уски продоръ, крозъ коисмо мы проћи морали, кадбысмо крозъ шуму ићи хтели, пакъ

онда

онда текаръ дошли бысмо у село, гди бысмо ноћити морали.

Было э около полъ часа предъ заходомъ солнца, кадсмо у перву шуму и мало послѣ захожденія, кадсмо на равнину дошли. У первой шуми ништа нисмо видѣли, окромъ на єдной малой равнини у средъ шуме, коя ніе отъ 200 корачаи дужа была; 11 курякова преко друма у полной спѣшности єданъ за другимъ, као да бы какови добитакъ усмотрили были, и за нымъ терчали, онамо идуще видѣли. Они насъ нису усмотрили и у нѣколико мінута умакнулису изъ лица нашега.

На то рекао э нами нашъ вождъ, кои э мимогредъ говорећи главни лумповъ было, дасе у доброму стању содержавамо, ербо онъ мысли, даће іошть више курякова предъ насъ на путь изићи.

Держалисмо дакле оружіе наше готово и очи отворене; нисмо обаче никакови куряка више видѣли, докле нисмо крозъ шуму, коя э около полъ мілѣ дугачка была, на равнину дошли. Какосмо овде дошли, и малисмо узрока довслно приправни быти. Перви предмѣтъ, когасмо овде нашли, была э єдна мерцина коньска, коюсу куряци удавили; ербо э ны реци чишаво шесше іошть

коль

коль дртине было, сказати немогу, дабысу ели, ербосу месо іошть преће све изѣли были, но много више моралису башъ саме кости глодати.

Дакле нисмо за паметно держали ны коль нынога ручка узнемирити, а и они на насъ нисусе особно освраћали. Петко э радъ быо на ны ватру бацити, али я никоимъ начиномъ то допустити нисамъ хтео; ербосамъ я добро примѣтіо, даћемо мы скоро іошть више посла добити, него штосмо садъ мыслили. Мы нисмо были іошть ни половицу равнине прошли, кадсмо сѣ лѣве стране отъ насъ куряке у шуми страшно урликаюће чули; и абіе видѣлисмо ихъ и 100 управо на насъ идуће и сви у полку, а боля часть у правой лінїи тако правилно, аки нѣка войска, коябы отъ искусни Офіцїровъ поведена была. Я доиста едвасамъ знао, каковимъ начиномъ мы ны дочекати имамо; видѣосамъ, да овде никаковога другога средства нейма, него да мы сви себе у єдну заключену Лінїю ставимо. И тосмо абіе тако учинили; да бысмо обаче што скоріе и свагда єданъ за другимъ пуцати могли, заповѣдіосамъ, да свагда єданъ точію на єданъ кратъ опаливати и ватру давати имаш, а другіи, кои опалили нису,

свог-

свагда у готовости стояти имуть курякомъ втору ватру дати, ако бысу іоштъ далѣ на насъ пошли. Они, коису найпре вечь пушке избацили были, нису морали абіе опетъ пушке набіяти, него э сваки съ пиштолѣмъ своимъ у приправности стаяти морао; ербо э свакій отъ насъ съ едномъ пушкомъ и двема пиштоли вооруженъ было. На овай начинъ дакле могла э свагда половица отъ насъ 6. ударцовъ у едно време учинити. Но мећу тимъ мы ово за садашни кратъ отъ потребе нисмо имали. Ербо на перви ударацъ отъ пушака стао э непріятель, како годъ отъ звука тако и отъ ватре уплашенъ стоећи, четири отъ ны, коису танети башъ у главу потрефлѣни были, осталису мертви, и многи други былису ранѣни и отишлису, како штосмо мы по трагу познати могли, крваво отовудъ. Примѣтіосамъ, дасу они стали и себе нису абіе у бѣгство дали. Садми э на умъ пало, дасамъ кадъ годъ чуо, како и найдивіи звѣрови точію отъ гласа человѣческога себе у бѣгство ставляю. Заповѣдіосамъ дакле, да цѣло наше дружество изъ свега гласа, како годъ можетъ, викати почнетъ, и видіосамъ абіе, да э ово мнѣніе башъ истично было. Ербо они на нашу вику почелисусе

абіе

абіе освраћати и натрагъ вући. Даосамъ затимъ іоштъ едну салву за ныма опалити, на кою они у полному бѣгству у шуму побѣгоше.

Затимъ добилисмо мы времена наше пушке опетъ набити, и да небысмо съ тимъ времена губили, набіялисмо пушке путующи. Али едва штосмо пушке набили и себе у приправность ставили, кадсмо съ лѣве стране у той истой шуми страшни звукъ и урликанѣ чули; само да э то нѣчто малко далѣ отъ онога пута было, коимсмо мы ићи морали.

Садъ э вечь ноћь наступила и почело доста мрачно бывати, кое э вещь за насъ іоштъ горе учинило. И будући да э вика све већа бывати почела, тосмо дакле лако знати могли, да э то урликанѣ и лаянѣ ови пакленски звѣрова было, и на еданъ кратъ видѣлисмо два три чопора корякова, еданъ съ лѣве стране, еданъ отстрагу за нами, и еданъ предъ нами идућій тако, дасмо саевимъ отъ ны окрожени были. И будући да они на насъ ограсали нису, тосмо и мы дакле путешествіе наше тако скоро предузели, како годъ штосу кони наши ходити могли, кое мы, ербо э путь врло херћавъ было, ни мало далѣ, нежели

еданъ

еданъ по добаръ касъ учинити могосмо. Овимъ начиномъ добилисмо дакле найпослѣ просѣкъ шуме предъ собомъ, крозъ коисмо при послѣднѣмъ краю равнине проћи морали. Алисмосе врло уплашили, кадсмо башъ при уходу тѣсногa просѣка, и кадсмо башъ у нѣга ући хтели, велико множество куряковъ стоеће видѣли.

И на еданъ кратъ кодъ другога просѣка шуме чулисмо звукъ отъ пушке, и кадсмо онамо погледали, видѣлисмо еднога коня съ седломъ и уздомъ, кои э као вѣтаръ оттудъ бѣжећи истерчао, и отъ 6 и до 7 корякова у полной спѣшности теранъ быо. Истина конь э далеко напредъ быо: али да мы вѣроваши нисмо могли, даће онъ то тако дуго одержати моћи, то дакле и сумнялисе нисмо, да они нѣга стигнути неће̂ду, као шпосе э и случило.

Овдесмо доиста ужасну сцену (позорище) видѣли. Ербо кадсмо мы у уходъ поаишли, откуду э конь онай изишао быо, видѣлисмо мерцыну другога коня, и двоицу отъ ови бѣснуеми звѣрова разстерани люди, отъ коихъ э еданъ по прилики онай быши могао, когасмо мы пуцаюћи чули, ербо э избачена пушка башъ близу нѣга лежала,

ла, глава нѣгова обаче и горняя часть тѣла была э већь сасвимъ изѣдена!

Ово э доиста насъ страха и ужаса тако напунило, да мы већь садъ незнадосмо, куда поћи имамо. Но звѣрови довелису насъ фришко на заключеніе, ербо у надежди добитка и похищенія скупилисусе они сви около насъ, и мыслiосамъ, да э ны до 300 было. На нашу велику срећу лежалису сасвимъ близу уходa у шуми нѣка велика дрвета, коясу прошедшега лѣта посечена и свалѣна была, и само на отвозъ чекала. Међу ова дрвета увеосамъ я мой мали полкъ унутра, и овде ставилисмосе сви за едно дугачко лежаще стабло у редъ, за коимсамъ заповѣдiо свима съ коня сяшити и дерво аки заклонъ предъ собомъ удержати, и у едному троеуголiу или фронту (конѣ унутра) приправни стояти.

Тосмо дакле тако учинили и врло э добро за насъ было, дасмо то тако учинили: ербо никаково бѣснуеміе и жешће нападеніе неможесе помыслити, нежели шпосу овде куряцы на насъ учинили. Онису съ страшнимъ шумомъ на насъ ударили, и скочилису на дрвета, коясу, како шпосамъ казао, наша обрана и заклонъ была горе, као дабы башъ на похищеніе свое скочити хотѣли.

тѣли. Ову ярость моглису, како штосе э намъ учинило, наши коны, коесу они за нами стоеће видѣли, проузроковати, ербосу ови добитакъ похищенія были, за коимсу они мыслили. Заповѣдіосамъ дакле нашимъ людма, као и преће, то есть свагда трећій человѣкъ пушку да опали, и онису доиста тако добро нишанили, дасу абіе на первый ударацъ (салву) нѣколико курякова убили. Али э садъ већь нужда была непреривну ватру содержавати, ербосу они башъ аки дяволи навалили были, заштосу свагда они стражни перве съ силомъ напредъ турали.

Послѣ второе салве наши пушака учинисе намъ, да они мало престадоше, и надаосамсе већь, дакедусе они отовудъ отвући: али э то само едно трепуће ока траяло, ербо они затимъ опетъ на насъ ударише. Опалилисмо такожде и све наше пиштолѣ, и овомъ четверогубомъ ватромъ убилисмо ихъ рецы 17: и до 18: и іоштъ два кратъ толико смертно ранили, но несматраюћи на то дошлису и ударилису они опетъ на насъ.

Я нисамъ радъ быо мой послѣдни набой тако фришко избацыти. Повыкаосамъ дакле мога служителя (ніе мога Петка, ербо э онъ у већему дѣлу быо, зашто э онъ съ

найвећомъ хитлености у средъ ватре сраженія и мою и свою пушку набіяо.) Зовнуосамъ дакле мога другога служителя и рекаосамъ даюћи нѣму мой рогъ съ барутомъ, да иде на дерво, и колико э годъ оно дугачко, по нѣму потезу баруша да поспетъ, и ню, колико годъ можетъ, широку да начини. Онъ э то учиніо, и само што э толико времена имао себе оттудъ уклонити, кадсу куряцы онамо дошли, и већь нѣкои горе скочили. Затимъ узеосамъ я еданъ праздни пиштоль, донеосамга на барутъ, отдапео тетикъ и тако барутъ упаліо, изъ чегае тако называеми текућій огнь произишао. Они куряцы, коисусе већь на дрво попели были, былису оттудъ опроверженi, и 6 или 7 палису, или скочили, или много выше силомъ ватреномъ забунѣни мећу насъ. Овы у едному магновенію ока былису поражени овде, а они други тако верло и нагло отъ свѣтлости огня уплашени, кои э ноћь (ербо э већь сасвимъ скоро мрачно было:) іоштъ страшнію чиніо, натрагъ поступили.

Затимъ заповѣдіосамъ наше послѣднѣ пиштолѣ у едной салви избацыти, и затимъ сталисмо сви, штосмо годъ гласніе могли, выкапи; абіе окренушесе куряцы на-

прагъ и мысмо абіе искочили на полѣ и напалисмо рецы едно 20 уязвлѣни, коисусе по земли вукли, и почелисмо ихъ сабляма сѣћи. Ово э дакле намѣренію нашему полно соотвѣтствовало. Ербо э јукъ и урликанѣ овихъ было отъ ныни содружника болѣ разумлѣнъ тако, дасу они најпослѣ сви побѣгли и насъ оставили.

Мысмо рецы бо курякова убили, и кадбы данъ было, што бысмо мы ны јошћъ више утукли были. Послѣ како э сраженія полѣ отъ наши непріятеля очищено было, предузелисмо мы нашъ путь далѣ, ербосмо јошћъ скоро едну мілю ићи морали.

Путујући чулисмо мы ови похитителни звѣрова често у шумахъ лајуће, и кадъ кадъ мыслилисмо, дасмо баш и видѣти кое, али да э снѣгъ очи наше засѣнјао, што дакле и извѣстно знати ниемо могли. Текаръ послѣ еднога сата дошлисмо у варошъ, гдисмо преко ноћи остати хотѣли, гдисмо све у крајнѣму страху и све воружено заспали; ербо былису курјцы и нѣколико медведовъ на ово мѣсто напали, и жителѣмъ таковій страхъ задали; како што-

су

су себе и принуждене видѣли данъ и ноћъ а особито ноћомъ стражу држати, дабы како марву свою, тако и сами себе сачувати могли.

Слѣдующи данъ нашаосе нашъ вождъ врло зло, и нѣгови удови отъ теготе рана тако отечени, да онъ далѣ поћи ніе могао. Мысмо дакле принуждени были овде новога вожда узети и у Тулосе поћи, гдисмо мы шопли воздухъ, плодоносни и угодни предѣлъ, и ниши снѣга, ниши куряковъ или иначе штогодъ таково нашли. кадсмо обаче нашу повѣсть у Тулосу исказали, казалису намъ, да э то у оной великой шуми при отези планинѣ особито обаче, када снѣгъ на земли лежитъ, зѣло обикновена вещь. Али особито радису были знати, каковъ э то путевождъ быти морао, коисе усудити могао насъ у овакової зими онимъ путемъ повести, и увѣрилису насъ, да мы за велику срећу казати можемо, што мы сви нисмо истергани и изѣдени были. Али кадсмо мы казали, какосмосе мы уредили были, и наше коњ у среду узели, то

имъ отнюдъ ніе поволно было, и реклису, да-
смо мы оваковимъ начиномъ іошт ъ верло
добро прошли, ербо конысу башъ онай пре-
дмѣтъ, кои куряке тако желателно бѣснуе-
ме чинитъ, зашто они у коньма залогай
свой видятъ, а иначе онисе башъ дѣйствит-
телно отъ пушке плаше; и будуѣи дасу
они чрезвичайно гладни, и башъ изъ тога
узрока тако яростни были, то э дакле же-
ля нына къ коньма доѣи ны противо сваке
погибели нечувствение учинила. И кадъ мы
небы оваковомъ непрерывномъ ватромъ, и
съ преваромъ текуѣега огня ны надвладали
были, то бысмо мы башъ необходимо сви
на комаде рестергани были. А кадбысмо
свагда мирно на наши коны сѣдеѣи остали
были, онда они люде, кадъ на коньма сѣдятъ,
не сасвимъ онако за похищеніе свое разсмо-
траваю, као иначе, кадбысмо мы найманѣ,
реклису они далѣ, сви заедно стали и на-
ше конѣ изоставили, то бы они онда тако
желателни были конѣ извести, да бысмо
мы сасвимъ безбѣдно оттуду побѣѣи могли,

и

и іошт ъ кадсмо пушке сасобомъ имали, и
насъ толико много заедно было.

Я найманѣ отъ мое стране нисамъ ни-
никада овако дуго у погибели было, као
овай кратъ. Ербо кадсамъ я до 300 тако-
ви дявола урликаюѣе и съ явнимъ отмщеніемъ
насъ прогутати къ намъ идуѣе видѣо,
и нигдисе сакрити или побѣѣи знао, мы-
сліосамъ самога себе вѣчь сасвимъ изгублѣ-
на быти. Мога живота нисамъ радъ вы-
ше никада преко они планина путовати,
и волеобы тысящу міля водомъ учинити,
башъ акобы и извѣстно знао, дабы сваке
недѣлѣ по едну бурю претерпѣти морао.

На овой страни преко Французске ніе-
се ништа особно случило, и небысамъ знао
ништа особно о томъ сказати, што дру-
ги путници вѣчь 10 крати сказали нису.
Изъ Тулоса отишаосамъ у Парізъ, и себе
онде особно дуго незадержаваюѣи у Галаізъ,
и дошаосамъ найпослѣ 14 Іануаріа благо-
щастно у Доверъ.

Садсамъ вѣчь намѣреніе мога путеше-
ствія сасвимъ достигао, и у крашко време

ви-

видѣосамъ сва моя нова откривена богатства щастно кодъ себе, ербо премѣне посланице, коесамъ сасобомъ донесао, былесу абіе све готово и полно исплаћене.

Моя главна совѣтница тайна, по] коіомсамсе я садъ найвыше управляо, была а моя добра стара удовица, коей изъ благодарности за ону помоћь, коюсамъ я ей послао, никакови трудъ, никаково попеченіе мене ради нешко ніе было, и асамъ себе у свему и свачему на ню сасвимъ ослоніо тако, дасамъ садъ већь ради безбѣдности мога имѣнія совершено миранъ было, и доиста быосамъ отъ почетка башъ до самога конца сасвимъ чрезвичайно благополучанъ, едну жену овакове искренне и неложне честности за пріятелицу имати.

Садсамъ заключіо мое имѣніе у руке ове честне Госпоже предати и опетъ у Лізабону и оттуду у Бразілію поћи. Али а садъ мени опетъ друга препречка на путь стала, и ово а была законъ. Спроћу Каѳоліческога закона имаосамъ іоштъ у време мога странствованія и особито у моему са-

самоћиному животу нѣко сумнѣніе; и тосамъ знао, да садъ неваля ни мыслити у Бразілію поћи, и іоштъ манѣ себе тамо окуѣити, ако явно законъ овай пріимити не бы хотео, онда бысамъ дакле волю имао жертва мое науке и просвѣщенія, и мученикъ за законъ быти, и у рукахъ святыя Інквізіціи умрети. Заключіосамъ болѣ кодъ куће остати и мой садъ, како первну прилику добіемъ, абіе продати.

Къ овому намѣренія концу писаосамъ моему старому пріятелю у Лізабону, кои а мени на то отговоріо, да онъ такови онде врло лако продати можетъ. Хоћули я нѣму дозволѣти такови у име мое онимъ двоици купцемъ [наслѣдникомъ мога бывшега надзирателя у Бразілій, кои башъ у мѣсту самому живутъ, и вредность сада совершено знаютъ, такожде како штосамъ я знао, былису и врло богати, и коиѣеду садъ, како што онъ мысли, врло радо купити, ны понудити, и онъ нимало несумнясе, даћу я 4. и до 5. тысяща талира више нежели иначе изъ тога пріимити.

Съ

Съ тимсамъ я врло радо удоволянъ быо, и замолїосамъ нѣга садъ мой ныма понудити, кое э онъ и учинїо; и у времену 8. мѣсеци, кадъ э лађа оттуду натрагъ дошла, добїосамъ я отъ нѣга извѣстіе, дасу ови понуду нѣгову пріимили, и 33000 талїра на еднога ниныхъ споразумѣниковъ у Лизабони мене исплатити послали.

Ясамъ подписао ону на мене изъ Лїзабоне послату купеческу посланицу и послаосамъ ю моему честному спарцу, отъ когасамъ я спроћу мога 32800 таліра пріимїо, при чемусамъ я такожде учинїо, да нѣму на цѣло време нѣговога живота 100 Мїдоровъ, и равно нѣговому сыну 50 такожде, докле годъ живи, отъ сада мога плаћано имати да будетъ.

* * *

Дакле садсамъ већь перву часть повѣсти мое издао, живота полногъ премѣни случаевъ и приключеніяхъ, и полна такови многоставни нападенїя, коясе рѣдко у свѣту

ту наћи могутъ, и кои э, хотясе онъ безразсудно започео, опетъ много щастніе окончао, нежели шпосамъ я икада надатисе могао.

Сватко э садъ мыслити морао, дакъ я кодъ оволико великога щастїя богатства коесамъ садъ имао, свега белая окануписе, и себе никаковимъ новимъ погибелемъ подвергавати; и у другима обстоятелствы моралобы то тако башъ и быти, али ясамъ већь еданъ кратъ немирному животу навикао, нисамъ никакове фамїліе имао, или много сродника, и акосамъ башъ и богатъ быо, нисамъ опетъ многога познанства учинїо. Истина дасамъ већь имѣніе мое у Бразїліи продао быо, но я опетъ ову землю изъ главе мое избацити нисамъ могао, и имаосамъ велику волю усудитисе їошть еданъ скокъ онамо учинити. И особито нисамъ могао крѣпкому побужденїю противо стати островъ мой їошть еданъ кратъ видѣти и чути, ели Шпанїери онде живутъ и какосу они бездѣлницы, коесамъ онде оставїо, ны предсрѣтали.

Моя

Моя вѣрна пріятелица удовица, истина да э мене отъ тога пута живо отвраћала, и до тога э и тако далеко издѣйствовала, дасамъ я скоро пунихъ 7. година мирно когъ куће остао. У траяню овога времена пріямїосамъ обадвоицу мое сыновце, дѣцу еднога отъ мое браће, подъ свою руку и надзирателство. Стариега, кои э самъ нѣчто мало добра имао, воспитаосамга нѣговому стаю сходно, и опредѣлїосамъ нѣму іоштъ еданъ прилогъ или шалъ послѣ мое смерти. Онога другога учинїосамъ Капетаномъ отъ лађе; и будући дасамъ нѣга іоштъ у нѣговомъ 5 годишнѣмъ возрасту аки еднога храброга, ватренога, и дерзновеногa юношу видѣо, даосамъ дакле нѣму едну добру лађу и послаосамга на море. И овай юноша развратїо э мене послѣ, колико-самъ я већ старъ био, самога опетъ на нова чудивища усудитисе изићи.

Но међутимъ ясамъ себе опетъ овде удомїо. И преће свїю други вещи оженїосамсе, и то нити на мою штету, нити на досаду или неудоволство каково. Имаосамъ

съ ньомъ трое дѣце, два сына и едну дщерь. Али кадъ э жена моя умерла, и сыновцъ мой съ полнимъ щастїемъ съ пута изъ Шпанїе кући дошао, даосамсе опетъ отъ мое склонности скинатисе, и нѣговога непреривнога прошенїя преварити, дасамъ я као приватни купецъ у восточну Індію на нѣговой лађи отпщао. Ово э было у лѣту 1694-му.

На овому путешествїю посѣтїосамъ мое ново поселѣніе на острову, надгледаосамъ мое наслѣднике Шпанїере, чуосамъ цѣлу повѣсть нынога живота, и онихъ бездѣлниковъ, коесамъ онде оставїо; какосу они зло съ почетка Шпанїере предсрѣтали; какосу они послѣ часъ согласни, часъ несогласни были; за часъ соединилисе, а за часъ опетъ расталисе, и какосу найпослѣ Шпанїери принуждени были, силу и власть противо ны употребити; какосу ны Шпанїери покорили; и какосу опетъ человѣчески ны предсрѣтали. Да рекнемъ една повѣсть, кадбысе я у то упустити хтео, коя бы тако о многоставностехъ и

чудесних пруключеніяхъ, како голъ и моя собствена богата была. Особито о нынихъ сраженіяхъ съ дивяцы, коису много крати на островъ дошли были, и о поправленію, коесу Шпаніери на острову самому уредили, и какосу 5. отъ ныхъ усудилисе онамо къ сталной земли пречи, и 11. Люди и 5. жена аки робове съ собомъ довели, отъ коихсамъ я при моему пришествію 20 дѣце на острову застао.

Овдесамъ реци до 20. дана изостао, снабдѣосамъ ны са свима потребностми, особито оружіемъ, барутомъ, оловомъ, халинама, халапомъ, и съ двима рукодѣлцы, коесамъ изъ Англіе съ собомъ довео, то есть съ еднимъ дунѣериномъ и съ еднимъ ковачемъ.

Послѣ раздѣліосамъ землю међу ныма, при чемусамъ я свойствено право отъ цѣлога острова за себе самога удержао; и ныма обаче по содержанію тако умѣрене части дао, дасу они съ тимъ доволни были; и послѣ кадсамъ међу нима све у порядокъ ставіо, и отъ ны обѣщаніе добіо ово мѣсто

сто никада оставити; отишаосамъ отъ овуда опетъ на путь.

Путуюћи нисамъ ни Бразілію мимоишао, и послаосамъ отовуда едну по велику лађу (Schaluppe) коюсамъ овде купіо, іошть съ више люди на островъ онамо, међу овима было э 7. жена, коесу како за дѣло тако и за супружества станѣ за онакове, кои бы ихъ узети хтели, способне были. Англезомъ обѣщаосамъ нѣколико жена изъ Англіе, и іошть съ еднимъ товаромъ другихъ потребностехъ, акоћедусе они съ прилѣжаніемъ къ земледѣлію и домостроенію склонити, за коесе я у слѣдству више старати немогу, послати. Ови люди поступилису такожде врло честно и прилѣжно, послѣ какосу обладани и покорени были, и већь сваки за себе особну землю и притяжаніе имао. Послаосамъ ны ма такожде 5 крава, отъ коихсу три стеоне были, изъ Бразіліе съ нѣколико оваца и свиня, коесусе послѣ, кадсамъ я опетъ онамо дошао, чрезвичайно умножиле были.

Све

Р 564

Све ово и съ извѣстїемъ, какосу зоо: дивляковъ на островъ дошли были, на ны напали, и ныне садове и ныве разрушили; и какосу они два кратъ съ цѣлимъ овимъ множествомъ сраженіе имали, найпре избіени и единъ отъ ныхъ погинуо; какосу они опетъ послѣ, кадъ э буря чунове ныни непріятеля на морю сокрушила, скоро сви оставши отъ глада истаяли, или иначе истреблѣни были, и они садове свое опетъ обновили и у притяжаніе узели, и іошт свагда на острову живутъ; све ово говоримъ я, и іошт съ другима чудеснима приключеніяма, коясу мене самога іошт у послѣдни 10. лѣта предсрѣла, можетъ быти, даћу я у будуща іошт единъ кратъ свѣту познаша учинити.

Конецъ перве части.

